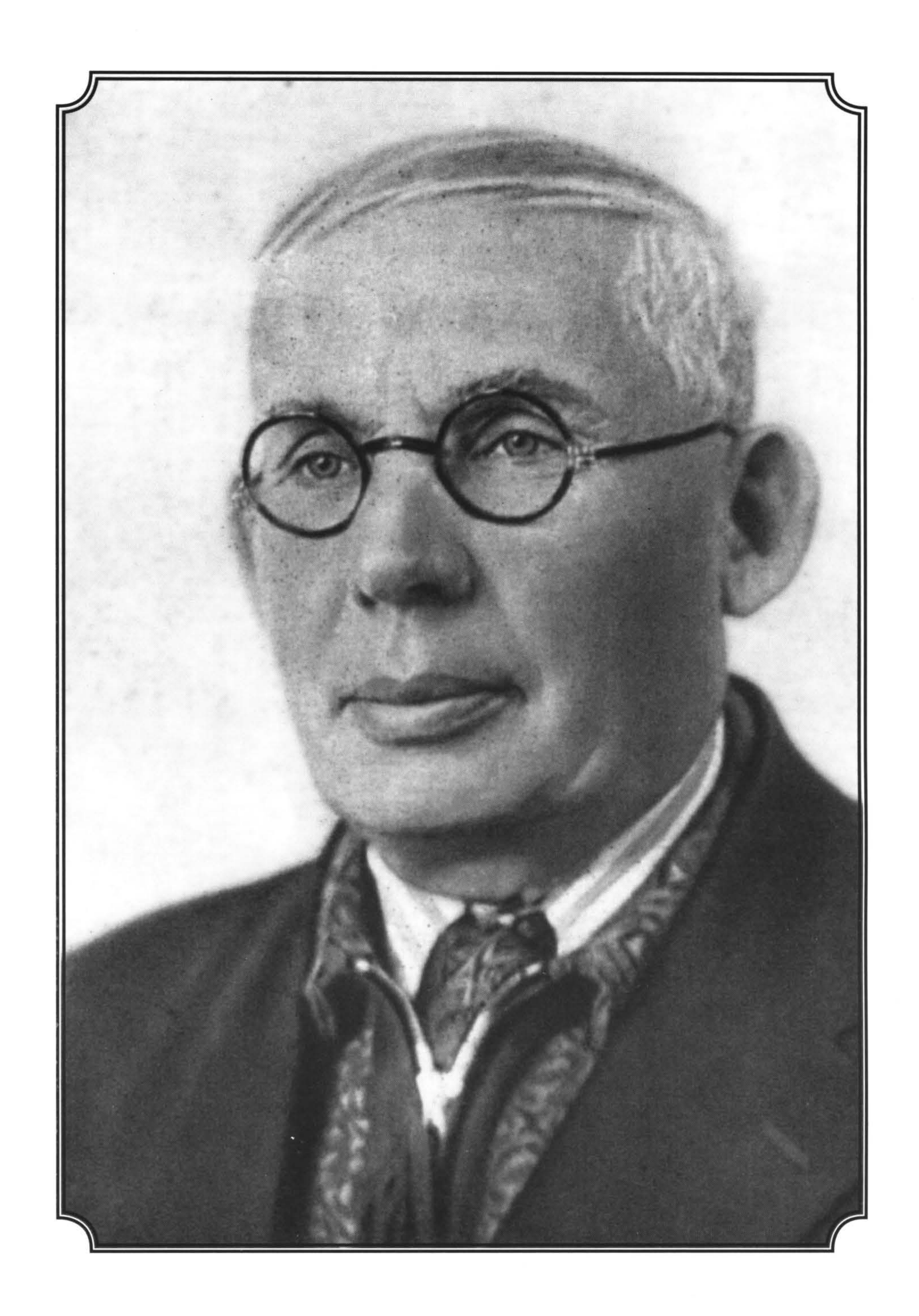
Т.В. Галкина

НЕЗНАКОМЫЙ АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ

Т.В. Галкина
НЕЗНАКОМЫЙ АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ

Александр Волков

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

Т.В. Галкина

Незнакомый Александр Волков
в воспоминаниях, письмах и документах

Томск 2006

ББК 83.3(2 Рус)6–8
Г 16

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Томского государственного
педагогического университета

Г 16 Галкина Т.В. Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2006. – 270 с., ил.

ISBN 5–89428–214–4

Монография посвящена изучению жизни и творчества известного российского детского писателя-сказочника Александра Мелентьевича Волкова (1891–1977) на основе использования документальных, мемуарных и эпистолярных источников из личного архива писателя. Приложения содержат фрагменты переписки А.М. Волкова с писателями Е.Н. Пермитиным, Е.П. Брандисом, Н.А. Петровским и др., а также фотографии.

Издание предназначено для всех любителей творчества А.М. Волкова и всех интересующихся проблемами развития советской детской литературы в 1930–70-е гг.

ББК 83.3(2 Рус)6–8

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Ю.В. Куперт**

доктор педагогических наук, профессор **В.А. Доманский**

ISBN 5–89428–214–4

Введение

Секрет творчества – в сохранении юности.
Секрет гениальности – в сохранении детства,
детской интуиции на всю жизнь.
Наиболее типичны для гениальности Моцарт,
Фарадей, Пушкин – они дети по складу, со всеми
достоинствами и недостатками этого склада.
П.А. Флоренский

Изучение истории российской детской литературы является актуальным научным направлением, нацеленным как на выявление закономерностей и специфики ее развития, так и на определение творческого вклада писателя и его места в этом процессе.

Творческая натура всегда вызывает удивление и восхищение. Приводящая в восторг музыка и действующая орбитальная станция, чудесные изваяния статуй и расшифрованный код ДНК, очаровательные строки, живущие в сердце, и захватывающий ветер компьютерного пространства, волнующие душу полотна художников и прекрасная физическая формула – всеми этими и многими другими плодами творческого вдохновения одарил человек жизнь.

Природа творчества не поддается строгим формулам и логическим обобщениям: она остается величайшей загадкой. «Осенило!» – пожимают плечами творцы.

В детстве творчество повсюду: оно вездесуще – это творчество освоения жизни. Оно дано ребенку природой: пробуй, узнавай, твори! Познание мира и самопознание ребенка тесно связаны, органично переплетены между собой и способствуют его активизации. Первые сознательные детские годы характеризуются наличием самоактуализирующихся и творческих начал. Как развить эти способности, доставляющие людям особую творческую удовлетворенность? Как сохранить живость восприятия и умение удивляться миру на всю жизнь? Как установить закономерности развития творческой личности?

В связи с этими вопросами изучение жизни и творчества, а вернее, творчества в жизни, или жизненного творчества, отдельных творческих личностей имеет непреходящее значение. Современная психология рассматривает личность как интегральную целостность биогенных, социогенных и психогенных элементов. В основе структуры личности лежит взаимосвязь различных компонентов: способностей, темперамента, характера, воли, эмоций и мотивации. Социальное «измерение» личности формируется и развивается в зависимости от ее принадлежности к определенному классу, нации, этнической группе, профессиональной категории, семье, от образования, членства в общественных или политических организациях и т.д. Б.Ф. Ломов отмечал: «Личностные свойства как проявления социального качества индивида можно понять лишь при изучении его жизни в обществе»[1]. Включаясь в систему общественных отношений и овладевая таким образом общественным опытом, личность проходит процесс социализации. По мнению В.Н. Мясищева, исследование личности в ее развитии представляет историческое изучение личности в динамике ее содержательных отношений[2]. Одновременно с приобщением личности к различным сферам жизни общества происходит и дальнейшее развитие самой личности в индивидуальном плане. Индивидуализация, являясь фундаментальным феноменом общественного развития человека, способствует формированию его собственного, уникального образа жизни и собственного внутреннего мира.

Действительный путь исследования личности А.Н. Леонтьев видел в изучении тех трансформаций субъекта, которые создаются самодвижением совокупности его многообразных деятельностей в системе общественных отношений[3]. При этом в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а необходимо исходить из развития конкретных видов и форм деятельности и их связей, оказывающих радикальное влияние на изменение значения самих предпосылок. В процессе развития различных видов деятельности как основания личности происходит сложный и длительный процесс центрирования их вокруг приоритетных, подчиняющих себе другие. Таким образом вырабатывается направленность личности, установки которой переходят затем в характер и закрепляются в нем в виде свойств личности. Характерологические свойства личности обусловливают развитие способностей, реализация которых зависит от характерологических данных – целеустремленности, настойчивости, упорства в достижении цели. Без опоры на характерологические свойства способности человека – это лишь абстрактные и малореальные возможности. По убеждению С.Л. Рубинштейна: «Реальная способность – это способность в действии, неуклонном и целеустремленном; она поэтому не только способность, но и доблесть»[4]. Так, в реальной жизни личности совокупность индивидуальных биологических, психических и социальных факторов образует неразрывное единство творческой личности.

Объектом данного исследования стал российский детский писатель Александр Мелентьевич Волков. А поводом к изучению биографии именно этого писателя послужил удивительный парадокс: огромнейшая популярность сказочных повестей «Волшебник Изумрудного города», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Семь подземных королей», «Огненный бог марранов», «Желтый туман», «Тайна заброшенного замка», тираж которых к началу XXI в. достиг более 50 млн экз. и почти полное отсутствие имени А.М. Волкова во всех учебных пособиях и хрестоматиях по советской детской литературе, начиная с 1960 г. до сегодняшнего дня[5]. Встает закономерный вопрос: чем это вызвано? Почему любимейший детский писатель оказался за бортом большого корабля «Советская детская литература»?

Впрочем, такая позиция по отношению к автору детских сказок имеет, по-видимому, глубокие корни и давние традиции. По этому поводу А.М. Волков писал: «В 1961 году исполнилось около 25 лет моей литературной деятельности в Москве, а в так называемой большой прессе едва ли насчитывается 25 статей, заметок, рецензий на мои книги. Конечно, я не знаю отзывов областных газет (до меня случайно дошли 2–3), но меня с полным правом можно назвать писателем-невидимкой!»[6] Удивительно, что и почти 40 лет спустя в биографическом словаре «Писатели нашего детства. 100 имен» в статье о А.М. Волкове дата рождения дана с вопросительным знаком, да и саму статью вряд ли можно назвать биографической[7]. Безусловно, прав был А. Шманкевич, отметивший, что юные читатели более внимательно отнеслись к творчеству ученого-писателя А.М. Волкова, чем критики[8]. Таким образом, необходимость обращения усиленного внимания к жизненному и творческому пути писателя и педагога А.М. Волкова представляется вполне очевидной и своевременной.

Основываясь на понимании интегрального процесса развития личности, мы считаем своей целью введение в научный оборот полноценной биографии русского детского писателя Александра Мелентьевича Волкова. Для достижения этой цели необходимо раскрыть особенности формирования творческого потенциала личности и произвести анализ творческого наследия детского писателя. Теоретико-методологической основой данного исследования является принцип историзма, требующий сопоставительного анализа деятельности изучаемой личности в конкретных исторических условиях на фоне общих закономерностей определенного исторического периода. Наряду с принципом историзма важное значение имеет применение

принципа объективизма, требующего для вынесения заключительных выводов приоритета фактов и документальных свидетельств, а также проверки и сопоставления различных источников. В соответствии с методологическими принципами в данной работе необходимо использование методов научно-биографического описания, экспертной и атрибутивной оценок творчества писателя.

Поиски экспертных оценок творчества и описаний жизненного пути писателя позволили выявить небольшой круг следующих материалов. Первые отклики на произведения А.М. Волкова появились в 1940 г. Это были рецензии Ю. Нагибина на книгу «Волшебник Изумрудного города»[9], А. Ивича и А. Марьяма на книгу «Чудесный шар»[10]. В годы Великой Отечественной войны в центральных газетах были напечатаны отзывы В. Булгакова и К. Чуковского о книге А.М. Волкова «Бойцы-невидимки»[11]. В 1946 г. в журнале «Пионер» вышла рецензия Н. Андреева на книгу А.М. Волкова «Самолеты на войне»[12].

В 1950-х гг. в центральных и местных газетах и журналах появилось четыре рецензии на книги А.М. Волкова «Зодчие» и «Земля и небо»[13].

В 1960-е гг. заметно усилился интерес к творчеству А.М. Волкова. Наряду с откликами на произведения писателя в центральных газетах и журналах[14] впервые появились публикации к 70-летию со дня рождения А.М. Волкова, носящие биографический характер. К ним относятся статья «А.М. Волков» в рубрике «Наши юбиляры» в «Московском литераторе»[15], статьи И. Рахтанова, А. Иванова и М. Фарутина, В. Глоцера, В. Гордиенко, С. Гранина, А. Ляха[16]. Эти материалы имеют очерковый характер, предполагавший использование метода биографического описания, а не документального подтвержденного исследования. Авторы статей приводят немногочисленные данные биографического характера, делая основной упор на анализ произведений А.М. Волкова. В 1962 г. в вышедшей в свет Краткой литературной энциклопедии были помещены краткие сведения о жизни и творчестве А.М. Волкова[17]. В этой небольшой заметке была указана неправильная дата рождения писателя и перечислено несколько произведений автора без точного определения их жанровой принадлежности.

Первый довольно большой материал о творчестве А.М. Волкова появился в 1962 г. и принадлежал И.А. Рахтанову (статья «Писатель и ученый»[18]). В 1966 г. И.А. Рахтанов посвящает А.М. Волкову один из очерков («Волшебник-ученый») своей книги «Рассказы по памяти»[19]. Автор обстоятельно проанализировал многие произведения А.М. Волкова, сделав интересные наблюдения и выводы. И.А. Рахтанов впервые ввел в научный оборот историю выхода в свет сказки А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города», основанную на дневниковых записях автора о переписке с С.Я. Маршаком. В личной библиотеке А.М. Волкова сохранилось третье, дополненное издание книги И.А. Рахтанова «Рассказы по памяти» (1971) с автографом автора «Александру Мелентьевичу Волкову – родоначальнику этой книги от автора с любовью». Оказывается, что эта книга И.А. Рахтанова началась с предисловия к роману А.М. Волкова «Два брата».

В 1968 г. со статьей «О моем учителе» выступил на страницах газеты Томского государственного педагогического института «Советский учитель» профессор Н.Ф. Тюменцев[20]. В этом же номере было предоставлено слово самому А.М. Волкову, который обратился с напутствием к студентам – будущим педагогам. Он писал: «Своими достижениями, как в учебе, так и в литературе, я обязан упорному систематическому труду. Посылая вам, мои дорогие юные коллеги, юноши и девушки, свой горячий привет, даю наказ: «Трудитесь и трудитесь! И жизнь ваша будет полной и яркой»[21]. В том же году томская молодежная газета «Молодой ленинец» поместила отрывок из воспоминаний А.М. Волкова «Невозвратное»[22].

В 1970-е гг. в опубликованных газетных статьях развивались мотивы историко-биографического повествования и излагалось содержание сказок (И. Дучицкая, Ю. Дружников, В. Дворецкий, М. Чернышев, Б. Бегак)[23], среди которых работы усть-каменогорских авторов – земляков А.М. Волкова – С. Черных и А. Розанова (правда, последний родился в Москве, но долгое время жил в Усть-Каменогорске)[24]. Отличительной чертой очерков С. Черных и А. Розанова является то, что в них часто встречаются выдержки из бесед авторов с А.М. Волковым, поддерживающим многолетние дружеские связи с земляками. Такие вставки от прямого лица – А.М. Волкова – повышали ценность биографических материалов, придавая им яркую эмоциональную окраску. Однако, например, в статьях А. Розанова нередко встречалось множество неточностей, что позволило А.М. Волкову однажды назвать такие публикации «полетом свободной фантазии».

Впервые имя А.М. Волкова появилось во второй части под названием «Переводная детская книга советской эпохи. 1917–1941» солидного литературоведческого издания Е.П. Брандиса «От Эзопа до Джанни Родари» в 1980 г. В нем А.М. Волков характеризуется как создатель серии оригинальных сказочных повестей, осуществивший «вольное изложение» книги американского писателя Лимана Фрэнка Баума «Мудрец из страны Оз»[25]. Однако в статье о романах Ж. Верна, где говорится о новых романах, впервые вышедших в СССР, имя переводчика А.М. Волкова Е.П. Брандисом не упомянуто.

В 1980-е гг. все чаще встречаются вступительные статьи в новых произведениях А.М. Волкова, написанные И. Токмаковой и Б. Бегаком[26]. В 1981 г. был опубликован один из самых пространных очерков о жизни и творчестве А.М. Волкова «Добрый волшебник», написанных С.Е. Черных[27]. Их связывала многолетняя дружба, в том числе 10-летняя переписка, и незабываемые встречи. Однако в очерке большее внимание уделяется «алтайскому» периоду жизни А.М. Волкова, а о других – томском, ярославском – лишь упомянуто в силу необходимости. В 1981 г. была опубликована книга Н. Мацуева о русских советских писателях, где упоминался А.М. Волков[28].

Одно из значительных исследований о творчестве Л.Ф. Баума и А.М. Волкова принадлежит М.С. Петровскому. В своем труде «Книги нашего детства», вышедшем в свет в 1986 г., он посвящает отдельную главу этим авторам[29]. Скрупулезное знание сказок Л.Ф. Баума и А.М. Волкова, философский подход к их пониманию, великолепный литературный язык помогли ему раскрыть читателю подлинный смысл и мудрость этой сказки о волшебной стране в американском и русском вариантах. При этом биографические сведения об авторах служат М.С. Петровскому источником для понимания индивидуальности развития личности и формирования мировоззрений писателей.

В 1986 г. о творчестве А.М. Волкова упоминает Т. Венедиктова[30], а в 1989 г. Б. Бегак раскрывает свой глубокий взгляд на сказку и сказочников в книге «Правда сказки», посвятив А.М. Волкову очерк «Жил-был мальчик…»[31] В том же году об истории одной сказки А.М. Волкова рассказал художник Л.В. Владимирский[32]. Таким образом, немногочисленные биографические материалы носят преимущественно фоновый характер для характеристики творчества писателя.

В 1991 г. – год столетия со дня рождения А.М. Волкова – в газете «Рудный Алтай» был опубликован цикл очерков А. Розанова «Звезды зажигались над Ульбой»[33]. В них автор довольно подробно описывает детские годы Александра Волкова, а также события 1917 г. в г. Усть-Каменогорске, в которых принимал активное участие А.М. Волков. Изложение событий носит автобиографический характер, опираясь только на воспоминания самого А.М. Волкова без привлечения документальных свидетельств, хотя в аннотации к очеркам сказано, что это главы из документальной повести. Так, А.С. Розанов в статье «Как математик стал сказочником» приво-

дит несколько неточных биографические сведений, тем самым резко снижая информационный статус своей статьи[34].

В 1992 г. нами найдена одна публикация А. Трушкина «Кто построил Изумрудный город?» в «Комсомольской правде»[35], в 1995 г. имя А.М. Волкова было указано в «Энциклопедии фантастики: Кто есть кто»[36]. Небольшой очерк о жизни (с некоторыми неверными датами) и творчестве А.М. Волкова был помещен в справочник для учителей и родителей «Детские писатели» (1995)[37], а также материал об А.М. Волкове дан Н. Латовой в журнале «Детская литература»[38]. Краткий, но достаточно точный очерк о творчестве писателя написан И.Н. Невинской для словаря «Русские детские писатели XX века» (1998)[39]. В 1999 г. вышла статья Т. Карпович «Волшебник из нашего города» в журнале «Простор»[40], а в 2000–2001 гг. газетные статьи Р. Акавы и А. Етоева, показывающие связь современных детей со сказками Л.Ф. Баума и А.М. Волкова[41]. Сведения о родословном древе А.М. Волкова и его родственниках сообщила в печати О. Тарлыкова[42].

Новый виток неподдельного интереса к личности А.М. Волкова в начале XXI в. был обусловлен новыми исследованиями томских историков в области истории специального профессионального педагогического образования в г. Томске, в том числе истории создания и функционирования Томского учительского института. Среди выдающихся выпускников этого института был Александр Мелентьевич Волков. В 2000 г. в журнале «Вестник Томского государственного педагогического университета» были опубликованы страницы из книги воспоминаний А.М. Волкова «Невозвратное» и воспоминания профессора Н.Ф. Тюменцева, ученика А.М. Волкова, который называется «Сказочник двадцатого века» – выпускник Томского учительского института»[43]. Эти материалы положили начало глубокому и целенаправленному изучению жизненного пути А.М. Волкова. Особое внимание было уделено томскому периоду в жизни А.М. Волкова – учебе в Томском учительском институте в 1907–1910 гг. Одним из результатов этой большой работы стала монография М.П. Войтеховской и С.А. Кочуриной «Томский учительский институт: возвращенная история. 1902–1920 годы», опубликованная в 2002 г. В ней авторами на основе изучения архивных источников по истории специального профессионального педагогического образования в Томске сумели воссоздать историю первого за Уралом Томского учительского института. В книге приводятся выявленные списки преподавательского состава и выпускников института. Особую ценность представляют найденные характеристики выпускников, которые были даны директором Томского учительского института И.А. Успенским. Среди них имеется и характеристика выпускника 1910 г. Александра Мелентьевича Волкова. Эти архивные материалы не только подтверждают факт учебы А.М. Волкова в Томском учительском институте, но и являются уникальной экспертной оценкой его способностей и прилежания во время учебы в институте.

Вслед за этим изданием в Томске в средствах массовой информации появились биографические статьи Т. Галкиной (где впервые был опубликован текст А.М. Волкова «Чем я обязан Томску?»), а также Т. Весниной и Л. Евдокимовой, связанные с жизнью и учебой А.М. Волкова в Томске[44].

Одновременно были опубликованы в томской прессе небольшие статьи об открытии в Томской государственном педагогическом университете в 2000 г. первой экспозиции музея детского писателя А.М. Волкова, основу которой составила мемориальная эксклюзивная коллекция (более 1900 единиц хранения), переданная в дар университету внучкой писателя К.В. Волковой[45].

Отрадным явлением в библиографии творчества А.М. Волкова начала XXI в. можно считать учебные пособия И.Г. Минераловой «Детская литература» (2002) и Л.В. Овчинниковой «Русская

литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика» (2003), а вот в учебнике для студентов высших и средних педагогических учебных заведений «Детская литература» (2002) И.Н. Арзамасцевой и С.А. Николаевой о нем не упоминается. И.Г. Минералова публикует программу курса по детской литературе, где в разделе «Трансформация зарубежной классики в русской литературе» проводится сравнительный анализ произведений К. Коллоди и А. Толстого, Х. Лофтинга и К. Чуковского, Ф. Баума и А. Волкова[46]. Л.В. Овчинникова определяет жанровую классификацию сказок и делает интересные выводы о связи литературных сказок с фольклором. Это внимание к творчеству А.М. Волкова двух последних авторов позволяет надеяться, что серьезный интерес к этой теме становится реалией настоящего времени.

Таким образом, за 50 лет плодотворной творческой деятельности детский писатель А.М. Волков удостоился 46 отзывов о своей работе, что, безусловно, не соответствовало уровню его профессиональной компетенции и квалификации. И дело не только в ничтожном количестве полученных откликов, оставляет желать лучшего и «качество» этих откликов-рецензий. За исключением единичных статей (Б. Бегака, М. Петровского, А. Рахтанова, А. Розанова, С. Черных), большинство журнально-газетных очерков носят сугубо компилятивный характер, не привнося ничего нового в изучение жизненного пути и творческого наследия А.М. Волкова. Монографических исследований жизни и творчества А.М. Волкова пока не написано. Несмотря на огромную популярность его сказочных повестей, научно-популярных изданий, исторических произведений в 1950–70-х гг., он являлся своеобразной «фигурой умолчания» в советском литературном цехе. Причины сложившейся ситуации нам и предстоит выяснить.

Подобное положение сохранилось и после кончины А.М. Волкова в 1977 г. С конца 1970-х гг. по настоящее время жизни и творчеству А.М. Волкова было посвящено 18 публикаций, преимущественно биографического характера, повторяющих давно известные факты.

В современном мире особую «область знаний» представляет Интернет. Доступные сайты всемирной информационной сети представляют пользователям многочисленные варианты информации о А.М. Волкове и его книгах. Однако настораживает некоторая небрежность в составлении текстов сайтов, содержащих многочисленные ошибочные сведения из биографии писателя. Одной из причин сложившейся ситуации, по-видимому, является отсутствие опубликованной документальной биографии А.М. Волкова.

Кто же он такой Александр Волков – неизвестный создатель знаменитых сказок?

Источниковой базой для написания полноценной биографии А.М. Волкова послужили следующие материалы: 1) автобиографические (опубликованные) – это очерки А.М. Волкова «Начало пути» (1971)[47], «Повесть о жизни» (1975)[48], «Невозвратное» (2000); рукописные (неопубликованные) – дневниковые записи и повесть «Невозвратное» из архива А.М. Волкова; 2) документальные материалы из архива А.М. Волкова, собранные в тематические книги «Документальная летопись труда и быта» и «Литературные документы» за период с 1921 по 1977 г.; 3) архивные материалы из Государственного архива Томской области, Государственного архива Восточно-Казахстанской области, Государственного архива Семипалатинской области, архива Московского института цветных металлов и золота им. М.И. Калинина; 4) эпистолярная литература (личная переписка); 5) средства массовой информации, в частности газета «Усть-Каменогорская жизнь» за 1919 – 1920-е гг.; 6) упомянутые выше литературные источники; 7) изобразительные источники – фотографии, рисунки.

Необходимо отметить, что каждый тип вышеназванных источников имеет свою специфику, выражающуюся в наличии определенных положительных и отрицательных позиций. Среди положительных можно назвать достоверность главных жизненных событий, отраженных в вос-

поминаниях, интересные характеристики участников событий, эмоционально выраженные переживания автора как свидетеля исторических событий. Ценность архивных материалов, содержащих документальные свидетельства, обусловлена наличием фактологического компонента, имеющего строгую хронологическую и географическую привязку и оказывающего помощь в восстановлении событийного жизненного цикла. Фотографические материалы способны оказать содействие не только в восстановлении внешнего облика человека в определенный период его жизни, но и хронологически документировать исторический процесс.

Однако нельзя упускать из внимания и некоторые отрицательные позиции, каковыми являются субъективизм автобиографических материалов и эпистолярной литературы, недостаточная полнота документальных свидетельств, зависящих от срока хранения и степени сохранности данного фонда и отсутствие некоторых необходимых документов для восстановления роли автора или подтверждения событийного факта.

Неоднозначным оказалось определение жанровой принадлежности рукописной повести «Невозвратное». Ее необходимо рассматривать как многомерное информационное поле, состоящее из определений этого источника как феномена культуры, реального объекта познания, продукта целенаправленной человеческой деятельности, антропологического и социального объекта.

Повесть А.М. Волкова «Невозвратное» представляет собой четыре рукописные книги стандартного тетрадного (школьного) формата (от 166 до 240 страниц) в переплете, сделанном руками писателя. Они содержат основные признаки такого рода источников личного происхождения: последовательная датировка, фиксация важных биографических моментов, сюжетное описание событий, некоторая эпизодичность, несбалансированность изложения первостепенных и второстепенных сюжетов, т.е. преобладание описания событий личного характера, интересных для узкого круга близких родственников и друзей. Тем не менее повесть обладает и признаками мемуаров-автобиографий, в основе которых лежат подлинные события из жизни автора и его окружения, а также интересные высказывания о времени и личности. Говоря о цели этой работы, А.М. Волков писал: «Мысль написать свои воспоминания зародилась у меня много лет назад. Даже книжки для них я заготовил года за три до сего дня. Но сутолока семейной жизни и работа над другими произведениями не давали мне возможности обратить взгляд к своему прошлому. И лишь здесь, в Голицыне, в полной тишине и отчужденности от мира я могу исполнить (хотя бы частично) давно задуманное. Какой-то мудрый человек сказал: «Минуты кажутся годами, когда они проходят, и годы – минутами, когда они прошли…» Как это справедливо! В юности жизнь казалась бесконечной дорогой, а вот она уже и пройдена, и как беспощадно скоро! И о многих годах прошлого как будто нечего и вспомнить, так их дни и месяцы сливаются в сплошной туман, откуда выступают лишь отдельные яркие пятна. «Немногое мне память сохранила», – скажу я, перефразируя слова летописца. И я постараюсь рассказать об этом немногом, не претендуя на полноту записей. Конечно, мое повествование не будет строго последовательным, мне не раз придется нарушать хронологию и возвращаться к тому, что сначала ускользает из памяти и всплывет потом. Постараюсь разбить свою повесть на главы, охватывающие отдельные периоды жизни или имеющие какое-то тематическое единство. 22 мая 1965 г.»[49] Эти воспоминания писались постепенно. Так, после написания трех с половиной томов (частей), последовал 2-летний перерыв, работа после которого началась 6 октября 1967 г.

Таким образом, воспоминания А.М. Волкова являются своеобразной автобиографической повестью, построенной на основе дневниковых записей 1910–50-х гг., в хронологическом порядке. Эти ранние записки были различными по объему, регулярности, датировке и написаны

в разных местах проживания писателя. В повести встречаются поздние вставки или сноски, датированные автором началом 1970-х гг. Однако необходимо указать на некоторое несоответствие цели и полученного результата. Написанная А.М. Волковым повесть о своей жизни и предназначенная, видимо, для опубликования, носит, на наш взгляд, автокоммуникативный характер и направлена на коммуникацию в коэкзистенциальном целом.

Атрибуция этих записей была проведена на основе визуального сравнения с многочисленными рукописными текстами А.М. Волкова, находящимися в личном фонде писателя (№ 191) в музее истории Томского государственного педагогического университета. Авторство повести А.М. Волкова «Невозвратное» было подтверждено также его родственниками.

Текстологическая критика текстов повести А.М. Волкова выявила, что их определяющей характеристикой является документальность. В основе ее лежат свидетельские показания самого автора, описывающего произошедшие события на протяжении десятков лет с точно фиксируемыми датами. Наряду с этим А.М. Волков неоднократно приводит в повести дополнительные свидетельства – полные копии документов, рецензий, вклейки почетных грамот, газетных статей, афиш и др. После сопоставления с другими источниками (документами, газетами и т.д.) и проверки фактологического материала стало возможным утверждать, что повесть А.М. Волкова может использоваться в качестве достоверного исторического источника.

Значительную источниковую ценность представляют собой дневники А.М. Волкова, начиная с переплетеной книжицы «Первые шаги в большую литературу. 1931–1938 гг.», а затем следуют 25 номерных книг дневника (например, книга первая охватывает период с 14 апреля 1938 г. по 30 апреля 1940 г., книга вторая – с 1 мая 1940 г. по 5 марта 1941 г., книга третья – с 6 марта 1941 г. по 3 декабря 1941 г., книга четвертая – с 4 декабря 1941 г. по 5 февраля 1943 г., книга пятая – с 6 февраля 1943 г. по 27 августа 1944 г., книга шестая – с 28 августа 1944 г. по 21 июня 1945 г., книга шестая (окончание)- книга седьмая (начало) – с 22 июня 1945 г. по 7 июля 1946 г., книга седьмая (окончание)-книга восьмая (начало) – с 8 октября 1946 г. по 13 мая 1948 г., книга восьмая – 20 мая 1948 г. по февраль 1956 г., книга девятая – с 3 марта 1956 г. по 11 июня 1957 г., книга десятая – с 13 июня 1957 г. по 29 июля 1958 г., книга одиннадцатая – с 30 июля 1958 г. по 31 декабря 1959 г., книга двенадцатая – с 1 января 1960 г. по 7 октября 1961 г., книга тринадцатая – с 8 октября 1961 г. по 9 марта 1963 г., книга четырнадцатая – с 10 марта 1963 г. по 9 июня 1964 г., книга пятнадцатая – с 10 июня 1964 г. по 31 декабря 1965 г., книга шестнадцатая – с 1 января 1966 г. по 1 ноября 1967 г., книга семнадцатая – со 2 1967 г. по 1 ноября 1968 г., книга восемнадцатая – с 1 ноября 1968 г. по 26 мая 1969 г., книга девятнадцатая – с 26 мая 1969 г. по 31 января 1970 г., книга двадцатая – с 1 февраля 1970 г. по 3 января 1971 г., книга двадцать первая – с 3 января 1971 г. по 31 декабря 1971 г., книга двадцать вторая – с 1 января 1972 г. по 5 марта 1973 г., книга двадцать третья – с 6 марта 1973 г. по 27 мая 1974 г., книга двадцать четвертая – с 28 мая 1974 г. по 31 декабря 1975 г., книга двадцать пятая – с 1 января 1976 г. по 20 апреля 1977 г.). Как видно, дневники построены по строго хронологическому принципу и описывают почти каждый рабочий день писателя с июля 1931 г. по 20 апреля 1977 г. В своеобразном предисловии к дневникам «Первые шаги в большую литературу. 1931–1938 гг.» А.М. Волков писал: «Я смог восстановить давние события довольно точно, потому что в старых записных книжках нашел много, хотя и кратких, но исчерпывающих записей о работе над литературными произведениями, о встречах с людьми литературного труда, о моих успехах и неудачах. Я также использовал бережно сохраненные мною литературные документы. Август 1961 г.»[50]

Ценным источником для изучения жизни и творчества А.М. Волкова являются документальные материалы личного архива писателя, собранные в тематические книги «Документальная

летопись труда и быта» (1899–1946 гг.) и «Литературные документы» за период с 1921 по 1977 г. – 20 томов (и один дополнительный том за 1918–1960 гг.). По хронологии они построены следующим образом: т. 1 (1921–1940 гг.), т. 2 (1941–1946 гг.), т. 3 (1946–1950 гг.), т. 4 (1951–1956 гг.), т. 5 (1956–1958 гг.), т. 6 (1958–1960 гг.), т. 7 (апрель 1960 г. – сентябрь 1961 г.), т. 8 (октябрь 1961 г. – декабрь 1962 г.), т. 9 (январь – декабрь 1963 г.), т. 10 (декабрь 1963 г. – апрель 1964 г.), т. 12 (январь – ноябрь 1965 г.), т. 15 (февраль – ноябрь 1967 г.), т. 16 (ноябрь 1967 г. – январь 1968 г.), т. 17 (февраль – март 1968 г.), т. 18 (апрель – сентябрь 1968 г.), т. 19 (октябрь 1968 г. – март 1969 г.), т. 20 (март – май 1969 г.) и др. Итого 17 томов примерно по 150–170 листов в каждом. Это большой документальный комплекс, состоящий из трех частей: 1) личных документов А.М. Волкова; 2) материалов, автором которых является А.М. Волков; 3) материалов других лиц, учреждений, организаций, обращенных к А.М. Волкову. Первая часть, состоящая из личных документов, включает выписку из метрической книги Троицкой церкви в Усть-Каменогорске, аттестат об окончании городского училища, дипломы Ярославского педагогического института и 1-го Московского государственного университета, удостоверения, анкету члена Литфонда СССР и др.

Структура второй части складывается из следующего: 1) художественных произведений, их набросков, вариантов (прозы, стихов, сказок, пьес); 2) биографических материалов (биографические справки, краткие биографии и пр.); 3) исторических исследований (исторический очерк к 25-летию существования Московского института цветных металлов и золота); 4) критических материалов (отзывов, рецензий, замечаний); 5) планово-отчетной документации члена Союза советских писателей СССР (заявления о приеме в Союз советских писателей, Литфонд, о выплате авторского гонорара, заявки на издание книги, издательские договоры, планы новых книг, отчеты о творческой деятельности, перечень опубликованных произведений); 6) переписки с писателями, учеными, друзьями, родственниками, читателями и др.; 7) материалов профессиональной педагогической деятельности (расписание учебных занятий доцента А.М. Волкова, планы лекций и практических занятий для студентов Института цветных металлов и золота, списки студентов и пр.). Следовательно, эти документы личного архива А.М. Волкова 1920–1970 гг. носят в основном креативный характер и отражают многообразие творческого наследия детского писателя, а его объем – неустанную готовность к творчеству и большое трудолюбие.

Структура третьей части документального архива А.М. Волкова включает: 1) материалы, характеризующие деятельность А.М. Волкова (характеристики, отзывы, справки); 2) учебные материалы (удостоверение студента математического отделения физико-математического факультета 1-го Московского государственного университета, оценочная ведомость студента-механика I курса Томского технологического института и др.); 3) критические рецензии на произведения А.М. Волкова (рукописных, машинописных, опубликованных в прессе); 3) материалы финансового характера (почтовые извещения о выплате гонорара, расписки, заявления); 4) письма читателей; 5) материалы медицинского характера (справки о состоянии здоровья, курортно-медицинская карта и пр.); 6) материалы, характеризующие общественную деятельность А.М. Волкова (приглашения на заседания президиума Союза советских писателей СССР, для участия в Неделе детской книги, в конкурсах на лучшую научно-художественную и научно-популярную книгу для детей, постановления жюри конкурсов, пригласительные билеты на творческие вечера, протоколы заседаний комиссии по детской литературе и т.д.); 7) публикации прессы по вопросам развития советской детской литературы; 8) переписку с различными редакциями, издательствами, кукольными театрами, студией «Диафильм» и др.;

9) материалы бытового характера (ходатайства об улучшении жилищных условий, заявление в Московский комитет ВКП(б) Н.С. Хрущеву в 1951 г. о вступлении в садово-дачный кооператив и пр.). Эта часть архивных материалов наглядно демонстрирует широкий тематический диапазон архива А.М. Волкова, раскрывает разнообразные связи советского писателя с советским обществом с характерными для последнего проблемами нехватки благоустроенного жилья и ограниченного материального вознаграждения за творческий труд, выявляя таким образом типичные для профессионального писателя в СССР проблемы. Однако наряду с типичными материалами обнаруживаются и уникальные документы, такие, как письма известных советских писателей С.Я. Маршака и А.С. Макаренко, шарж К.И. Чуковского, автографы А.А. Фадеева, С.В. Михалкова, Л. Кассиля и др. Определение степени типичности и уникальности личного архива советского детского писателя является одной из исследовательских задач литературоведения.

Таким образом, нужно отдать должное Александру Мелентьевичу Волкову за его педантичность, скрупулезность, неустанную заботу о сохранении тех «мимолетно-каждодневных» фактов, из которых складываются события, характеры и судьбы. Собранные им, систематизированные материалы, дополненные документальными свидетельствами, являются ценнейшим историческим источником как для его личной биографии, так и для авторской, редакционной и издательской истории его произведений, а также для исследования развития советской детской литературы.

Опираясь на материалы А.М. Волкова и привлекая комплекс дополнительных разнообразных источников и литературы, взаимодополняющих и взаимопроверяющих друг друга, возможно достижение определенной степени истинности научного исследования. Только таким образом в соответствии с принципами историзма и объективизма возможно восстановление документальной и объективной истории жизни и творчества русского детского писателя А.М. Волкова и его роли в истории советской детской литературы. Итак, вперед в историю жизни и книг! Как сказал Константин Паустовский, что если бы у него было дано в будущем много свободного времени, то он бы написал историю многих книг.

Библиографические ссылки и примечания

1 Ломов Б.Ф. Общественные отношения как общее основание свойств личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2002. С. 62.

2 Мясищев В.Н. Личность и отношения человека // Там же. С. 100.

3 Леонтьев А.Н. Индивид и личность // Там же. С. 43.

4 Рубинштейн С.Л. О личностном подходе // Там же. С. 28.

5 См.: Алексеева О.В., Брандис Е.П., Гроденский Г.П. и др. Детская литература. Пособие для педагогических институтов и педагогических училищ. 3-е изд., испр. и доп. М., 1960; Советская детская литература / Под ред. В.Д. Разовой. М., 1978; Хрестоматия по детской литературе / Сост. К.Л. Табенкина, М.К. Боголюбская. Под ред. Е.Е. Зубаревой. 10-е изд., испр. М., 1988.

6 Цит. по кн.: Петровский М. Книги нашего детства. М., 1986. С. 222.

7 Писатели нашего детства. 100 имен. Биографический словарь в 3 частях. М., 1999. Ч. 1. С. 98.

8 Шманкевич А. Без старости // Детская литература. 1966. № 6. С. 63.

9 Нагибин Ю. Рец. на кн.: Волков А.М. Волшебник Изумрудного города // Детская литература. 1940. № 6. С. 60–61.

[10] Ивич А. «Чудесный шар» // Литературное обозрение. 1940. № 13. С. 11–14; Марьям А. Рец. на кн.: Волков А.М. Чудесный шар // Детская литература. 1940. № 5. С. 51–53.

[11] Булгаков В. Увлекательные рассказы о военной технике // Учительская газета. 1943. 27 янв.; Чуковский К. О пользе творчества // Литература и искусство. 1943. 6 марта.

[12] Андреев Н. «Самолеты на войне» // Пионер. 1946. № 8 – 9. С. 40.

[13] Берегов Н. Рец. на кн.: Волков А.М. Зодчие // Псковская правда. 1955. 18 окт.; Михайловичева З.И. Рец. на кн.: Волков А.М. Зодчие // Преподавание истории в школе. 1956. № 2. С. 108–111; Рец. на кн.: Волков А.М. Земля и небо // Московский комсомолец. 1957. 5 сент.; Шмакова Г. Ответы на загадки Вселенной // Звезда (Пермь). 1959. 6 мая.

[14] Кречетова Е. Разговор в учительской // Литература и жизнь. 1960. 7 дек.; Шишмарев Е., Бердышев М. Ждем новых хороших книг // Там же; Ушаков И. «Школьная библиотека» // В мире книг. 1963. № 9. С. 33; Подлящук П. Нами зажжено! // Новый мир. 1963. № 6. С. 269; Сивоконь С. Долгожданное продолжение // Семья и школа. 1963. № 12. С. 29; Энтин Б. В шествии веков // В мире книг. 1967. № 3. С. 36–37; Кожевникова Т. Для кого пишут сказки? // Детская литература. 1967. № 7. С. 5–10; Наркевич А. Обедненная картина (детская литература в энциклопедиях) // Там же. № 12. С. 51–53; Розанов А. Наш земляк – о Царьграде // Рудный Алтай. 1969. 14 июня.

[15] А.М. Волков // Московский литератор. 1961. 19 июня.

[16] Рахтанов И. А.М. Волков и его книги (вступительная статья) // Волков А.М. Два брата. М., 1961. С. 3–6; Иванов А., Фарутин М. Изумрудное слово // Литература и жизнь. 1961. 25 июня; Глоцер В. Рассказанное и нерассказанное // Пионер. 1961. № 8. С. 74–75; Лях А.И. Наш земляк Александр Волков // Рудный Алтай. 1966. 14 июня; Розанов А. Учитель остается педагогом // Ленинская смена (Алма-Ата). 1966. 14 июня; Андреев С. Волшебник из прииртышского города // Учитель Казахстана. 1966. 16 июня; Гордиенко В. В гостях у писателя // Трудовая правда (Колывань Новосибирской обл.). 1968. 22 июня; Гранин С. Урок дает сказка // Звезда (Пермь). 1968. 17 сент.

[17] Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 1019.

[18] Рахтанов И. Писатель и ученый // Детский литературный сборник. 1962. С. 147–166.

[19] Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. М., 1966. С. 43–71.

[20] Тюменцев Н. О моем учителе // Советский учитель (Томск). 1968. 15 февр.

[21] Волков А. Дорогие далекие друзья! // Там же.

[22] Волков А. Невозвратное // Молодой ленинец. 1968. 19 июня.

[23] Дучицкая И. Живет на свете сказочник // Вечерняя Москва. 1971. 28 июля; Дружников Ю. Волшебник, наш сосед // Московский комсомолец. 1972. 13 февр.; Дворецкий В. Кавалер ордена Солнца // Ленинское знамя. 1973. 18 февр.; Чернышев М. Герои Волшебной страны // Заря молодежи (Саратов). 1974. 27 мая; Бегак Б. Дорога к волшебству (к 85-летию А.М. Волкова) // Учительская газета. 1976. 12 июня.

[24] Черных С. Новая книга А.М. Волкова // Рудный Алтай. 1976. 12 июня; Он же. По генеральному плану // Там же. 1977. 27 мая; Он же. Волшебник русского слова // Там же. 1970. 2 апр.; Розанов А. Учитель из нашего города // Там же. 1971. 15 мая; Он же. Математик, сказочник, историк // Ленинская смена (Алма-Ата). 1971. 2 июля.

[25] Брандис Е.П. От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. М., 1980. С. 215–216.

[26] Токмакова И. Об авторе и его книгах // Волков А. Два брата. М., 1981. С. 5–8; Бегак Б. Об авторе этой книги // Волков А. Зодчие. М., 1986. С. 3–6.

[27] Черных С.Е. С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 202–233.

[28] Мацуев Н. Русские советские писатели. 1917–1967. М.; СПб., 1981. С. 52.

[29] Петровский М. Правда и иллюзии страны Оз // Петровский М. Книги нашего детства. М., 1986. С. 222–273.

[30] Венедиктова Т. О сказочнике и сказке, фокусах и волшебстве [Предисловие] // Баум Л.Ф. Удивительный волшебник из страны Оз и другие повести. М., 1986.

[31] Бегак Б. Жил-был мальчик… // Бегак Б. Правда сказки. М., 1989. С. 63–72.

[32] Владимирский Л.В. История одной сказки // Костер. 1989. № 7. С. 19–20.

[33] Розанов А. Звезды зажигались над Ульбой // Рудный Алтай. 1991. 17 сент., 18 сент., 25 сент., 27 сент., 28 сент.

[34] Розанов А. Как математик стал волшебником // Пионерская правда. 1991. 20 июня.

[35] Трушкин А. Кто построил Изумрудный город? // Комсомольская правда. 1992. 15 февр.

[36] Энциклопедия фантастики: Кто есть кто / Под ред. Вл. Гакова. Минск, 1995. С. 145.

[37] Кузнецова Н.И. и др. Детские писатели (справочник для учителей и родителей). Приложение к книгам для чтения серии «Свободный ум» Р.Н. Бунеева и Е.В. Бунеевой. М., 1995. С. 28–30.

[38] Латова Н. Удивительные приключения «Волшебника страны Оз» в России // Детская литература. 1995. № 1–2.

[39] Невинская И.Н. Волков Александр Мелентьевич (1891–1977) // Русские детские писатели XX века: Биобиблиографический словарь. М., 1998. С. 99–101.

[40] Карпович Т. Волшебник из нашего города // Простор (Алма-Ата). 1999. № 4. С. 117–120.

[41] Акава Р. Волшебник из Долгой деревни // Рудный Алтай. 2000. 16 дек.; Етоев А. Строитель Изумрудного города // 7 дней (Усть-Каменогорск). 2001. 28 сент.

[42] Тарлыкова О. В музей пришло письмо // Рудный Алтай. 2001. 7 авг.

[43] Волков А. Невозвратное (страницы из книги воспоминаний) // Вестник ТГПУ. 2000. Вып. 4 (20). С. 45–46; Тюменцев Н.Ф. «Сказочник двадцатого века» – выпускник Томского учительского института // Там же. С. 47–48.

[44] Галкина Т. Волшебник Изумрудного города // Сибирские Афины. 2002. № 3 (26). С. 8–10; Веснина Т. Тот самый Волков // Томский вестник. 2003. 11 янв.; Она же. Тот самый Волков-2 // Там же. 18 янв.; Евдокимова Л. Александр Волков: «Волшебник Изумрудного города» учился в Томске // Персона. 2003. № 6. С. 30–37; Галкина Т.В. Дневники детского писателя А.М. Волкова как источник по истории Томска // Документ в меняющемся мире. Томск, 2004. С. 297–301.

[45] Дом для мудрого Гудвина // Томский вестник. 2002. 6 нояб.; Перминова Е. Музей Волкова – новые экспонаты // Томский учитель. 2003. 5 февр.

[46] Минералова И.Г. Детская литература. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2002. С. 10.

[47] Волков А.М. Начало пути // Бумбараш. Сборник московских писателей. М., 1971. С. 81–87.

[48] Волков А.М. Повесть о жизни // Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Кн. 2. М., 1975. С. 61–78.

[49] Волков А.М. Невозвратное // Архив А.М. Волкова. Т. 1. Л. 3–4.

[50] Архив А.М. Волкова. Первые шаги в большую литературу. 1931–1938 гг. Л. 2.

Глава 1
Детство Александра Волкова

1.1. Родные истоки

Родимый край, далекий, милый, покинутый!
А.М. Волков

...Я хочу вернуться на родину, к маме и папе...
А.М. Волков.
Волшебник Изумрудного города (Элли)

Все начинается с детства... Искренним обращением, щемящим сердце, звучат слова Александра Мелентьевича Волкова: «Родимый край, далекий, милый, покинутый! Люблю твои широкие солнечные степи, где по седому ковылю, колеблемому ветром, бегут легкие волны... Люблю прохладу горных ущелий и звонкий голос речки, немолчно плещущей по камням, блестящей живым серебром на солнце, таинственно темнеющей в глубоких омутах... Люблю вспоминать одинокие ночи возле угасающего костра на берегу быстрого Иртыша, реки моего давно пролетевшего детства...»[1] Горячая сыновья любовь к родине, вынесенная им из детства и взлелеянная в зрелости, глубоко пронизывает творчество А.М. Волкова, являясь непременным эмоциональным компонентом его произведений. На родину, в сухой и пыльный Канзас стремится героиня сказочной повести Элли («Волшебник Изумрудного города»), о покинутой родине тоскует Джордано Бруно («В поисках правды»).

С чувством родины для А.М. Волкова неразрывным образом связано представление о своей родословной, уходящей корнями в XIX в., в самое его начало. Испытывая неподдельный интерес к жизни своих далеких предков, А.М. Волков посвятил им страницы своих художественно-биографических произведений «Начало пути» и «Повесть о жизни». В первом очерке, несмотря на изменение имен героев – Саши Волохова, его отца Клементия Волохова, отчетливо описываются реальные события детства Александра Волкова, и при сопоставлении с другими автобиографическими материалами этот очерк может дополнить фактологический план исследования. Сюжет этих двух очерков переплетается, где-то повторяясь, где-то дополняя друг друга. Если очерк «Начало пути» рассказывает о первых детских впечатлениях мальчика, связанных с военной службой отца, то в «Повести о жизни» сюжетная линия протянулась от начала XIX в. до 1975 г. В ней автор не только пытается проследить истоки рода Волковых, но и краткими захватывающими событиями рассказывает о своей учебе и литературном творчестве. В отсутствие документальных материалов о детстве А.М. Волкова, считаем возможным использование автобиографических воспоминаний писателя в качестве источника по этому периоду.

Предки по отцовской линии – Волковы – поморские крестьяне-старообрядцы, уходя от притеснений патриарха Никона, вынуждены были в XVII в., как раскольники, переселиться в Стародумье и на Ветку – на территорию тогдашней Польши (ныне районы Брянской и Гомельской областей Беларуси). Там они прожили около 100 лет, закрепив за собой прозвище «поляки». В 60-х гг. XVIII в. по повелению Екатерины II 20 тысяч раскольников были отправлены в Сибирь для несения солдатской службы на укрепленной Обско-Иртышской линии. Так

шло заселение пустынного края так называемыми поляками, возникали старообрядческие деревни Секисовка (на месте Сеитовского редута), Бобровка, Черемшанка и другие, росли и укреплялись семьи на вольной сибирской земле.

Старообрядческая деревня – это уникальный вневременной живой мир, который запомнился юному Саше Волкову. Традиционная незыблемость религиозных канонов и жизненного уклада, требовавшего ежедневного крестьянского труда, упорства и терпения, представлялась идеалом христианского смирения и долга. Позднее с восхищением и гордостью за родовое единение с этими трудолюбивыми людьми А.М. Волков писал: «Какие же были мастера алтайские крестьяне! Не было такого ремесла «по домашности», которое было им недоступно. Они сами делали большие и маленькие кадки и «лагушки» для кваса. В каждом производилось множество «туесов» – больших и малых круглых посудин из бересты с деревянным дном и крышкой; делались они настолько плотными, что в них держали и воду, и молоко, и квас. В каждом хозяйстве плели прочные веревки из пеньки, кожаные кнуты и вожжи, опояски для армяков… Возле угла каждой избы можно было видеть березовые жерди, согнутые между прочными опорами. Хозяин время от времени увеличивал изгиб и в конце концов получал дуги, полозья для саней, ободья для колес. Тулупы, шапки, рукавицы, бутылы каждая семья, как правило, также изготавливала собственными силами»[2].

Главой большого волковского рода, в котором было 6 сыновей и 2 дочери, был Архип Волков, родившийся где-то в 1820-х гг. Вместе с женой Марией (встречается также имя Василиса) они вели большое хозяйство и растили детей. В составленном А.М. Волковым генеалогическом древе семьи Волковых названы 6 сыновей Архипа Волкова, давших потомство: Михаил, Сидор, Калина, Иван, Андрей и Василий. Старообрядческие семьи были крепкими, неделимыми, власть деда – беспрекословна. К старшему сыну Михаилу Архиповичу перешла от отца сила и власть над семьей. В своих воспоминаниях Александр Мелентьевич часто рисовал образ грозного деда и добродушной бабки Аксиньи.

В семье Михаила Архиповича и Аксиньи Потаповны (по генеалогической таблице) продолжили род Волковых сыновья Мелентий, Степан, Максим, Петр и дочь Арина.

Особое место в воспоминаниях А.М. Волкова занимает память об отце – Мелентии Михайловиче Волкове (12.02.1861 – 19.11.1935). Он первый в волковском роду изменил образ жизни, получив военную профессию, и тем самым открыл своим детям дорогу к просвещению, определившую их судьбы. В 1882 г. он был взят в армию и определен в учебную команду, где готовился младший командирский состав – ефрейторы, унтер-офицеры. По воспоминаниям родной сестры Александра Мелентьевича – Людмилы Мелентьевны, известны некоторые подробности о солдатской службе отца, Мелентия Михайловича. «Папа нам рассказывал, что он пошел служить добровольно, хотя жребий выпал на его брата Степана, но Степан был уже женат и имел ребенка. Так вот папа и пошел за него на службу. До службы он думал, что у грамотного человека родится сразу грамотный ребенок, а у неграмотного – неграмотный. А когда он в солдатах научился грамоте и арифметике, то решил, что отслужит, женится и переедет в город, чтобы учить своих детей»[3]. У отца, как писала Людмила Мелентьевна, были большие способности к математике: он решал самые трудные задачи из учебника Малинина-Буренина в помощь своим детям.

Эту мысль проводит в своей «Повести о жизни» и А.М. Волков: «У Мелентия Волкова оказались блестящие способности, огромная тяга к ученью. Офицеры поражались быстрому развитию крестьянского парня из глухой старообрядческой деревни. Мелентий вскоре заработал три белые нашивки на погоны, и начальство поговаривало о том, что стоило бы послать способного

служаку в офицерскую школу. Но не стерпел молодой унтер-офицер, дерзко ответил на грубое слово начальника, и офицерская школа стала от него такой же далекой, как звезды на небе. Разжалованный унтер хотел пустить себе пулю в лоб, одиноко стоя в ночном карауле. Но подумал о том, что вся его жизнь еще впереди и решил: «Если мне не судьба получить образование, будут учиться мои дети»[4]. После окончания шестилетней службы, которую он проходил в г. Верном (ныне г. Алматы) и чуть не погиб во время знаменитого землетрясения 1887 г., он вернулся в родную Секисовку. В конце XIX в. в Секисовке была церковь, две мануфактурные лавки, начальная школа.

Отец хотел передать старшему сыну руководство большим крестьянским хозяйством, в котором было около десятка лошадей и несколько коров. Однако Мелентий Волков не захотел тянуть крестьянскую лямку. Он хотел дать своим детям образование в надежде на лучшую судьбу.

Утвердившись в этой мысли, в 1889 г. Мелентий Волков вместе с молодой женой покинул родительский дом в Секисовке, вопреки противостоянию отца, не желавшего отпускать «большака» из деревни. Мелентий Волков поступил на сверхсрочную военную службу (на 10 лет) фельдфебелем в 1-й Отдельный Западно-Сибирский батальон, расквартированный в Усть-Каменогорске.

Другой прадед А.М. Волкова – по материнской линии – украинец Иван Окша, отслуживший 25-летнюю службу, в середине XIX в. пешком пришел с Кавказа в Сибирь в поисках лучшей доли. Его дочь Александра вышла замуж за Петра Ивановича Пономаренко, переселившегося в Сибирь из-под г. Полтавы, и их семья из-под г. Омска перебралась на Алтай. Здесь родилась их дочь Соломея (Соломония) Пономаренко (записанная позже как Пономарева) (1866 г.р.), ставшая впоследствии матерью Александра Мелентьевича Волкова.

В Усть-Каменогорске в Малороссийском переулке 2 июня старого стиля (15 июня нового стиля) 1891 г. в семье Волковых родился сын Александр. Эта дата подтверждается выпиской из метрической книги Троицкой церкви в Усть-Каменогорске за 1891 г., где сказано, что 6 июня совершено таинство крещения младенца Александра, родившегося 2 июня, у родителей: унтер-офицера 1-го Отдельного Западно-Сибирского батальона Мелентия Михайлова Волкова и его законной жены Соломонии Петровой[5]. Обряд был совершен иереем Александром Сосуновым и дьяконом Николаем Пушкаревым. Существование этого документального свидетельства имеет важное значение для установления точной даты рождения А.М. Волкова, снимая, таким образом, разночтения, до сих пор встречающиеся в различных публикациях. Появление наследника послужило актом примирения Михаила Архиповича с сыном Мелентием.

Удивительна сила и живучесть ярких детских впечатлений, остающихся в памяти человека. «Хорошо помню дом, где я родился, он простоял еще лет двадцать, а может быть, и больше. Это было жилище моей тетки по матери, Марьи Петровны Фоменко и ее мужа, неприветливого старика Ивана Федоровича. Типичная украинская мазанка, снаружи побеленная известкой, с камышевой крышей, с глиняными полами, застланными самодельными половиками, с русской печью, тело которой выходило в первую комнату – вот где прошли первые дни моей жизни»[6].

Какой любовью и нежностью проникнуты воспоминания А.М. Волкова о матери, о том, как они «вечеровали». Мать шила солдатские рубахи для батальона за восемь копеек за штуку и успевала за длинный зимний вечер сшить семь рубах (а 56 копеек – это пуд муки, или сотня яиц, или полпуда мяса). А Саша, примостившись у керосиновой лампы, под мерный стук швейной машинки своим звонким голосом читал страницу за страницей какой-нибудь захватывающей приключенческой книжки.

«А сколько сказок знала мама, какими бесконечными историями занимала она нас, детей, в долгие зимние вечера, сидя за шитьем… Тесная комнатка. Уютно горит керосиновая лампа, освещая морозные узоры на темном стекле окна. Папа, как всегда, в казарме, мы одни. Младшие спят, а мы с Петей жмемся к маме, и она заводит таинственным голосом: «Это случилось в доме Иртышевских…» …Талантливая рассказчица с каким-то особым искусством повертывала историю так, что она становилась необычайно близкой и яркой, хватала за душу, переживалась с удивительной силой. А как мама рассказывала «Аэшу» Хаггарда![7] Больше трех четвертей века прошло с той поры, а я как будто слышу гулкие шаги маленькой группы искателей сокровищ в мрачном подземелье, освещенном багровым светом факелов, и вижу, как сорванное с плеч Аэши белое покрывало устремляется в бездонную пропасть… Множество забавных и страшных рассказов вынесла мама из своего деревенского детства, и, даже став взрослыми, мы, ее дети, слушали их с неослабевающим интересом. Думаю, что писательскую фантазию, помогающую мне в работе, я унаследовал от матери»[8].

Размышляя на эту тему, А.М. Волков писал: «Как я теперь жалею, что в свое время не попытался дословно записать мамины рассказы: какой это был великолепный фольклор! Там было и о вихре, который крутится в жаркий день на дороге, и в который достаточно бросить острый нож с соответствующим заклинанием, чтобы послышался человеческий стон, а вихрь рассыплется мелким серебром. Был рассказ о кладе, скрытом в глубокой мрачной пещере Большого Календаря (Большой и Малый Календарь – две мощные сопки в десятке верст от с. Секисовки. По облакам, цеплявшимся за их вершины, люди предсказывали погоду, отсюда и названия этих гор). Клад охранялся чудовищным змеем, и смельчаки, осмелившиеся пробраться в его владения, погибали. Мама рассказывала и о том, как вечерней порой за толпой девушек, возвращавшихся с сенокоса, гналась копна сена… Много было чудесных историй, и почти все они позабыты»[9].

Наряду с этим Соломея Петровна унаследовала от своей матери Александры Ивановны способности знахарки: заговаривала болезни, готовила травяные настои. Люди часто обращались к ней за помощью, приносили какие-то продукты.

А.М. Волков вспоминал: «По рассказам, я в младенчестве был очень болезненным и на первом году жизни чуть не умер. Кажется, это было в Семипалатинске, куда наш батальон ходил на летние лагеря. Папа любил меня страстно. Он пришел к военному фельдшеру, лечившему меня, и сказал ему грозно: «Если Саша умрет, тебе тоже не жить!» Эта ли угроза подействовала, или организм у меня поборол болезнь, но оба мы с фельдшером остались живы»[10].

Цепко держит детская память яркие картины детства. «Мое первое сознательное воспоминание: я стою в широких воротах, прорезающих полуосыпавшийся земляной вал старинной Усть-Каменогорской крепости. В темном ночном небе рассыпаются яркие разноцветные шарики ракет, вдали – причудливые гирлянды бумажных фонариков, гремит военный оркестр. Царская Россия праздновала в тот день восшествие на престол Николая Романова (шел 1894 год). Мне было тогда три года», – писал А.М. Волков[11].

Каждый день маленький Саша с окраины города (из дома вдовы Егоровой, в котором семья Волковых прожила 3–4 года) ходил к отцу в крепость. Это было недалеко: через поляну по высокой дамбе. Там его с радостью принимали солдаты, скучавшие по своим семьям. В казарме мальчику нравился ее строгий порядок, безупречная чистота, ряды железных коек, аккуратно выстроенные вдоль стен винтовки, составленные пирамидами. На стенах казармы висели лубочные картины: «Подвиг рядового Архипа Осипова», «Геройская смерть майора Горталова» и другие. В казарме были и книги: «За богом молитва, а за царем служба не пропадет»,

«Кавказский герой генерал Цицианов», «Защитники Севастополя». В солдатской казарме мальчик впервые увидел спектакль, в котором его отец превосходно играл бестолкового денщика на забаву публике.

А еще Саша Волков любил простую солдатскую пищу, которую давали в казарме – жирные наваристые щи с мясом и пышный черный хлеб. Надо заметить, что мальчик рос в религиозной семье, строго соблюдавшей все посты: Великий (40 дней), Петровский, Филипповский (перед святками), а также постились каждую среду и пятницу. «Питание у нас было и так небогатое, а уж в пост просто подводило животы: пустые щи, чай с сухарями без сахара и молока, редко рыба…»[12]

Навсегда остались в памяти мальчика многодневные переходы 1-го Отдельного Западно-Сибирского батальона из г. Усть-Каменогорска в г. Семипалатинск, в которых Волковы – Соломея Петровна с детьми сопровождали отца, командовавшего первой ротой. Маленький Саша очень гордился своим отцом: он казался ему самым главным и важным, потому что в походе он шел за оркестром и вел за собой первую роту и весь батальон.

В старину фельдфебель по сути дела являлся хозяином роты: он распределял солдатское копеечное жалованье, с утра до вечерней поверки был рядом с солдатами. Мелентий Михайлович Волков был исключительно честным человеком: никогда ни казенная, ни солдатская копейка не прилипали к его рукам. «Он был суров, требователен, но безупречно справедлив, и за это солдаты любили его»[13]. На сверхсрочной службе М.М. Волков получал несколько рублей в месяц, на которые семье можно было прожить при сибирской дешевизне продуктов в то время.

В одном из таких походов мальчик увидел, как солдат на удочку поймал рыбу. «Все во мне затрепетало, когда я это увидел и схватил пойманную рыбку: я навсегда стал рыболовом! Для меня было достаточно одного-единственного мгновенья…»[14]

Быстро росла семья Волковых. Однако болезни уносили детей в раннем возрасте. Поэтому Саша Волков на всю жизнь запомнил слова утренней и вечерней молитвы: «Помяни, господи, младенцев Мелентия, Ивана, Зою, Нину…» Взрослыми выросли дети Александр, Петр (29.06.1896 – 1920), Анатолий (август 1901 – 3.02.1979), Михаил (1908 – [1942–1943]), Людмила (1906 – [1991(?)]), ставшие опорой большой и дружной семьи Волковых[15].

Таким образом, приведенные воспоминания позволяют утверждать, что на формирование личности Александра Мелентьевича Волкова большое влияние оказала его семья. Неоспоримую роль в формировании семейного менталитета Волковых сыграли старообрядческие традиции семьи, направленные на поддержание ее единства и сохранности, а также определенное обособление от окружающих. Любовь и уважение, трудолюбие и великодушие, упорство и терпение, мужество и сочувствие, глубокая религиозность – все эти качества воспитывались в семье с детства. Отношение А.М. Волкова к родителям, покоящееся на истинном уважении и искренней любви, стало основой понимания ценности семейных уз, связывающих воедино род и семью. Понимание семьи как надежного оплота среди жизненных бурь, как источника личного человеческого счастья, полученное в детстве, сохранилось у А.М. Волкова на всю его долгую жизнь. Такое отношение к семье, выражавшееся в искренней заботе о близких, преданной любви к супруге и безмерной любви к детям, культивировавшееся Александром Мелентьевичем, было характерной особенностью его мировоззрения и образа жизни.

1.2. Неистребимая любовь к книге

Я не мыслю свое детство без книги.

Книги в Волшебной стране
оказались настоящими сокровищами.
А.М. Волков

Детские воспоминания А.М. Волкова наполнены первыми незабываемыми впечатлениями о веселых рыбалках на реках Ульбе и Иртыше, о прогулках по горам, где весной дети собирали огромные букеты цветов.

За несколько месяцев до поступления в школу Саше Волкову приснился необычный сон, который он запомнил навсегда и назвал его вещим. Ему снилось, что он с родителями шел по безлюдному ночному городу. И вдруг блестящий серп луны стал спускаться вниз. С него, когда он подошел совсем близко, отделился воздушный шар. Люди, сидевшие в корзине шара, подхватили мальчика, и воздушный шар начал подниматься. «Я рассказал этот сон маме и она истолковала его так: «Вот начнешь учиться, а потом выучишься и поднимешься над нами высоко, оставишь нас… Так оно потом и сбылось!»[16]

Главное место в детских воспоминаниях А.М. Волкова отведено чтению книг, открывавших для него увлекательный мир приключений и чудес. «Я не мыслю свое детство без книги. Читать я выучился необычайно рано, на четвертом году жизни. По требованию мамы папа учил ее грамоте, а я вертелся около и запоминал буквы»[17]. Вторя этому в своей автобиографии, А.М. Волков писал: «Читать я выучился необычайно рано, в возрасте около трех лет. Неграмотным себя не помню. Знал наизусть длинные стихотворения и целые поэмы»[18]. Говоря о неистребимой любви к книге, которая зародилась у него в те годы, он вспоминал: «В пять лет я уже читал толстенькие томики Майн Рида в приложении к журналу «Вокруг света», который мы получили в 1896 году. Теперь я удивляюсь, как папа на свое скудное фельдфебельское жалованье умудрялся ежегодно выписывать какой-нибудь журнал: то «Вокруг света», то «Ниву», то «Природу и люди», то «Родину»… В конце концов из приложений к этим журналам у нас составилась порядочная библиотечка.

Уютно устроившись на печке, я катил по американской прерии тачку вместе с Патрикой и Шур-Шотом («Пропавшая сестра» Майн Рида), странствовал на плоту по бескрайнему океану («Приключения юнги Вильяма»), разгадывал зловещую тайну «Всадника без головы»…

Я был ежедневным гостем в казарме, куда меня привлекали пестрые брошюрки «Солдатской библиотеки» Тхоржевского. Я читал патриотические рассказы о Суворове, Кутузове… Меня восхищали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Алексея Толстого; в семь-восемь лет я знал множество их произведений наизусть. С каким весельем, а по временам с сердечным трепетом читал и перечитывал я гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки»…

Да, папа добился своего: несмотря на его ничтожное фельдфебельское жалованье, несмотря на то, что маме приходилось прирабатывать шитьем солдатских рубах по восемь копеек за штуку, наша семья стала культурной, отец увел нас от «деревенского идиотизма». Книги и журналы скрашивали наши досуги»[19].

Так юный Саша с раннего детства пристрастился к чтению книг, ставших с тех пор постоянными спутниками его жизни. Книги, талантливо рассказывавшие об огромном и увлекательном мире, полном приключений и загадок, стали верными друзьями мальчика, развивая его

воображение, наблюдательность, внимание, смекалку. Книги стали для него первой необходимостью и насущной потребностью. Даже на семейной фотографии конца 1890-х гг. мы видим маленького миловидного мальчика с пухлыми губками, держащего в руке книгу и серьезно смотрящего вперед.

Стремление к чтению, к знаниям, культивировавшееся в семье Волковых, отражало родительское желание о лучшей доле для своих детей, связанное с необходимостью получения образования. Осенью 1899 г. Мелентий Михайлович, взяв за руку старшего сына, повел его в городское училище. Выбрав для получения начального образования сына городское трехклассное училище, где был 6-летний срок обучения, отец сэкономил год учебы, что было очень важно при его средствах. При этом городские училища предоставляли некоторые преимущества выпускникам: сокращение срока военной службы, право на первый классный чин, право сдачи экзамена в самом училище на звание сельского учителя. «Фуражка с кокардой, мундир, освобождение от телесных наказаний – немаловажные преимущества! Вот почему городское училище было единственной отдушиной для сыновей бедняков, каким был я», – писал впоследствии А.М. Волков[20].

Усть-Каменогорское городское трехклассное училище помещалось в двухэтажном кирпичном здании на Соборной площади недалеко от величественного Покровского собора. Над парадным входом училища была укреплена массивная металлическая вывеска, на которой огромными позолоченными буквами были выложены слова «Городское училище». «Мог ли я, робкий маленький мальчик, думать в тот момент, что через 20 лет эти величественные буквы, расколотые на куски, сгорят у меня в самоваре, а из квадратных железных листов, наколоченных на рамки, я сделаю себе закром для муки? И однако это случилось во время гражданской войны, когда я был заведующим Усть-Каменогорским высшим начальным училищем (старая вывеска давно была сменена и валялась в сарае», – вспоминал А.М. Волков.

Парадный вход училища выходил на площадь, а учащиеся входили с другого входа – с Большой улицы. Часть этого здания с отдельным входом занимало женское приходское училище (позже здесь находились двухлетние педагогические курсы). По соседству с училищем располагались аптека Инькова и булочная Задорожной, где на перемене можно было купить вкусную белую сайку за 3 копейки. Но на долю вечно голодного Саши Волкова такое счастье выпадало редко.

О поступлении в училище А.М. Волков писал: «Приближаясь к двухэтажному каменному зданию, я смотрел на него с почтительной робостью, и мне казалось, что оно по своему величию не уступает дворцам, о которых я читал в книгах. Мог ли я тогда вообразить, что через двадцать лет в этом самом училище под моим началом будет коллектив из многих учителей и нескольких сот учеников?

Мы прошли в учительскую, где инспектор Александр Иванович Михайлов проэкзаменовал меня. Стоя с опущенной головой у большого стола, покрытого зеленым сукном (сколько потом заседаний педагогического совета провел я, председательствуя за этим самым столом!), я бойко читал страницу из «Родного слова» Ушинского. «Отлично, превосходно!» – восклицал добрейший Александр Иванович. «А я и по письменному могу!» – ободренный успехом, похвалился я. Прежде чем меня успели остановить, я откинул корочку книжки и стал читать неровные строчки, написанные корявым детским почерком: «Сия книга принадлежит, никуда не убежит. Кто возьмет ее без спросу, тот останется без носу. Кто возьмет ее без нас, тот останется без глаз...» «Довольно, Саша, довольно! Видим, что умеешь...», – рассмеялась молоденькая учительница Таисия Георгиевна Новоселова. Я прочитал наизусть несколько молитв,

показал хорошее знание таблицы умножения. «Во второй класс», – был приговор учителей. Так я сразу перешагнул через целый год учебы, а при скудных папиных средствах это значило очень много. Меня зачислили в класс Таисии Георгиевны, она стала моей первой учительницей, и я навсегда сохранил о ней добрую память»[21]. «Я учился на медные гроши!» – не единожды повторял Александр Мелентьевич. Плата за обучение в городском училище составляла 3 рубля в год.

Первый день в школе у Саши Волкова получился не совсем обычным. «В первый день я оскандалился: читал прекрасно, а писал безграмотно, ужасными каракулями: ведь этому меня не учили. На мою беду учительница Таисия Георгиевна Новоселова как раз устроила диктант. Конечно, я получил двойку. Потом я быстро подтянулся и в третье отделение перешел с наградой. Так было и в последующие годы. Моей обычной отметкой была пятерка, четверки встречались редко»[22]. А почерк выправился только тогда, когда он сам стал учителем.

Любознательный и старательный мальчик все время проводил за книгами. Ученье приносило ему радость познания нового, неизвестного. Он хотел много знать и много уметь. Саша помогал своим одноклассникам справляться с трудными задачами, хотя был моложе их на 2–3 года. «В годы моего ученья мои товарищи, рослые, сильные, играли мной, как котенком, перебрасывали с рук на руки, кружили в воздухе: я был очень мал ростом, легок»[23]. Несмотря на это, Саша Волков учился отлично, переходя из класса в класс с заслуженными наградами.

Много десятилетий позже А.М. Волков писал: «Шел 1900 год, последний год девятнадцатого века. Девятнадцатый век прошагал по дороге Истории медлительно, начав свой путь в почтовом дилижансе и закончив его на быстром паровозе и бронированном крейсере. Но в последние его десятилетия уже сделаны были изобретения, предвещавшие необычайное развитие техники в последующие десятилетия. Взлетел или пытался взлететь самолет Можайского. О нем я, конечно, ничего не слыхал, но в романе Уэллса «Когда спящий проснется» я прочитал о воздушной войне в будущем и навсегда запомнил картинку в журнале, изображающую огромное лицо диктора, вещавшего с экрана, укрепленного между двумя противоположными домами улицы. А ведь тогда телевидение было только в мечтах фантастов, но уже появился грозоотметчик Попова, и гениальный изобретатель работал над первыми радиопередатчиками. Это, конечно, тоже не дошло до нашего глухого угла. Но с синематографом Люмьера мне пришлось столкнуться уже на заре моей жизни. Мне было лет шесть, когда папа повел меня в казарму. И там, на маленьком экране, не больше обычной простыни, мы, зрители, увидели потрясающее зрелище. По полотну ходили, жестикулируя, люди, они бросались с вышки в морскую воду, и мы отодвигались, чтобы на нас не попали брызги: таким необычайно живым, реальным было впечатление! И мы буквально падали со скамеек, когда на нас несся по полотну, грозно вырастая, автомобиль. Это была детская пора кинематографа». Такие обобщающие вставки в биографическом повествовании, представляющие собой размышления о времени и о его воприятии, являются неотъемлемой частью общего текста, привнося в него некоторую попытку реализации исторического самосознания личности.

В 1900 г. в связи с напряженной политической обстановкой в Китае 1-й Западно-Сибирский линейный батальон, в котором служил отец Волкова, был переведен в небольшой азиатский городок Зайсан, расположенный вблизи китайской границы. В городке среди глиняных мазанок с плоскими крышами возвышались церковь, мечеть и городское училище.

В Зайсане инспектор Н.В. Домаховский зачислил Александра Волкова в третье отделение, где он подружился со страстным любителем чтения Костей Мотовиловым. Во время одного из соревнований на быстроту чтения Саша Волков прочитал за один час повесть Анны Сюэль

«Черный красавец», в которой было 200 страниц. За усердие в учебе и примерное поведение в июне 1901 г. педагогический совет Зайсанского городского училища наградил Александра Волкова похвальным листом и книгой Н.А. Рубакина «Рассказы о друзьях человечества (6 биографий для юношества)», хранящейся и поныне в семье Волковых.

В 1901/02 учебном году Александр Волков вновь учился в Усть-Каменогорском городском училище, в четвертом отделении, где вместе с ним учились Александр, Гордей и Петр Александровы, Александр Волков (2-й), Петр Грохотов, Анатолий Губин, Петр Дубровский, Алексей Ермаков, Георгий Ефремов, Борис Коротаев, Викентий Лях, Александр и Алексей Молодовы, Дмитрий Неживлев, Герман Новиков, Исай Остропольский, Михаил Пащенко, Николай и Сергей Подойниковы, Николай Саренко, Иван и Михаил Струины, Дмитрий Скосырский, Василий Решетников, Аркадий Цедейко, Александр и Иосиф Цыбенко, Григорий Ческидов, Павел Чечеткин, Никита Шацкий. В этот общий список входят и те, кого А. Волков мог догнать в следующих классах, где они сидели по второму году. Имена многих из них запомнились ему по более тесной дружбе, имена других остались в памяти в связи с какими-либо инцидентами. «Борьку Коротаева мы дразнили «девчонкой» за то, что он ходил в штиблетах, а мы не знали иной обуви, кроме сапог летом и валенок зимой. Сережка Подойников навсегда стал «тараканом» после того, как на уроке географии, не расслышав подсказки, ляпнул, что сильный ветер называется «таракан». Колька Саренко, большой и сильный, на две головы выше меня ростом, повадился мять и трепать меня, как куклу, и отстал только тогда, когда я изо всей силы хватил его принесенным из дома большим гвоздем. С тех пор достаточно было мне многозначительно взяться за карман, как Коля убирался от меня подальше. Я быстро сжился с классом, несмотря на маленький рост и слабые силенки, охотно принимал участие во всяких шалостях. Желая показать себя молодцом и не трусом, я однажды не выучил урока по геометрии и смело заявил об этом преподавателю Григорию Евграфовичу Псареву (впоследствии моему сослуживцу, начальнику и другу). Григорий Евграфович – небольшого роста, тучный, с красным лицом и заплывшими глазками, имел довольно свирепый вид, а в сущности был предобрейшим человеком. У него были две любопытные особенности в обращении с учениками. Провинившихся он хватал за шиворот и тряс, как котенка, а иных, вместо оставленья «без обеда», приглашал в свой дом на берегу Иртыша и там держал два-три часа. Ничего хорошего ни из того, ни из другого не получалось. У борьки Коротаева от «трясения» однажды лопнул воротник ветхой курточки, и учителю пришлось за свой счет заводить ему новую. А «безобедники», приведенные в квартиру Псарева, сплошь и рядом забирались к нему в кухню и съедали поставленные кухаркой в печь пироги или ватрушки. Меня Григорий Евграфович, впрочем, не тряс (может, боялся вытряхнуть из меня душу!), но влепил мне жирную двойку и пообещал на следующий раз поставить единицу. На этом мое «геройство» закончилось, и с тех пор меньше четырех или пяти я по математике не получал»[24].

Тогда большое распространение получили воскресные чтения для народа с монархически-религиозным уклоном, в которых принимали участие преподаватели и ученики училища. На одном из таких чтений в актовом зале училища после выступления хора Александр Волков декламировал балладу Алексея Толстого «Змей Тугарин».

Выступал на этих чтениях и новый инспектор Максим Николаевич Греховодов. Однажды он читал чувствительный рассказ о том, как был убит революционерами Александр II, во время чтения которого рыдал и он сам, и его слушатели.

Устраивал такие чтения в новом Народном доме и протоиерей А.В. Дагаев. Там читались религиозные рассказы, жития святых, поучительные истории с нравоучением, пел церков-

ный хор. По окончании слушателям бесплатно раздавались религиозные брошюры и дешевые иконки.

Летом 1902 г. отец Волкова ушел с военной службы и устроился продавцом казенной винной лавки в станицу Батинскую, куда и переехала вся семья. А к началу учебного года одиннадцатилетнему мальчику пришлось одному отправляться в Усть-Каменогорск для продолжения учебы. Впоследствии А.М. Волков писал: «Судьба обрекла меня на самостоятельное существование уже с одиннадцати лет (а по росту мне можно было дать не больше семи-восьми!) И в таком возрасте я должен был жить за 200 верст от семьи, один. Некому было контролировать, как я готовлю уроки, следить за тем, что я ем, каково мое здоровье… Полезна ли такая свобода в таком возрасте? Я думаю, что это она сделала из меня того человека долга, каким я, по-моему, являюсь. Меня никто не водил за ручку, никто не помогал писать сочинения, решать задачи – и вот результат. Я окончил три вуза, стал доцентом в 40 лет и членом ССП в 50 – и все без чьей-либо помощи, без малейшей протекции… Конечно, не для каждого годится такой рецепт, но «могий вместити да вместит!». Конечно, не все в моем положении было хорошо. Так, я перенес корь на ногах, ходил в школу, и только потом, когда сыпь густо высыпала у меня на теле, узнали о моей болезни. Все, впрочем, сошло благополучно, но, может быть, я заразил многих, как заразили и меня самого»[25]. В Усть-Каменогорске в 1902/03 учебном году он жил сначала у казака Иванова, а потом сам нашел себе другое жилье у дальней родственницы Фальковой в Базарном переулке за 4–5 рублей в месяц.

В пятом отделении Саша Волков был, как всегда, одним из первых учеников. В Усть-Каменогорском городском училище учащиеся изучали «Родное слово» Ушинского, арифметику по учебнику Малинина и Буренина, геометрию по учебнику Вулиха, грамматику по книге Кирпичникова, русскую историю по учебнику Рождественского, а всемирную историю – по Беллярминову. Юному Волкову очень нравилось решать хитроумные арифметические задачи, которые иногда не могли решить даже некоторые учителя. «Вообще, к математике у меня были большие способности, и пока ученик на доске записывал условие задачи, она была уже мною решена, и я поднимал руку: «Я решил, Григорий Евграфыч!» Поэтому меня и к доске вызывали редко, и это служило для меня источником постоянных огорчений. А вызывали редко потому, что я отбарабанивал решение так быстро, что ребята не успевали его понять… Надо сказать, что наизусть мы учили очень много, особенно из Пушкина, Лермонтова, Некрасова… Я считаю, что это было прекрасно: заложенное в цепкую детскую память остается в ней навсегда», – писал А.М. Волков[26].

Важным предметом в учебных заведениях тогда считался закон божий. В младших классах по учебнику Тихомирова учащиеся изучали священную историю Ветхого завета, затем Нового завета; а в старших классах – церковную историю и вероучение по катехизису Филарета. Много трудов и огорчений доставляло ученикам заучивание «текстов» – цитат из Священного писания: протоиерей Дагаев требовал знания их слово в слово. «Некоторые тексты нравились мне какой-то особой образностью, поэтичностью. Любил, да и теперь люблю текст из псалмов Давида: «Камо пойду от духа твоего и от лица твоего камо бежу? Аще взыду на небо, та тамо еси, аще сниду во ад, тамо еси. Аще возьму криле моя рано, и вселюся в последних моря, и тамо рука твоя не оставит мя»… Какая поэзия! И ведь ей не меньше трех-четырех тысяч лет…»[27]

Об упорстве и трудолюбии Саши Волкова свидетельствует любопытный рассказ о том, как на зимние каникулы в шестом отделении задали решать задачи. После каникул на первом уроке арифметики учитель начал спрашивать:

– Ну посмотрим, кто сколько нарешал, – сказал Григорий Евграфович.

– Александров Александр, что у тебя?

– Восемь, Григорий Евграфович!

– Маловато, ну да ничего. Все-таки работал. Александров Гордей, ты как?

– Одиннадцать!

– Молодцом! Александров Петр?

– Я болел, Григорий Евграфович!

– Ой-ли? Врешь, наверно. Волков Александр, у тебя сколько?

– Сто пятьдесят!

Ответ прозвучал, словно гром среди ясного неба. Это было неслыханно, невероятно, но я предъявил самодельную тетрадь из белой бумаги, толщиной страниц в 200, и там, действительно, были решения 150 задач из самого конца учебника, а было в них по 10, 12, 14 действий.

– Ну и ну… – только и мог вымолвить учитель»[28].

Этот маленький эпизод очень показателен для характеристики Александра Волкова. Учеба для него не ограничивалась рамками уроков, а была бесконечным открытием нового и интересного, а преодоление трудностей на этом пути – естественным и заманчивым. Он любил учиться и старался быть первым учеником в своем отделении, реализуя таким образом свои честолюбивые детские мечты о будущем.

Необходимо подчеркнуть, что, по мнению А.М. Волкова, городские училища выпускали хорошо подготовленных, грамотных людей, 70–80 % из которых становились сельскими учителями, сыгравшими значительную роль в народном просвещении.

После приготовления уроков Саша Волков брался за чтение больших и серьезных книг, которые обычно не привлекали внимания ребят его возраста. Так, были прочитаны Жюль Верн, А. Гоп, Поль д`Ивуа, Л. Буссенар, Конан-Дойль, Р. Киплинг, А. Лори, Г. Уэллс, М. Пембертон, Ч. Диккенс.

На летних каникулах 1903 г. Саша даже начал писать свой первый приключенческий роман. По замыслу юного автора, герой романа некто Жерар Никльби терпит кораблекрушение и попадает на необитаемый остров. Но дальше 16-й страницы дело не пошло… «Как я хотел бы прочитать теперь эти странички, исписанные неумелой детской рукой! Но увы, неумолимое время истребило их во время наших переездов с одного места на другое, как не донесло оно и те номера рукописных журналов, которые я выпускал, являясь их единственным автором и иллюстратором (да и, пожалуй, читателем!)»[29].

Что касается развлечений для учащихся, то их в Усть-Каменогорске почти не было. За шесть лет учебы (вместе с подготовительным классом) Александр Волков посетил Народный дом только три раза. Это был приезд фокусника, пьеса Н. Островского «Бедность – не порок» и любительский спектакль.

Свободное время мальчишки заполняли рыбалкой и играми. Однако они не хотели принимать Сашу Волкова в свои игры из-за его маленького роста и слабости, а природная застенчивость и замкнутость мальчика держали его в стороне от задиристых сверстников. Поэтому он подружился с девочками и получил прозвище «девичьего пастуха», на которое совсем не обижался.

Так прошли годы учебы в Усть-Каменогорском городском училище. Начав учебу в восьмилетнем возрасте и сразу во втором классе, Александр Волков окончил трехклассное городское училище (в каждом классе учились по 2 года) в 13 лет с первой наградой – похвальным листом и книгой. В аттестате, выданном ему 6 июня 1904 г., были отмечены при отличном поведении

следующие успехи: по Закону Божию – отличные (5), русскому и церковно-славянскому языку – отличные (5), арифметике – отличные (5), геометрии – отличные (5), естествоведению – отличные (5), истории – отличные (5), географии – отличные (5), чистописанию – отличные (5), черчению и рисованию – отличные (5). Далее указывалось, что Волков «по статье 39 Высочайше утвержденного 31-го мая 1872 г. положения о городских училищах, при производстве в первый классный чин, если он на основании существующих узаконений имеет право вступить в государственную службу, освобождается от установленного для сего испытания и, на основании статьи пункта 2-го устава о воинской повинности, пользуется льготою, предоставляемой лицам, окончившим курс в учебных заведениях 2-го разряда»[30].

Таким образом, полученный аттестат наглядно свидетельствовал о наличии природных способностей и дарований Александра Волкова, умноженных усердным стремлением к овладению новыми знаниями.

Однако стесненное материальное положение семьи Волковых, которая в то время состояла из семи человек, а заработок отца равнялся 10 р. в месяц, не позволило Саше Волкову продолжить свое образование в Семипалатинской гимназии, плата за обучение в которой составляла 60–80 рублей в год. В своей автобиографии, вспоминая этот период жизни, А.М. Волков писал: «Но дальше дороги не было. О гимназии нечего было и мечтать: ехать за двести верст в губернский город… А на какие средства там жить, платить за ученье? В учительскую семинарию, готовившую учителей для начальных школ, принимали только с 15 лет. Жил дома, томясь и скучая, много читал, начал писать сам. В тринадцатилетнем возрасте сел за писание приключенческого романа, но, конечно, не пошел дальше первой главы… И эта рукопись, и многочисленные детские стихи затерялись во время странствий семьи по станицам Горного Алтая»[31]. Существует еще один вариант описания этого периода у А.М. Волкова. В «Повести о жизни» он писал: «И вот мне 13 лет, в руках у меня аттестат городского училища, дававший в те времена немалые житейские преимущества: льготу по воинской повинности, право на первый классный чин (помните, как держал экзамен на чин почтовый чиновник в знаменитом рассказе Чехова?), возможность сдать несложные испытания и стать сельским учителем…

Но все эти блага маячили передо мной в довольно-таки отдаленном будущем. Сельским учителем можно было стать лишь в 16 лет. На государственную службу принимали в 18, в армию призывали и того позже. Аттестат с круглыми пятерками только тешил глаз и был повешен на стену в красивой рамке под стеклом.

Для моих однокашников по учебе дело с выбором профессии обстояло просто: они кончали городское училище в 16, 17, 18 лет. Учиться в те времена начинали поздно, лет в 10–11, за партами сидели лет шесть-семь, а то и все восемь. Два года провисел мой аттестат на стенке; это время я провел дома, изнывая от тоски и находя единственное утешение в книгах, в сочинении корявых детских стишков и в выпуске ежемесячного литературно-художественного журнала «Мои досуги», где я был единственным автором, художником, типографщиком. А единственным его читателем и восторженным поклонником стал мой младший брат Петя»[32]. Впоследствии начал писать стихи и Петр, и, как вспоминала сестра их Лиля (так Людмилу Мелентьевну звали в семье), по компетентному мнению Саши, у Петра стихи выходили лучше, чем у него самого.

Вынужденный перерыв в образовании Саша Волков использовал не только для самообразования, но и для овладения переплетным делом, пригодившимся ему в жизни. Мальчик обходил дома богатых жителей станицы Усть-Бухтарминской, где в 1904–1906 гг. проживала семья Волковых, предлагая услуги переплетчика. Заработок у него был небольшой, но мальчика

привлекала возможность прочтения новых книг. Среди этих книг оказались и сочинения Л.Н. Толстого, и «Подарок молодым хозяйкам» Елены Молоховец, и «Полный курс лечения накожных болезней», и собрание сочинений А. Дюма. «Романы Дюма оказались для меня манной небесной! Конечно, прежде чем их переплетать, я «проглотил» их все за несколько дней. Вот когда я впервые познакомился с «Монте-Кристо», «Королевой Марго», «Графиней Монсоро», «Тремя мушкетерами»[33]. Необходимо отметить, что любовь к книге, как искусному созданию ума и рук человеческих, А.М. Волков сохранил на всю жизнь. Со свойственными ему мастерством и терпением он переплетал впоследствии старые книги, делал новые переплеты для записных книжечек (с держателем для карандаша), для годовых подшивок множества различных журналов. Аккуратность и прочность волковского переплета, видимые как стремление к порядку и эстетике книжного собрания, до сих пор радуют глаз.

В Бухтарме укрепилось желание Александра Волкова стать учителем. Примером для него послужил учитель сельской школы Геннадий Алексеевич Баженов. «Встречая Геннадия, высокого, стройного, подтянутого, в учительской фуражке с бархатным околышем, я страшно завидовал ему, его доля казалась мне самой лучшей, и я мечтал о том желанном времени, когда и я тоже стану учителем», – писал А.М. Волков[34]. Как видим, восхищение внешним видом учителя сочетается с признанием учительской доли достойной и желательной.

Прошли два года. В 1906 г. отец получил работу в г. Усть-Каменогорске, и семья Волковых возвратилась в этот городок. В июле того же года отец решил отправить Александра поступать в Семипалатинскую учительскую семинарию, в которой 1 августа начинались экзамены. Однако из-за засушливого лета и обмеления р. Иртыша в то лето пароходы не доплывали до г. Усть-Каменогорска, сделав, таким образом, путь до г. Семипалатинска непреодолимым для юноши. «Но эта неудача обернулась для меня нежданной и большой удачей, изменившей к лучшему весь последующий ход моей жизни»[35].

Узнав об открытии в 1906 г. в г. Томске первого за Уралом учительского института, Александр Волков стал готовиться к поступлению в это учебное заведение. В качестве «практиканта для подготовки в учительский институт» он был принят в родное Усть-Каменогорское трехклассное городское училище. «Наверно, это выглядело очень смешно, когда малыш важно входил с классным журналом под мышкой к ребятам, которые были и выше, и сильнее его, да и годами не очень уступали юному «практиканту»[36]. В училище он вновь встретил своих старых учителей: требовательного словесника Александра Евграфовича Шайтанова, географа Федора Игнатьевича Овсянникова. Однако он не застал Михаила Иннокентьевича Камбалина, которого унесла чахотка. А.М. Волков писал о нем: «Мы очень любили этого учителя и боялись его: у него были необыкновенные глаза. Я в жизни не видел больше ни у кого таких глаз. Черные, глубокие, пронзительные, и когда он глядел на тебя, казалось, что он видит насквозь все твои помыслы. У него на уроках всегда была образцовая дисциплина»[37].

В последний год в Усть-Каменогорске Александр Волков сдружился с Никандром (Никой) Петровским, ставшим ему другом на долгие годы. Заинтересовавшись астрономией, они устроили импровизированную «обсерваторию» в перевернутой набок кадушке, где с помощью лампочки увлеченно изучалась карта звездного неба. «Какую-то звезду было плохо видно, и Ника инстинктивно выхватил лампочку и поднял ее вверх, чтобы осветить звезду! С тех пор прошло шестьдесят лет, мы с Петровским кончаем свой жизненный путь, а посланный им луч мчится в неизмеримых безднах Вселенной…»[38]

Подновив свои знания, через год, в 1907 г., Александр Волков отправился за две тысячи верст в г. Томск поступать в учительский институт.

Таким образом, при изучении становления творческого потенциала будущего детского писателя А.М. Волкова на данном материале четко прослеживается процесс развития природных дарований мальчика посредством усиленных занятий, «неистребимой тягой к книге» и чтению, горячо поддерживаемым родителями и учителями. Страсть к чтению не только будоражила и развивала фантазию и память, но и способствовала успешному освоению школьных предметов и его самоутверждению.

Библиографические ссылки и примечания

[1] Волков А.М. Начало пути // Бумбараш. М., 1971. С. 83.

[2] Черных С. С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 204–205.

[3] ГАВКО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.

[4] Волков А.М. Повесть о жизни // Вслух про себя. Кн. 2. М., 1975. С. 64.

[5] Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

[6] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 5.

[7] Генри Райдер Хаггард (1856–1925) служил в колониальной администрации Южной Африки. Он вошел в историю литературы как один из крупнейших неоромантиков Англии. В увлекательных авантюрно-экзотических романах о приключениях европейцев в дебрях Африки отчасти запечатлены его личные впечатления.

[8] Волков А.М. Повесть о жизни... С. 66–67.

[9] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 23–24.

[10] Там же. Л. 11.

[11] Волков А.М. Краткая автобиография // Музей истории ТГПУ. О.Ф. № 191 / 1593. Л. 1.

[12] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т.1. Л. 145.

[13] Там же. Л. 18.

[14] Там же. Л. 38.

[15] Сестра Людмила Волкова окончила Омский педагогический институт (факультет русского языка и литературы); брат Анатолий – военную летную школу, участник Великой Отечественной войны, после войны – преподаватель военной летной школы, подполковник; брат Петр – учитель сельской школы в Шемонаихе (Алтай), во время Первой мировой войны 1914–1917 гг. он служил в разведке в самокатной роте (на велосипедах), после войны работал учителем, погиб от несчастного случая; брат Михаил по профессии – шофер, слесарь, в 1941 г. пошел на фронт, погиб под г. Сталинградом.

[16] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 45.

[17] Волков А.М. Повесть о жизни… С. 65.

[18] Волков А.М. Краткая автобиография // Музей истории ТГПУ. О.Ф. № 191 / 1593. Л. 1.

[19] Волков А.М. Повесть о жизни… С. 65–66.

[20] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 49.

[21] Там же. Л. 67–68.

[22] Из письма А.М. Волкова к А.С. Розанову // Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. КПнв 21-12113.

[23] Волков А.М. Повесть о жизни… С. 68.

[24] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 79–81.

[25] Там же. Л. 104.

[26] Там же. Л. 133.

[27] Там же. Л. 132.

[28] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 136–137.

[29] Там же. Л. 127.

[30] Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

[31] Краткая автобиография А.М. Волкова // Музей истории ТГПУ. О.Ф. № 191 / 1593. Л. 1.

[32] Волков А.М. Повесть о жизни… С. 68.

[33] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 152.

[34] Там же. Л. 154.

[35] Там же. Л. 209.

[36] Волков А.М. Повесть о жизни… С. 68.

[37] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 180.

[38] Там же. Л. 187. Петровский Никандр Александрович, друг детства А.М. Волкова, автор словаря русских личных имен.

Глава 2
Александр Волков
в Томском учительском институте
(1907–1910 гг.)

...Начну с категорического утверждения: всем, чего я
достиг в жизни и, быть может, даже и своим
долголетием я обязан тому, что в глубине Сибири,
на берегу быстрой Томи, стоит город Томск.
Земной поклон ему за это – милому старому городу!
А.М. Волков

Занимаясь углубленным изучением томского периода жизни А.М. Волкова, мы обратились к поиску архивных материалов о деятельности Томского учительского института в 1907–1910 гг., когда там учился и жил Александр Волков. В эти годы институт переживал пору своего возмужания. Открытый по «высочайшему повелению» российского императора Николая II 26 сентября 1902 г., Томский учительский институт в первые годы испытывал трудности становления нового учебного заведения. Возведение собственного каменного здания института было заторможено в связи с начавшейся русско-японской войной, что привело к приостановлению деятельности института в 1904 г., а затем готовое здание института было отдано под госпиталь для раненых. И только весной 1906 г. собственный корпус Томского учительского института был передан его хозяевам.

Определяя цель работы Томского учительского института, И.А. Успенский писал: «...педагогический опыт приводит к выводу, что для надлежащей постановки серьезного учения и дисциплины нужно поставить целью, прежде всего и главное, – возбуждение и укрепление в институтцах разностороннего интереса к ученью, чтобы потом этим интересом захватить по возможности все их мысли и заполнить все время, и создавать постепенно серьезное научное настроение, бороться, таким образом, с возможными для них соблазнами и праздностью и выпускать по окончании курса действительно знающих и трудоспособных учителей»[1]. Этому была посвящена вся многосторонняя деятельность института: финансовая, учебная, воспитательная.

С 1906 г. начался этап укрепления материальной базы института. Так, в течение первого полугода 1907 г. в Томском учительском институте расходы на содержание личного состава составляли 7 169 р.; на учебную часть – 996 р. 63 к.; на содержание воспитанников, стипендии и пособия учащимся 7 201 р. 72 к.; на канцелярские и хозяйственные надобности – 2 708 р. 8 к.; на выдачу личному составу 20 % надбавки, добавочного содержания за службу в Сибири из 2 045 р. 31 к.; а всего – 20 120 р. 84 к.[2] Кроме того, на оплату отопления, электрического освещения (в подсобных помещениях – керосиновые лампы) требовалось 3 660 р., а на содержание прислуги (кочегара, швейцара, караульных, кухонных рабочих, кучера, уборщиков) в 1907 г. пошло 2 286 р. Таким образом, видно, что большое институтское хозяйство требовало значительных государственных средств, причем денежные суммы, затраченные на обеспечение вос-

питанников, позволяли учиться, регулярно (4 раза в день) питаться и обслуживать себя. Ежемесячная стипендия воспитанника в 16 р. 66 к. позволяла удовлетворять самые насущные потребности, так как цены на томском рынке были такие: килограмм мяса на томском рынке стоил 22–34 к., сотня яиц – 1 р. 20 к., килограмм сливочного масла – 84–97 к., килограмм хлеба – 7–12 к., килограмм мыла – 11 к.[3]

В институте была и постоянно пополнялась солидная библиотека, состоявшая из учебной и научной литературы по всем изучаемым предметам, а также по педагогике и методике преподавания. В настоящее время сохранившаяся часть библиотеки Томского учительского института в 295 томов хранится в редком фонде Томской областной универсальной библиотеки им. А.С. Пушкина.

Преподавателями Александра Волкова в Томском учительском институте были высококвалифицированные педагоги: Иван Александрович Успенский, директор института, преподававший педагогику и дидактику; протоиерей о. Иоанн Ливанов, законоучитель, читавший катехизис, нравственное и догматическое богословие, и настоятель домовой церкви имени святого Сергия Радонежского; Алексей Матвеевич Орлов – словесность, методика русского языка; Василий Иванович Шумилов – алгебра, геометрия, тригонометрия, методика преподавания арифметики; Иннокентий Николаевич Сафонов – естествознание, физика; Петр Владимирович Пудовиков – история, география; Андрей Викторович Анохин – пение, руководство церковным хором; Николай Иванович Молотилов – ручной труд (столярное и слесарное дело); врач П.Ф. Ломовицкий – гигиену; художник В.И. Лукин – рисование.

Большинство из них получили образование в крупных европейских городах. И.А. Успенский являлся выпускником Московской духовной академии, имевшим степень кандидата богословия и чин коллежского советника; священник И.А. Ливанов окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия; А.М. Орлов окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и имел чин надворного советника; В.И. Шумилов окончил математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, несколько месяцев в 1900 г. слушал лекции по истории философии, математике, физике, литературе в Берлине и Гейдельберге (Германия), будущий профессор; П.В. Пудовиков был выпускником Казанской духовной академии и имел степень кандидата богословия; И.Н. Сафонов являлся выпускником естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, исполнявшим обязанности ассистента выдающегося ученого Д.И. Менделеева; В.И. Лукин был выпускником Санкт-Петербургской Императорской академии художеств, а П.Ф. Ломовицкий и Н.И. Молотилов получили дипломы томских вузов: Томского Императорского университета и Томского технологического института соответственно, при этом П.Ф. Ломовицкий имел чин надворного советника и был избран гласным Томской думы (впоследствии, с 1914 по 1917 г. он был городским головой г. Томска).

Наряду с престижным классическим образованием большинство преподавателей Томского учительского института имели многолетний педагогический стаж. Например, И.А. Успенский трудился на почве народного образования более 11 лет, А.М. Орлов – более 10 лет, П.Ф. Ломовицкий – около 10 лет, Н.И. Молотилов – более 15 лет.

Эти люди видели свое призвание в педагогической деятельности, отдавая все свои силы и знания учащимся. Так, характеризуя преподавателя словесности и методики русского языка А.М. Орлова, директор И.А. Успенский писал: «Влияние его на воспитанников признаю благотворным; направлено оно, главным образом, на пробуждение и развитие в них серьезного интереса к учению, разумеется, прежде всего, по специальности. Всегда вдумчивый, серьезный,

строгий к себе в отношении подготовки к классным урокам, он серьезен и строг и в требованиях знаний от учеников и умеет заинтересовать и заставить усердно заниматься наукой. Представляя для учащихся живой пример серьезного и ревностного увлечения научными занятиями, Алексей Матвеевич являет им и вообще образец скромной, трудовой жизни, дает, в частности, пример в исполнении религиозного долга своим постоянным присутствием за богослужениями, что я с особенным удовольствием подчеркиваю в его вообще безупречном образе действий»[4]. Подобные положительные отзывы заслуживали многие преподаватели Томского учительского института. Соответственно заслугам в педагогическом составе института были преподаватели, удостоенные наград. Например, за успехи в области народного образования И.А. Успенский был награжден орденами Святой Анны III степени и Святого Станислава III степени, а В.И. Шумилов медалью в память 300-летия царствования дома Романовых[5].

Директора института И.А. Успенского глубоко уважали и любили все воспитанники и коллеги, сравнивая его в своих воспоминаниях с известным педагогом А.С. Макаренко. И.А. Успенский, обладавший большим практическим опытом, педагогическим тактом, благожелательностью, был не только прекрасным руководителем и наставником молодежи, но и незаменимым советчиком и помощником. Двери его квартиры, находившейся в здании института (как и многих преподавателей), были всегда открыты для воспитанников и коллег. «При постоянной совместной жизни не трудно изучить натуру каждого питомца и сообразно ей влиять на него в хорошую сторону, равно и аттестовать более правильно при окончании курса», – писал И.А. Успенский. Такая атмосфера способствовала складыванию добрых традиций профессиональной корпоративности, дружеской поддержки и помощи, воспитанию честности, трудолюбия, ответственности, необходимых будущему учителю.

1 сентября 1907 г. состоялось первое заседание педагогического совета Томского учительского института, на котором присутствовали директор И.А. Успенский, преподаватели: законоучитель о. И. Ливанов, А.М. Орлов, С.В. Пахомов, И.Н. Сафонов, П.В. Пудовиков, В.И. Лукин, Н.И. Молотилов. Главным на заседании был вопрос о результатах приемных испытаний в 1907/08 учебном году. После детального обсуждения этого вопроса педагогический совет постановил принять на казенные вакансии 16 человек. В протоколе заседания под номером первым назван Александр Волков, сын фельдфебеля, окончивший 3-классное городское училище в Усть-Каменогорске[6]. Вместе с ним были зачислены А. Духанин, Л. Шульгин, Г. Тарасов, К. Владимирцев, И. Горбачев, А. Юргутис, А. Толстихин, Г. Иваньшин, В. Стрехнин, С. Демьянко, А. Емельянов, П. Эделев, П. Торпаков, А. Подойницын, Ф. Гусев, Ф. Лалетин. Остальные 8 человек были приняты в качестве своекоштных воспитанников.

По воспоминаниям А.М. Волкова, в институте вместе с ним учились Константин Владимирцев, Голдобин, Иосиф Горбачев, Федор Гусев, Гутыр, Семен Демьяненко, Алексей Духанин, Иван Евстигнеев, Александр Емельянов, Петр Зырянов, Яков Иванов, Игнатий Купчинский, Федор Лалетин, Сергей Наумов, Адриан Подойницын, Пустовалов, Виктор Сирехнин, Георгий Тарасов, Александр Толстихин, Павел Торпаков, Алексей Хозагаев, Лев Шульгин, Павел Эделев.

Окрыленный своим успехом при поступлении в институт, А.М. Волков сообщил об этом на родину. «Какое восторженно-хвастливое письмо написал я в Усть-Каменогорск своим учителям. Ведь это они дали мне такие основательные знания и вправе были гордиться моим успехом»[7], – писал А.М. Волков.

Под руководством преподавателей института Александр Волков вместе с другими 24 воспитанниками, принятыми в 1907 г., с интересом изучал новые дисциплины, приобретал новые

профессиональные навыки и умения. Среди его товарищей по классу было 15 крестьянских детей, 4 человека из мещанского сословия, 5 казацких детей и 1 инородец (бурят). Возраст воспитанников был разным: от 16 до 29 лет. Причем самых молодых – 16-летних – было двое и одним из них был Александр Волков. В возрасте до 20 лет включительно (17-летний – 1, 18-летних – 6, 19-летних – 1, 20-летних – 4) было принято в институт 14 человек, а от 21 до 29 лет – 12. Такой учебный класс, включавший не только разные возрастные группы, но и наличие у некоторой части воспитанников профессионального практического опыта, требовал введения определенной методики обучения.

В программу первого года обучения были включены для еженедельного изучения 7 уроков математики, 5 – русского языка, 4 – естественной истории, 3 – истории, по 2 – Закона Божьего, географии, рисования, черчения, пения, 3 урока по 2 часа – ручного труда, по 1 – гигиены и чистописания. В первый год жизни и обучения в Томском учительском институте Александр Волков привыкал к режиму, к урокам, продолжительность которых равнялась 55 мин. После третьего урока, в полдень, он вместе с товарищами шел на завтрак, а после шестого урока (в 15 ч 40 мин) – на обед.

Программа второго года обучения базировалась на углубленном изучении общеобразовательных дисциплин. В течение третьего, завершающего, года обучения воспитанники, опираясь на фундамент прочных дисциплинарных знаний, серьезно изучали методику преподавания предметов, педагогику и проходили практику в городском училище при Томском учительском институте.

Наибольшим авторитетом среди воспитанников пользовались люди, имевшие учительский стаж. Среди прочих своими отличными успехами и поведением выделялся выпускник Иркутской духовной семинарии, 24-летний Константин Владимирцев, награжденный по решению педагогического совета института золотой медалью. Характеризуя К. Владимирцева, директор института И.А. Успенский отмечал: «Сосредоточенность в себе самом и вдумчивость в явления окружающей жизни вместе с сердечной отзывчивостью и мягкостью – особенности его характера. При сравнительной молчаливости в нем сильна наблюдательность, способность анализировать, вдумываться, сильно стремление к научному знанию, развито в нем сознание своего долга и ответственности, почему он всегда аккуратен и исполнителен. К товарищам своим относится дружественно, но не часто участвует в оживленных разговорах их, сочувственно относится и к посторонним лицам и особенно сердечно к детям. В нем в высшей степени развита искренность, деликатность и чувствуется мягкость натуры – он не позволит себе сказать или сделать что-либо неприятное ни товарищу, ни кому-нибудь из старших»[8]. Видимо, именно незаурядные умственные способности и редкие нравственные качества Константина Владимирцева притягивали к нему юного Александра Волкова. Он учился у него вдумчивости и наблюдательности, усердию и трудолюбию, ответственности и терпению. Он набирался не только практического учительского опыта, но и впитывал искренность, доброжелательность и душевную мягкость своего старшего товарища.

Воспитанники института, число которых в разные годы составляло от 70 до 80 человек, хорошо знали друг друга. Ответственное отношение к учебе, рвение в овладении знаниями, которое демонстрировалось старшими товарищами, создавало в институте благоприятную учебную атмосферу. Младшие классы усиленно учили дисциплины, старший класс давал практические уроки в училище и готовился к выпускным экзаменам. А некоторые воспитанники третьего класса, о которых, несомненно, знал Александр Волков, умудрялись параллельно с учебой в институте сдавать экзамены в гимназии на получение аттестата зрелости. Вот что писал в сентяб-

ре 1908 г. в прошении попечителю Западно-Сибирского учебного округа воспитанник института Иван Ромер: «Несомненно, каждый человек должен отдаваться только той деятельности, которая соответствует его наклонностям, способностям, силам развития, темпераменту... Поэтому я давно решил посвятить себя исключительно только педагогической деятельности и никакой другой. С этой целью я поступил в учительский институт, проучившись до этого на общеобразовательных курсах. Но теперь, когда я уже в последнем классе института, когда я сегодня еще сам сижу на школьной скамье, а завтра уже буду учить других, я чувствую в себе слишком мало уверенности в том, что буду соответствовать своему назначению. Я молод, во мне масса интереса к жизни, к людям, вообще – ко всему тому, что может интересовать и увлекать каждого мыслящего интеллигентного человека, неудовлетворенного теми знаниями, какие у него есть, и ищущего новых. С большим количеством научных знаний во мне явится большая уверенность в самом себе, в своих силах, в своих способностях, и тогда я уже раз и навсегда отдамся избранной мною деятельности на ниве народного просвещения на благо родной страны»[9]. Подобные поступки не были редкостью: только в 1908 г. экзамены на аттестат зрелости сдали воспитанники Иван Ромер, Владимир Калюжнов (впоследствии поступивший в Московский университет), Василий Карпов, Александр Толстихин[10].

Оправдываясь инертностью своей натуры в томский период, А.М. Волков впоследствии писал: «Это был блестящий замысел. Ведь предметы у нас проходились те же, что в гимназии и дополнительно надо было учить только языки. Но мне, при моей прекрасной памяти, это ничего не стоило: сумел же я через несколько лет при большой нагрузке в школе приготовить за один год и сдать на пятерки три языка: латинский, французский, немецкий. Но тогда в Томске я и не подумал присоединиться к товарищам. Я бездельничал, читал книжки, пиликал на скрипке, ходил в кино...»[11] Поэтому экзамены на аттестат зрелости А.М. Волкову пришлось сдавать позднее в Семипалатинской гимназии.

Наряду с повседневной учебой и участием в религиозных службах в институте проводились спектакли, литературные и музыкальные вечера. Воспитанники Томского учительского института, следуя циркулярам Министерства народного просвещения, принимали участие в торжественных мероприятиях, посвященных знаменательным событиям, например, в феврале 1909 г. – в праздновании столетней годовщины со дня рождения Н.В. Гоголя. В институте Александр Волков присутствовал на домашних спектаклях (в феврале 1910 г. ставили «В чужом пиру похмелье» А.Н. Островского и «Юбилей» А.П. Чехова), а также на литературно-вокально-музыкальных вечерах. Так, в программе такого вечера, состоявшегося в институте в феврале 1910 г., выступал хор воспитанников, исполнявший партию «Хора слепых гусляр» из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» и партию мужского хора из пролога оперы М. Глинки «Руслан и Людмила», звучали стихотворения Надсона и Горького в исполнении воспитанников В. Суднишникова и К. Владимирцева, играл институтский оркестр балалаечников, исполнялись арии из опер томскими артистами.

А.М. Волков вспоминал позднее о «талантах» учительского института, среди которых был Михаил Строганов, исполнивший арию князя Игоря «Ни сна, ни отдыха измученной душе...», замечательные скрипачи Александр Пузанов и Антон Животиков.

Такие вечера оказывали благотворное влияние на приобщение воспитанников к русской и мировой культуре, раскрывали дарования воспитанников, служили примерами для организации воспитательной работы в учебных заведениях.

По окончании трехгодового курса директор института И.А. Успенский, наблюдавший за развитием своих воспитанников на протяжении всех лет учебы, беспристрастно характеризовал

каждого воспитанника. Давая характеристику воспитаннику Александру Волкову, И.А. Успенский писал: «Волков Александр Мелентьевич, 19 лет, сын крестьянина (фельдфебеля) Томской губернии, казенный стипендиат. Окончил 3-классное городское училище в Усть-Каменогорске. Умственные способности очень хорошие, память и прилежание – богатые, поведение безукоризненное, почему все время весьма хорошо учился. Пробные уроки его оцениваются по русскому языку – 3, арифметике – 4, по истории и географии – 5. Волков нрава тихого, скромного, не очень говорлив, избегает неприятных столкновений с другими. Сознавая свою сравнительную юность и неопытность, чувствует нужду в руководителе, каковым для него все годы был Владимирцев. В физическом отношении развит слабовато. Служить желал бы ближе к родине, т.е. Змеиногорске Томской губернии, учителем по математике или истории и географии»[12].

Судя по этой небольшой характеристике, которую можно считать экспертной оценкой развития личности А.М. Волкова в данный период, И.А. Успенским точно зафиксированы его незаурядные умственные способности, богатая память, развитая ранним, вдумчивым чтением и неудержимым стремлением к знаниям, прилежание, поддерживаемое целеустремленностью, трудолюбием, волей, терпением и упорством, коммуникативность и толерантность. Наряду с этим в характеристике оцениваются профессиональные качества А.М. Волкова как учителя. Приведенные отметки позволяют увидеть в А.М. Волкове учителя-универсала, способного с равной долей успешности преподавать как гуманитарные, так и естественнонаучные дисциплины. Таким образом, в 1910 г. из Томского учительского института был выпущен квалифицированный учитель А.М. Волков, обладавший мощным интеллектуальным потенциалом. Впоследствии А.М. Волков был вправе сказать: «…институт давал своим питомцам основательные знания в объеме всех предметов средней школы и умение эти предметы преподавать. Я окончил институт в 1910 году с дипломом учителя городского училища и младших классов гимназии»[13].

При изучении биографии А.М. Волкова обращают на себя внимание его воспоминания, связанные с Томском, как еще один интересный источник по истории Томского учительского института и самого города. Автором были выявлены четыре текста о жизни А.М. Волкова в Томске, три из которых опубликованы, а четвертый – дневниковая запись. Необходимо подчеркнуть, что первый опубликованный текст А.М. Волкова о Томском учительском институте представляет собой небольшую статью, увидевшую свет в вузовской газете Томского педагогического института в 1968 г. Нынешний интерес томичей к жизни и творчеству А.М. Волкова вызвал последние публикации воспоминаний писателя, которые появились 30 лет спустя и относятся уже к XXI в.

Совсем недавно, в 2002 г., впервые были опубликованы воспоминания А.М. Волкова «Чем я обязан Томску», написанные им 29 мая 1974 г. Вдохновенным гимном Томску и Томскому учительскому институту звучат слова Александра Мелентьевича Волкова: «Чтобы оправдать это несколько неуклюжее заглавие моего очерка, начну с категорического утверждения: всем, чего я достиг в жизни и, быть может, даже и своим долголетием я обязан тому, что в глубине Сибири, на берегу быстрой Томи, стоит город Томск.

И это утверждение я докажу фактами. Родился я 2 июня (ст.ст.) 1891 года в бедной семье, занимавшей самую низшую ступеньку общественной лестницы. Отец мой был солдатом, унтерофицером 1-го Западно-Сибирского линейного батальона, расквартированного в Усть-Каменогорске. Жалованья он получал 3 рубля в месяц, а мать зарабатывала на жизнь шитьем солдатских рубах по 8 коп. за штуку.

И все же в семье были культурные запросы, читались книги, в 1896 году выписывался журнал «Вокруг света» с приложением 12 томов Майн-Рида, и я с восторгом читал «Всадника без головы» и «Остров Борнео».

Да, читал, хотя мне было всего 5 лет. Но я научился грамоте необычайно рано, в 3–4 года, и неграмотным себя не помню.

В 8 лет я пошел учиться в городское училище, меня приняли сразу во второе отделение. Городские училища – это были учебные заведения для нас, для бедноты. Плата за обучение взималась 3 рубля в год, тогда как в гимназиях брали 60–80–100 рублей. Если бы у нас, в Усть-Каменогорске, и была гимназия, я бы туда все равно не попал из-за одной платы за учение, не говоря уже об учебниках, о форме.

Городские училища давали своим выпускникам немаловажные по тем временам льготы: право на первый классный чин на государственной службе и сокращение срока по воинской повинности. И еще одно, тоже очень существенное для нашего брата: право держать нетрудный экзамен на сельского учителя.

Значительное большинство моих товарищей шли именно по этому пути – становились сельскими учителями. Другие поступали в Семипалатинскую учительскую семинарию и опять-таки получали звание учителя начальной школы.

Мне, по моему малолетству, вначале был закрыт и тот, и другой путь: я окончил городское училище в 13 лет (все мои товарищи выходили оттуда в 16–18). И только после двух лет вынужденного безделья я решил пойти тем же путем, как и все мои спутники: подал заявление о приеме в подготовительный класс Семипалатинской учительской семинарии (туда принимали с 15 лет).

Заявление было послано, к экзаменам меня допустили, и я трое суток ожидал парохода на пристани. А в том году (1906-м) Иртыш сильно обмелел, и судоходство прекратилось, все пароходы, и выше, и ниже Усть-Каменогорска, сидели на мели. Я уже опаздывал на экзамены, и в это время (примерно 1 августа) за мной на извозчике приехал папа.

«В семинарию ты не поедешь», – сказал он. «Я узнал, что в Томске открывается учительский институт, будешь держать экзамены туда. Но для этого надо проучиться еще год в городском училище, пройти повторительный курс в старшем отделении».

Я, ни о чем не расспрашивая, с детской беспечностью сел на извозчика, и мы поехали домой. В свои 15 лет я был очень мал ростом, скорее напоминал десятилетнего. И вот с такими своими физическими данными я должен был вести занятия в младших классах городского училища, как практикант! Ситуация складывалась точно такая, о какой я прочитал позднее в романе А. Доде «Малыш».

Как не сказать, что мелководье на Иртыше оказалось для меня спасительным. Если бы я в ту осень добрался до Семипалатинска, я, конечно, поступил бы в семинарию и через 4 года стал бы сельским учителем. А подавляющее большинство моих товарищей, сельских учителей, были мобилизованы в 1914–1915 годах, стали офицерами и погибли в I мировую или гражданскую войну. А из тех, кто уцелел, многие пострадали во время культа личности.

Почему не постигла такая участь меня? Ведь, окончив Томский учительский институт, я тоже стал учителем, значит пошел по той же дороге, что и мои товарищи. А дело в том, что благодаря многим несообразностям царского законодательства в области народного просвещения, окончившие учительский институт стояли намного выше «семинаристов». И в институте, и в семинарии курс учения был 3 года (без приготовительного класса), и туда, и туда принимали с 16 лет, в том и другом программы не очень различались. Но учительский институт давал право препо-

давания в городских и высших начальных училищах, в младших классах гимназий и реальных училищ. А там за выслугу лет шло производство (чины, и при удаче можно было дослужиться до генеральства). Да и мобилизовали в армию «городских» учителей в самую последнюю очередь.

Как видим, общественное положение окончивших учительские институты было намного выше, чем у «семинаристов». Да и заработная плата сильно различалась: учитель сельской школы получал 30 рублей в месяц, а учителя высшего начального училища – 80 рублей в первый год службы и за каждые 5 лет школьной работы полагалось 15 рублей надбавки. Учитель высшего начального училища с 20-летним стажем получал 140 рублей в месяц, почти впятеро больше сельского учителя. В гимназиях и реальных училищах зарплата была еще выше.

Итак, если здесь уместно употребить слово «привилегированный», то в системе начального и среднего образования учительские институты являлись «привилегированными» учебными заведениями, хотя и у них имелся свой большой минус: после института не принимали в вузы, т.к. у нас не изучались латынь и новые языки. И сделано это было специально для того, чтобы оканчивающие не поступали в университеты и другие вузы, а оставались работать в народном просвещении.

Учительских институтов в России было очень мало, Томский институт, если не ошибаюсь, стал десятым. В год его открытия – 1906-й – абитуриентов съехалось очень мало, и были приняты все желающие, чуть ли не с двойками (контингент принимаемых ежегодно составлял 25 человек).

Не то было в 1907 году. Молва об институте, в который было легко поступить, разнеслась по всей обширной России, и на 25 мест явилось 150 кандидатов. В числе их была и моя скромная персона.

В далекий путь я отправился не один. Мы ехали неделю, сначала Иртышом до Омска на пароходе, а потом по железной дороге. Папа, необычайно заботившийся о своих детях, разыскал в городе бывшего усть-каменогорского учителя А.К. Бороздина, приезжавшего с семьей на каникулы, и тот любезно захватил меня с собой. Во время экзаменов я жил у него на Магистратской в частной гимназии, где А.К. Бороздин служил классным надзирателем. Оттуда, с Магистратской[14], я шагал через весь город – верст пять – на окраину, в институт, помещавшийся неподалеку от ст. Межениновка. Однако ноги были молодые, здоровые, путь не утомлял.

Вступительные экзамены проводились всего по трем предметам: Закону Божию; русскому языку: диктант, сочинение, устный; арифметика: письменная и устная. Но т.к. конкурс был велик, то требования предъявлялись суровые, любая ошибка оказывалась роковой. Я по всем предметам получил пятерки и в списке принятых шел под номером первым со средней оценкой «5». Последний из принятых имел средний балл $4^1/_6$ (пять четверок и одна пятерка).

Меня приняли с общежитием на стипендию 200 рублей в год, что по тем изобильным временам казалось нам верхом роскоши. Квартира давалась бесплатно, на питание уходило рублей 12 в месяц, на баню, стирку белья, театр оставалось почти 5 рублей в месяц. Красота!

Да я еще подрабатывал: переписывал по копейке за строчку церковные ноты для нашего учителя пения, композитора Андрея Викторовича Анохина. Должен признаться, что я безбожно отодвигал одну ноту от другой, чтобы вышло побольше строчек, учитель только улыбался…

Итак, я воспитанник Томского учительского института. Это был огромный, колоссальный скачок вверх, он положил начало всем моим дальнейшим, жизненным успехам. Достаточно сказать, что в десять учительских институтов страны принималось ежегодно всего 250 человек, а юношей моего возраста в стране насчитывались миллионы. И даже если говорить лишь о тех,

кто по образованию мог претендовать на прием в институт, то и таких были многие десятки тысяч…

Придирчивый читатель может заметить, что, раз я был так блестяще подготовлен, то мог поступить в любой другой институт и при любом конкурсе. Это совершенно верно, но ближайший институт был в Казани, а дальше – Москва, Петербург… Конечно, у меня «не хватило бы пороха» добраться туда при наших скудных средствах, при моей физической недоразвитости. Нет, конечно, моим уделом была бы учительская семинария в Семипалатинске, если бы не выручил Томск! Земной поклон ему за это – милому старому городу!

Земной поклон милому институту, приютившему меня в своих стенах на три учебных года!

Земной поклон его директору, добрейшему Ивану Александровичу Успенскому!

Но нужно рассказать о годах ученья, это поучительно и интересно. Интересно потому, что Томский учительский институт был светлым оазисом среди учебных заведений эпохи реакции, наступившей после разгрома I русской революции. Я читал рассказы об учительских институтах Сер.-Ценского, Свирского и других. Судя по этим литературным произведениям, институты больше напоминали арестантские роты с грозным директором, с самодурами-учителями. У нас не было и тени подобного…

В институтском вестибюле висели «Правила внутреннего распорядка». Там было все расписано по минутам: подъем в 7.30, на завтрак в столовую парами в 8.00, из столовой в церковь на молитву парами в 8.30 и т.д. и т.д.

Покидание общежития и прием посетителей разрешались лишь в определенные дни и часы недели и только с санкции директора, и много еще строгих правил регламентировали жизнь в интернате.

Да, суровые были правила, но… они совершенно не соблюдались!

Иван Александрович частенько будил меня после девяти утра, стаскивая одеяло: «Волков! Давно пора быть на занятиях!»

«Сейчас, Иван Александрович!» А сам еще досыпал полчасика…

Дело в том, что у нас посещение занятий было свободным. На уроках словесности и математики всегда присутствовали все: эти предметы вели хорошие преподаватели, словесник Алексей Матвеевич Орлов (рано сгорел от туберкулеза), математик Василий Иванович Шумилов (впоследствии профессор математики Московского института цветных металлов и золота, умер в 1955 году). На других занятиях в порядке очереди отсиживали 7–8 человек (нельзя же было совсем срывать уроки!).

И дело шло, экзамены сдавались только на «хорошо» и «отлично».

Не знаю, было ли еще в России закрытое учебное заведение с таким свободным режимом, как у нас? Едва ли…

В 1907–1908 годах еще сильны были отзвуки революции. Мы собирались на сходки, произносили пламенные речи против самодержавия, пели революционные песни.

Иван Александрович, конечно, об этом знал. Но он не бегал в охранку, не доносил на своих питомцев, а со свойственным ему педагогическим тактом делал вид, что ничего не знает. И все обошлось, ни один человек не пострадал…

Мудрым был руководитель Иван Александрович Успенский, он понимал, что имеет дело с взрослыми людьми. Ведь в нашем классе (у нас были классы, а не курсы) 16-летних мальчишек, выпускников городских училищ, было всего шесть человек, а остальные – много поработавшие сельскими учителями в возрасте двадцати-тридцати лет и даже старше. И смешно было бы их заставлять ходить парами в столовую и церковь…

Три года ученья пролетели быстро, и вот я, 19-летний юнец, правда, выросший в институте на две головы, еду учителем в заштатную Колывань»[15].

Этот очерк был написан в мае 1974 г. по просьбе томички Н.В. Лобановой специально для проектировавшегося литературного музея, который не был открыт. Этот текст не был опубликован. Копия этого текста была обнаружена в семейном архиве А.М. Волкова в августе 2002 г. и опубликована в журнале «Сибирские Афины» в том же году. Анализируя этот очерк А.М. Волкова, необходимо отметить некий налет официальности, парадности, обобщенности, характерный для заказного послания.

Совсем другой колорит носят личные воспоминания А.М. Волкова об этом же периоде своей жизни, опубликованные в статье «Невозвратное (страницы из книги воспоминаний)». В обоих текстах много повторяющегося материала, но есть и интересные детали, дополняющие общую картину учебы в Томском учительском институте. Итак, А.М. Волков писал: «В начале августа 1907 года я приехал в Томск держать приемные испытания в учительский институт. Мне исполнилось 16 лет, но я был очень мал ростом и слабосилен. Однако умел постоять за себя и не давался в обиду старшим ребятам.

Меня неприятно поразило количество абитуриентов. Институт в Томске открылся только год назад, об этом тогда мало кому было известно, и число желающих поступить в него не превышало числа мест. Поэтому, как говорили, принимали даже с двойками. Слух об этом разнесся «по всей Руси великой», и народу нахлынуло ни много ни мало – 150 человек, по шести желающих на одно место. Съехались отовсюду: из Владивостока и Риги, из Вологды и Бессарабии, из Якутии и Орла…

Большинство поступавших были народные учителя со стажем в пять, десять и более лет. Они казались опасными соперниками для нас, выпускников городских училищ (а таких тоже было немало), но только казались. Программа экзаменов была невелика: Закон Божий, русский язык, арифметика – и все это в объеме городского училища. В программу не входили геометрия, история, география, естествознание…

И вот эта кажущая легкость погубила многих: они пренебрежительно отнеслись к подготовке, полагая, что все знают. И они действительно знали, но только в общих чертах, но надо было знать до тонкости, во всех деталях, чтобы не поддаться на ухищрения экзаменаторов.

К немалому моему облегчению, среди экзаменующихся я встретил такого, который оказался еще меньше меня ростом: это был Сережа Наумов, с которым мы потом проучились три года. Бедняга, он так и не вырос!

В коридоре я увидел блестящего господина с усами и бородкой, в форменной тужурке с голубыми петлями. Я боязливо спросил: «Кто это? Директор института?» Мне, рассмеявшись, ответили: «Поступающий Верещака. Из Молдавии». Блестящий Верещака исчез после одного из первых экзаменов: провалился.

Да, после каждого экзамена люди десятками забирали документы и отправлялись восвояси: педагоги резали жестоко, и за каждую маленькую ошибку сыпались тройки и даже двойки. Оставались только самые закаленные бойцы: в числе их оказался и я.

Чтобы мы, учащиеся учительских институтов, не возомнили о себе слишком много, нас официально именовали не студентами, а воспитанниками, и переходили мы не с курса на курс, а из класса в класс.

Учительские институты были средними учебными заведениями, да только не совсем. По общеобразовательным предметам наши программы примерно соответствовали программам мужской гимназии, но языков мы не изучали. И поэтому дорога в университет и высшие технические учебные заведения была для нас закрыта.

И сделано это было неспроста, а с тонкой целью: ведь если бы была возможность пойти выше, то очень многие, окончив учительский институт, не стали бы отрабатывать шесть лет за стипендию, а пошли бы учиться дальше.

Словом, между учительским институтом и вузом был такой же умышленный разрыв, как между городским училищем и гимназией. Царское правительство ставило всяческие препоны на пути выходцев из народа, стремившихся добиться высшего образования.

Как казеннокоштный, то есть зачисленный на стипендию воспитанник, я получил койку в огромном дортуаре, разделенном на две части колоннами; рядом стояла тумбочка для всякой мелочи, отделявшая мою кровать от соседней. Наша стипендия по тем временам была очень приличная: 200 рублей в год, 16 рублей 66 копеек в месяц. Этого вполне хватало на все наши потребности.

За квартиру, отопление и освещение с нас ничего не брали. Хозяйство у нас велось артельное. Это означало, что на определенные сроки из старших ребят выбирался артельщик и его помощники, которые покупали провизию и следили за ее расходованием. Теперь их назвали бы завхозами.

Завхозы вели хозяйство экономно, на питание у нас уходило рублей 12 в месяц и около 5 рублей оставалось на баню и стирку белья, на кино и театр и т.п. Летняя стипендия выдавалась за два месяца вперед, и этого хватало на дорогу домой.

Наш милейший Иван Александрович превратил Томский учительский институт в какую-то совершенно свободную, самоуправляющуюся коммуну. Плохо ли это было? Я думаю – очень хорошо! Успеваемость была высокая, хотя мы ходили только на уроки тех преподавателей, которые вели их хорошо. А у других сидели для приличия и зевали там по 7–8 человек в порядке строгой очередности. Нарушений дисциплины не было, потому что ее, формальной дисциплины, с нас не требовали.

Были ли наши порядки результатом того, что недавно отгремела и еще не совсем затихла первая русская революция? Не могу этого утверждать. Ведь в других учебных заведениях в эпоху реакции гайки были завинчены еще туже.

Думаю, что дело было в большом педагогическом такте нашего директора. Успенский понимал, с кем имеет дело, доверял нам, и не без основания. Взять хотя бы его отношение к нашим сходкам. Мы собирались в актовом зале, выступали с горячими речами, пели революционные песни, и все это не имело никаких последствий. Другой педант-директор вызвал бы полицию, начались бы репрессии, многие полетели бы из института. А у нас ничего такого не случалось, ни один учащийся не пострадал за свои революционные убеждения.

Благодарную теплую память сохранил я о годах ученья в Томском учительском институте. Там получил я основательную методическую подготовку, которая позволила мне, постоянно повышая свою квалификацию, пройти почти полувековой путь педагога от преподавания в начальной школе до заведования кафедрой высшей математики в столичном вузе»[16].

Как видно, у приведенных текстов имеется общая основа, которая варьируется, взаимно перекликаясь и дополняя друг друга, и рисует довольно разноплановую картину жизни и учебы в Томске. В них чувствуется взволнованно-возбужденный голос автора, заново переживающего удовлетворение от своего успеха при поступлении в институт. Многократно переживая этот момент, А.М. Волков писал в краткой автобиографии: «Мне помогли свежая память, большая начитанность, математические способности: я был принят первым, с круглой пятеркой по всем предметам, на стипендию в 16 рублей 66 копеек в месяц, с бесплатной койкой в общежитии. Это казалось мне сказочным богатством!»[17]

Существует еще одна – дневниковая – запись о поступлении и учебе Александра Волкова в Томском учительском институте. Она была выявлена в сентябре 2003 г. после передачи К.В. Волковой рукописи в руки автора. Этот текст имеет свои особенности, отличающие его от двух предыдущих. Сравним их: «Невозможно переоценить значение того решения, принятого отцом в ясный августовский день! В нем была вся моя жизнь, все будущее! Не будь этого спасительного мелководья, я поехал бы в Семипалатинск, экзамены я выдержал бы безусловно, и через 4 года, в 1910 году, стал бы сельским учителем. А от сельского учителя до городского (каких готовили учительские институты) было в те времена, как от земли до неба. Если семинаристы работали в городских училищах, то «институтцы» (как они назывались) могли преподавать в младших классах гимназии, их возможности были неизмеримо больше. Мои однокашники, сельские учителя, во время войны были призваны в армию, направлены в пехотные училища и многие из них погибли в боях с немцами, а других не пощадила гражданская война. А тех, кто уцелел в горниле двух войн, потом постигли репрессии за то, что они были офицерами (Алексей Ермаков, Борька Коротаев, Ваня Лукьянов, Михаил Пащенко, Ефим Пермитин) и многие-многие другие)[18]. Не будь того счастливого дня, я не писал бы сейчас эти воспоминания, а кости мои тлели бы где-нибудь в Карпатах… Ведь я спасся от мобилизации только потому, что был учителем высшего начального училища.

…Бороздин[19] взялся довезти меня до Томска (за наш счет, конечно) и содержать у себя на квартире во время экзаменов. Об обратном пути я самоуверенно не думал. Мы двинулись в путь где-то около 20 июля, потому что экзамены начинались 1 августа. Дорогу до Семипалатинска я проделывал не раз, только сухопутьем, а теперь пришлось плыть по реке. В Семипалатинске пересели на большой двухэтажный пароход, ходивший по нижнему плесу. Тысячекилометровый путь до Омска мы проделали за трое-четверо суток. Там мы совершили порядочный путь на извозчике от речной пристани до вокзала и впервые в жизни я вошел в железнодорожный вагон. Но я не был дикарем-провинциалом, все это было мне хорошо знакомо по литературе, и я не выглядел таким восторженным простаком, как Михаил Иванович из «Растеряевой улицы» Успенского. Примерно сутки ехали мы до станции Тайга, а там новая пересадка на томскую ветку. Путешествие продолжалось неделю.

Гимназия, где работал Бороздин, помещалась в центре города на Магистратской[20] улице, а институт – на самой окраине города в районе ст. Межениновка. Расстояние было 4–5 верст. Я храбро преодолел его (конечно, пешком, а не на извозчике, у меня не было таких капиталов) и нашел свою фамилию в списке допущенных к экзамену. Но меня неприятно поразило обилие абитуриентов. Конкурс по тем временам был жестокий.

Помню, перед экзаменом по русскому языку, куда входило и испытание по церковно-славянскому, я привел в изумление своих товарищей. Я открыл евангелие, прочитал текст, перевел и начал грамматический разбор. Как я блестяще разбирался во всех этих аористах, прошедших, продолженных и давнопрошедших временах! «Ну и ну!» – только и сказали ребята. С самого начала я шел на одних пятерках, и когда насмеливался остановить в коридоре директора и спросить, как мои дела, он улыбался в ответ и говорил: «Поступите, Волков, поступите!»

Не помню, что меня спрашивали по Закону Божию, но протоиерей Дагаев так натренировал меня, что оценка не могла быть ниже пятерки. Такая она и была. Сочинение мы писали «Реформы Петра Великого». Оценка – 5. За диктант, очень длинный и сложный, получил 5–, пропустил одну запятую. Русский и славянский устно – пятерка. Арифметика письменная – пятерка. Уж тут-то я, перерешавший всего Малинина и Буренина, мог забить любого академика. На устном экзамене по арифметике был драматический момент. На вопрос, какое бывает деле-

ние именованных чисел, я почему-то вдруг не смог сразу ответить. Класс тревожно замер: ведь я, выражаясь по-спортивному, был лидером. Но задержка длилась не более пяти секунд. «По содержанию и на части», – ответил я, и раздались облегченные вздохи. Оценка – пять.

И вот Санька Волков, мальчишка из глухого городка, девичий пастух, стоит перед списком принятых в институт и видит: «Волков Александр – средний балл – 5». Среди цвета молодежи, собравшейся со всей необьятной России, среди людей, испытанных в экзаменационных битвах, я оказался первым! У одного меня были пятерки по всем предметам, равного мне соперника не было. Следующие за мной уже имели средний балл $4^5/_6$. И у самого последнего, замыкающего этот список, средняя оценка была $4^1/_6$. Абитуриенты с круглой четверкой не прошли: это был не 1906 год!

Как бы я хотел теперь прочитать письмо, написанное мною учителям городского училища! Это письмо, извещавшее о моей победе, было необычайно хвастливым. Но, конечно, учителя были довольны и не только потому, что за мою подготовку им было выплачено по 10 руб. каждому (такой был порядок). Они были искренне рады моему успеху, потому что любили меня.

Кстати, я был так уверен в своих знаниях, что совсем не готовился к экзаменам, а придя из института, целые дни читал, благо для меня была открыта богатая гимназическая библиотека. И это там, в те дни, я впервые прочитал «Тома Сойера» и «Гека Финна», книги, которые произвели на меня огромное впечатление.

А вот тот путь, который я делал ежедневно: сначала по Магистратской, потом по Миллионной[21], и с нее, еще мощеной булыжником, сворачивал налево, на длинную и грязную Нечаевскую[22] улицу. А там малость вправо и открывалось двухэтажное здание учительского института, глядевшее широкими окнами в поле и на березовые рощи, где мы потом готовились к экзаменам. За рощами вдалеке фасадом к нам виднелось Епархиальное[23] училище – среднее учебное заведение для девиц духовного сословия.

В интернате при институте я прожил три года. Я получил койку в огромном дортуаре… В первый год моей учебы в этой спальне помещалось человек сорок (1-й и 2-й классы). Стипендия по тем временам была приличная – 200 руб. в год (в Семипалатинской семинарии стипендия была – 100 рублей в год). Этого вполне хватало на все наши потребности. За квартиру, отопление и освещение (там я впервые познакомился с электрическим освещением) с нас ничего не брали. Таким образом, уже в 16 лет я стал совершенно самостоятелен и почти ничего не стоил папе; он только давал мне после каникул деньги на дорогу в Томск.

Двадцать пять человек поступило в институт в 1907 году, и все его окончили три года спустя, ни один не выбыл ни по болезни, ни по успеваемости. Что и говорить, закаленный был народ, и не в пример теперешней молодежи, мы зубами и когтями цеплялись за возможность получить образование. Я смело могу проводить сравнение, так как 25 лет преподавал во втузе и знаю, как много лентяев отсеивается там после первой же экзаменационной сессии.

По национальности почти все были русские, и только трое представляли исключение: Демьянко Семен – украинец, Гутыр – молдаванин и Алеша Хабагаев – бурят. Жили дружно. У меня, вероятно, силен инстинкт приспособляемости, потому что в интернате я чувствовал себя как дома. Не обходилось, конечно, без мальчишеских ссор и драк. Петька Зырянов обладал особенным даром дразнить меня. Раз он меня до такой степени взбесил, что я погнался за ним с чернильницей в руках. Видя, что мне не догнать увертливого парня, я с размаху запустил в него чернильницей. К сожалению, я промахнулся, и пятно на стене осталось надолго.

Здесь надо поговорить о моем воспитании. По сути дела, я не получил никакого воспитания, и в свои 16 лет был совершенно неотесанным парнем. Семья у нас была полукрестьянская, по-

лумещанская, и, конечно, крестьянский элемент в ней преобладал. Только на квартире у Бороздина я впервые столкнулся с тем, что каждый ест из отдельной тарелки. И у нас, и у Фальковых суп хлебали деревянными ложками из общей чашки.

Нам выдали письменные принадлежности и учебники (бесплатно). Схватив кипу учебников, я убежал в укромный уголок и смотрел на них очарованным взором. Особенно восхитили меня руководства по русскому языку. Перебирая книги, я шептал: «Кентуялла! Саводник![24] Коробка!». По алгебре и геометрии я получил учебники Давыдова, по древней истории – Виноградова. Да, это были серьезные книжки, не то, что в городском училище. Но в моей душе не было страха, я знал, что все это мне по плечу.

Расскажу о наших преподавателях. Начну с законоучителя, отца Иоанна Ливанова. Это была совершенно бесцветная личность, о которой у меня в памяти не сохранилось ничего. Он преподавал нам священную историю, катехизис, нравственное и догматическое богословие.

Нашим любимцем был Алексей Матвеевич Орлов. У него аудитория всегда была полна. Он преподавал свой предмет живо и увлеченно. Он умер еще в молодые годы от чахотки.

Преподавателем естествознания и физики был Иннокентий Николаевич Сафонов, большой чудак, которого мы любили со слегка ироническим оттенком. Он походил на испанца: худой, высокий, смуглый, с черными усиками и эспаньолкой. Это был безобидный, хороший человек.

Директор, Иван Александрович, преподавал у нас в старших классах педагогику и дидактику. К нему на уроки ходили почти все, и не от страха, а просто мы любили и уважали его…

Я работал педагогом почти полвека, прошел все ступени от начальной школы до вуза, и до тонкости знаю всю специфику педагогического труда. И я должен сказать, что у наших учителей было поистине райское житье. При очень маленькой нагрузке (что там – всего 3 класса) они получали весьма приличное содержание, имели отличные квартиры тут же в здании института (бесплатно!) и им не надо было бежать на занятия по осенней грязи или зимнему холоду. Завидная доля!

Мне с одним товарищем посчастливилось устроиться в физическом кабинете с небольшим количеством приборов. Мы стали как бы его неофициальными хранителями и там готовили свои уроки, что было очень удобно. Там же была небольшая библиотека. Не помню, пользовались ли ею ребята, но уж я-то пользовался вовсю! Там я впервые прочитал «Трое в лодке, кроме собаки» Джерома Джерома и буквально помирал со смеху над забавными приключениями героев.

Институт хорошо обеспечивал своих питомцев. Вскоре после поступления всем стипендиатам были пошиты за казенный счет форменные костюмы и шинели, выданы фуражки.

Ели мы пять раз в день. В 8 часов утра легкий завтрак, чай. В 12 часов – второй завтрак, более основательный – с котлеткой, антрекотом или вообще чем-нибудь мясным. В 3 часа сытный обед из двух блюд, по праздникам – со сладким. В 6 часов вечера чай с хлебом. И, наконец, вечером легкий ужин: кружка молока с хлебом. Питание, как видно, обильное, но мне его явно не хватало. Мой организм, запоздавший с физическим развитием на несколько лет, требовал большего. И я это большее нашел. Находил я его в большой русской печи, где повара (как видно, очень добросовестные люди) оставляли излишки вторых блюд от обеда: там можно было найти в количестве нескольких штук (обычно, не более десятка) котлетки, зразы, битки и прочую мясную снедь. И каждый вечер я неукоснительно спускался в полуподвальный этаж, в столовую, раньше других ребят, вытаскивал из печи эту снедь и съедал ее всю без остатка, будь там хоть десять котлет. Не понимаю, как это все в меня влезало, но у меня был какой-то неукротимый зверский аппетит!

Я очень строго хранил свою тайну, и за весь год никогда никто меня не застал за доеданием остатков и никогда у меня не было соперника… Зато как я рос! Рос неудержимо, прямо на глазах. Я каждый месяц вырастал сантиметра на два и к лету 1908 года вырос больше, чем на голову. Родные дивились, видев вместо уехавшего от них мальчишки долговязого нескладного парня. Вот как подействовал на меня «дополнительный паек». Любопытно, что во втором классе института я ел, как все, и уже не охотился за остатками.

В начале года у нас был организован кружок для желающих учиться играть на скрипке. Я тоже записался в него и мне дали инструмент. После нескольких занятий кружок распался, а я стал заниматься самостоятельно. Самостоятельные занятия немного мне дали, и играл я всегда неважно.

В институте я выучился играть в шахматы. Этой игрой у нас увлекались многие, потому что это было приятное развлечение в часы досуга, а досуга у нас было сколько угодно.

Синематографа, как тогда говорили, в Томске не было. Картины показывали в Общественном собрании на Миллионной улице, версты за три от нашего института. В этом собрании выступали приезжавшие на гастроли оперные и драматические труппы.

Томский театр сгорел во время революции 1905 года. Он был сожжен во время митинга черносотенцами, и произошло это с благословения томского архиепископа Макария. За свой «подвиг» (в горящем здании погибли многие сотни людей) он был повышен и стал митрополитом Московским. Об этом можно было прочитать в «Энциклопедическом словаре» Павленкова, в особом к нему, нелегальном, прибавлении. Мне такой словарь продал приказчик в книжном магазине П.И. Макушина, достав его из-под прилавка, когда по моему костюму определил мою «благонадежность».

В кино мы ходили часто целой компанией. Практики сеансов тогда еще не выработалось, за 50 коп. нас развлекали целый вечер, показывая 3–4 полнометражные картины (они не были такими длинными, как теперь). Картины шли очень хорошие, снятые с большим профессиональным искусством. В них участвовали Вера Холодная, Мозжухин, в заграничных комических фильмах смешил зрителей Макс Линдер…

С первого же класса я стал зарабатывать добавочно к стипендии перепиской нот. Почему-то в переписчики нот для хора Анохин избрал меня. Может быть потому, что я не пропускал его уроков и пел, хотя и безголосо, но усердно. Церковный хор из воспитанников пел чудесную вещь, мелодию которой я помню и теперь:

Слышишь, в селе за рекою зеркальной
Глухо разносится звон погребальный
В мирном затишье полей…
Мерно и грозно, удар за ударом,
Тонет в дали, озаренной пожаром (2 раза)
Алых вечерних лучей.
Слышишь, звучит похоронное пенье:
Это апостол труда и терпенья,
Мирный работник почил.
Долго он шел трудовою дорогой,
Долго родимую землю с тревогой (2 раза)
Потом и кровью поил…
Много он вынес могучей душою,
С детства привыкшей бороться с нуждою…

Пусть же в могиле сырой
Он отдохнет от забот и волненья,
Этот апостол труда и терпенья (2 раза)
Нашей отчизны родной.

Добываемые перепиской нот 3–4 рубля в месяц очень укрепляли мой бюджет, даже позволили мне выписать журнал «Природа и люди».

Во втором учебном году место преподавателя математики Пахомова занял веселый и знающий свое дело Василий Иванович Шумилов. Смуглый цвет кожи, немного монгольские черты лица заставляли думать, что в жилах Шумилова текла восточная кровь. Преподавал он хорошо и стал одним из наших любимых учителей. Приехал он в Томск из Бессарабии, где до того проработал несколько лет и был еще очень молод для своего положения. Было ему всего 29 лет, и многие из наших ребят, такие как Иванов и Емельянов, были несколько старше Василия Ивановича. Но на их отношениях это, конечно, не отражалось. Он был учитель, они – ученики.

Ученье мое шло абсолютно легко, при моей памяти мне совершенно нечего было делать. И я увлекся работой в мастерской. Наша мастерская, громадная высокая комната с двумя десятками столярных верстаков, с токарными станками и кузнечным горном была предназначена для того, чтобы приготовить из нас учителей ручного труда. И мы получали в аттестате отметку, дававшую нам право преподавать ремесла столярное, слесарное и кузнечное. В мастерской были большие запасы различных материалов: дерево различных сортов, фанера, краски, лаки, жесть. Все это выдавалось учащимся совершенно бесплатно, только работай. А сделанные вещи поступали в пользу того, кто их сделал. Это давало хороший заработок старшим ребятам, которые делали шкафы и этажерки и продавали их. Не знаю, был ли такой порядок общим для всех учительских институтов, или опять-таки мы были обязаны им либерализму Ивана Александровича.

На первом году ученья я занимался столярным делом. Сделал себе футляр для казенной скрипки (впрочем, она потом незаметно перешла в мою собственность). Сделал настенную этажерку с разными вычурами и подвесил ее над своей койкой. Уезжая из института, я подарил ее одному из товарищей. А во втором классе я увлекся слесарным и кузнечным ремеслом, и это повлекло за собой драматические последствия. Дело в том, что наши старшие товарищи, третьеклассники, уже должны были проходить педагогическую практику, и потому при институте открылось образцовое городское училище. А его классы как раз находились по тому коридору, который замыкался мастерской. И вот, когда учитель городского училища объяснял своим слушателям какие-нибудь важные вещи, по всему коридору раздавался неистовый шум и грохот: это ретивый Волков, один забравшись в мастерскую в неурочное для этого время, бьет молотом по наковальне, выковывая зубило. И вот какие у нас были свободные порядки: вместо того, чтобы с треском выпереть меня из мастерской, чего я вполне заслуживал, и закрыть за мной двери на замок, учитель приходил ко мне и вежливо упрашивал, чтобы я вел себя потише. Я, конечно, давал слово, а потом увлекался, и все начиналось снова. Еще благо, когда я занимался жестяницким делом: резал белую жесть и паял из нее разные баклажки, это все-таки было ремесло тихое…

Во втором и третьем классах много вечеров отнимало у нас хождение в Общественное собрание и цирк на набережной Ушайки. И то, и другое находилось очень далеко: три-четыре версты, но что могло нас остановить? В осеннюю распутицу бежали мы веселой гурьбой по высо-

ким дощатым тротуарам, опасаясь свалиться с них в грязь. А грязь на Нечаевской, главной артерии, соединяющей нас с центром города, как, впрочем, и на других немощеных улицах, была феноменальная. От тротуара до тротуара стояла она жидкая, спокойная, глубиной по колено, и в лунные ночи сверкала как река… Зимой холодный ветер продувал наши легкие шинелишки, ноги в ботинках зябли, но нам было все нипочем.

Я уже писал, что в Томске не было театра, и приезжие труппы гастролировали в Общественном собрании. В те годы побывали там и оперные артисты и драматические. Мы воздали должное и тем и другим. Из драматических постановок мне запомнилась символическая «Жизнь человека» Л. Андреева и купринский «Поединок» (инсценировка повести). А из опер почему-то лучше других помню «Чио-Чио-Сан».

Средства наши, надо прямо сказать, были небогатые, и частое хождение в театр сильно истощало наши кошельки. Театральная администрация шла студентам навстречу и отвела для нас один ряд посреди партера по льготной цене 50 копеек за место. Но и полтинник надо где-то раздобыть, а это не так легко, когда весь твой капитал 4–5 рублей в месяц за все про все.

Но мы нашли выход из положения: половина из нас проходила по билетам, другая – без. И делалось это так. Контроль при входе ставился часов в шесть, а до этого времени в зал можно было входить свободно. Двое-трое из наших шли в театр спозаранку, занимали для всех места в студенческом ряду, завязывая спинки стульев носовыми платками. А потом, когда появлялся контроль, они шли на улицу, заменявшую там фойе, и получали контрамарки на вход. Но ведь билеты у них не были прокомпостированы, и вся наша компания входила в зал «на законных основаниях».

К сожалению, уловки, годные в Общественном собрании, нельзя было применить в цирке, там надо было расплачиваться чистоганом. Но в один из сезонов мы так увлеклись цирком, верней, проходившей в нем французской борьбой, что шли и на такой расход. Мы довольно хладнокровно смотрели знакомые номера и ждали, когда пройдут 1-е и 2-е отделения, и на ковре появится шеренга борцов-тяжеловесов с толстыми шеями и стальными мускулами. Блестящий конферансье выходил и с помпой объявлял: «Чемпион мира – Черная маска!» Широкоплечий богатырь в маске делал шаг вперед и кланялся. Гремели аплодисменты. «Чемпион Франции – Гастон Дюмурье!» Новый поклон и новые аплодисменты. «Чемпион России – Василий Аксенов!» Такое созвездие чемпионов в провинциальном цирке могло бы удивить более искушенных зрителей, но нас оно восхищало. Мы с затаенным дыханием следили, как огромный Мартынов возится на ковре с еще более огромным Аксеновым, и они, тяжело дыша, стараются положить друг друга на лопатки, а возле них суетится маленький судья… Мы не знали, что все это было подтасовано, что борьба длится до определенного момента, пока не придет пора сдаться тому из противников, которому выпало быть на этот вечер побежденным… А настоящая цена каждому борцу устанавливалась в далеком Гамбурге, откуда и пошло выражение, теперь, пожалуй, понятное только знатокам: «по гамбургскому счету» (означало это: «начистоту», «без подтасовки»).

А были в Томском цирке и такие номера, которые могли неподдельно увлечь зрителя. Гастролировала там труппа «Горных орлов». Она устраивала свои акробатические номера под самым куполом цирка, они перелетали с одной трапеции на другую, ловили друг друга за руки и за ноги, пролетали в воздухе один над другим… Все это как будто и нетрудно, но дело в том, что они работали с мешками на головах, буквально ничего не видя. Это блестящее мастерство.

Выступал в цирке фокусник, присвоивший себе знаменитое имя Пинетти. Работал он неважно, да и положение у него было трудное. На обычной сцене фокусники многое делают за

спиной, а что сделаешь на круглой арене, где нет «спины». В самый драматический момент вдруг раздавался восторженный рев с галерки: «Ах ты, язви тебя в печенку, у тебя бумажное яйцо на веревочке за спиной!» Фокуснику оставалось только смеяться и «разоблачать» свои фокусы. Но вот что у него безукоризненно выходило, без всякого обмана. Он протыкал длинными стальными спицами с тупыми кончиками свои щеки, язык, ладони… Фокусник спускался к публике, и всякий мог видеть, что тут дело чистое.

Самой существенной особенностью наших занятий в третьем классе было то, что мы проходили методики, присутствовали на показательных уроках и сами давали так называемые пробные уроки, которые потом обсуждались преподавателями и товарищами и за которые выносилась оценка. Нелегкая это штука – встать впервые перед двумя десятками ребят, которым ты должен что-то преподать, и в то же время чувствовать, что за тобой следит полсотни глаз твоих соклассников, готовых подметить любую твою ошибку. Не всякому из нас это хорошо удавалось – дать пробный урок. Я помню, как у Иванова мелко дрожала линейка в руке, когда он стоял перед классом, а ведь он проработал сельским учителем несколько лет. А вот, как это ни странно, я давал уроки очень спокойно. Я волновался накануне, волновался с утра перед уроком, но, входя в класс, становился абсолютно спокоен и хладнокровен. И потому мои уроки обычно оценивались четверкой. Темы занятий я позабыл. Помню только одну – по объяснительному чтению: читали и разбирали стихотворение Огарева «Ночной сторож».

Подошли и прошли благополучно для всего нашего класса выпускные экзамены. Помню, мы 12 июня (старого стиля) сдавали педагогику, а за окнами валил густой снег: шел настоящий сибирский буран. Все-таки очень суров томский климат: короткое холодное лето, недолгая осень и длинная суровая зима… Мы мало соприкасались с природой во время учебы в Томске, разве что только уходили весной в ближнюю березовую рощу готовиться к экзаменам. В подготовке к экзаменам очень помогали издававшиеся тогда конспекты по всем основным учебникам. Это были книжечки небольшого формата, где коротко и без лишних подробностей, но достаточно полно излагался материал учебника по истории, географии, словесности. Объем конспекта был в 3–4 раза меньше, но если его хорошо проработать, всегда можно было ответить на пятерку.

Недобросовестные ученики прятали конспекты в карман и заглядывали в них, готовясь по билету. Они также пользовались «решебниками» – сборниками решений по всем тогдашним задачникам. Я никогда такими уловками не пользовался. Правда, я иногда на этом и «горел». На экзамене по тригонометрии я долго возился с решением задачи, в решение вносил поправки и получил четверку, а Федьке Гусеву, чистенько переписавшему мое решение, поставили пятерку.

Но, как бы там ни было, экзамены окончены, мне вручен аттестат с пятерками по всем основным предметам – и я учитель! Ни выпускного вечера, ни пирушки по этому случаю почему-то у нас не было устроено. Мы начали разъезжаться. На прощанье нам выдали на обзаведение «третное не в зачет» жалованье, то есть содержание за 4 месяца, о чем были сделаны отметки в аттестатах. Прощайте, мои веселые, беззаботные школьные годы! Вы были лучшим временем моей жизни…»[25]

Как видно, дневниковый вариант воспоминаний А.М. Волкова о жизни и учебе в Томском учительском институте вносит глубоко личные, сокровенные переживания в общую картину томской жизни. Эти воспоминания ценны своей искренностью, непосредственностью, какой-то детской наивностью и притягательностью, сохраненной в сердце на долгие годы. Это и картинки из жизни учительского института, и описание томских «достопримечательностей», и бурлящий задор юности. Как будто перед нами раскручивается кинолента, которая все удлиня-

ется, ярко освещая лица, детали, отдельные фрагменты, обрастая живыми образами и событиями в их жизненном пространстве. Таким образом, имеющаяся совокупность всех трех текстов, дополняющих друг друга, позволяет раскрыть одну из забытых страниц томского периода жизни А.М. Волкова.

Именно в Томске он осознал возможности, открывающиеся перед выпускником института, даже если он – крестьянский сын, почувствовал себя способным трудом и знаниями добиваться лучшей доли, стремиться к реализации своих планов. Томский учительский институт стал для А.М. Волкова началом профессионального роста и определения его предназначения.

Уникальный документ, связанный с Томском, сохранил А.М. Волков. Это письмо знаменитого географа, этнографа и путешественника Григория Николаевича Потанина. «Дорогие юноши! Ваше приветствие для меня особенно дорого потому, что в него вложено то чувство, которое воодушевляло меня в течение всей моей жизни, то чувство, которое меня обязывало и Вас призывает на служение интересам Сибири, в духовном отношении самой отсталой имперской области.

Наше уходящее поколение оставляет сибирскую почву не приготовленной для Вашей деятельности. Вы вступите в жизнь сильнее вооруженными знанием и из Ваших рук Сибирь выйдет преобразованною, более восприимчивою к идеям гуманности, веротерпимости и равенства рас. Желаю Вам успеха в будущей Вашей деятельности и необходимых для успеха мужества, гения и веры в достижении поставленной перед Вами цели. Григ. Потанин. 6 февр. 1910. Томск». Вдохновенное послание великого сибиряка молодежи звучало напутствием и призывом к действию во имя процветания Сибири и нашло горячий отклик в Томске.

В дневниковом варианте воспоминаний А.М. Волкова имеются сведения о судьбе некоторых его сокурсников. Так, Алексей Духанин, работавший в Павлодаре, был членом местной большевистской организации и погиб в годы Гражданской войны; Игнатий Кучинский работал в Семипалатинске, имел троих детей, приезжал к А.М. Волкову в Москву в 1930 г.; Петр Зырянов остался в учительском институте, в 1918 г. он приспособил мастерскую для производства армейских тачанок и тем самым избежал призыва в армию; с Федором Карболиным А.М. Волков проработал несколько лет в Усть-Каменогорской школе.

Воспоминания писателя А.М. Волкова о Томске и томичах, Томском учительском институте и его преподавателях являются ценнейшими документами для истории самого 400-летнего Томска и вселяют заслуженную гордость в сердца томичей.

А.М. Волков и Томск… Глубокое осознание А.М. Волковым роли Томска и Томского учительского института в своей судьбе заставляет по-новому, с точки зрения писателя взглянуть на родной город, искать в нем то, что было им, одним, замечено и оценено. Ведь это и сейчас тот же город (особенно его историческая часть), что и 100 лет назад: те же здания, те же улицы, по которым шагал юный воспитанник, вглядываясь в причудливые силуэты деревянных теремов и каменных особняков. Он впервые приехал в большой губернский город и старался сблизиться с ним, узнать и рассмотреть его. Томск стал для Александра Волкова городом юности, городом сбывшихся надежд, местом самоутверждения и совершенствования. Он любил Томск за его неповторимую красоту и приветливые лица томичей, за тепло и открытость, за душевную щедрость и сердечную привязанность.

Необходимо добавить, что с Томском была связана судьба дяди А.М. Волкова – Петра Михайловича Волкова, младшего брата Мелентия Михайловича Волкова. В 1908 г. он был уже священником и районным миссионером в с. Полковниково Барнаульского уезда, а в 1913 г. – епархиальным миссионером в Томске, имея в подчинении сотни миссионеров. Он жил в хорошем церковном доме, имел свой выезд. В 1917 г. П.М. Волков был членом Всероссийского цер-

ковного собора, которому предстояло восстановить патриаршество и выбрать патриарха. Вместе с другими членами Собора ему пришлось прятаться в кремлевских подвалах во время Октябрьской революции 1917 г., когда большевики брали Кремль. После революции 1917 г. П.М. Волков оказался сельским священником в большом сибирском селе Шемонаиха, где и умер в начале 1940-х гг.

В апреле 1910 г. Александр Волков сфотографировался у известного томского фотографа А. Хаймовича в Протопоповском переулке и отправил фотографию родителям с надписью: «Папе и маме от Саши. 9. IV. 1910».

В 1968 г. А.М. Волков с удовольствием откликнулся на просьбу своего бывшего усть-каменогорского ученика, а впоследствии профессора Томского государственного педагогического института Н.Ф. Тюменцева о написании напутственного слова студентам – будущим учителям. Он писал: «Дорогие далекие друзья! Свыше шестидесяти лет тому назад, в августе 1907 года, я робко вошел в двери Томского учительского института и поднялся на второй этаж по широкой лестнице. Многие людские поколения ходили по ней в минувшие годы, пока не настала и ваша очередь мерять ее истертые временем ступени. В том году, когда я держал экзамены в институт, он начинал второй год своего существования. Но весть о нем разнеслась повсюду, и на 25 мест явилось 150 абитуриентов со всех концов страны. Нелегко было выдержать соревнование, но мне это удалось и я стал воспитанником института… Мы очень любили преподавателя русского языка и словесности Алексея Матвеевича Орлова и математика Василия Ивановича Шумилова. Эти прекрасные педагоги дали нам основательные знания по двум главнейшим школьным предметам и научили преподавать их. Учительские институты готовили учителей для городских училищ, которые в 1914 году были преобразованы в высшие начальные училища. Окончившие учительские институты были желанными работниками в системе народного образования. Незаметно пролетели три года в уютных институтских стенах, и вот я – учитель городского училища. Почти полвека отдал я педагогической деятельности. Работал сначала в начальной и средней школе, а последние двадцать пять лет читал высшую математику в московском вузе. Естественно, я не мог преподавать в вузе с дипломом учительского института. Работая в школе, содержа семью, я учился. Окончил экстерном физико-математический факультет Ярославского педагогического института, а затем Московский университет по математическому отделению. Своими достижениями, как в учебе, так и в литературе, я обязан упорному систематическому труду. Посылая вам, мои дорогие юные коллеги, юноши и девушки, свой горячий партийный привет, даю наказ: трудитесь и трудитесь! И жизнь ваша будет полной и яркой»[26]. Эти слова писателя актуально звучат и поныне.

Таким образом, природные способности и дарования Александра Волкова, развиваясь в благоприятной обстановке Томского учительского института, позволили ему успешно усвоить профессиональный педагогический комплекс и начать практическую деятельность на новом жизненном уровне. В Томске он оценил свои потенциальные силы и возможности и поверил в свое учительское предназначение.

Библиографические ссылки и примечания

1 ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2576. Л. 317.

2 Содержание Учительского института // Сибирская жизнь. 1910. 26 окт.

3 Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. Томск, 2002. С. 49.

[4] ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2310. Л. 36.
[5] ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 207. Л. 11.
[6] ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2162. Л. 76.
[7] Волков А.М. Повесть о жизни… С. 69.
[8] ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2517. Л. 74.
[9] Там же. Оп. 3. Д. 252. Л. 669.
[10] Там же. Л. 709, 707, 691.
[11] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 223.
[12] ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2517. Л. 74 об.
[13] Волков А.М. Повесть о жизни… С. 69.
[14] Ныне ул. Р. Люксембург.
[15] Галкина Т. Волшебник Изумрудного города // Сибирские Афины. 2002. № 3 (26). С. 8–10. Очерк «Чем я обязан Томску?» был написан А.М. Волковым в мае 1974 г. по просьбе томички Н.В. Лобановой для литературного музея, который не был создан.
[16] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 2. Л. 45–46.
[17] Волков А.М. Краткая автобиография… Л. 2.
[18] Из всех перечисленных лиц один Ефим Пермитин сумел выжить и был реабилитирован.
[19] Земляк по Усть-Каменогорску, А.К. Бороздин служил в томской частной гимназии классным надзирателем.
[20] Ныне ул. Р. Люксембург.
[21] Ныне часть пр. Ленина от пл. Ленина до пр. Фрунзе.
[22] Ныне пр. Фрунзе.
[23] Ныне здание Военно-медицинского института по адресу пр. Кирова, 49.
[24] Учебники В.А. Кентуяллы «Курс истории русской литературы» и В.Ф. Саводника «Очерки по истории русской литературы XIX в.» (1906), «История русской словесности» (1906).
[25] Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 191–298; Т. 2. Л. 3–33.
[26] Волков А. Дорогие далекие друзья! // Советский учитель. 1968. 15 февр.

Глава 3
Начало педагогической деятельности А.М. Волкова в г. Колывани Томской губернии (1910–1913 гг.)

Да уж хватит этих волшебных
приключений, пора за дело приниматься.
А.М. Волков.
Семь подземных королей (Джон Смит)

При окончательном распределении А.М. Волков был направлен на работу в качестве учителя в небольшой городок Колывань Томской губернии. В XVIII в. Колывань была окружным городом, в котором сидел воевода. Постепенно, с продвижением русских на восток, ее значение падало и к началу XX в. она больше походила на большое село, чем на город. В городке были две церкви (одна из них – домовая при городском училище), городское училище, 2–3 магазина. Это было тихое, патриархальное местечко, жители которого занимались хлебопашеством.

Приехав в Колывань, А.М. Волков представился инспектору Колыванского училища Михаилу Николаевичу Осинину, высокому, худощавому человеку с суровой внешностью (он прихрамывал на одну ногу и ходил с палкой). М.Н. Осинин приветливо встретил молодого учителя и порекомендовал ему подходящее жилье. А.М. Волков поселился в доме Корсак, где жили также учитель А.Г. Окороков и служащий управы Е.С. Аристов.

Колыванское 4-классное городское училище размещалось в двухэтажном каменном здании: на первом этаже – библиотека, физический кабинет, на втором – классы, учительская, рекреационный зал. Заведовал училищем Михаил Николаевич Осинин. В его формулярном списке о службе, составленном 1 января 1912 г., имеются следующие сведения: «Надворный советник Михаил Николаевич Осинин, учитель-инспектор Колыванского 4-классного городского училища, 52 лет, из мещан, вероисповедания православного, имеет ордена Святого Станислава II степени, Святой Анны III степени и Святого Станислава III степени, медали: серебряную в память Императора Александра III и темно-бронзовую за труды по первой всеобщей переписи населения Российской империи; содержания получает: жалованья – 350 р., столовых – 190 р., квартирных – 165 р., за заведование училищем – 150 р., сибирскую службу – 157 р. 50 к., пенсии – 630 р., а всего 1 642 р. 50 к.»[1] Выпускник Казанского учительского института М.Н. Осинин начал свою педагогическую деятельность в 1881 г. в г. Колывани, а с 1907 г. руководил Колыванским 4-классным городским училищем.

Вспоминая о работе в г. Колывани, А.М. Волков писал: «С назначением мне повезло: меня послали в городок Колывань Томской губернии. В Колыванском четырехклассном городском училище было всего 70 учащихся – просто благодать для 19-летнего юнца, впервые севшего за учительский стол. А самое главное – инспектором училища был Михаил Николаевич Осинин, человек большой души, прекрасный педагог, чуткий наставник молодых учителей. Как он, не

оскорбляя самолюбия, указывал на твои ошибки, как умело учил овладевать доверием мальчишек и девчонок (училище было смешанное, редкость в те времена)! Свои педагогические навыки я получил от Михаила Николаевича и пронес их через всю свою почти полувековую педагогическую деятельность»[2].

Об М.Н. Осинине вспоминал в 1968 г. воспитанник училища М.И. Калугин: «В обращении с нами он был грозен, суров и справедливо требователен. Редко его лицо посещала улыбка. Но она была искренней и нам сразу становилось хорошо, когда он добродушно улыбался, поглаживая свою окладистую, полуседую бороду. Не забуду, какое деятельное участие принял во мне Михаил Николаевич, когда мной решался вопрос, куда поступать по окончании училища»[3].

В июле 2003 г. в Государственном архиве Томской области был найден первый документ, свидетельствующий о начале трудовой педагогической деятельности А.М. Волкова – формулярный список о службе учителя Колыванского 4-классного городского училища А.М. Волкова. В нем сказано: «Неимеющий чина Александр Мелентьевич Волков, учитель Колыванского 4-классного городского училища, 19 лет, из крестьян, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет; содержания получает: жалованья – 350 р., столовых – 190 р., квартирных – 75 р., 20 % прибавочного содержания – 123 р., а всего – 738 р. По окончании курса наук в Томском учительском институте со званием учителя городского училища приказом г. Попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 12 июня 1910 г. за № 4605 назначен учителем Колыванского 4-классного городского училища с 1 июля тысяча девятьсот десятого года. По определении на должность получил третное не в зачет жалованья, за вычетом 10 % в инвалидный капитал, всего 105 руб.»[4] Аналогичные сведения из этого формулярного списка были переписаны четыре раза: 28 августа 1910 г., 1 января 1911 г., 5 сентября 1912 г. и 1 января 1913 г.

А.М. Волков получал также 25 р. в год за секретарство в педагогическом совете училища и 25 р. за заведование ученической библиотекой. Вместе с тем он занялся переплетом книг для школьной библиотеки (по 1 к. за тетрадь в 16 страниц) и давал частные уроки (10 р. в месяц при ежедневных занятиях).

Почти все получаемые деньги А.М. Волков отсылал родителям. «Да, я был настоящим «кормильцем» семьи в крестьянском понимании этого слова, и щедро, с великой лихвой возвращал отцу то, что он на меня затратил. Думаю, что первый же год моей работы в Колывани возместил папе все расходы на мое воспитание»[5]. Из первых 700 р., полученных А.М. Волковым в 1911 г., 560 р. были отправлены родителям в Усть-Каменогорск.

Отказывая себе во многом, ведя аскетический образ жизни, он позволил себе единственное, без чего не мог жить – выписывать 2–3 журнала в год.

Вместе с А.М. Волковым в Колыванском 4-классном городском училище работал еще один выпускник Томского учительского института (1909 г.) Павел Семенович Кремляков[6]. В институте он зарекомендовал себя как способный, дисциплинированный, трудолюбивый и скромный ученик. Он отлично рисовал и пел, хорошо играл на скрипке, прошел курс ручного труда по дереву. Коллегами А.М. Волкова по училищу были также преподаватель русского языка и гимнастики, коллежский секретарь Игнатий Яковлевич Вдовин с 15-летним педагогическим стажем, награжденный темно-бронзовой медалью за труды по первой всеобщей переписи населения Российской империи[7], законоучитель о. Иннокентий Бархатный и сменивший его законоучитель о. Агапий Сухорученко, выпускник Томской духовной семинарии[8].

На сохранившейся фотографии 1914 г., по описанию ученицы Антонины Григорьевны Медведевой-Скороходовой, мы видим преподавателей Колыванского 4-классного городского

училища: П.С. Кремлякова, М.Н. Осинина, отца Агапия, И.Я. Вдовина и преподавателя географии Вставского. Эта фотография была подарена ею А.М. Волкову в память о коллегах и учащихся Колыванского училища в 1976 г.

16 августа 1910 г. А.М. Волков начал свой первый урок. Он, как универсал, преподавал в училище арифметику в младших классах, естествоведение, физику, историю и географию. Впоследствии А.М. Волков шутя говорил, что ему приходилось преподавать все предметы, кроме Закона Божия, но и его он преподавал на частных уроках. Много лет спустя он помнил имена своих колыванских учеников: Пусева, Ячменева, Скудина, Расщупкина, Комаровой, Земелиха, Сентябова и др.

Вот что писал А.М. Волкову его воспитанник Миша Калутин в 1968 г.: «Уважаемый Александр Мелентьевич! А.Г. Скороходова (Медведева) сообщила мне о Вашей с ней встрече, о встрече учителя с ученицей. Оказывается, Вы помните некоторых из нас. И вот я решил написать Вам. Если бы и не помнили, все равно бы написал. Ведь Вы остались один из наших учителей и это нам дорого. Я с благодарностью и глубоким уважением вспоминаю о моих учителях за все то, что они мне дали.

И самый молодой из преподавателей высшего начального училища того времени были Вы, Александр Мелентьевич. Я и сейчас представляю Вас, стоящего перед классом, молодого, статного шатена в темно-синем, со светлыми пуговицами, наглухо застегнутом мундире со сдерживаемой характерным прижатием губ улыбкой на лице. Чтобы и сейчас, когда Вы читаете это письмо, вызвать Вас на улыбку, напишу и о том, что было заметно, как Вами интересовались ученицы старших классов. Вы держали себя перед ними покровительственно с достоинством учителя, хотя иногда и краснели. Простите, Александр Мелентьевич, мне эту деталь. Я хочу Вам доставить только приятное, напоминая о далеком прошлом, вероятно, Вам так же дорогом, как и мне.

Учебника по арифметике у нас не было. Вы нам в доступной форме продиктовали все о метрической системе в 1911 г. и она так хорошо запомнилась, что потом, когда наша страна перешла на эту систему, мною она была легко воспринята. С памятью о Вас как об учителе связаны запомнившиеся мною наименования некоторых государств Северной Африки, о которых тоже под Вашу диктовку нами было записано.

Вы, Александр Мелентьевич, были и «покровителем талантов», что, оказывается и сами помните. Во втором классе я давал Вам на суд мои весьма несовершенные стихи. Вы читали их, помогали мне разбирать рифмы и, конечно, советовали писать»[9].

Другая его ученица Ольга Исаевна Борзых вспоминала в 1969 г.: «В моих глазах Вы все такой же, каким я Вас увидела первый раз. Полумальчик, полумолодой человек, смущающийся и краснеющий от всякого пустяка. Когда Вы делали кому-либо замечание, то краснели так, что можно было подумать, что проступок сделали Вы, а не Ваш ученик»[10].

Но с первых уроков А.М. Волков учился поддерживать дисциплину в классе и при этом пользовался приемом, унаследованным им от Михаила Иннокентьевича Камбалина. Он устремлял на провинившегося взор и не спускал его до тех пор, пока бедняга не начинал ерзать на месте и в конце концов смирялся.

Через год, в августе 1911 г., А.М. Волков писал: «10 месяцев труда, возни с учениками, крика, шума, постоянного напряжения, когда кажется, что больше не вынесешь и неделю трудов, хотя выдерживаешь месяцы»[11]. Но нервное напряжение на уроках обходилось ему очень дорого. От ежедневных волнений в классе у него начались сильные головные боли, которые долго не проходили. И А.М. Волков выработал защитную реакцию против головной боли: он стал в классе

актером. Он только делал вид, что очень сердится на ученика, повышал голос, но на самом деле оставался совершенно спокоен. Это помогло ему избавиться от недуга.

В 1912 г. работу Колыванского 4-классного городского училища проверял директор народных училищ Томской губернии. Он спешно обходил классы, стараясь попасть на урок к каждому учителю. К А.М. Волкову он попал на урок истории в 3-й класс. «Я перед этим спрашивал хорошего ученика, и он ответил весьма прилично. И когда директор, войдя в класс, предложил мне вызвать кого-нибудь из учащихся, я, не моргнув глазом, вызвал того же самого ученика и предложил ему рассказать то же, о чем он только что повествовал. Ученики улыбнулись и в душе одобрили мою находчивость. Ответ был признан отличным. (Еще бы!) Потом директор завел разговор на другие темы и между прочим спросил: «А как вы думаете, ребята, долетим мы до Луны или нет?» «Долетим, Ваше превосходительство! – гаркнули ребята. Его превосходительство ушел с моего урока вполне довольный»[12].

В свободное от работы время А.М. Волков увлекался рисованием: им были нарисованы портреты генералов для темы «Отечественная война 1812 года». В его дневнике тех лет сохранились небольшие графические зарисовки.

Наряду с этим он принимал активное участие в организации городских спектаклей и программ для училищных вечеров. Осенью 1911 г. в Колывань приехали на гастроли артисты Рожковский, Горский, Еленцев и Коханенко. Для постановки спектаклей артисты обратились за помощью к колыванским любителям, среди которых одним из самых усердных был А.М. Волков. «Мои артистические способности были не ахти какие, но все же я всегда твердо знал свою роль и говорил ее «с выражением», не так, как один приказчик, произносивший свои реплики бесчувственным деревянным голосом. Я пользовался у невзыскательной публики успехом»[13]. За осень 1911 г. и зиму 1912 г. А.М. Волковым было сыграно 9 ролей, а присутствовал он на всех 30 спектаклях, так как руководил балалаечным оркестром, игравшим в антрактах. В репертуаре были в основном комедии и водевили бытового характера.

А 30 апреля 1912 г. артистами был устроен вечер классических произведений, где были сыграны «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого, «Маскарад» М.Ю. Лермонтова и «Тяжба» Н.В. Гоголя.

Помимо интенсивной театральной деятельности А.М. Волков в то время занимался изучением эсперанто, совершенствовался в игре на скрипке, балалайке и мандолине, выпиливал из дерева, играл вместе с учениками в городки.

В 1912 г. А.М. Волков был призван на военную службу и был зачислен в ратники ополчения 1-го разряда, но вскоре был отпущен по состоянию здоровья.

Незаметно пролетели три года учительской работы А.М. Волкова в Колывани. Позже, в 1974 г., обращаясь к колыванцам, А.М. Волков писал: «Это было давно, очень давно, в 1910 году, чуть не две трети века назад, когда я приехал в ваш город учителем городского училища. Я был тогда в расцвете сил и молодости, передо мной развертывалась увлекательная работа – учить и воспитывать девочек и мальчиков, устремлявших на меня со школьных парт внимательные глаза. И я принялся за эту работу со всем пылом юности, не жалея ни сил, ни времени. Я тогда не мыслил себе иного призвания, кроме педагогического, и годы, проведенные мною у вас, в Колывани, остались в моей памяти как лучшие годы жизни. Я помню широкие, безлюдные колыванские улицы, поросшие травой, ее дома старинного северного типа, тихий Чаус под крутым обрывом берега и стремительную Обь, куда я с мальчишками-школьниками ходил в половодье… Тихая, патриархальная жизнь, тихая непритязательная работа, которая делалась со смутной надеждой, что когда-нибудь твои питомцы скажут тебе за нее спасибо»[14].

В мае 1913 г. А.М. Волков отправился в Томск похлопотать о переводе в родной город Усть-Каменогорск. Он обратился со своей просьбой к директору народных училищ Томской губернии и получил от него благосклонный ответ.

Таким образом, колыванский период в жизни А.М. Волкова характеризуется не только первыми шагами на педагогическом поприще, но и дальнейшим развитием музыкальных, художественных, артистических дарований будущего писателя.

Библиографические ссылки и примечания

1 ГАТО. Ф. 100. Оп. 2. Д. 9. Л. 25, 27.

2 Волков А.М. Повесть о жизни… Л. 69.

3 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18. Апр. – сент. 1968 г.

4 ГАТО. Ф. 100. Оп. 2. Д. 73. Л. 3 об.

5 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 2. Л. 50.

6 ГАТО. Ф. 100. Оп. 2. Д. 9. Л. 37–38.

7 Там же. Л. 33–36.

8 Там же. Л. 31–32.

9 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18.

10 Там же. Т. 20. Март – май 1969 г.

11 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 2. Л. 61.

12 Там же. Л. 85.

13 Там же. Л. 76.

14 Волков А.М. Дорогие мои друзья колыванцы! // Музей истории ТГПУ. О.Ф. 191/38.

Глава 4
Педагогическая и общественная деятельность А.М. Волкова в родном Усть-Каменогорске (1913–1926 гг.)

4.1. Друзья и коллеги

Первый учительский опыт, появившийся в г. Колывани, закрепился и стал совершенствоваться в Усть-Каменогорске, куда А.М. Волков был переведен в 1913 г. после отработки положенного срока. К официальному письму за № 2130 о переводе от 5 июля 1913 г., подписанному директором народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей М. Филипповым, прилагались следующие документы: формулярный список о службе А.М. Волкова, аттестат об окончании курса в Томском учительском институте за № 689, свидетельство о привитии оспы за № 124, аттестат об окончании курса в Усть-Каменогорском городском училище за № 431, свидетельство того же училища за № 401, метрическая выпись о рождении за № 196, свидетельство о приписке к призывному участку за № 961[1]. Сообщение о переводе А.М. Волкова в родной город было с восторгом воспринято в семье.

В формулярном списке о службе учителя Усть-Каменогорского высшего начального училища А.М. Волкова, составленным 22 ноября 1914 г., указывалось, что приказом попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 12 июня 1913 г. за № 98 он перемещен первым учителем Усть-Каменогорского 3-классного городского училища с 1 июля 1913 г., а распоряжением директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей от 30 августа 1913 г. за № 93 допущен к преподаванию педагогики и дидактики на педагогических курсах при Усть-Каменогорском Мариинском женском училище с 1 августа 1913 г.[2]

А.М. Волков был назначен первым учителем на место Ивана Анисимовича Думкина, также выпускника Томского учительского института, которого перевели в другое учебное заведение. Должность первого учителя в городских училищах была определена положением 1872 г. Первый учитель пользовался определенными преимуществами в чинопроизводстве даже по сравнению с учителем-инспектором, своим начальником. Если инспектор и другие учителя могли дослужиться только до надворного советника (чин VII класса), то первый учитель при надлежащей выслуге лет мог дойти до коллежского советника (чин VI класса, соответствующий подполковнику военной службы). А далее по табели о рангах шел статский советник, а затем действительный статский советник – Ваше превосходительство. Однако с 1 января 1914 г. городские училища были преобразованы в высшие начальные училища, и должность первого учителя была упразднена.

Но первый чин коллежского секретаря (чин X класса) с 1 июля 1910 г. А.М. Волков получил: такую льготу давало окончание учительского института. Правда, это известие пришло из Петербурга в 1915 г. Он был произведен задним числом, когда уже имел выслугу лет на чин титулярного советника. В «Памятной книжке Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год,

заключающей в себе список учебных заведений» указано, что с 1 июля 1910 г. А.М. Волкову присвоен чин коллежского секретаря[3]. После Октябрьской революции 1917 г. все чины и звания были отменены.

А.М. Волков стал работать первым учителем в том самом городском училище, которое окончил несколько лет назад. Ныне на этом здании в Усть-Каменогорске установлена мемориальная доска, на которой указано, что здесь учился и работал известный писатель Александр Мелентьевич Волков.

В Усть-Каменогорском городском училище работал большой коллектив преподавателей. Наряду со старыми педагогами Г.Е. Псаревым и протоиереем А.В. Дагаевым там работали новые: Александр Александрович Соколов, внук знаменитого протоиерея Тихомирова, составителя учебника по Закону Божию; Дмитрий Георгиевич Любомудров; Павел Яковлевич Кусков; Степан Федорович Нехорошев; Константин Томский; Василий Павлович Каратыгин; Александр Филиппович Земцов; Александр Иванович Седельников, Александр Евграфович Шайтанов; Михаил Иннокентьевич Камбалин; Григорий Титович Карпов; Федор Игнатьевич Овсяников; Иван Владимирович Михайлов; Владимир Константинович Лавенцов; Лидия Феоктистовна Колмакова; Вевея Александровна Дагаева; а также преподаватели специальных предметов: Александр Сидорович Цыбенко (черчение и рисование); Виталий Иванович Барсуков (пение); штабс-капитан С.И. Блаженский. Инспекторами Усть-Каменогорского городского (позже – высшего начального) училища работали Александр Иванович Михайлов, Максим Николаевич Греховодов, Николай Лаврентьевич Осипов, Григорий Евграфович Псарев, Клавдий Михайлович Попов и Александр Мелентьевич Волков. Вообще к усть-каменогорскому педагогическому сообществу принадлежали инспектор народных училищ И.Е. Мирошниченко, учительницы Мариинского училища А.С. Кускова, К.Н. Седельникова, В.В. Серебрякова, Е.Н. Кириллова, Т.С. Трофимова, Л.Н. Путинцева, В.А. Баженова, а также М.Р. Муравьев, В.Т. Винокуров, А.Ф. Шкарпет, Е.В. Пешехонова, С.В. Пешехонова, Т.В. Пешехонова.

За 19 уроков в неделю по русскому и церковно-славянскому языкам и истории в Усть-Каменогорском городском училище и 7 уроков в неделю на педагогических курсах А.М. Волков получал, как тогда говорили, «содержание»: жалованья – 960 р., за секретарство – 90 р., за заведование библиотекой – 50 р., за уроки педагогики и дидактики – 280 р., а всего 1380 р. в год. Наряду с этим А.М. Волков практиковал частные уроки. В 1913–1914 гг. вместе с братом Петром частными уроками они заработали 492 р., которые были переданы родителям для покупки в 1913 г. небольшого дома в Крепостном переулке.

Интересную зарисовку того времени сделал С. Колосов, пересказавший воспоминания доктора биологических наук, профессора Томского государственного педагогического института Н.Ф. Тюменцева о первой встрече с учителем А.М. Волковым: «Припомнился Усть-Каменогорск. Коле Тюменцеву, большеголовому крепышу, учение давалось легко. Но вот появился новый учитель-математик, и … голова закружилась. Спрашивает строго, никакой поблажки, но и рассказывает так, что заслушаешься. Скучная наука стала вдруг поразительно увлекательной. Да что там математика! Новый учитель организовал воскресные чтения для горожан. Рассказывал о Дарвине, о Тимирязеве. Коля Тюменцев не пропускал ни одной его лекции. Может быть, тогда и зародилась у школьника любовь к природе»[4].

Это была случайная встреча учителя и ученика через 50 лет. Письмо от Н.Ф. Тюменцева от 15 декабря 1967 г.: «Дорогой давний учитель! Пишет Вам один из Ваших усть-каменогорских учеников, друг Вашего брата – Анатолия – Тюменцев Николай Федорович. Из статьи «Край чудаков» в журнале «Работница» № 11 за 1967 г. я узнал, что Вы в Москве. А десять лет тому назад

А.И. Седельников сообщил мне о том, что Вы в Алма-Ате. Бывал там, наводил справки, но Ваших следов не обнаруживали. Рад Вас приветствовать, выразить большое удовлетворение и удовольствие по случаю обнаружения Вас, по случаю Ваших писательских и научных успехов. Устькаменогорцы нашего поколения помнят Вас хорошо, где бы они не были. Я живу в Томске, работаю зав. кафедрой в Томском пединституте, доктор биологических наук, профессор. Большой Вам привет»[5].

В ответном письме А.М. Волков писал ему: «Поклонись от меня родному Томску. Из этого города я впервые шагнул в далекую дорогу. В счастливую дорогу»[6].

1914 г. Противоборство мировых держав развязало Первую мировую войну, которая не стала неожиданностью даже для далекой сибирской провинции. «Для меня разрушение старого мира началось в теплое, ясное июльское утро, когда мы с Тоськой мирно шагали по улице Долгой деревни с удилищами на плечах, возвращаясь с ловли карасей на Хомутином озере. Навстречу нам на тележке подскакал Павел Яковлевич Кусков с сообщением о том, что объявлена мобилизация, и наше училище приказали немедленно освободить для размещения призванных в армию. Это было 18 июля 1914 года»[7]. В то утро, исполняя обязанности инспектора училища, А.М. Волков руководил работой по освобождению кабинетов и классов. «Война, война! Она шумела на листах разворачиваемых газет: «Германия объявила войну России!», «Россия объявила войну Австро-Венгрии!», «Англия объявила войну Германии!» Казалось, против агрессоров (а мы считали немцев таковыми), поднялась такая буря, которая сметет их в несколько недель. Мы были слишком большими простаками в то время, и не знали, какую военную силу накопили немцы. Сердце переполнялось патриотической гордостью: вот сколько государств стало на нашу сторону! И однако, при всем этом патриотизме, ох, как мне не хотелось идти на фронт! В первые дни мобилизации я ждал повестки с минуты на минуту, ведь я же был ратником ополчения 1-го разряда»[8].

22 августа 1914 г. было получено сообщение о преобразовании городских училищ в высшие начальные училища. Курс обучения оставался четырехлетним, но программа обучения расширилась: введены были начала алгебры и иностранные языки. Значительно было улучшено материальное положение учителей. Основная ставка учителя увеличилась почти в 1,5 раза и составила 80 р. в месяц, а за каждые 5 лет полагалась прибавка 15 р.

С 1 января 1914 г. А.М. Волков был переведен с должности первого учителя городского училища на должность учителя высшего начального училища с выплатой разницы в связи с увеличением основной учительской ставки. Эта повышенная ставка оказалась очень кстати, потому что отец потерял работу: с объявлением войны казенные винные лавки были закрыты.

Среди преподавателей Усть-Каменогорского высшего начального училища А.М. Волков высоко ценил Григория Евграфовича Псарева, впоследствии секретаря журнала «Охотник и пушник Сибири», а также Дмитрия Георгиевича Любомудрова.

Особые отношения были между А.М. Волковым и протоиереем Александром Владимировичем Дагаевым. «Отношения у нас были самые лучшие, и я решусь даже сказать, что он любил меня и прощал мне многое такое, чего не простил бы другим. Дагаев звал меня «мистером», а получилось это так. Щеголяя иностранщиной, я обращался к товарищам по работе Нехорошеву и Томскому со словом «мистер». А отец протоиерей подхватил это словечко, обратил его рикошетом на меня, и я стал для него мистером до конца его дней. Дагаев был большой человек в нашем городе, крутой, властный. Но было в нем и много какой-то доброты в обращении с учениками. Вот как он ставил отметки: «Васильев Петр – 2, 2, 1, 2, 2, 5; общая за четверть – 5». Когда я ему указывал на несуразность такого вывода, он только смеялся. Так же он

выводил процент неуспеваемости. «Кому, мистер, нужны все эти проценты?» – грохотал протоиерей. И он был совершенно прав. Я должен рассказать, как мы с протоиереем Дагаевым изводили Анну Семёновну Кускову. Она преподавала географию в Мариинском училище, преподавала сухо и педантично. Ученицы должны были отвечать по учебнику – наизусть. И вот – по воле случая – мы с протоиереем попали к ней ассистентами на экзамен в выпускной класс. Анна Семёновна, конечно, взъярилась – но, воля начальства. Анне Семёновне, как начальнице училища, пришлось пойти по другим классам, посмотреть, что там делается. Она отправилась, оставив нас с протоиереем экзаменовать ее питомиц. С ее стороны это было все равно, что запустить волков в овчарню. Учениц оставалось еще больше десятка и они с трепетом ждали своей участи. Мы с протоиереем переглянулись и пошло! Я вызываю ученицу к одной парте, Дагаев другую – к другой. Каждый из нас торопливо задает 2-3 вопроса и: «Довольно! Отлично! Следующая!» Дело шло молниеносно. Когда запыхавшаяся Анна Семёновна прибежала минут через 20, все уже было кончено: класс пуст, а табель полон пятерок. «Как же это вы могли так скоро спросить?» – жалобно воскликнула она. А я смиренно объяснил: «А мы с отцом протоиереем отдельно спрашивали. Да они у вас прекрасно знают предмет», – позолотил я пилюлю. Анна Семёновна была в бешенстве, но ничего не могла предпринять: все было сделано по закону. Отец протоиерей… Прекрасный он был товарищ при всей его внешней суровости!»[9]

В 1914/15 учебном году А.М. Волков вместе с протоиереем А.В. Дагаевым состояли в комиссии по приему переводных и выпускных экзаменов по педагогике на педагогических курсах при Усть-Каменогорском Мариинском училище[10].

В дневнике А.М. Волкова описан еще один характерный случай с протоиереем А.В. Дагаевым, пригласившим А.М. Волкова в гости к его дочери Евфалии. «И вот там, после веселого обеда, произошел случай, показавший всю широту натуры протоиерея. Мы с ним поехали кататься вдвоем по окрестностям села. Протоиерей расшалился и несколько раз шутя пытался вытолкнуть меня из розвальней, но я держался крепко. Зато, улучив момент, когда Дагаев ослабил бдительность, я вытолкнул его! Вышло это очень комично. По краям дороги были глубокие сугробы, и протоиерей, почти встав на голову, уткнулся в снег. Шапка у него слетела, шуба широко распахнулась, но он хохотал. А я подстегнул лошадь и погнал ее в Михайло-Архангельское, а до него было версты две. «Подожди, мистер, подожди!» – умолял Дагаев. «Ничего, придете пешком!» – безжалостно отвечал я. И я не подождал его! В тяжелой шубе и большой широкой шапке, в глубоких валеных калошах, протоиерей, один из столпов города, прошагал по снежной дороге две версты. И ни слова упрека, ни тени злобы, как будто такую штуку устроил над ним не дерзкий мальчишка, а человек, равный ему по общественному положению. Он, усталый, ввалившись в дом, только и сказал со смехом: «Ну, мистер, здорово ты надо мной подшутил!» И он же при случае мог унизить врага, стереть его в порошок. Удивительный был человек Александр Владимирович Дагаев! И во всяком случае у него было драгоценное качество: он умел отличать действительные обиды от мнимых»[11].

Свидетельством доброжелательных отношений между А.М. Волковым и А.В. Дагаевым служит мнение его дочери, В.А. Трофимовой (Дагаевой), которая писала А.М. Волкову в 1976 г.: «Папа очень Вас уважал и ценил как человека умного, хорошего». В 1917–1920-х гг. они были коллегами по Усть-Каменогорскому высшему начальному училищу. В 1917 г. А.М. Волков, как заведующий этим училищем, ходатайствовал о выдаче В.А. Дагаевой из канцелярии Западно-Сибирского учебного округа свидетельства домашней учительницы[12].

4.2. Любовь

Когда меня любили, я был счастливейшим человеком.
А.М. Волков.
Волшебник Изумрудного города (Железный Дровосек)

В военной грозе приближался новый 1915 г. Россия терпела крупные поражения: в Восточной Пруссии погибла армия Самсонова. Но в далеком сибирском городке отзвуки войны были слабы. Люди отмечали праздники, веселились. Вот как описывает А.М. Волков празднование Масленицы в Усть-Каменогорске в 1915 г. «Главную прелесть этого праздника составляло катанье. Всякий, у кого была хотя бы худенькая лошаденка, включался в это катанье. В гривы лошадей вплетались яркие бумажные цветы, сбруя чистилась и украшалась красными ленточками, сани и розвальни устилались коврами и половиками. И вот нарядный кортеж кружился всегда, из года в год, по одному и тому же маршруту – начиная с полудня и до самой ночи. Зрители толпами стояли у домов, луща семечки и обмениваясь со знакомыми из саней приветствиями. Иные раздольные натуры бросали на дорогу мелочь, и мальчишки налетали на нее с пронзительным визгом. В Усть-Каменогорске маршрут масленичного гулянья проходил по Крепостному переулку, как раз мимо нашего дома. Мои младшие братья Тося и Миша и сестра Лиля были среди зрителей, но я был активным действующим лицом в праздничном карнавале. Масленица была официальным праздником, и в последние три дня занятий в школах не было.

Эту последнюю Масленицу я справлял вместе с Володькой Антоновым и другим моим школьным другом Витей Костыриным, сыном городского головы. Витька сделал из фанеры огромную голову немца с вращающимися глазами и усами (они приводились в действие скрытой позади веревочкой), раскрасил ее и прикрепил к шесту. Вот было смеху в толпе зрителей, когда Вильгельм, возвышавшийся над нашими розвальнями, свирепо ворочал глазами и шевелил усами! Мальчишки с радостным визгом и хохотом пробегали за нами целые кварталы, прежде чем отстать…

Беззаботно веселясь в эти масленичные дни, мы не знали тогда, что справляем последний праздник уходящего мира. Но это было так. Суровая военная действительность вытравляла из жизни радость, условия существования становились все труднее, продукты дорожали, промышленные товары исчезали с рынка. В следующую Масленицу город уже не веселился»[13].

Празднование Нового (1915-го) года навсегда запомнился Александру Мелентьевичу: ведь именно тогда он впервые увидел свою будущую любовь. «Я танцевать никогда не умел, танцевал только один раз в году – именно под Новый год – и танцевал вальс, кружась, как бог на душу положит. Я приглашал подряд всех учительниц и, дурачась, кружил их по залу. Но одну я не осмеливался пригласить. Мне сказали, что это учительница Семипалатинской гимназии Калерия Александровна Губина, приехавшая на зимние каникулы. Она была невысокая, очень тонкая и стройная, и вся какая-то воздушная – казалось, дунет ветерок и оторвет ее от полу. И к этой губернской звезде, блиставшей среди местных девиц и дам, не очень-то элегантных, я, неуклюжий увалень, не решился подойти и пригласить ее на танец»[14].

Семья Губиных была музыкально одаренной. Отец, Александр Степанович, был капельмейстером городского оркестра, дочь Антонина окончила консерваторию и давала уроки музыки, сын Александр прекрасно играл на скрипке, рояле, Калерия (родилась в 1891 г.) преподавала гимнастику и танцы. Несколько позже Александр Губин пригласил А.М. Волкова для участия в любительском концерте, который устраивался в Народном доме. В связи с этим А.М. Волков пи-

сал: «Музыкант я был самый жалкий, слух у меня был посредственный, и не бросать скрипку, балалайку и мандолину меня принуждала только любовь к музыке. Вот это у меня было... Когда я первый раз пришел к Губиным на репетицию и поднялся на верхний этаж, я увидел следующую картину. Половина пола была окрашена, посредине стояло ведро с желтой краской и в него обмакивала кисть... Кто? Та самая блестящая танцорка, на которую я только издали смотрел на новогоднем вечере у Виталия Барсукова. Галюся [так называл Калерию Александр Мелентьевич] вспыхнула от смущения и ушла переодеться, а я был совершенно потрясен и очарован. Я в один миг понял необычайно богатую натуру моей будущей жены, для которой всякий труд был благородным. «Да, эта девушка – не чета здешним уездным жеманницам», – думал я»[15].

Через два месяца, 15 июля 1915 г., протоиерей А.В. Дагаев обвенчал Александра Мелентьевича Волкова и Калерию Александровну Губину в главном соборе Усть-Каменогорска. О дне свадьбы рассказала в своих воспоминаниях сестра Александра Мелентьевича – Людмила Мелентьевна: «Когда он женился, мне было 9 лет. Если память мне не изменяет, это было в 1915 году. Образно выражаясь, я выросла на Иртыше: мы с ранней весны до поздней осени из него не вылазили. Я прибежала с Иртыша, а мне говорят, что они уехали в церковь венчаться. Я как была босиком, косы не расчесаны, в затрапезном платьишке побежала в церковь. Тоже зритель свадебной церемонии! Народу было много, я пробралась вперед, чтобы лучше все видеть. Там меня увидел брат Петя, взял под опеку, и я с ним оттуда гордо приехала на извозчике, что для меня было самое важное. А свадебный поезд состоял из 15–20 извозчиков»[16].

На фотографии 1915 г. снята семья Волковых вместе с молодой женой Александра Мелентьевича: сидят родители Мелентий Михайлович и Соломея Петровна, рядом стоят молодожены Александр и Калерия, братья Петр, Анатолий, а перед ними присели младшие дети Волковых – Михаил и Людмила.

Об отношении А.М. Волкова к своей супруге говорят такие строки: «Это счастье всей моей жизни, моя отрада. Всем, чего я достиг в жизни, что смог и успел сделать, я обязан ей и только ей. В моей натуре было слишком много лени и инертности, и только ее постоянное энергичное влияние влекло меня вперед»[17]. Свою женитьбу А.М. Волков назвал великой переменой. «И с этого события, с этой великой перемены совершенно по-другому пошла моя жизнь, и все лучшее, что было в моей натуре, было пробуждено незабвенной моей подругой. Она обладала удивительной силой воли – тем, чего мне не хватало при всех моих способностях. Галюся сделала из меня человека»[18].

Первый свой исторический роман «Чудесный шар», опубликованный вторым изданием в 1972 г., А.М. Волков посвятил «незабвенной памяти верного друга и помощника Калерии Александровне Волковой».

Молодые поселились сначала в новом доме Волковых по Крепостному переулку, но вскоре решили жить отдельно от родителей. Сначала они снимали жилье, затем жили на верхнем этаже дома Губиных. Доходы А.М. Волкова от преподавания составляли значительные суммы (в 1915 г. – 2 467 р.), что позволило молодой семье через несколько лет (в 1923 г.) построить свой дом в том же Крепостном переулке. Молодые решили скопить некоторую сумму для того, чтобы продолжить образование Александра Мелентьевича.

Вскоре после женитьбы в 1915 г. А.М. Волков получил мобилизационный приказ, но не прошел медицинскую комиссию (из-за нехватки 1–2 см в объеме груди) и был отпущен с «белым билетом». Это заключение комиссии было воспринято супругами с радостью и они с энтузиазмом взялись за работу.

4.3. Горе

Человеческая память милосердна.
Сначала вам будет грустно и горько,
а потом на помощь придет забвение.
Надежда – великая утешительница
в печали…
А.М. Волков. Семь подземных королей
(Королева мышей Рамина)

В трудных условиях эпохальных революционных перемен и экономических кризисов семейная жизнь молодой четы Волковых озарялась и счастливыми событиями: 26 апреля 1916 г. родился их первенец. Родители выбрали ему имя Вивиан, привлекшее их своим смыслом (что значит – «жизненный») и редким благородным звучанием. В своей записной книжке Александр Мелентьевич подробно описывал поведение и состояние ребенка на протяжении первого года жизни. С какой любовью и нежностью запечатлены на этих страницах первая улыбка и первое «угу», первый танец под скрипку и первые «ладушки», первые слова и первый несмелый шажок. Все это «первое» у его сына было для Александра Мелентьевича познанием счастья отцовства, чутко и радостно воспринимаемого им.

В 1920 г. в семье Волковых родился второй сын, названный Ромуальдом (в детстве его звали Адиком). Старший сын, Вива, в пять лет уже прекрасно читал. Однако счастье оказалось недолговечным. «Первым мы потеряли Вивочку. Он умер, проболев дизентерией несколько дней в мае 1921 г. Возможно, его можно было спасти, но мы были еще молодые, неопытные родители, у нас не было опыта ухода за больными, а лечивший его врач, который недостоин был даже называться коновалом, не проинформировал нас, как кормить ребенка. Дизентерией болел и второй наш мальчик Адик, и мы, с горя махнув на все рукой, стали кормить его – и спасли.

Но спасли ненадолго. Менее чем через два года нас снова посетила страшная беда. Адик, веселый, здоровый мальчуган, вдруг заболел горлом и очень быстро болезнь унесла его. Врачи потом говорили, что это был ложный круп. Адик умер 16 февраля 1923 г. в возрасте около двух с половиной лет, и мы осиротели… Память живет в моем сердце, как открытая кровоточащая рана…»[19] В семейном архиве К.В. Волковой до сих пор хранится небольшой лист бумаги с детскими рисунками, на обороте которого А.М. Волков написал: «Последний листок, исписанный милыми ручками моего ненаглядного мальчика Адиньки 15/2 февраля 1923 г., менее чем за сутки до того, когда он навеки покинул свою мамочку и своего папочку. Как он радовался на эти разноцветные кинашики и все перепробовал их, мой золотокудрый, чудный мальчик!»[20] Непоправимое горе постигло семью Волковых. «В странном, бесчувственном, каком-то охолоделом состоянии возвращался я с кладбища, где мы оставили надежду нашей жизни под могильными холмами»[21]. После этой страшной трагедии (к тому же в 1920 г. погиб любимый родной брат Александра Мелентьевича – Петр) семья Волковых долго не могла оправиться.

Любовь к детям, выстраданная родителями и увеличенная стократ, стала верной спутницей всей их жизни. Только после того как у них родился третий сын, Волковы смогли вернуться к нормальному существованию. Мальчика, родившегося 11 января 1924 г., в честь умершего первенца назвали Вивианом.

4.4. А.М. Волков – учитель и ученик

Великое и святое дело – труд! У того, кто разумно
и с пользой трудится, жизнь полна и радостна,
а бездельник томится, не зная, как убить время.
А.М. Волков. Волшебник Изумрудного города

Интенсивная педагогическая деятельность А.М. Волкова в Усть-Каменогорске подробно отражена в его учетной карточке[22]. С 1 июля 1913 г. по 1 сентября 1920 г. он работал учителем Усть-Каменогорского высшего начального училища и преподавал физику, математику, естествознание, русский язык, литературу, историю, географию, рисование; с 1 августа 1913 г. по 1 сентября 1917 г. преподавал педагогику и дидактику на Усть-Каменогорских педагогических курсах (об этом есть сведения в Государственном архиве Восточно-Казахстанской области, в фонде № 562); с 1 октября 1914 г. по 1 июля 1915 г. – историю в Усть-Каменогорской женской гимназии; с 1 сентября 1915 г. по 1 сентября 1917 г. – рисование на педагогических курсах; с 15 сентября 1917 г. по 1 сентября 1920 г. по избранию педагогического совета заведовал Усть-Каменогорским 1-м двухкомплектным мужским высшим начальным училищем; с 1 сентября 1917 г. по 1 сентября 1918 г. по избранию городского училищного совета заведовал Усть-Каменогорским 2-м смешанным высшим начальным училищем; с 1 сентября 1917 г. по 1 февраля 1918 г. преподавал латинский язык в 8-м классе женской гимназии. К этому списку необходимо добавить работу по совместительству и многочисленные частные уроки, которые давал А.М. Волков. Так, летом 1920 г. им был прочитан курс родиноведения (география, этнография и история Киргизского края) на счетоводно-кооперативных курсах при Усть-Каменогорском отделении Семипалатинского губернского союза кооператоров.

В семейном архиве К.В. Волковой сохранился любопытный документ – постановление № 50 общего собрания педагогического совета Усть-Каменогорского мужского высшего начального училища, представителей городского самоуправления и родительской организации от 9 декабря 1917 г. На собрании обсуждалось предложение директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей от 29 ноября 1917 г. за № 4204 о представлении кандидата на должность заведующего училищем. После подсчета поданных записок оказалось, что было подано 9 записок за учителя А.М. Волкова и 2 записки за учителя Д.Г. Любомудрова при двух воздержавшихся. При баллотировке шарами А.М. Волков получил 10 голосов избирательных и 1 неизбирательный при 1 воздержавшемся. Поэтому собрание постановило: считать учителя А.М. Волкова избранным на должность заведующего училищем и ходатайствовать перед учебным начальством об утверждении его в означенной должности (он проработал заведующим училищем до 1 сентября 1920 г.).

В формулярном списке о службе заведующего Усть-Каменогорским 1-м двухкомплектным мужским высшим начальным училищем А.М. Волкова, составленном 25 октября 1918 г., сказано: «...Александр Мелентьевич Волков, 27 лет, содержания получает: за 12 уроков 1 800 руб., за заведование училищем 3 000 руб., за письмоводство 2 400 руб., за классное наставничество 600 руб., пятилетней прибавки 700 руб., а всего получает 8 500 руб. и готовую квартиру с отоплением и освещением в здании училища»[23].

Но А.М. Волков не только учил, но и продолжал учиться. Чтобы пройти испытания на аттестат зрелости, открывавший путь к высшему образованию, нужно было сдать экзамены по Закону Божию, словесности и русскому языку, философской пропедевтике, законоведению,

арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, космографии, физике, истории русской, географии, естествоведению и иностранным языкам – всего 16 устных и 4 письменных экзамена. Поэтому с августа 1916 г. А.М. Волков начал целенаправленно заниматься подготовкой к экзаменам. Он вставал в 4–5 ч утра, занимался до 8 ч, потом преподавание, а вечером опять учеба. «Больше всего труда потребовали от меня языки. «Энеиду» Вергилия я перевел от первой строчки до последней и вписал перевод мельчайшими карандашными буквами между строк. Так же я поступил с Овидиевыми «Превращениями», с «Записками о Галльской войне» Юлия Цезаря... Это был гигантский труд, большей добросовестности не могло быть. Зато я совершенно свободно переводил Цезаря, глядя на латинский текст и читая по-русски. Так же старательно я работал и над новыми языками, заучивал грамматические исключения, которые в ту пору в учебниках излагались стихами. В тот год я заложил основательный фундамент знания французского языка»[24].

В дневнике А.М. Волкова подробно описана сдача им экзаменов на аттестат зрелости в Семипалатинской гимназии в мае 1917 г. Эти записи он считал важным источником по истории народного образования в дореволюционной России. «3 мая. Письменная словесность. «Общечеловеческие или психологические типы». Вступление – в чем сила поэзии? 1. Она дает образы, являющиеся стимулами к дальнейшей работе мысли. 2. Она дает типы. Изложение. Определение психологического типа. Гамлет и Дон-Кихот. Дон-Кихот, его характеристика. В русской литературе ему подобны Чацкий, Жадов; в жизни – революционеры. Гамлет и его характеристика. В русской литературе «лишние люди» – Рудин, Онегин, Печорин и т.д. Значение Гамлетов и Дон-Кихотов. К Гамлетам примыкает Обломов. Его тип. Более узкие типы с одной страстью (Шейлок, Генрих IV). Заключение. Невозможно перечислить все типы. Только ознакомившись с литературой ряда стран и эпох, можно отчасти узнать душу человека в ее разнообразных проявлениях и хотя бы частично постигнуть тот медленный, но верный прогресс, которым человечество идет к своему неизвестному назначению. Начал в 9–30. Писал до 11–30, потом выпил чай и переписывал до 2-х.

4 мая. Письменная алгебра. Сумма квадратов двух чисел равна 730. Если уменьшить каждое из них на z, то сумма квадратов уменьшится на m. Найти эти числа. Ответ 17 и 21. Решал 25 минут, столько же переписывал. На черновике решил без всяких поправок сразу. Балл – 5.

5 мая. Письменная геометрия. Определить полную поверхность пирамиды, основание которой ромб с острым углом $\alpha=60°15'38''$ и наклон боковых граней $\beta=42°35'12''$, причем радиус круга, вписанного в основание=2,5 дм. Решил незадолго до 12 часов. Балл – 4.

10 мая. Устная математика. 1. Алгебра. Положительные и отрицательные числа, исследование корней квадратного уравнения, непрерывные дроби, сумма и произведение корней квадратного уравнения, применение (только перечислить) – найти разложение квадратного трехчлена, построить уравнение по корням. 2. Арифметика. Простым числам нет предела. 3. Геометрия. Подобие фигур, какие для этого нужны условия. Различие между данными в подобии и равенстве. Перечислить случаи подобия треугольников. Свойства параллельного сечения в пирамиде. На чем основано доказательство поверхности и объема круглых тел? 4. Тригонометрия. Доказать сумму синусов. Что такое функция? Какие бывают функции? Отличие тригонометрических функций от тригонометрических линий. Пример функции и аргумента. Изменения синуса в пределе 360°. Непрерывность этого изменения. Разрыв непрерывности (тангенс). Может ли синус равняться 2,5? По всем разделам – 5.

12 мая. Словесность. Очень я ею был недоволен. Спрашивали много, да без порядка. Главный вопрос – какие проблемы преобладали в литературе начала XIX века? Говорил о крепостном

праве, затем о байронизме у Пушкина и Лермонтова, о романтизме и балладе, немного о сентиментализме, о псевдоклассицизме и Ломоносове. Отметка – 4.

Психология. Ее определение, о душе, о методах психологии, об априорных понятиях. Оценка – 5. Логика. Общие и индивидуальные термины, собирательные термины, методы исследования. Оценка – 5.

13 мая. Закон Божий. Что такое нравственность, добродетель? Признаки добродетели. Космополитизм с христианской точки зрения. Патриотизм. Поздравление с ответом, получил – 5.

15 мая. Латинский язык. Цезарь, книга 4, глава V. Прочитал вслух очень быстро (даже ошибки, которые, конечно, были – не успели поправить). Перевел, не спрашивая ни одного слова. Правда, были поправки в выражениях, но общий смысл был верен. Овидий «Борьба с гигантами». Перевел тоже без заминки. Немножко было по мифологии (отец Юпитера, мир по представлению греков). Немножко запутался, разбирая слово «foret», чтоб ему пусто было. Оценка – 5.

Законоведение. Понятие о представительных учреждениях – дума и совет. Понятие о наследстве, способы его перехода. Духовные завещания, их виды. Авторское право. Оценка – 5.

16 мая. Французский язык. Читал из Бастэна. Слов незнакомых не было. Разбор был этимологический и синтаксический. Отвечал хорошо. Оценка – 5.

Немецкий язык. Из Коха «Tantalus», № 13. Я его читал дома, да и перед самим экзаменом договорился с преподавательницей, чтобы она меня эту статью спросила (!) и перевод сошел великолепно. Разбор тоже сделал хорошо. Разбирали довольно много слов, затем поговорили о прямом и обратном порядке слов и о сокращении предложений. Балл – 5. Оказывается, можно было держать экзамен только по одному новому языку.

18 мая. История. Развитие верховной власти в России с древнейших времен, постепенное усиление ее и причины этого. В каком положении находится власть теперь? Где за границей возродилась абсолютная власть? По русской отвечал прилично, хотя и влипал. Оценка – 5.

География. Внешняя торговля России, ее слабое развитие и причины этого. Ответил ладно – 5.

Природоведение. Кровообращение. Морфологический состав крови. Дыхание растений. Газы. Получил – 5.

19 мая. Физика. Чего боялся, с того и начали – с сил. Первый вопрос – расскажите о живой силе, о работе сил, потенциальной и кинетической энергии. Из электричества – тепловое действие тока и его формула. О свете – ультрафиолетовые лучи и спектральный анализ. Оценка – 5.

Космография. Различные системы координат, солнечные и лунные затмения, цикл их, системы Птолемея и Коперника, законы Кеплера. Ньютон – всемирное тяготение. Балл – 5»[25]. Таким образом, приведенный отрывок наглядно показывает, что к знаниям абитуриентов предъявлялись достаточно жесткие требования, даже, может быть, в каких-то позициях созвучные современным требованиям, предъявляемым к выпускникам средних школ.

После успешной сдачи всех экзаменов и получения аттестата зрелости перед А.М. Волковым открывался прямой путь в вуз, которым он не преминул воспользоваться. Осенью 1918 г. он подал заявление на механический факультет Томского технологического института и был принят по конкурсу аттестатов. А.М. Волков взял трехмесячный отпуск с 1 октября 1918 г. и отправился в Томск. Вспоминая о своей учебе в технологическом институте, он писал: «Математика всегда была моим любимым предметом, и я с большим удовольствием выходил к доске, когда преподаватели вызывали желающих. С темными волнистыми, зачесанными назад волосами, в сером френче, в брюках галифе с обмотками, я держался у доски очень уверенно и «преподава-

тельским» голосом подробно растолковывал своим сокурсникам решение задачи. Что вы хотите, ведь у меня уже был восьмилетний учительский стаж, и стоять на кафедре для меня было делом привычным. Конечно, зачеты по высшей математике за первый семестр Василию Петровичу Зылеву (впоследствии профессору в Москве) я сдал на пятерки.

Физику нам читал доцент (впоследствии известный профессор) Б.П. Вейнберг, изобретатель безвоздушной электромагнитной дороги, которая могла придавать вагону скорость 1000 километров в час и более. На одной из его лекций лопнул какой-то большой стеклянный сосуд с газом, подвергнув опасности и лектора, и помогавших ему студентов. Физику я тоже сдал, не то на 4, не то на 5. А вот на начертательной геометрии я едва не погорел. Профессор Гомелля дал мне кривую, которую я сначала не мог назвать и вычертить. Но после умственного усилия мне удалось с ней справиться и получить зачет.

В общем, семестр я закончил с очень хорошими показателями. Быт мой был более или менее устроен. В перерывах между занятиями я мчался наперегонки со студентами в подвал, в столовую, чтобы успеть захватить очень большие и вкусные пирожки с мясом (по 50 коп. штука). В лавочке я покупал очень мне пришедшихся по вкусу копченых стерлядок. Ходить на занятия мне приходилось километра за 4 (из учительского института), но при тогдашних моих силах и здоровье это не составляло труда.

Еще один факт из времени моего пребывания в Томске. Я был на каком-то спектакле все в том же Общественном собрании, которое по-прежнему заменяло театр. Перед началом второго или третьего действия перед занавесом появился щеголеватый молодой офицер, потребовал внимания и громогласно объявил: «Его превосходительство, адмирал Александр Васильевич Колчак объявлен Верховным правителем России!» Глашатай этого известия, вероятно, ждал аплодисментов, но зал безмолвствовал, не раздалось ни единого хлопка. На душе у меня стало смутно и тревожно. Сибирская Директория пала, начинался новый, еще более ожесточенный этап гражданской войны.

Во время пребывания в Томске я побывал в Министерстве народного просвещения Сибирского правительства (кстати, министром был В.В. Сапожников, известный географ). Отделом высших начальных училищ заведовал мой институтский товарищ Белый. От него я узнал, что утвержден в должности заведующего Усть-Каменогорским 1-м высшим начальным училищем»[26].

После окончания первого семестра в Томском технологическом институте А.М. Волков попросил отпуск на второй семестр. В виде исключения такой отпуск (до 1 сентября 1919 г.) ему был предоставлен. Однако в решении комитета по студенческим делам особо оговаривалось, что плата за II семестр должна быть им внесена в срок. Он рассчитывал вернуться в Томск с семьей осенью 1919 г. для сдачи экзаменов за второй семестр и продолжения своего образования на втором курсе технологического института, однако судьба распорядилась иначе. Грозные события 1919 г. помешали ему вернуться в Томск, а в последующие годы об этом не пришлось и думать из-за разрухи и инфляции, унесшей все собранные Волковыми сбережения.

В марте 1919 г. стоявший у власти в г. Усть-Каменогорске уполномоченный командира 2-го Отдельного Степного Сибирского корпуса по Усть-Каменогорскому району войсковой старшина Виноградский выступил в газете с обращением: «События последних дней ясно указывают, что дни царства большевизма уже сочтены. Ни уговоры, ни просьбы, ни угрозы Бронштейна-Троцкого не могут удержать в панике разбегающиеся красноармейские банды под натиском наших возродившихся молодцов Суворовских Чудо-Богатырей. Скоро наступит то долгожданное время, когда каждый без исключения может снова заняться своим прерванным делом… Просим

и Вас, городских и сельских учителей и учительниц, облегчить наш труд. На вас выпадает трудная, но благородная задача – убить в молодом организме зачатки большевизма и создать из нового молодого поколения истинных патриотов России»[27]. Такие воззвания, выражавшие политические цели Белого движения, оказывали определенное влияние на запутанных горожан.

В этих условиях появление в прессе компрометирующих материалов могло сыграть негативную роль в судьбе человека. Поэтому появление в газете от 6 марта 1919 г. статьи «Униженные и оскорбленные» (без авторской подписи) с нападками на А.М. Волкова, произвело на него крайне неблагоприятное впечатление. В статье речь шла о неправомерности предоставления ему продолжительного отпуска для учебы в Томском технологическом институте[28]. Затем в № 69 этой газеты от 31 марта 1919 г. доводилось до сведения читателей, что отпуск был дан А.М. Волкову педагогическим советом высшего начального училища и областной земской управой[29]. Хотя эти материалы не привели в данном случае к негативным последствиям, они доставили А.М. Волкову немало переживаний.

Осенью 1919 г. в последние месяцы колчаковщины произошел любопытный случай. Учитель Игнатов, ухаживавший когда-то за Калерией Губиной, встретил в Семипалатинске своего приятеля. «Что ты такой радостный?» – спрашивает приятель. «Да как же, ведь Волков-то убит!» и Игнатов показал приятелю номер белогвардейской газеты «За Родину», выходившей в Семипалатинске. В статье сообщалось о том, что заведующий Усть-Каменогорским высшим начальным училищем А.М. Волков убит на Семиреченском фронте. «Не радуйся понапрасну», – сказал Игнатову приятель. «Я недавно из Усть-Каменогорска и видел там Волкова, он жив и здоров». Эту историю и рассказал А.М. Волкову тот приятель Игнатова. Как могла появиться в газете такая заметка? Дело, оказывается, в том, что во время возвращения из Томска у А.М. Волкова украли все документы и, видимо, кто-то воспользовался его документами.

Начались реформы в народном образовании, когда учителей перебрасывали с места на место, школы объединяли, открывали новые, потом закрывали. С 1 сентября 1920 г. Усть-Каменогорское высшее начальное училище превратилось в Усть-Каменогорскую школу II ступени № 3. С 1 сентября 1920 г. по 1 февраля 1921 г. по избранию школьного совета А.М. Волков был председателем школьного совета этой школы; с 1 сентября 1920 г. по 1 сентября 1921 г. был преподавателем школы II ступени; с 1 сентября 1921 г. по 1 июля 1922 г. был преподавателем школы I ступени; с 15 ноября 1921 г. по 1 июля 1922 года заведовал школой I ступени Усть-Каменогорского кооперативного объединения; с 20 июня 1922 г. по 15 июля 1922 г. заведовал финансовым отделом Усть-Каменогорского уездного отдела народного образования; с 15 октября 1922 г. по 1 сентября 1923 г. состоял преподавателем Усть-Каменогорского педагогического техникума; с 1 октября 1923 г. по 1 апреля 1924 г. был заместителем заведующего Усть-Каменогорской школы II ступени; с 15 января 1924 г. по 1 сентября 1924 г. преподавал в педагогическом техникуме; с 1 сентября 1924 г. по 15 февраля 1925 г. был заведующим и преподавателем Усть-Каменогорской опытно-показательной школы I ступени при педагогическом техникуме им. Воровского (и до 1 апреля 1925 г. – заместителем заведующего педтехникумом).

А.М. Волков писал: «Вообще не было ни одного предмета, который я не взялся бы преподавать, лишь бы только существовало учебное руководство. А там все просто: если я сам понял, то и слушатели поймут. У меня был дар просто и понятно излагать материал, и моя аудитория всегда была довольна»[30].

О качестве педагогической работы А.М. Волкова свидетельствует отзыв заведующего педагогическим техникумом Л. Клюковского: «Александр Мелентьевич Волков в должности заведующе-

го и преподавателя опытной школы Усть-Каменогорского педагогического техникума состоит в течение двух последних лет и обнаружил хорошее знакомство с программами ГУСа и прекрасные организаторские и хозяйственные способности. А.М. Волков – умелый и опытный преподаватель, что доказывается тем фактом, что группа, которую вел А.М. Волков, считается наилучшей в уезде по степени усвоения навыков по русскому языку и математике. Общая подготовка А.М. Волкова выше средней и дает ему возможность с успехом работать в школе повышенного типа, что и доказывается работой А.М. Волкова в школе II ступени и в педагогическом техникуме»[31].

Параллельно с педагогической и организаторской деятельностью в 1920-е г. А.М. Волков активно занимался методической работой. Он был членом Усть-Каменогорского уездного методического бюро, в составе которого адаптировал программы ГУСа (Государственного ученого совета) для 4 групп в соответствии с местными условиями, разработал схему годового отчета для школ I ступени, а также выступал с докладами по методическим вопросам на собраниях Дома просвещения, писал статьи в журнал «Просвещение Сибири» (например статью «Опыт проведения выставки в Усть-Каменогорской опытной школе»).

Однако начавшееся реформирование школы, искусственное раздувание отделов народного образования в 1920-е гг. нашло юмористическое отображение в эпиграммах и стихах А.М. Волкова, которые помещались в городской учительской стенгазете[32].

Программы ГУСа

Я угасаю с каждым днем:
Программы ГУСа жгут огнем
Больную душу просвещенца.
Мой милый друг, прости, прощай,
И за меня не проклинай
Ты наркомпросовских младенцев.

УОНО[33]

Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей.
Ах, УОНО! Ты для одних могила,
А для других цветка весеннего нежней.

Однако должность во время Гражданской войны давала только официальное положение в обществе и почти никаких средств к существованию. «Я однажды получил жалованье за несколько месяцев, зашел в парикмахерскую постричься и все сразу отдал. А потом уж коробка спичек стала стоить три миллиона, или «лимона», как тогда говорили. Как же мы жили? Я, как всегда, имел частные уроки, но теперь уже получал за них не деньгами, а маслом, медом, возами сена (у нас была корова). Время от времени учителям и другим служащим давали муку, крупу (определенных пайков и карточек у нас не было). Больше всего нас обеспечивала Галюсенькина работа по вязке чулок на вязальной машине и выменивание разных материальных ценностей на чулки. Наряду с этим основным заработком были и другие. Так, я начертил для УОНО три карты очень большого масштаба, где были помещены все школы уезда. Затем я с двумя товарищами-учителями, у которых, как и у меня, были лошади, подрядились выгружать из Ульбы плоты и возить их на училищный двор для распилки на дрова. Кое-какой доход давало переплетничество. Летом нас поддерживала рыбалка»[34].

Таким образом, 1913–1917 гг. были для целеустремленного и трудолюбивого преподавателя А.М. Волкова не только временем дальнейшего профессионального становления, но и приобретением (в 26 лет) нового опыта организаторской и руководящей деятельности на посту заведующего Усть-Каменогорским мужским высшим начальным училищем.

4.5. Революционные события 1917–1919 годов в провинциальном сибирском городе

Я был первым оратором на первом
митинге в Усть-Каменогорске.
А.М. Волков

Оценивая свою политическую позицию в предреволюционные годы, А.М. Волков писал: «В те времена я был очень слабо развит политически, о партиях имел смутное понятие, и все мои представления о грядущей революции сводились к тому, что она должна принести свободу. Что революция придет, я не сомневался еще в 1915 и 1916 годах… Я выписывал либеральную сытинскую газету «Русское слово», как и все восхищался хлесткими фельетонами Дорошевича, читал сообщения с театра военных действий, среди которых все чаще появлялись зияющие пробелы: вырезки, сделанные цензурой. Особенно свирепствовала цензура в те дни, когда в газетах было напечатано сообщение об убийстве Распутина. Любопытно, что даже фамилия этого временщика не была названа. Просто говорилось, что убито одно известное в Петрограде лицо – но мы, конечно, сразу догадались, о ком идет речь. Это было в декабре 1916 года»[35].

Однако захлестнувший Россию революционный ураган 1917 г. докатился и до сибирской провинции, ввергая в круговорот политической борьбы народные массы. Провинциальная интеллигенция, как наиболее просвещенная часть населения, не могла остаться в стороне от происходящего. В феврале 1917 г. учитель А.М. Волков был втянут в орбиту революционных событий в Усть-Каменогорске. Вспоминая об этом, он писал: «Я родился в 1891 году, февральскую революцию встретил учителем высшего начального училища с семилетним стажем и в политических событиях 17-го года играл в Усть-Каменогорске достаточно крупную роль. Я был секретарем Совета рабочих и солдатских депутатов, заместителем председателя избранной летом городской думы и заместителем председателя избранного Земского собрания.

Я был первым оратором на первом митинге в Усть-Каменогорске. Произошло это так. Вечером 29 февраля в Народном доме собралось очень много народа послушать первые телеграфные сообщения о революции. Телеграммы читал агроном Андронов, высокий, худой человек в очках чуть ли не в 20 диоптрий, читал очень плохо, мямлил, запинался. Я с другими учителями находился недалеко от сцены и решил взять чтение на себя, т.к. педагогическая деятельность приучила меня разбирать любые почерки. К общему удовольствию я прочитал телеграммы громко, ясно, без запинки. А потом Андронов открыл митинг: «Граждане, высказывайтесь по поводу событий!» Дело было новое, никто не решался выходить. Ребята подтолкнули меня: «Иди, Мелентич, выступай!» И я выступил. Накануне келейным порядком в городской управе собралось несколько десятков видных горожан – буржуазия, чиновники, духовенство. Они избрали Исполнительный комитет, куда почти все сами и вошли. Я начал говорить о незаконности избрания этого комитета, выставил требование о переизбрании его всеобщим голосованием и критиковал избранный состав.

Что тут поднялось! Я как будто сунул палку в осиное гнездо. Андронов и другие комитетчики забегали за кулисы, засуетились, а потом начали выступать и беспощадно «крыли» меня, стараясь опровергнуть мои высказывания. Из учителей в мою защиту осмелился выступить только Александр Александрович Губин, мой шурин.

На следующий день нас с Шурой Губиным вызвали в комитет и заставили дать подписку, что мы не будем заниматься политической деятельностью (!!). Вот когда наша буржуазия уже применила методы хунты!

Конечно, это обязательство мы не соблюдали, и самый комитет лишился власти примерно в июне и распался. Очевидно, это мое первое выступление и положило начало моей популярности в городе и повело к тому, что меня выдвигали во все выборные органы. Уже осенью, проходя по рынку, я услышал, как одна женщина из простых, указав на меня, сказала: «Вот этот первый выступил за народ». Не скрою, слышать это было очень приятно.

В Совет рабочих и солдатских депутатов я вошел от вновь созданного Учительского союза и был избран его секретарем. Председателем Совета рабочих и солдатских депутатов стал фельдфебель местной команды Прохор Семенович Сухов. Это был крепкий хозяйчик с кулацким духом, не брезговавший спекуляцией. Да и вообще солдаты Усть-Каменогорской местной команды были в большинстве «окопавшиеся» там благодаря связям, и считать их выразителями воли широких солдатских масс едва ли было можно. Крестьян в нашем Совете не было. Вероятно, в городе был Совет крестьянских депутатов, но я об этом ничего не помню, не знаю о его работе, очевидно, у нас с ним не было никаких связей.

Теперь о партиях. О большевистской партии в городе ничего не было слышно до глубокой осени, она ничем себя не проявляла. Официально оформленной эсеровской партии (с членскими билетами и организацией) тоже не было. Кадеты, возможно, оформились, но с ними у меня не было контактов.

О меньшевиках тоже не было ничего слышно. И я ничего не помню о том, что в городе была объединенная организация РСДРП. Если бы она была, она бы как-нибудь действовала, принимала бы обязательное участие в выборных кампаниях, а этого не было. Будь это так, я, стоящий в самом центре политических событий, знал бы об этом. Никаких фракций объединенной партии РСДРП не было ни в Совете, ни в Думе.

Из большевиков весной и летом в городе мог быть Александр Машуков (мой бывший ученик), но если он как-то действовал, то это была, возможно, подпольная работа, хотя при тогдашних обстоятельствах этого совсем не требовалось. Позднее, при советской власти, Машуков вместе с Ушановым играл видную роль. Кажется, он был начальником милиции.

Избирательная борьба при выборах в городскую думу велась между буржуазией, интеллигенцией и земледельческим населением города (его было большинство). У нас было четыре списка. Список № 1 – городская буржуазия, список № 2 – территориальный – «Караджал», список № 4 тоже территориальный – Заречная слободка. А список № 3 громко именовал себя «Социалистическим блоком» (!) и лидером этого блока был я.

Надо сказать, что представления у нас о социализме были довольно-таки смутные. У меня лично были какие-то идеи о всеобщем равенстве, заимствованные из утопических романов. И, конечно, мы, члены блока, были за войну до победного конца и за Учредительное собрание. Марксистская литература до нас не доходила и о программе большевиков мы были мало осведомлены и относились к ней отрицательно.

Наш «Социалистический блок» мог служить прекрасной мишенью для сатиры. Полагаю, что многие его члены о социализме и не слыхивали. Кроме интеллигентов были в нем и мелкие тор-

говцы, и солдаты местной команды, и даже один расстрига-дьякон.

Большевики агитации при выборах в Думу не вели, это и говорит о том, что большевистской организации в городе в то время не было. Результаты выборов: список № 1 провел 5 депутатов, остальные три списка по 10. Председателем городской думы был избран Виктор Дмитриевич Алифанов (прошедший по нашему списку № 3), я стал его заместителем. Мне предлагали пост городского головы, но я отказался. Головой избрали отставного полковника Сидорова. ...Он был убит в конце 19-го года, когда в город вошли части атамана Козыря, где было много анархистско-бандитских элементов.

Дума держала власть примерно до января 18-го года. В конце 17-го года образовался большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов (Совдеп) во главе с Ушановым. Взаимоотношения между нами – Думой и Совдепом – были крайне курьезные. Ушанов не раз приходил на заседания президиума Думы и мирно спрашивал: «Не пора ли, товарищи, уступить нам власть?» А мы с Алифановым так же мирно отвечали: «Нет, мы еще посидим». «Ну, сидите, сидите», – говорил он и уходил. Это похоже на выдумку, но это святая истина, так оно и было. Как видно, у Совдепа не было реальной силы, потому он и держался выжидательной политики.

Мы отдали власть, по-моему, в январе 18-го года. Произошло это без всякой шумихи, тоже очень спокойно. Тогда же прекратил деятельность и наш первый Совет рабочих и солдатских депутатов. Я передал печать секретарю Совдепа, тем дело и кончилось.

Я не знаю, работала ли городская дума после белогвардейского переворота. Лично я с ней покончил в январе 18-го года.

Осенью 17-го года проходили выборы в Земское собрание, которое должно было осуществлять власть в уезде. Эти выборы проходили не так, как в Думу, не тайным голосованием списков, а открыто в учреждениях и профсоюзах. Я прошел туда от Учительского союза.

Так как большинство населения Усть-Каменогорского уезда составляли киргизы (так тогда назывались казахи), то в Земском собрании их было человек 30, а нас, русских, около десяти, и, конечно, я был их лидером!

Председателем Земского собрания был избран Амре Дурманович Айтбакин, врач, один из немногих киргизов, получивший высшее образование в те времена. А я, как лидер русского меньшинства, стал его заместителем.

Однажды, когда Айтбакин был в отъезде, мне пришлось проводить сессию Земского собрания. Скучища была смертная – каждую речь переводили с русского на киргизский и обратно.

Теперь о моем друге В.Д. Алифанове. Мы были с ним тесно связаны в течение всего 17-го года. Я уже говорил, что мы с ним возглавляли президиум городской думы. Мало того: он был редактором ежедневной газеты «Друг народа» (орган Учительского союза, тираж 1 000 экз.), а я был его ближайшим и почти единственным сотрудником, писал передовицы, репортажи, фельетоны, стихи. И по газетной работе мы встречались ежедневно. Полагаю, что Алифанов, как и я, не был ни в партии меньшевиков, ни эсеров: он состоял в нашем «Социалистическом блоке». По этому списку он и прошел в Думу.

Мне кажется, что теперь, через полвека после тех событий, я единственный человек, который в состоянии рассказать о причине высылки Алифанова из Усть-Каменогорска, так как я – невольный виновник этой высылки. Но об этом придется начать издалека. До революции в городе и уезде делами народного образования ведал инспектор народных училищ Иван Емельянович Мирошниченко. У меня с ним были натянутые, почти враждебные отношения. Это объясняется тем, что он был человек властный, а я ему не покорялся и держался независи-

мо. Февральская революция вначале не затронула Мирошниченко, он оставался на своем посту. Но после избрания Земства положение изменилось. Делами образования должен был ведать член Земской управы, избранный Земским собранием. Конечно, на эту должность Айтбакин прочил Мирошниченко. А я, зная нелюбовь учителей к Мирошниченко, решил его на этот пост не пропускать. И я этого добился. Почему-то Айтбакин очень боялся, что сектор просвещения намерен возглавить я, и к этому было много оснований (член Земства, зампредседателя, педагог с образованием и стажем). Вероятно, Айтбакин считал, что доставлю ему много хлопот. Моя «разведка» доложила мне об этих страхах, и я этот «козырь» использовал. Вначале киргизы заявили: «Нас большинство, как мы решим, кого изберем, так и будет». «Ах, такое дело?» – ответил я. «Тогда мы не будем с вами работать». Я посоветовался с «оппозицией», а потом поднялся и демонстративно вышел из зала Народного дома, где проводилась сессия. Иду, а сам кошусь назад, не подведут ли «ребята»? «Ребята» не подвели! Они потянулись за мной, как гусята за маткой. Заседание прервалось, кворум был сорван.

Амре почувствовал, что перегнул палку, что без русских ему не обойтись. Меня вызвали на переговоры с киргизской фракцией в фойе. Какие там сидели баи (сплошь, ни одного бедняка!) в роскошных шелковых и бархатных халатах, в шитых золотом тюбетейках! Среди всех выделялся занимавший сразу три венских стула двенадцатипудовый богач Бердыбек.

Использовав страх Айтбакина передо мной, я заявил: «Сектор просвещения я возглавлять не буду, но и Мирошниченко тоже не будет. Я предлагаю В.Д. Алифанова». «Хорошо», – был ответ. На пост заведующего здравоохранением я выдвинул члена нашей фракции провизора Медведкова, остальных членов Управы предложил наметить киргизам. Джентльменское соглашение было выполнено честно. Алифанов и Медведков были избраны подавляющим большинством голосов. И вот это-то избрание и погубило Алифанова. Когда пришли белые, Мирошниченко снова вошел в силу, он занял свой прежний пост, а В.Д. Алифанов был выслан. Не берусь утверждать, что это было сделано по настоянию Мирошниченко, но это вполне возможно. Других вин за Алифановым как-будто не было. Это был деятель весьма умеренных взглядов. И уж большевистским духом от него никак не пахло. Алифанова перегоняли из города в город, здоровье у него было слабое и через год-полтора он умер.

Удивляюсь, как репрессии не коснулись меня. Во всяком случае Мирошниченко и его приятель, подпольный адвокат, штабс-капитан Молченко травили меня в желтой газетенке «Усть-Каменогорская жизнь». Они писали про меня, что я «работал в Советах и Совдепах», а вы, конечно, понимаете, каким страшным было это обвинение при белых. Ведь для них «Совдепия» была жупелом. Я полагаю, что до меня просто не дошла очередь, потому что позднее, когда колчаковцы сбежали из города, один ответственный товарищ мне сообщил, что моя фамилия была в списках белой контрразведки среди опасных элементов. К большому моему сожалению, я в ту пору не вел дневника, иначе написал бы книгу «Революция в уездном городе» (мысль об этом давно бродит у меня в голове). Но я нашел в записной книжке 17-го года небольшой отрывок из протокола, который я вел, как секретарь Совета, о разборе различных заявлений служащих Риддеровской железной дороги»[36].

Эти воспоминания А.М. Волкова, несмотря на свойственный им субъективизм, являются показательным источником для анализа революционных настроений различных социальных и национальных групп в Усть-Каменогорске 1917 г. Автор, не фиксируя своей принадлежности ни к какой политической партии, строит свои взгляды и действия на основах либерализма, ратуя за всеобщее равенство, выборные представительные органы власти и патриотические идеалы России. Видимо, такая политическая позиция, характеризующаяся общими идеологически-

ми установками, не связанными с конкретными платформами политических партий, была типична для передовых представителей интеллигенции уездных российских городов начального периода революции.

В 1919 г. Усть-Каменогорск переживал тревожное время. «Колчаковцы свирепствовали. Усть-Каменогорская крепость, когда-то служившая тюрьмой для политических ссыльных, вновь приобрела прежнее значение. Общие камеры и одиночки были переполнены. Весной и мы, городские интеллигенты, вдруг сделались причастны к тюремным делам белых властей. Учителя, врачи, агрономы, служащие думы были мобилизованы для несения караульной службы и им были выданы японские винтовки. Раза два мне пришлось стоять у крепостных ворот и было очень жутко наблюдать, как конвоиры вели куда-то небольшие группы арестованных в глухую ночь. Ясно, что эти люди – лучшие люди нашего города – отправлялись на смерть... Кажется, в июне 1919 г. заключенные в крепости вырвались на свободу и подняли восстание. Им удалось обезоружить тюремщиков и захватить арсенал с винтовками и патронами. Но положение их было трудное, почти безнадежное. Им надо было продержаться в крепости до ночи, чтобы потом пробиться на свободу. Немногим восставшим удалось переплыть через Ульбу или Иртыш, но и там были белые, хватавшие их. Почти все герои восстания погибли. Усть-Каменогорское восстание очень живо описано Ефимом Пермитиным в романе «Друзья» и Николаем Ановым в романе «Пропавший брат»[37].

В июле 1919 г. колчаковские власти объявили о призыве белобилетников. Из семьи Волковых забрали Александра и Петра. В Семипалатинске, куда они прибыли, размещался штаб 1-го Степного Сибирского корпуса под командованием генерал-майора Бржезовского. А.М. Волкова, как умевшего работать на пишущей машинке, сначала направили в штаб писарем и посадили «на приказы», затем он был рядовым, корректором, заведующим экспедицией, а к сентябрю 1919 г. его демобилизовали.

Продолжая заведовать высшим начальным училищем, А.М. Волков проявлял твердость во взаимоотношениях с властями, беря на себя ответственность за жизнь учащихся. Так, когда ему поручик колчаковской армии, начальник Усть-Каменогорской уездной милиции Н. Антонов в сентябре 1919 г. предложил организовать из старших учеников вооруженную дружину для охраны порядка в городе, А.М. Волков категорически отказался вовлекать учеников в такое дело.

В ночь на 10 декабря 1919 г. белые бесшумно покинули Усть-Каменогорск, а в город ворвались конные партизанские части командира Козыря. «И вот с прибытием этих партизан мне довелось пережить много тревожных дней – да и не только мне, а всем горожанам. Дело в том, что партизаны Козыря в большей своей части состояли из анархистов, которые не подчинялись никакой дисциплине и своевольничали, как хотели. В первую очередь я должен рассказать о трагической судьбе протоиерея Дагаева, одного из столпов города при старом режиме. Он был убежденным противником большевиков и советской власти. В гражданскую войну он не раз выступал во время богослужений с проповедями, где горячо призывал народ бороться с красными. Когда близкий конец колчаковщины стал для всех ясен, Дагаев понял, что ему грозит суровая кара за его деятельность. Помню один разговор с ним, примерно в октябре 1919 г. «Плохи мои дела, мистер. Придется пострадать», – говорил мне протоиерей, уже потерявший свою веселость. Я пытался утешить его, но он безнадежно качал головой с львиной гривой седых волос. «Тебе-то ничего, ты благополучно отделаешься, а вот мне не сдобровать», – говорил он. Между тем у него был хороший исход: он мог уехать в Омск, Томск и даже в недальний Семипалатинск и там переждать бурю. После первых месяцев новой власти он мог явиться с повинной и получить самое большее два-три года тюрьмы. Этот выход я ему подсказывал, но он его не принял.

«Семья пострадает», – говорил он мне. И все же, когда белые покинули город, Дагаев скрылся. Оказывается, он скрывался на какой-то пасеке в окрестностях Усть-Каменогорска и, то ли его выдали, то ли случайно, но его нашли и арестовали. Он был заключен в тюрьму и там ему пришлось перенести много издевательств: например, его заставляли возить по городу нечистоты. Конечно, все горожане, даже и те, кто с радостью встретил приход красных, глубоко сочувствовали униженному старику.

Сочувствовали ему и мы, учителя, и нам пришла гибельная мысль взять его на поруки, гибельная, т.к. дальше станет ясно, к чему она привела. Наше ходатайство было удовлетворено, протоиерея выпустили домой, и я, узнав об этом, тотчас побежал к нему. Мне с ним пришлось обменяться всего двумя-тремя фразами: он собирался в баню. «Да, мистер, много мне пришлось перетерпеть, потом я тебе все подробно расскажу», – сказал он. Но больше нам встретиться не пришлось.

На следующее утро ко мне на квартиру прибежала младшая дочь протоиерея Вевея, учительница нашего училища. Вся в слезах, задыхаясь от горя, она рассказала ужасную историю. Поздно вечером за протоиереем пришли анархисты и увели его на смерть. Вевея, рыдая, издали бежала за ними и видела страшную картину гибели отца. Каратели вывели старика за город, рубили ему руки, ноги, а он молился с величием древнего христианского мученика... Истерзанный труп палачи бросили в степи. Так погиб протоиерей Дагаев. Он был сильной недюжинной личностью, и если бы ему на долю выпала политическая карьера, быть может, он прогремел бы на всю страну. Я был глубоко опечален участью протоиерея.

Зверским убийством протоиерея Дагаева дело не ограничилось. Ночью были выведены из своих домов владелец типографии Семен Автономович Горлов и бывший городской голова Сидоров. Слышно было и о других расправах, в частности, с бывшими офицерами. Город объял ужас. Никто не был уверен в завтрашнем дне. Пьяным бандитам было достаточно услышать вздорную клевету, и человеку тут же пришел бы конец.

В постоянном страхе жил и я, хотя не был замешан ни в каких антисоветских действиях. Но ведь и стихи мои «Вече» и «Мир», напечатанные в «Друге народа» могли в глазах злонамеренного человека сойти за антисоветскую агитацию. К счастью, вскоре пришли регулярные части, и я вздохнул свободно»[38].

5 ноября 1919 г. А.М. Волкову пришло уведомление № 456 об отсрочке призыва в войска по закону от 9 августа 1919 г. и выдано соответствующее удостоверение № 16145.

По приказу ревкома 16 декабря 1919 г. А.М. Волков и его школьные товарищи Леонид Молодов и Михаил Трусов были назначены членами редакционного коллектива газеты «Известия Усть-Каменогорского Совета рабочих и солдатских депутатов». Тон в этом коллективе задавал А.М. Волков, как опытный газетчик. Однако после написанной им передовицы о нейтральной политической линии редакции газеты, они были освобождены от работы в газете.

Таким образом, участие в революционных событиях 1917–1919 гг. в Усть-Каменогорске местной интеллигенции, в том числе и А.М. Волкова, были первым опытом общественной деятельности. Наряду с этим участники революционных событий столкнулись с неоправданной жестокостью, неизбежной стихийностью и оголтелым противостоянием, приведшим к многочисленным человеческим жертвам и тем самым обесценившим гуманистические принципы демократии.

4.6. Первая проба пера

…Увлекла литература. Это – моя
страсть, мое призвание с юных лет!
А.М. Волков

Первые стихотворения А.М. Волкова «Мечты» и «Сонет» появились в томской общественной литературно-политической газете «Сибирский свет» 16 января 1917 г. Они были переданы в газету дядей А.М. Волкова – священником, отцом Петром, у которого Александр просил достать учебники для сдачи экзаменов на аттестат зрелости. В этих письмах с просьбами были и стихотворения, являвшиеся первым опытом молодого учителя и носившие подражательный характер. Вот одно из них:

Сонет

Ничто не радует меня,
Не веселит мой взор печальный.
На склоне прожитого дня
Я утомлен дорогой дальней.
Печально я гляжу вперед:
Не встречу ласкового взора.
И на закате дней моих
Ни слова дружбы, ни укора.
Не скажет мне мой друг былой –
Он скрыт холодный и немой
Стеной угрюмой и высокой,
А я один с кручиной злой
Брожу печальный и больной
И мой конец уж недалеко.

Сам А.М. Волков писал об этих стихах: «Не знаю, откуда такой пессимизм в двадцать с небольшим лет, но тогда я писал таких стихов много. Причина, вероятно, общее минорное настроение литературы в ту эпоху. Сейчас я мог бы подвергнуть эти стихи самой беспощадной уничтожающей критике, а тогда… их напечали в краевой газете. Правда, эта газета издавалась церковным ведомством, и духовные отцы, наверно, не очень смыслили в поэзии. И все-таки воспоминание об этом согревает душу: как-никак, это начало моей писательской деятельности»[39].

В 1918 г., работая в Усть-Каменогорской газете «Друг народа», наряду с многочисленными очерками и фельетонами А.М. Волков опубликовал стихотворения, отражавшие его политическую позицию. Стихотворение «Вече» было откликом на разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. В конце стихотворения «Вече» А.М. Волков писал:

…Но насильники лихие
Нас на вече не пустили
И кровавыми штыками
Вход закрыли перед нами…
Неужели замолчим мы,
Как молчали в дни былые?

Резкой критике подвергся Брестский мир в стихотворении «Мир»:

Не с торжественно чистым и светлым лицом
И не гостем желанным на радостный пир,
Он приходит в Россию с кровавым мечом,
Этот подлый, германский, предательский мир!

Ввиду закрытия газеты «Друг народа» неопубликованным осталось стихотворение «Русь».

Русь

Припомню ли годы былые,
Душой ли вперед унесусь,
Всегда и везде предо мною
Великая бедная Русь.
Великая, так как полмира
Собой занимает она,
И бедная – прежде иные
Знавала она времена.
Бывало – пред ней трепетали,
Неслась ей повсюду хвала,
Бывало – в беде ее звали,
И помощь Россия несла.
Видали чужие столицы
Российских полков знамена,
И гордо свои диктовала
Законы народам она.
Но где ее прежняя сила,
Где прежний воинственный вид?
Исчезла и доблесть былая
И горечь тяжелых обид.
Русь бедная! Враг озверелый
Железную цепь ей кует,
Она же в слепом заблужденьи,
Как агнец, на жертву идет.
И будет, как агнец закланный,
За грех свой тяжелый страдать,
И, может быть, долгие годы
Ей доли иной не видать…

Таким образом, стихотворения этого периода, написанные «по горячим следам» последних событий в стране, позволяют определить политическую ориентацию автора, базировавшуюся, видимо, на общих либерально-демократических взглядах провинциальной сибирской интеллигенции.

К январю 1919 г. относится попытка написания А.М. Волковым приключенческой повести «История одного документа» (написаны 3 главы), оставшейся неоконченной.

С начала 1920-х гг. А.М. Волков начал писать пьесы для самодеятельного театра. Первой и самой удачной была комедия «Товарищ из центра (современный ревизор)». На сохранившейся небольшой афише 1923 г. написано: «Весь сбор поступит в пользу школы. Суббота, 9 января. Вечер беспрерывного смеха и веселья!!! Веселая комедия в 3-х д. при участии лучших сил «Товарищ из центра (современный ревизор)». Соч. А.М. Волкова. Вновь оборудованная сцена, специальные декорации. Играет духовой оркестр. После спектакля танцы, буфет. Цены местам от 1 р. до 30 к.»[40]

В этой пьесе, повторяющей замысел Н.В. Гоголя, современный Хлестаков, явившийся в село, обирал кооператора, сельсоветчика, дьякона и др. «Я, мои родственники и друзья поставили эту комедию на сцене опытно-показательной школы при педагогическом техникуме, которой я в то время заведовал. Я играл товарища из центра, Костя Губин – дьякона, Галюсенька с большим блеском провела роль делегатки. Второй моей пьесой, поставленной на сцене, была комедия «Торговый дом Шнеерзон и К°». Там Галюсенька великолепно сыграла кокетливую машинистку Адель. Вот талант, загубленный жизненными обстоятельствами. Если бы Галюсенька жила на 20–30 лет позже и не в нашем глухом городе, где лишь изредка можно было выступить на любительской сцене, из нее вышла бы замечательная артистка. Когда у нас собирались гости, все помирали со смеху, глядя, как она изображала бестолковую обиженную старуху, добивающуюся правосудия, или кокетливую молодящуюся дамочку, или разухабистую деревенскую деваху… Как она умела менять выражение лица, голос – это просто поразительно!»[41] Пьеса прошла в Усть-Каменогорске с большим успехом.

Комедия А.М. Волкова «Торговый дом Шнеерзон и К°» (из жизни столичных «делателей золота и судебных процессов») была поставлена 11 марта (видимо, 1923 г.) в Усть-Каменогорске в здании школы имени Карла Либкнехта в режиссерской постановке Л.А. Истоминой.

В 1920-е гг. А.М. Волковым были написаны также пьесы «В глухом углу (деревенский селькор)» и «Деревенская школа». В его архиве нами были найдены первые страницы из пьесы «Деревенский аблакат».

Тогда же он впервые обратился к юному зрителю – детям. Среди его пьес были пьесы для детского театра «Толя – пионер», «Домашняя учительница», «Цветок папоротника», «Орлиный Клюв». В комедии «Орлиный Клюв» А.М. Волкову удается создать образ непоседливого и веселого сорванца Коли, который ленится учиться, но умеет честно дружить, изобретать «индейские» игры, помогать друзьям.

Успехи пьес в Усть-Каменогорске окрылили А.М. Волкова, и он сделал попытку отправить свои пьесы в московское издательство. Он переписал все пьесы в одну тетрадь, переплел ее и поручил своему товарищу Лаушкину, делегату Всероссийского учительского съезда, отдать рукопись в какое-нибудь издательство. Однако у того на вокзале был украден чемодан, в котором была эта тетрадь. Позже предпринятая повторная попытка, хотя и была более удачной, но, в конце концов, ни к чему не привела. Из одного из московских издательств было получено письмо следующего содержания: «Товарищ Волков! К сожалению, ни одна из Ваших пьес к печати не подходит. Главное, что в первую очередь необходимо для начинающего автора – упорство, вера в свои силы и систематическое прилежание, которое чувствуется у Вас в достаточной степени и в полном наличии. С этими крайне ценными качествами Вы сумеете преодолеть нижеуказанные недостатки в области своего творчества. Выбирайте для своих пьес материал свежий: к Вашим услугам богатая, многообразная жизнь текущей современности»[42]. Так завершилась первая попытка пробиться в центральную печать.

Библиогафические ссылки и примечания

1 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.
2 Там же.
3 Цит. по кн.: Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. Томск, 2002. С. 220.
4 Колосов С. Встреча // Красное знамя. 1968. 11 июня.
5 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 16. Нояб. 1967 г. – янв. 1968 г.
6 Колосов С. Встреча // Красное знамя. 1968. 11 июня.
7 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 2. Л. 164–165.
8 Там же. Л. 166.
9 Там же. Л. 174–178.
10 ГАВКО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 1а. Л. 23.
11 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 2. Л. 193–194.
12 ГАТО. Ф. 100. Оп. 2. Д. 5. Л. 23.
13 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 2. Л. 181–183.
14 Там же. Л. 180–181.
15 Там же. Л. 186.
16 ГАВКО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 213. Л. 10–11.
17 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 1. Л. 221.
18 Там же. Т. 2. Л. 188.
19 Там же. Л. 172–173.
20 Музей истории ТГПУ. О.Ф. № 191/1619.
21 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 2. Л. 173.
22 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.
23 ГАВКО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.
24 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 3. Л. 9–10.
25 Там же. Л. 12–22.
26 Там же. Л. 84–86.
27 Граждане // Усть-Каменогорская жизнь. 1919. 31 марта.
28 Униженные и оскорбленные // Усть-Каменогорская жизнь. 1919. 6 марта.
29 Усть-Каменогорская жизнь. 1919. 31 марта.
30 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 3. Л. 165.
31 Там же. Л. 140–146.
32 Там же. Л. 183–184.
33 УОНО – уездный отдел народного образования.
34 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 3. Л. 154.
35 Там же. Л. 29–30.
36 Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. КП нв 21–12111.
37 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 3. Л. 108–110.
38 Там же. Л. 140–146.
39 Там же. Т. 4. Л. 6–8.
40 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.
41 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 77–78.
42 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

Глава 5
Педагогическая деятельность А.М. Волкова в Ярославле (1926–1929 гг.)

Желание перебраться в Европейскую Россию для осуществления давней мечты четы Волковых – продолжения образования – укрепилось после участия А.М. Волкова в образовательной учительской экскурсии в Москву и Ленинград, организованной УОНО летом 1926 г. Среди участников экскурсии были городские (Михаил Иванусьев, Иван Лукьянов, Олег Рутковский, Виктория Пискунова, А.М. Оконешников, Елена Кленчина) и сельские учителя. Одновременно с посещением музеев и театров, осмотром достопримечательностей городов А.М. Волков занимался поиском места работы. По маршруту экскурсии он подавал заявления с заранее приготовленными характеристиками и отзывами на вакантные педагогические должности в Ярославле, Москве, Ленинграде, Твери.

Согласно учетной карточке Усть-Каменогорского УОНО, выданной на имя А.М. Волкова в 1925 г., он состоял (с 1 сентября 1924 г. по 15 февраля 1925 г.) заведующим и преподавателем Усть-Каменогорской опытно-показательной школы I ступени при педагогическом техникуме им. Воровского. Параллельно с этим с 1 апреля 1925 г. он был назначен заместителем заведующего педтехникумом им. Воровского. В этом педтехникуме А.М. Волков проработал до начала сентября 1926 г.

В начале сентября 1926 г. из Ярославля А.М. Волковым была получена телеграмма, в которой сообщалось, что он назначен на должность преподавателя опытной школы при Ярославском педагогическом институте. А 7 сентября пришло официальное уведомление № 14588: «Ярославский городской отдел народного образования настоящим сообщает Вам, что Вы назначаетесь на должность преподавателя по физике в Опытно-показательную школу при пединституте согласно протокольного постановления по укомплектованию школы от 23/VIII с.г. Назначение считать с 1-го сентября с/г.»[1]

9 сентября 1926 г. семья Волковых (в составе самого Александра Мелентьевича, жены Калерии Александровны, сына Вивиана (2,5 лет) и 12-летней воспитанницы Тани Кузнецовой, дальней родственницы А.М. Волкова) выехала в Ярославль. В Ярославском ГУБОНО А.М. Волкова ввели в курс дел Опытно-показательной школы при пединституте, весь прежний персонал которой во главе с заведующим и завучем были уволены за развал работы школы. В связи с этим А.М. Волкову была предложена должность заведующего учебной частью школы (с 20 сентября 1926 г.).

Трехэтажное кирпичное здание школы, бывшей духовной семинарии, находившееся на ул. Республиканской, 130, выглядело довольно запущенным: на стенах виднелись выбоины от пуль после савинковского мятежа, подвалы здания были затоплены. В связи с отказом заведующего школой, некоего Тихонова, от работы, с 15 октября 1926 г. заведующим школой был назначен А.М. Волков (с содержанием 197 р. 02 к. в месяц). Перед ним наряду с хозяйственными задачами встали и учебно-воспитательные проблемы школы. На этом посту ему пригодился его прежний многолетний опыт руководящей работы в различных учебных заведениях Усть-Каменогорска.

В составе нового коллектива учителей под руководством А.М. Волкова работали Н.К. Захаров, Б.Ф. Тясто, И.В. Киселёв, А.А. Тихонов, Н.А. Пактчер, А.А. Соколов, О.И. Приорова, А.А. Кулемин, А.И. Арбекова, Н.А. и Е.А. Горбатовы (две внучки русского поэта Н.А. Некрасова), Г.Ф. Бодухин, А.А. Добровольская, Е.А. Зайц, Т.Н. Шетнева, Е.К. Смирнова, М.И. Кострынина, Н.А. Оносовская, А.Н. Столярова, З.В. Тихвинская, З.С. Зайцева, С.С. Емельянова, Л.А. Высоковская, Е.И. Красильникова, Т.А. Лисенкова, Чистякова. В 1928 г. математику в 5-х и 6-х классах стала преподавать К.А. Волкова. Упоминание большого количества имен учащихся и преподавателей, учившихся и работавших вместе с А.М. Волковым в разных учебных заведениях представляется нам важным историческим источником по истории российского образования.

Большие усилия всего коллектива понадобились для наведения порядка в школе и укрепления дисциплины. «Самой главной задачей было установить дисциплину среди распущенной массы учащихся, и я этого строгими мерами понемногу добивался: все-таки у меня к тому времени был немалый административный стаж, а это чувствовалось», – писал А.М. Волков[2]. Добившись от ГУБОНО исключения из школы 5–6 особо «хулиганистых» ребят, сплотив оставшийся ученический коллектив, заведуюший А.М. Волков наладил дисциплину в школе. А ликвидация бесхозяйственности, вплоть до тушения пожара в апреле 1927 г., привела к тому, что в конце 1926/27 учебного года администрация школы получила положительные отзывы о работе.

Для активизации учебно-воспитательного процесса А.М. Волков, преподававший физику, решил освоить радиодело. «Я – человек прошлого века и в моей долгой жизни являюсь ровесником многих великих изобретений. Радио, без которого немыслимо теперь представить себе жизнь, моложе меня на несколько лет. Впервые я услышал радиопередачу в Усть-Каменогорске примерно в 1924–1925 году. Во время экскурсии в Москву я уже слышал музыку и пение из уличных репродукторов – вполне внятно. И вот, в Ярославле, преподавая физику, я, конечно, должен был изучить теорию и технику радио. Тогда еще все это было очень просто. Я купил популярные книжки Скотт-Таггарта, где теория радиопередач была изложена очень просто, популярно. Ну, а раз я сам понял, значит, я мог объяснить и ученикам: я организовал в школе радиокружок, которым и стал руководить. Накупив деталей и проволоки, я отважно пустился собирать радиоприемник. Сначала сделал детекторный, а потом собрал вполне приличный двухламповый, который мог принимать Москву и ряд других станций»[3]. С таким же энтузиазмом А.М. Волков освоил старинный фотоаппарат и фотографировал коллег, учащихся, школу.

Выправив положение в школе, опираясь на актив старшеклассников, коллектив преподавателей во главе с А.М. Волковым реализовывал так называемый «Дальтон-план». Как очевидец, А.М. Волков писал: «Добрый десяток лет после Октябрьской революции школы лихорадило от всевозможных экспериментов. Начальная школа блуждала в дебрях комплексов, и тот учитель считался лучше, который изобретательнее других соединял несоединимое… Это поветрие пришло к нам из США, где новая система обучения была разработана в городке Дальтоне. Предполагалось, что Дальтон-план – передовой, активный метод обучения в противоположность прежнему, когда учитель рассказывал материал, задавал уроки на дом, а потом спрашивал. И мы все это поломали. Теперь уже не ученики, а учителя были связаны расписанием: в определенный час учитель дежурил – и уже не в классе (классов не стало), а в кабинете или лаборатории и ждал, когда у учащихся появится желание заглянуть к нему. Учащиеся сами планировали свое расписание: к кому из учителей и когда они пойдут, чтобы получить задание и сдать зачет. Записные мои книжки того времени полны списками учеников, которым задана та или иная тема и от которых принят зачет. При этой очень «свободной» системе лодырям было

раздолье – очень трудно было установить: был ли учащийся в данный день в школе и что он делал»[4].

Дальтон-план продержался в Советском Союзе два-три года, когда издавалась обширная литература, посвященная этому методу обучения, созывались съезды работников школ, где применялся Дальтон-план. На одном из таких съездов, проходившем в Ленинграде, выступал и А.М. Волков. Однако минусы Дальтон-плана, сводящиеся к большой перегруженности групп учащихся и отсутствию оборудованных кабинетов по всем дисциплинам, возобладали, и Дальтон-план был объявлен малоэффективным в советских условиях.

Согласно выданному Ярославским педагогическим институтом удостоверению за № 31 от 24 июня 1927 г., наряду с заведованием опытно-показательной школой и ведением занятий по физике, А.М. Волков руководил педагогической практикой студентов, состоя в должности ассистента кафедры педагогики этого вуза[5].

Одним из свидетельств повышения авторитета школы, руководимой А.М. Волковым, стало ходатайство о присвоении школе имени Максима Горького. В марте 1928 г. опытно-показательная школа при Ярославском педагогическом институте отправила М. Горькому письмо с просьбой дать согласие на присвоение школе его имени. Вскоре они получили ответ: «Уважаемые товарищи! С благодарностью принимаю ваше предложение, крайне почетное для меня. Буду очень рад, если мне удастся чем-либо помочь вам в вашей работе. Мой сердечный привет. А. Пешков»[6]. Школа с большим удовлетворением встретила благосклонный ответ М. Горького, особенно ликовали учащиеся старших групп. 13 мая 1928 г. в Доме работников просвещения состоялось торжественное заседание по поводу переименования опытной школы при педагогическом институте в школу имени Максима Горького. После заседания учащиеся выступили с докладами о жизни и творчестве М. Горького, которые иллюстрировались декламацией и инсценировками.

На сохранившейся в семейном архиве К.В. Волковой фотографии коллектива учащихся и преподавателей опытно-показательной школы 9-летки им. М. Горького 1928 г. рукой А.М. Волкова написано: «Учеников и учениц я не помню, а преподавательский персонал именую через 40 с лишним лет (21.11.1971). Среди них Е.А. Зайц, Н.А. Пактчер, Е.И. Красильникова, Н.А. Оносовская, И.Ф. Сергеев, Н.К. Захаров, Е.К. Смирнова, А.А. Тихонов, О.И. Приорова»[7].

Еще в 1927 г. А.М. Волков решил осуществить свою давнишнюю мечту – получить высшее образование. Он написал заявление о приеме на III курс физико-технического отделения Ярославского педагогического института и его просьба была удовлетворена (об этом свидетельствует выписка из протокола № 36 заседания правления института от 7 февраля 1927 г.). 14 марта 1927 г. А.М. Волков посетил первую лекцию: «Давно утраченные чувства студента. Все-таки я очень любил учиться. Первое посещение лекции, я даже не помню какой, точно вернуло меня в давно прошедшие годы, когда я, жаждущий знаний, сидел за партой. Я мог бывать только на очень немногих лекциях, потому что у меня и своих занятий было достаточно. Многие курсы читали московские профессора, приезжавшие раз в неделю на день-два. Любовь Николаевна Запольская вела курс математического анализа, Николай Александрович Извольский – проективную геометрию, профессор Шапошников – физику… Редко посещая лекции, я занимался самостоятельно и включился в работу серьезно»[8]. С 24 сентября 1928 г. А.М. Волков был переведен в экстерны.

После сдачи 35 экзаменов и зачетов, написания дипломной работы А.М. Волков писал: «Вот какую гору переворотил! И теперь собирался на штурм еще более высокой вершины. Впереди рисовалась Москва, и мы с Галюсенькой твердо решили, что третий год в Ярославле будет и

последним. В моем возрасте годы терять не приходилось, и так их слишком уж много прошло по-пустому…»[9]

2 июля 1929 г. А.М. Волкову было выдано свидетельство за № 232, в котором говорилось, что он в 1928 г. в порядке инструкции Главпрофобра об экстернате, утвержденной Коллегией НКП 22 июля 1927 г., был допущен к испытаниям в качестве экстерна за курс Ярославского педагогического института и в течение 1928–1929 г. сдал испытания по всем теоретическим и практическим научным дисциплинам, предусмотренным учебным планом физико-технического отделения. В июне 1929 г. он защитил дипломную работу на тему «Штейнеровы построения». «Это была очень трудоемкая работа: мне пришлось сделать много очень сложных чертежей, составивших целый альбом. Работу я защитил публично, она была признана очень интересной», – писал он[10]. На основании постановления СНК РСФСР от 8 июля 1925 г., §§ 11–12 «Положения о Государственных квалификационных комиссиях» и постановления Коллегии НКП от 26 апреля 1927 г. А.М. Волкову была присвоена квалификация педагога с правом преподавания по дисциплинам физико-математического цикла в трудовых школах 2-й ступени, техникумах, рабочих факультетах и других, соответствующих им по курсу, учебных заведениях.

В своем отзыве профессор Л.Н. Запольская писала: «Экстерна Ярославского педагогического института А.М. Волкова я знаю в течение двух академических учебных лет. Будучи прикомандирован к III курсу физико-технического отделения Ярославского педагогического института, он сдавал у меня назначенные для него зачеты по высшей математике и теоретической механике, к которым он готовился самостоятельно по первоисточникам. Посещая лекции и занятия по специальному семинарию (по высшей математике), экстерн А.М. Волков проявил глубокий интерес к математическим дисциплинам и способности к научно-исследовательской работе. Тов. А.М. Волкова я нахожу действительно выдающимся из числа студентов физ.-тех. отделения ЯПИ и достойным того, чтобы ему была оказана поддержка в деле продолжения высшего научного математического образования»[11].

Высокий отзыв был также дан профессором Н.А. Извольским: «Экстерн А.М. Волков зарекомендовал себя во время пребывания в Ярославском педагогическом институте человеком, способным к научной работе в области математики. Особенно влечет его геометрия, которой он занимался с большим увлечением. Он с первых же дней работы в институте произвел впечатление намного выдающегося как по подготовке, так и по способностям среди остального состава IV курса, а потому был выдвинут мною кандидатом в выдвиженцы»[12].

Таким образом, в ярославский период жизни А.М. Волкова ярко проявились присущие ему качества: неустанное стремление к знаниям, выразившееся в получении высшего педагогического образования, проявившиеся способности в научной работе, овладение новыми профессиональными навыками, а также организаторским и административным опытом руководства школой 9-леткой.

Живя в Ярославле, Волковы регулярно посещали известный театр имени Ф.Г. Волкова, особенно когда там гастролировала опера. Восхищались Волковы также игрой Григория Гинзбурга. В Ярославле состоялось знакомство А.М. Волкова с артистом и режиссером Анатолием Михайловичем Розовым. Он поставил на клубной сцене ярославской фабрики «Красный Перекоп» комедию А.М. Волкова «Товарищ из центра», которая прошла с большим успехом.

В Ярославле пополнилась семья Волковых: 17 января 1929 г. родился еще один сын – Адик (Ромуальд). «Упрямо борясь с судьбой, мы добились того, что у нас снова были два сына – Вива и Адик, и этих мы вырастили, хотя много на их пути было опасностей»[13]. В честь рождения второго сына Ромуальда А.М. Волков писал:

Здравствуй, сын мой, незнаемый глазу,
Но для сердца давно уж родной!
Ты такой ли же синеглазый,
Как и Вива, старший мой?

В 1929 г. на семейном совете было решено осенью перебираться в Москву для осуществления дальнейших планов образования.

Библиографические ссылки и примечания

1 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.
2 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 3. Л. 239.
3 Там же. Т. 4. Л. 39–40.
4 Там же. Л. 31–33.
5 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.
6 Волков. Письмо М. Горького опытной школе пединститута // Северный рабочий (Ярославль). 1928. 5 апр.
7 Музей истории ТГПУ. О.Ф. 191/353.
8 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 17–18.
9 Там же. Л. 60.
10 Там же. Л. 57.
11 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.
12 Там же.
13 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 55.

Глава 6 Педагогическая деятельность А.М. Волкова в Москве (1929 г. – конец 1930-х гг.)

Обдумывая варианты получения дальнейшего образования в столице, А.М. Волков еще в июле 1929 г. из Ярославля отправил заявление о приеме на III курс физико-математического отделения I МГУ: «Как практический работник школы II ст., я намерен в дальнейшем зачислиться на педагогические курсы, но для этого я должен предварительно проработать курс физмата. Зачисляться на I курс, на что я имею полное право согласно приемной инструкции, я не хочу, чтобы не отнимать места у вновь поступающих, кроме того, из прилагаемого мною свидетельства физико-технического отделения пединститута видно, что материал первых двух курсов мною проработан». Из приемной комиссии его документы были направлены в деканат физмата для поступления на старший курс в соответствии с его подготовкой в качестве экстерна. Разрешение на экстернат в I МГУ было получено А.М. Волковым осенью 1929 г.

Определившись с учебой в Москве, А.М. Волков направил свои усилия на поиски педагогической работы в столице. Еще во время летних поездок в Москву он подал заявления в различные районные отделы народного образования. В сентябре 1929 г. А.М. Волков получил телеграмму о назначении его преподавателем физики в среднюю школу № 60 Краснопресненского района Москвы. Ему повезло: из множества заявлений, ждущих вакантного места учителя, директором школы № 60 было выбрано его заявление. Так началась педагогическая деятельность А.М. Волкова в Москве.

Это была тяжелая осень для семьи Волковых: Александр Мелентьевич работал в Москве, искал квартиру, а в Ярославле, где еще оставалась семья, заболел скарлатиной Вива (Вивиан). Поэтому полтора месяца два раза в неделю А.М. Волков ездил в Ярославль, посещая сына в больнице. Как видно, несмотря на вожделенную московскую работу, А.М. Волков, как отец больного ребенка, видел свой долг в реальной помощи сыну и обязательном своем присутствии рядом с ним и семьей, насколько это было возможно. Наконец сын выздоровел и А.М. Волков перевез семью в Москву, точнее в Никольское по Нижегородской железной дороге. Однако испытания для семьи Волковых еще не кончились: теперь скарлатиной заразился Адик и его вместе с матерью положили в Боткинскую больницу. «Я прямо разрывался на части: школа, где надо было проводить занятия; Никольское, куда я отвез Виву и Таню, которых надо было кормить, и где я ночевал; Боткинская больница, куда я приезжал ежедневно навещать Галюсю и Адика и привозил передачи. Как я выдержал эти несколько недель, теперь жутко вспомнить…»[2] Так началась жизнь семьи Волковых в Москве.

С 21 января 1930 г. он стал преподавателем математики на нулевом (подготовительном) курсе Государственного электромашиностроительного института им. Я.Ф. Каган-Шабшая (ГЭМИКШ), а 23 января 1930 г. назначен заведующим учебной частью Вечерних рабочих курсов по подготовке во втуз, открывшихся при ГЭМИКШ. Заведующим курсами был назначен старый член партии Эмилий Феликсович Розендорн. Дополнительно к этой нагрузке с 6 января 1930 г. А.М. Волков начал преподавать математику в младших группах завода-втуза «Самоточка»

(филиал ГЭМИКШ). Он получал довольно высокую по тем временам плату (по 3 р. за академический час), когда украинский хлеб продавали без карточек по 7 к. за килограмм, калоши стоили 3 р., а скороходовские ботинки – 7 р.

Вот как Э.Ф. Розендорн охарактеризовал деятельность А.М. Волкова в справке-отзыве от 15 июня 1930 г.: «Т. Волков проявил себя как опытный и умелый администратор, обладающий большой настойчивостью и большим тактом в достижении намеченных им целей. Работа по организации курсов, рассчитанных на 700 рабочих, была им проведена в ударном порядке в продолжении нескольких дней. Т. Волков проявил чрезвычайно умелый подход по отношению к слушателям: твердо ведя правильную административную линию, он делал это с таким тактом, что со стороны слушателей на него не было ни одного заявления или жалобы за все время работы. В отношении подбора преподавателей т. Волков также проявил большое умение, сумев обеспечить курсы штатом высококвалифицированных работников. Работая в чрезвычайно трудных внешних условиях (неприспособленные помещения, недостаток таковых, текучесть канцелярского персонала и т.д.), т. Волков тем не менее сумел за небольшой промежуток времени поставить работу курсов на правильные рельсы, что было отмечено в результате нескольких обследований курсов»[3]. Так, административная и преподавательская деятельность А.М. Волкова позволила наладить функционирование этих рабочих курсов и укрепила его авторитет.

Работу А.М. Волкова на этих курсах иллюстрирует фотография первого выпуска вечерних рабочих курсов по подготовке во втузы при ГЭМИКШ 1930 г., на обороте которой имеется надпись: «Тов. Волкову Александру Мелентьевичу, заведующему учебной частью курсов по подготовке рабочих во втуз, на память о совместной работе. 7/VI – 1930. Розендорн»[4].

Согласно справке ГЭМИКШ за № 967 от 6 июля 1930 г., А.М. Волков, работая в должности заведующего учебной частью курсов по подготовке во втузы и преподавателя математики, получал 391 р. в месяц[5]. Это была приличная по тем временам зарплата, позволившая семье Волковых в марте 1930 г. сменить квартиру (новый адрес – пер. Наставнический, 20), в которой они прожили почти четверть века.

В ноябре 1931 г., вследствие ликвидации курсов по подготовке во втузы и слияния их с рабфаком, А.М. Волков был назначен заместителем заведующего учебной частью рабфака им. Уханова при ГЭМИКШ. В этой должности он проработал до 1 апреля 1931 г.

Параллельно с работой с октября 1930 г. А.М. Волков стал посещать лекции и семинары в I МГУ, при этом имеющийся у него диплом педагогического института давал возможность сдавать экзамены и зачеты только за III и IV курсы университета. Часть предметов экстерну А.М. Волкову была перезачтена (анализ /дифференциальное и интегральное исчисление/, аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве, высшая алгебра, начертательная геометрия, физика, астрономия, механика, интегрирование дифференциальных уравнений, теория чисел, проективная геометрия, теория вероятностей), а для окончания математического отделения необходимо было изучить следующие дисциплины: теорию детерминантов, дифференциальную геометрию, гидромеханику, теорию аналитических функций, теорию функций действительного переменного и др. Так, 39-летний студент вновь целеустремленно взялся за учебу. В связи с тем, что он решил пройти экстернат за год, ему приходилось интенсивно заниматься и каждую неделю что-нибудь сдавать. В дневниковых записях А.М. Волкова сохранились имена известных ученых, авторов учебников, преподавателей МГУ, которым он сдавал экзамены и зачеты: А.Я. Хинчин, И.И. Привалов, В.В. Степанов, И.И. Жегалкин, С.А. Яновская и др. Так, И.И. Привалова, крупного специалиста по теории функций, А.М. Волков расположил к себе тем, что перевел с французского часть книги Г. Жюлья «Лекции об однозначных функциях в

окрестности существенно особой изолированной точки» и снабдил перевод собственными примечаниями, разъясняющими неясные пункты.

Напряженная учеба завершилась сдачей более 30 экзаменов и зачетов за 7 месяцев и получением удостоверения за № 21 от 26 июня 1931 г., где говорилось: «Настоящим удостоверяется, что гражданин Волков Александр Мелентьевич за время пребывания в 1-м Московском государственном университете с 1930 по 1931 год на математическом отделении физико-математического факультета выполнил все требования учебного плана по специальности «теоретическая математика» и проработал соответствующие задания по производственной практике. На основании вышеизложенного выдано настоящее удостоверение гражданину Волкову Александру Мелентьевичу как окончившему экстерном математическое отделение физико-математического факультета»[6]. Этот документ свидетельствовал о получении А.М. Волковым права преподавания в высших учебных заведениях.

Позднее он писал в дневнике: «По воспитанию и образованию я – самоучка (даже экзамены за педагогический институт и университет я сдал экстерном). Воспитала меня русская и зарубежная классика. Я очень много читал и читаю. Мои любимые писатели Тургенев, Достоевский, Чехов, Л. Толстой, Лесков. Из иностранных классиков я высоко ценю Диккенса, Марка Твена, Гюго, Бальзака… В смысле традиций мне, пожалуй, ближе всего именно Диккенс и Марк Твен, в какой-то степени их влияние чувствуется в моих книгах»[7].

Весной 1931 г. в Академии на одном из Всероссийских съездов математиков, где А.М. Волков счел своим долгом побывать, он встретил (благодаря бывшему преподавателю Томского технологического института, а в 1931 г. профессору Московского института инженеров транспорта В.П. Зылеву) своего томского преподавателя математики, ныне профессора Московского института цветных металлов и золота Василия Ивановича Шумилова. «Какая волна воспоминаний нахлынула на меня, с каким сердечным трепетом встретил я Василия Ивановича, которого не видел с 1918 года... Шумилов сразу узнал меня, страшно рад был меня видеть»[8].

Эта встреча имела большое значение для педагогической карьеры А.М. Волкова, так как по приглашению В.И. Шумилова с 1 августа 1931 г. он стал работать на кафедре высшей математики Московского института цветных металлов и золота имени М.И. Калинина в качестве старшего ассистента, а через месяц – в качестве доцента. «Доцент! Какой сладкой музыкой звучало для меня это слово. Всего пять лет назад я был преподавателем начальной школы в глухом сибирском городишке, а теперь у меня за плечами два вуза и я доцент столичного втуза, да не какого-нибудь захудалого, а напротив, ведущего в системе цветной металлургии»[9].

Новая должность потребовала от А.М. Волкова основательной подготовки к занятиям, применения его многолетнего методического опыта преподавания. Энергично взявшись за интересную работу, он быстро освоил новые курсы и увлеченно читал лекции и вел семинары по высшей математике. Вспоминая о своей учебе в институте цветных металлов и золота, студентка И.В. Зарубина писала: «Волков Александр Мелентьевич работал в Институте цветных металлов и золота имени Калинина и преподавал высшую математику студентам горного факультета. Лекции его славились. Некоторые студенты с других факультетов уходили со своих занятий (пропускали свои занятия, хотя старосты строго следили за посещаемостью), чтобы послушать Волкова. Я училась на металлургическом факультете и тоже несколько раз пропускала свои занятия, лишь бы послушать Волкова»[10]. Умение просто и интересно говорить о сложном всегда отличало математика А.М. Волкова. «Тысячи студентов слушали мои лекции, посещали математические семинары. Многие из них стали профессорами и докторами наук, директорами крупных заводов и научно-исследовательских институтов, полковниками и генералами», – писал А.М. Волков в 1975 г.[11]

Вскоре институт стал для А.М. Волкова родным домом, где его уважали и ценили, доверив ему не только преподавательскую и научную, но и большую общественную работу. Он был избран заместителем председателя месткома, а также секретарем и заместителем председателя секции научных работников. Вместе с коллективом института А.М. Волков обживал новое здание института на Крымском валу, активно занимался учебными и общественными делами.

В институте у А.М. Волкова появились новые друзья: преподаватель механики, отлично знавший классическую и современную поэзию В.Г. Добровольский, преподаватели теоретической механики А.А. Усердов и Семенов. Они образовали кружок, в котором регулярно собирались для изучения векторного анализа и обсуждения научных проблем.

Дружеские отношения сложились у А.М. Волкова с заведующим кафедрой высшей математики института, профессором В.И. Шумиловым. Их связывало прошлое – Томский учительский институт, а в настоящем – совместная работа на одной кафедре в Минцветмете (и даже отдых на соседних дачах). Они глубоко уважали и ценили друг друга, оказывая всемерную поддержку друг другу в научной, учебной и административной деятельности. Искренняя многолетняя дружба между учителем и учеником (они вместе проработали более 20 лет) продолжается и сегодня уже третьим поколением Волковых и Шумиловых.

17 января 1933 г. в институте состоялось заседание Квалификационной комиссии Наркомтяжпрома по утверждению в должности доцентов, в которую входили профессора московских вузов Бутягин, Кондратьев, Покровский, Красноперов, Бочвар, Шумилов, Михайленко. На заседании были рассмотрены документы А.М. Волкова, претендующего на утверждение в ученом звании доцента. В список научных работ А.М. Волкова были включены следующие: сборник задач по высшей математике, чертёжи к работе «Штеймеровы построения», исследования Штеймеровых построений с помощью геометрографического метода Лемуана, перевод с французского языка части книги Г. Жюлья «Лекции об однозначных функциях в окрестности существенно особой изолированной точки». Выступивший профессор В.И. Шумилов заявил: «Т. Волков ведет самостоятельные курсы по математике. Имеющиеся научные работы представляют несомненный интерес, являясь работами оригинальными. В настоящее время им готовится к печати задачник, который будет весьма ценным пособием. В работе научных работников принимает большое участие и является активным членом ее. Хороший общественник, премирован»[12]. Квалификационная комиссия утвердила А.М. Волкова доцентом по кафедре математики Института цветных металлов и золота им. М.И. Калинина. Однако аттестат доцента № 019169 (с утверждением от 17 января 1933 г.) А.М. Волков получил только в марте 1946 г.

В начале 1930-х гг. А.М. Волков писал: «В первые годы работы в институте у меня даже была мысль сдать экзамен по какой-нибудь специальности, получить диплом инженера и далее защитить диссертации, кандидатскую, а затем и докторскую. Я мог легко сделать это за год-другой: ведь все экзаменаторы были друзья-приятели… Но я на это не пошел, как не стал работать и в области математики: увлекла литература. Это – моя страсть, мое призвание с юных лет!»[13]

Архивные дела 1937 г. изобилуют характеристиками работников, появление которых, видимо, связано с обострением политической ситуации и нагнетанием атмосферы подозрительности в стране. Подобная характеристика была дана А.М. Волкову профессором В.И. Шумиловым в июне 1937 г.: «Доцент А.М. Волков работает в Институте цветных металлов и золота с августа 1931 года. За это время он провел большое число групп по высшей математике и неоднократно читал лекции для студентов I и II курсов по всем разделам втузовской программы. Как его лекции, так и практические занятия всегда проходили с успехом, что и отмечалось студентами и дирекцией института. А.М. Волков неоднократно был отмечен как ударник и также неоднократ-

но был премирован и грамотами, и деньгами. Доцент А.М. Волков известен кафедре математики как человек, владеющий в совершенстве предметом, и как хороший методист, знакомый с методикой преподавания всех разделов элементарной математики и тех разделов высшей математики, которые преподаваются во втузах. А.М. Волков ведет занятия с аспирантами по специальным программам. А.М. Волков известен мне и по своей общественной работе: он был членом местного комитета и бюро СНР. В настоящее время он вступил в ряды сочувствующих ВКП(б)»[14]. Таким образом, руководство кафедры высоко ценило А.М. Волкова как квалифицированного преподавателя и стремилось сохранить преподавательский состав своей структуры.

6.1. А.М. Волков о сталинских репрессиях

Конец 1930-х гг. – пик сталинских репрессий – затронул каждую советскую семью, каждый знал, что такое «враг народа». Газеты со страшной регулярностью сообщали о раскрытии новых и новых контрреволюционных организаций и групп. Люди простодушно верили газетным строчкам, как поверил А.М. Волков сообщению о расстреле «террориста» профессора Михаила Стамблера, который ранее был председателем секции научных работников института. «Теперь-то я знаю, что Миша погиб невинно, как тысячи и десятки тысяч ему подобных. Страшное было время! Казалось, что и верить никому нельзя…»[15]

В воспоминаниях А.М. Волкова есть отдельная глава под названием «Культ личности и его отражения в моей жизни», в которой он писал: «Культом личности называют мрачный период советской истории, но правильнее было бы назвать его эпохой сталинского террора. Дело будущего историка распределить вину за бесчисленные беззакония этой эпохи между Сталиным и Берия, но ведь неоспоримо то, что оружие в руки этого зловещего авантюриста вложил «отец народа» Сталин и всецело ему доверялся.

В моем ближайшем окружении дыхание культа коснулось меня в связи с арестом Ефима Пермитина[16]. Это случилось зимой 1937–1938 года. Моя тревога была очень велика: ведь я в ту пору был очень тесно связан с Ефимом, мы часто бывали друг у друга, он читал мои первые литературные опыты. Если бы я возобновил знакомство с Пермитиным года на два раньше и успел выпустить свою первую книгу, я бы, конечно, вступил в лит. объединение «Перевал», где состоял Ефим. А перевальцы все были арестованы и многие из них погибли. Не вернулись критик Николай Иванович Острогорский, с которым я познакомился у Пермитина, и замечательный певец русской природы Валерьян Правдухин (я тоже встречал его у Ефима). Я уничтожил чистый лист романа Пермитина «Любовь» с теплой дарственной записью автора и стал ждать последствий: к счастью, их не было. После нескольких месяцев заключения Ефима сослали, кажется, в Иртышск, а позднее он был переведен в Павлодар. Там он работал в школе завучем, охотился, рыбачил, выписал к себе семью. Мы с Галюсей не раз посылали ему посылки, поддерживали семью, пока она была в Москве. У нас с Ефимом была деятельная переписка, и он даже просился ко мне в секретари. Конечно, я не мог всерьез принять это предложение и так ему и написал. В 1945 году я помог семье Пермитиных вернуться в Москву, где Ефим вскоре восстановился в ССП. Он отделался благополучно, т.к. не попал в лагерь и жил, в конце концов, на свободе, в привычной сибирской обстановке. А сколько писателей не вернулось…»[17]

Доказательством искренней дружбы между ними является часть их переписки, хранящаяся в семейном архиве К.В. Волковой. В письмах репрессированного Е. Пермитина, присланных из Павлодара, слышны и напутственные интонации зрелого писателя начинающему, и горестные раздумья о своей судьбе, своей семье, и раздумья о советской литературе. Тяжело читать от-

кровенные письма, насильно оторванного от любимой работы, неимеющего права на творчество советского писателя: «Правда, бывают минуты, когда горечь тяжким комом подступает к горлу, не выдержись, выпустишь нервы из рук. Но постепенно, постепенно справишься и снова живешь. Проходит эта тоска потому, что очень хочу в Москву – к семье, к любимой работе, к друзьям. Так-то, мой дорогой друг. Хочу и я, очень хочу работать во всю ширь души моей. Верю, что буду в Москве, буду работать. Если потеряю эту надежду – умру»[18] (в письме от 29 декабря 1940 г.).

Движимый надеждой на свое освобождение, терпящий лишения, он старался стойко перенести все тяготы и доказать свою преданность партии и советской власти. В письме от 18 января 1941 г Е. Пермитин писал: «Я до болезни люблю литературу, и быть вне ее мне тяжело. Вот почему и прорываются в душу иной раз тяжкие настроения, никнет дух, опускаются руки… Обиднее всего, что я, страстно любящий природу, охоту и родную советскую литературу, никогда в жизни не имевший никакой тяги к политике в ее определенном и чистом смысле, больше не способный заниматься ею, попал в ссылку, как «Черт Иванов»… Обиднее всего, что все мои книжки, насыщенные любовью к советской родине, к коммунистической партии, бесплодно пылятся на архивных полках, тогда, когда они больше, чем многотомная бездарно-скучные писания Панферовых, нужны, а Панферовы пожирают и бумагу, и читательские время и деньги, дающие им возможность работать в литературе. Вот это и только это порою угнетает дух»[19].

Как настоящий друг, он искренне радовался новым публикациям А.М. Волкова, давал советы, по-дружески напутствовал. Так, в письме от 14 ноября 1939 г. он писал: «Порадовал ты меня и тем, что перевод твой печатался в «Пионере» – вылазь, вылазь с хорошими вещами на люди, они хотя далеко не совершенны, но достойны всяческой радости, а особенно в наше время, когда за переделку их взялись так цепко. Важно только отдавать им самое лучшее, отдавать искренне, не преследуя корыстных целей. В литературе, как и в жизни, фальшивкой никого не купишь, обманешь в конечном счете лишь самого себя. Правда и любовь, правда и любовь – вот что важно литератору растить в душе своей: без этого он – бледная немочь»[20].

Понимая большое значение литературного творчества Е. Пермитина, А.М. Волков старался поддерживать его и материально, и морально: «Я уже писал тебе, что намерен, по силе возможности, поддерживать тебя и твою семью, не требуя за это никаких возмещений. Моя цель – ты должен быть сохранен для советской литературы…»[21] Единственный, кто не побоялся писать ссыльному писателю, был А.М. Волков. Поэтому Е. Пермитин писал ему: «Спасибо за память обо мне и о семье моей. За мужество твое – спасибо!»[22]

Сталинские репрессии прошли острым ножом и по семье Волковых. «Следующий удар (и тяжкий) был нанесен по нашей семье. Как вредитель, была арестована жена брата Анатолия Галина Аполлоновна Волкова-Тимофеева. Она служила чертежницей в той же летной школе, где преподавал Анатолий. И вот Галя оказалась «врагом народа», а кому приклеивали этот страшный ярлык, тому приходил конец. Погибла и Галя, вероятно, умерла в лагере. След ее исчез среди сотен других… Анатолий был уволен из Красной Армии, а восстановлен только в начале войны, а до этого служил учителем в Ленинграде.

Жертвой культа стал мой двоюродный брат и ровесник Еким Волков, с которым я был очень близок в детстве и в молодости. Простой секисовский крестьянин-середняк, а позднее полковник, чем мог он навлечь на себя беду? И однако, и он, и многие другие секисовцы не вернулись из лагерей, куда были сосланы. Жена Екима Аграфена Федоровна осталась с семью (!) малолетними детьми. Ужасные дела творились в «счастливом» советском государстве»[23].

Благодаря переписке с школьным товарищем Германом Георгиевичем Новиковым из Усть-Каменогорска А.М. Волковым были составлены список усть-каменогорских городских учителей, погибших в лагерях (Г.А. Баженов, М.Ф. Вьюкова (Дьячкова), М.А. Галавкин, Д.И. Горохов, М. Иванусьев, А.Г. Корболин, Д.Г. Корболин, А.И. Кусков, Б.Н. Лапин, И.Г. Лукьянов, Е.Н. Манкевич, М.И. Струин, А.С. Цыбенко, М.И. Шеленин), и список районных учителей, погибших в лагерях (Г. Григорьев, И.И. Игнатов, Куропаткин, Д. Неживлев, Новолодский, П. Смоляков, Смольков, Соловьев, В.И. Струин, М. Харламов, Ф. Шелепов). А.М. Волков далее писал: «И ведь этот страшный синодик – лишь незначительная часть того, что можно было бы собрать по одному только незначительному городу из тысячи других, из сотен тысяч деревень и сел. Беспощадно косила ужасная коса культа! Общие масштабы творившихся беззаконий потрясают воображение…

Но как же относились ко всем этим бесчисленным репрессиям и процессам мы, простые граждане? С лестницы прожитых лет это кажется странным, но мы верили Сталину, уважали и любили его, его авторитет стоял непоколебимо высоко, и смерть «вождя» была встречена с большим горем и недоумением: «Как же мы будем без него жить?» Несчастья с нашими близкими и знакомыми встречались горестно, но с мыслью, что это ошибки, неизбежные перегибы в обострившейся классовой борьбе (а ведь Сталин учил, что при приближении к коммунизму классовая борьба усиливается!).

А процессы? Ведь они велись «публично», о них печатались в газетах отчеты и мы с ужасом и возмущением читали в них «признания» обвиняемых! Историки будущего скажут, каким путем все это вымогалось, но для нас все это было чистой монетой. И мы с горечью думали: «Кому же тогда верить, если такие герои гражданской войны, как Тухачевский, Блюхер, Егоров и их соратники, такие строители государства, как Постышев, Коссиор, Вознесенский оказываются вредителями, врагами народа, иностранными агентами… И еще больше крепла вера в неподкупного, неусыпного Сталина, который один за освещенным окошком в Кремле разбивает вражеские козни и охраняет советский строй!

Много жертв культа было и у нас в Минцветмете. Делалось все как-то втихомолку. Человек вдруг исчезал, как будто его и не бывало. Все понимали, что произошло, и все молчали. Пострадал у нас доцент кафедры физики М.И. Скарзов, скрылись от нас на ряд лет В.А. Илларинков, профессор Пазухин, бесследно исчез П.И. Величко – я здесь говорю лишь о тех, кого близко знал, а сколько было других…

После войны у меня завязались дружеские отношения с Львом Моисеевичем Квитко. …Через некоторое время я узнал, что Лев Моисеевич тоже погиб по чьему-то злому навету, погиб мягкий, добрый человек, превосходный поэт…

До самой смерти Сталина продолжалось беспощадное истребление интеллигенции – партийной и беспартийной, да еще после его смерти дела распутывались два-три года, ведь дел было сотни тысяч. И все-таки как велика сила народная! И в эту ужасную эпоху народ работал, выполнял пятилетки с опережением плана, повалил фашизм, восстанавливал величайшие в истории разрушения… И все это делалось с именем Сталина на устах»[24]. Подобные высказывания подкупают своей откровенностью и одновременно поражают своей противоречивостью: любовь к вождю и страх ареста, недоумение по поводу причастности близких людей к «врагам народа» и вера в правоту проводимой политики.

Чтобы раскрыть более полную картину отношения А.М. Волкова к вождю, хотелось бы привести и другие его воспоминания. Как миллионы советских людей, А.М. Волков отмечал 21 декабря – день рождения И.В. Сталина. «Семидесятилетие Сталина было отпраздновано с огром-

ной помпой, и потом в продолжении всего 50-го и 51-го годов на газетных страницах через каждые 2–3 дня печатался «Поток поздравлений» Сталину в связи с его юбилеем. Даже тогда, при всем моем огромном почтении и любви к Сталину, я возмущался подхалимством газетчиков, тянувших из года в год этот бесконечный «поток», куда входили по большей части приветствия от таких «солидных» коллективов, как «Учащиеся 4-го класса такой-то школы» или «Общее собрание уборщиц». Конечно, я тогда не понимал, что и этот «поток», и бесконечные процессы «вредителей» и «врагов народа», и ежедневные славословия «великому вождю, отцу народа» и т.д. и т.п. составляли часть того проклятого целого, которое теперь получило название «культа личности» или «сталинского режима»[25].

Любопытные воспоминания А.М. Волкова касаются кончины И.В. Сталина, последовавшей 5 марта в 21 ч 50 мин. «Что и говорить, впечатление было ошеломляющее. В продолжение многих лет нам внушали мысль, что без Сталина страна погибнет, что все и вся только и держится его всеобъемлющим гением, его необычайной работоспособностью. Не скрою, я плакал, узнав о смерти Сталина, плакали ораторы на митинге, состоявшемся в институте, плакали слушатели.

А что творилось в центре Москвы, на улицах, прилегавших к Дому Союзов, где в Колонном зале стоял гроб с телом Сталина. Описание событий тех лет я нашел только в романе Г. Николаевой «Битва в пути» (может быть, есть и еще где, но я не читал), да и то в значительно смягченном виде. Были десятки и сотни жертв: на улицах в миниатюре повторялась николаевская ходынка. Людей давили в толпе, иногда насмерть. Молодежь из какого-то удальства и спортивного интереса старалась пробраться в Колонный зал: люди пробирались проходными дворами, перебирались через ограды и крыши зданий.

Я пытался пройти еще 6-го, но отступил (и благоразумно!) перед неорганизованной толпой. Затем я записался в институте, чтобы пойти организованной колонной, но это мероприятие было отменено, т.к. к таким колоннам «примазывались» массы посторонних. В Колонный зал я не попал и об этом не жалею. Не помню, когда были прощальные гудки фабрик, заводов и паровозов, когда вся страна замерла на 5 минут. Я был тогда на площади Курского вокзала. Наверно, это было в день похорон.

Сталин увел с собой в могилу десятки людей (конечно, точное число их неизвестно, да и в то время об этих беспорядках не писали) – и не тролько из москвичей, но из-за него погиб президент Чехословакии Клемент Готвальд, приехавший на похороны Сталина больным. Он умер 14 марта.

Похороны Сталина состоялись 9 марта, правительство возглавил «верный ученик товарища Сталина» Г.М. Маленков, заместителями председателя Совета Министров стали Булганин и Берия, еще не предчувствовавший (а может быть, и предчувствовавший – кто знает?) своего позорного конца.

Сталин умер, а дела пошли своим чередом, как шли они от века, несмотря на то, какие катастрофы переживало человечество»[26].

Ценность этих записей А.М. Волкова состоит в их несомненной типичности: так думали миллионы советских людей, задавленные идеологическим прессом тоталитарного режима. С другой стороны, его воспоминания, как очевидца событий, имеют уникальный характер, раскрывающий новые стороны известного события. Органичное сопряжение типичного и уникального раскрывает событие во всей его полноте и цельности, предопределяя основу осознания данного события как составного эпизода такого исторического явления как тоталитарный режим (синоним – сталинизм).

В 1956 г. после известного выступления Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС А.М. Волков нашел текст доклада и сделал конспект доклада «О культе личности и его последствиях» (на 25 страницах дневника). «Писал я это, и передо мной развертывалась неприкрашенная картина прошедших почти тридцати лет, чуть не половины моей жизни. Как мы мало знали о том, что творилось в стране за эти годы. Правда была скрыта за газетными дифирамбами и потоками приветствий.

Я очень рад, что мне удалось так основательно ознакомиться с этим ценнейшим документом эпохи и оставить у себя вещественный след.

Вспоминаю свои восторженные стихи о Сталине в годы войны, и все-таки жалко, что рассеялось обаяние великого имени, с которым на устах тысячи шли на подвиг и на смерть… Где он, этот мудрый человек с короткой трубкой в зубах и в скромном военном френче, окно которого светилось бессоннным светом в долгие зимние ночи над кремлевской стеной? Да, прав Хрущев: это великая трагедия эпохи, и когда-нибудь новый Толстой напишет о ней потрясающую эпопею»[27].

Необходимо помнить, что воспоминания написаны А.М. Волковым в конце 1960-х гг., когда отношение к культу личности Сталина было определено уже на государственном уровне, и потому публикуемые тексты содержат как непосредственные воспоминания о репрессиях конца 1930-х гг., так и суждения автора, переосмыслившего былое. Однако разновременность воспоминаний, характеризующихся противоречивыми подходами, ценна тем, что позволяет проследить эволюцию исторического сознания автора строк, как и многих его современников, переживших этот социально-психологический феномен.

Библиографические ссылки и примечания

1 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

2 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 71.

3 Там же. Л. 79–81.

4 Музей истории ТГПУ. О.Ф. 191/355.

5 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

6 Там же.

7 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 16. Нояб. 1967 г. – янв. 1968 г.

8 Там же. Л. 87 – 88.

9 Там же. Л. 99.

10 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

11 Волков А.М. Повесть о жизни // Вслух про себя. М., 1975. Кн. 2. С. 70.

12 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

13 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 122–123.

14 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

15 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 110.

16 Пермитин Ефим Николаевич (1896–1971), советский писатель, член правления Союза писателей СССР, секретарь правления Союза писателей СССР в 1970 г., член редколлегии еженедельника «Литературная Россия», член редакционного совета издательства «Советский писатель». Его произведения «В белках» (1927), «Капкан» (1930), «Когти» (1931), «Враг» (1933), «Любовь» (1937), «Горные орлы» (1951), «Друзья» (1947), «Ручьи весенние» (1955), автобиографическая трилогия «Жизнь Алексея Рокотова» (книга первая – «Раннее утро», 1958; книга вторая – «Первая любовь», 1962; книга третья –

«Поэма о лесах», 1969) посвящены классовой борьбе в алтайской деревне в 1920-х гг., Великой Отечественной войне и социалистическим преобразованиям в СССР. В 1938–1945 гг. по сфабрикованному органами НКВД обвинению в контрреволюционной деятельности он находился в ссылке в Казахстане. Впоследствии Е.Н. Пермитин продолжил писательскую деятельность, а в 1970 г. был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького.

17 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 151–153.

18 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1. 1921–1940 гг.

19 Там же.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же. (Дополнительно см. переписку Е.Н. Пермитина и А.М. Волкова в приложении.)

23 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 153–155.

24 Там же. Л. 161–166.

25 Волков А.М. Дневник. Кн. 8. Л. 49–50.

26 Там же. Кн. 8Б. Л. 81–84.

27 Там же. Кн. 9. Л. 66.

Глава 7
Литературная деятельность А.М. Волкова в Москве (1935–1941 гг.)

Должно родиться, а не сделаться детским писателем... Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание – великое дело: им решается участь человека.
В.Г. Белинский

Начало 1930-х гг. ознаменовалось для советской литературы коренной организационной реформой, последовавшей вслед за постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Согласно этому документу были ликвидированы многочисленные писательские ассоциации и созданы предпосылки для объединения их в единый Союз советских писателей. Во главе этой работы стоял А.М. Горький, понимавший также насущную необходимость развития советской детской литературы. В 1933 г. он писал: «Мы обучаем ребят грамоте с семи-восьмилетнего возраста, но нашим детям нечего читать. Каждый год появляются сотни тысяч новых читателей, а книг для них нет. В любом колхозе, в любом рабочем поселке, где только организуются детские очаги и ясли, возникает спрос на детскую книжку. Камчатка, Дальний Восток, Северный край требуют книг для дошкольников. Но что нам ответить далеким окраинам, когда в Москве и в Ленинграде дети не имеют комплекта книг, существенно необходимого для их развития?»[1] Потребность в детской книге реализовалась в 1933 г. в создании первого в мире специализированного издательства – «Детского издательства» (Детиздата). Новому издательству А.М. Горький выдал рекомендации по тематике будущей детской книги (это естественнонаучные темы – о земле, воздухе, воде, растениях, животных; исторические; о науке и технике; сказки и фантастика), составленные им на основании опросов детей в 1929 г. и 1933 г.[2] А.М. Горький констатировал: «В общем, нам необходимо строить всю литературу для детей на принципе совершенно новом и открывающем широчайшие перспективы для образного научно-художественного мышления; этот принцип можно формулировать так: в человеческом обществе разгорается борьба за освобождение трудовой энергии рабочих масс из-под гнета собственности, из-под власти капиталистов, борьба за перевоплощение физической энергии людей в энергию разума – интеллектуальную, – борьба за власть над силами природы, за здоровье и долголетие трудового человечества, за его всемирное единство и за свободное, разнообразное, безграничное развитие его способностей, талантов. Вот этот принцип и должен быть основой всей литературы для детей и каждой книжки, начиная с книжек для младшего возраста»[3].

Собравшийся 17 августа – 1 сентября 1934 г. I Всесоюзный съезд писателей СССР, объединивший 2 500 писателей в Союз советских писателей, поддержал речь А.М. Горького о призыве в литературу знающих и опытных людей. Солидаризуясь с этой точкой зрения, известный детский поэт С.Я. Маршак в своем содокладе о детской литературе сказал: «Сейчас в литературе

и педагогике происходит серьезная переоценка роли детского писателя. И надо полагать, что эта переоценка принесет скорые и ощутимые результаты. Наши критики, наши редакторы, наши педагоги станут настоящими бережными селекционерами детской поэзии, и только тогда расширится круг людей, работающих над книжкой, только тогда повысится идейный и художественный уровень детской литературы… Ребятам нужна художественно-научная, географическая, историческая, биологическая, техническая книжка, дающая не разрозненные сведения, а художественный комплекс фактов»[4].

Призывы А.М. Горького и С.Я. Маршака в детскую литературу сыграли немаловажную роль в судьбе А.М. Волкова. Поэтические и прозаические опусы А.М. Волкова в 1910–20-х гг. послужили своеобразной прелюдией к профессиональной деятельности в области детской литературы в 1930-е гг. Первым большим произведением, за которое взялся А.М. Волков, была повесть на историческую тему. Еще осенью 1931 г. в старинной летописи он натолкнулся на короткий рассказ, повествующий о первом полете на воздушном шаре русского изобретателя Крякутного в 1731 г. в г. Рязани, и у него зародился сюжет исторического произведения «Первый воздухоплаватель» (впоследствии названный «Чудесным шаром»). В последующие годы после изучения исторических источников и литературы о царствовании Елизаветы Петровны были написаны несколько глав этой повести.

Однако решающим толчком для продолжения этой работы стала для А.М. Волкова случайная встреча со своим земляком, знакомым по Усть-Каменогорску, известным писателем-сибиряком Ефимом Николаевичем Пермитиным. Именно ему А.М. Волков 2 декабря 1935 г. прочитал наброски первых глав «Воздухоплавателя». «Сначала Ефим вооружился карандашом и бумагой, чтобы сделать заметки, но потом бросил это. Чтение увлекло его, как он потом признался. С душевным волнением ждал я приговора, когда окончил читать. «Да, безусловно, ты можешь писать и тебе нужно писать», – сказал Ефим. Этот день был переломным в моей жизни. У меня раньше не было достаточной уверенности в своих силах, а теперь она появилась. Ефим обещал мне помощь в работе, а это очень важно. В писательском «ремесле», как и во всяком другом, есть свои приемы и надо их знать, одного таланта мало»[5].

Стремление к профессии литератора стало для Александра Мелентьевича смыслом его работы, тем единственным призванием, которому посвящена каждая минута жизни. В его дневнике от 29 ноября 1935 г. осталась такая запись: «Мечты того далекого времени: когда думаю об этой будущей перемене в моей жизни, сердце замирает, как будто летишь с крутой горы вниз на салазках, и это не неприятно! Какое-то сладостное замирание сжимает сердце, и хотел бы скорее приблизить минуты моего «превращения» в литератора»[6].

Необходимо подчеркнуть, что обращение А.М. Волкова к детской аудитории было чрезвычайно актуально. Как человек эрудированный, сам воспитывавший сыновей, много лет отдавший педагогическому труду в школьных классах, он понимал, какая литература нужна детям и юношеству. Личные пристрастия к творчеству для детей у А.М. Волкова удивительным образом сочетались с решением острых вопросов развития новой советской детской литературы в конце 1920-х – середине 1930-х гг.

С 15 по 19 января 1936 г. в Москве было проведено первое Всесоюзное совещание по детской литературе при ЦК ВЛКСМ, которому по личной инициативе И.В. Сталина из ведомства Наркомпроса было передано руководство изданием детской литературы и Детиздат. Участники этого совещания обсудили вопросы о языке, тематике, стиле, привлечении в детскую литературу лучших, талантливых писателей, художественном оформлении, уровне и характере критики, об увеличении выпуска новых книг для нового читателя. По этому поводу М. Ильин говорил:

«Детская книга – это книга, которая обращается к совершенно особенному читателю. Это такой читатель, который жадно хочет знать. Книга нужна ребенку потому, что он бессознательно ищет в ней витамины роста, элементы, необходимые для развития»[7]. По «горячим следам» этого совещания С.Я. Маршак писал в газете «Правда»: «Еще недавно делами детской литературы занимался весьма тесный круг людей – педагогов, рецензентов, библиографов и профессиональных детских писателей. Разговаривать об искусстве для детей тогда не приходилось. Зато мы долго спорили о том, имеет ли право сказочная лягушка говорить по-человечьи – с упрямыми схоластами из метод. кабинетов. Трудно выветрить схоластический дух из помещения детской литературы. Но зато сейчас широко открыты все форточки. О ребенке, о книге для ребенка, о его игрушке, о его праздниках думают сейчас много и серьезно… Но сотня людей, которая работает в детской литературе сейчас, никогда не создаст той обширной и разнообразной библиотеки, которая нужна для наших воспитательных целей. Нам нужно каждый день находить нового человека»[8].

В декабре 1936 г. состоялось второе Всесоюзное совещание по вопросам детской литературы, и выступивший на нем секретарь ЦК ВЛКСМ Файнберг указал на очевидный перелом в издании детской литературы: если в 1935 г. было издано 18 млн детских книг, то в 1936 г. – 30 млн. Было отмечено расширение тематики детских книг – от классических произведений, которые раньше для детей почти не издавались, до разработки современных тем для детей. Намечалось создание при всех начальных, неполных средних и средних школах СССР обширных ученических библиотек. В докладах руководителей издательств отмечалось, что создан целый ряд новых серий: «Библиотека романов и приключений», «Книга за книгой», «Пушкинская библиотека». На совещании отмечалось, что большое место в изданиях 1936 г. заняли и сказки, названные наиболее забытым видом литературы.

Однако и на этом совещании четко отслеживалась идеологическая линия партии. В репликах, которыми секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев не раз прерывал докладчиков, он подчеркнул необходимость строжайшей бдительности в издании детской книги, указывая на несколько случаев явно контрреволюционных вылазок при оформлении детской литературы.

После 1935 г. А.М. Волков продолжал работать над своей исторической повестью, регулярно посещал Ленинскую библиотеку, ходил в Третьяковскую галерею для тщательного осмотра исторических и пейзажных полотен, относящихся к описываемой эпохе, собирал планы Петербурга и Петрозаводска XVIII в., Шлиссельбургской крепости, срисовывал старинные здания Петербурга, совершенствовал стиль изложения и сюжет. Первая редакция повести «Первый воздухоплаватель» была им закончена в марте 1936 г.

В середине 1930-х гг. наряду с работой над исторической повестью А.М. Волков решил продолжить изучение английского языка, начатое еще в г. Усть-Каменогорске в 1910-х гг. Занимаясь в кружке английского языка для преподавателей в Минцветмете, А.М. Волков получил, в числе прочих, от руководителя кружка В.П. Николич сказку американского писателя Фрэнка Лимана Баума «Мудрец из страны Оз». В связи с этим он писал в дневнике: «Читал я ее впервые, если не ошибаюсь, в 1934 или 1935 году, и она очаровала меня своим сюжетом и какими-то удивительно милыми героями. Я прочитал сказку своим ребятам Виве и Адику, и она им тоже страшно понравилась. Расстаться с книжкой (очень хорошо к тому же изданной) мне было жаль, и я очень долго держал ее у себя под разными предлогами и, наконец, решил перевести ее на русский язык, основательно при этом переработав. Работа увлекла меня, я проделал ее в какие-нибудь две недели. Когда прочитал сказку Пермитину, он очень высоко оценил мою работу и сказал: «Это – литературное событие!»[9] Сказка была переведена А.М. Волковым с 6 по 21 (или

по 26, есть два разноречивых свидетельства) декабря 1936 г. Таким образом, в 1935–1936 гг. А.М. Волковым было положено серьезное начало литературной работе.

Путь к детям сказки А.М. Волкова был непрост. Он представляет собой замысловатую историю с именами известных литературных авторитетов, длившуюся более двух лет. Причины двухлетнего «выхаживания» сказки объясняются вполне объективными обстоятельствами: политической бдительностью по отношении ко всему иностранному – «буржуазному», негативными отзвуками литературной дискуссии 1920-х гг. о праве сказки и фантазии на существование в социалистическом обществе, трудностями вступления в «большую» литературу начинающего, никому не известного автора.

26 марта 1937 г. А.М. Волков предложил рукопись «Волшебника Изумрудного города» для прочтения редактору Детиздата Н.А. Максимовой[10] и получил положительный отзыв о рукописи (после долгого сравнения с текстом сказки Ф. Баума). Затем, внимая призывам А.М. Горького и С.Я. Маршака в детскую литературу, он решился обратиться к самому С.Я. Маршаку. «Этим было положено начало довольно тесным отношениям между нами, которые продолжались в течение ряда лет. Когда я, как говорится, стал на ноги, эта связь прекратилась, но не в силу моей неблагодарности, а просто потому, что не люблю без надобности беспокоить занятых людей, а занятость Маршака общеизвестна»[11].

В письме от 2 апреля 1937 г. А.М. Волков писал: «Многоуважаемый Самуил Яковлевич! Простите, что обращаюсь к Вам, но я, если можно так выразиться, Ваш «литературный крестник». Несколько слов о себе. Я – доцент математики одного из московских институтов. Педагогической деятельностью занимаюсь много лет. Работал в низшей школе, в средней, а теперь в высшей. Детей, их интересы знаю «до дыхания». К литературе всегда имел склонность. Двенадцати лет начал писать роман с потрясающе-оригинальной фабулой: герой по имени Жерар Никльби (!) после кораблекрушения попадает на необитаемый остров. К сожалению, первые главы этого «монументального» произведения не сохранились для потомства… Живя еще в Сибири (я – сын крестьянина, родом с Алтая), писал детские пьесы, которые с успехом шли в школах.

Потом переехал в Москву, занялся научной работой, написал несколько трудов по математике. Влечение к литературе, казалось, заглохло. Но это только казалось. Оно дремало в глубине души и воскресло с новой силой, разбуженное Вашими статьями в «Правде», где Вы призывали новых людей в детскую литературу. Я не мог противостоять искушению и стал писать.

Основной моей работой в 1936 году являлась историческая повесть «Первый воздухоплаватель» (я ее теперь почти закончил). Но в промежутках между работой над повестью я переработал неизвестную в нашей литературе сказку одного американского писателя (я знаю языки латинский, французский, английский и немецкий), увлекшую меня оригинальной фабулой и какой-то особой поэтической прелестью. Я значительно сократил книгу, выжал из нее воду, вытравил типичную для англо-саксонской литературы мещанскую мораль, написал новые главы, ввел новых героев. Сказку я назвал «Волшебник Изумрудного города».

Хотел бы, прежде всего, подвергнуть эту работу Вашему суду, Вашей оценке. Откровенно скажу Вам – работая над сказкой, я чувствовал себя неловко, хотя и прекрасно сознаю всю огромную важность детской литературы. Но Ваша новая статья о Льюисе Кэрроле, авторе «Алисы в стране чудес» влила в меня уверенность. Я знаю эту сказку, но не предполагал, что автор – мой коллега по научной работе, профессор математики!

Итак, уважаемый Самуил Яковлевич, разрешите прислать Вам рукопись сказки. Она невелика – около четырех печатных листов. Вы вдохновили меня на литературную работу, от Вас хотел бы я услышать ее оценку»[12].

Вскоре, 9 апреля 1937 г., из Ленинграда от С.Я. Маршака пришло ответное письмо: «Многоуважаемый Александр Мелентьевич, Ваше письмо очень меня порадовало и заинтересовало. Надеюсь, что рукописи Ваши еще больше меня обрадуют. Жду присылки «Первого воздухоплавателя» и «Волшебника Изумрудного острова» [так в тексте. – *Т.Г.*]. Постараюсь – насколько позволит мое здоровье, а оно последнее время довольно в плохом состоянии – поскорее прочесть обе вещи и написать Вам с полной откровенностью, что я о них думаю. То, что Вы пишете о себе и о своей работе, дает мне основание предполагать, что Вы окажетесь полезным и ценным человеком для нашей детской литературы»[13]. Реплика А.М. Волкова: «Теперь, почти через четверть века, думаю, можно сказать, что я в какой-то мере оправдал надежды Маршака»[14]. Это весьма скромная оценка А.М. Волковым своего труда.

11 апреля 1937 г. А.М. Волков отправил С.Я. Маршаку рукопись «Волшебника Изумрудного города» с письмом: «Многоуважаемый Самуил Яковлевич! Посылаю Вам «Волшебника Изумрудного города». Хотелось бы, чтобы рукопись Вас порадовала. С нетерпением буду ожидать Вашего отзыва, но, конечно, ничуть не хочу стеснять Вас в сроках: пусть их продиктуют Ваши время и здоровье.

Я должен сделать несколько предварительных замечаний. Сказка Фр. Баума имеет объем в шесть печатных листов. Из оригинала сохранилось (и притом в свободной переработке), я думаю, около трех. Две главы, замедляющие действие и прямо не связанные с сюжетом, я выбросил. Зато мною написаны главы «Элли в плену у Людоеда», «Наводнение» и «В поисках друзей». Во всех остальных главах сделаны более или менее значительные вставки. В некоторых случаях они достигают полстраницы и более, в других – это отдельные абзацы или фразы. Конечно, их все невозможно перечислить – их слишком много.

Хотелось бы услышать Ваше мнение как о сказке в целом, так и вставленных мною главах – входят ли они органически в сюжетную ткань сказки, не нарушают ли стиля повествования?

Очень также прошу Вас, Самуил Яковлевич, обратить особое внимание на идеологическую сторону. Я старался провести через всю книгу идею дружбы, настоящей, самоотверженной, бескорыстной дружбы, идею любви к родине. Не знаю, насколько это мне удалось.

Я очень прошу Вас читать сказку с карандашом в руке и делать в рукописи все поправки и замечания, какие Вы сочтете нужными. Я буду Вам за это бесконечно благодарен.

«Первого воздухоплавателя» я сейчас окончательно чищу и правлю перед последней перепечаткой. Нужно сказать, что он прошел у меня несколько редакций и сейчас будет перепечатываться в пятый раз (а в некоторых местах и больше). Но об этом после. Надеюсь выслать Вам повесть к 1 мая. У меня сейчас большая «нагрузка» по основной работе (заведую кафедрой, читаю аспирантские курсы и т.д.), но каждую свободную минуту я посвящаю литературе. Простите за длинное письмо. Хотелось бы написать и более, но не буду злоупотреблять Вашим временем»[15].

В письме от 3 июня 1937 г. С.Я. Маршак писал А.М. Волкову: «Рукопись Вашу («Волшебник Изумрудного острова») я получил и сейчас же прочел, но болезнь помешала мне своевременно ответить Вам.

В повести много хорошего. Вы знаете читателя, пишете просто. У Вас есть юмор. Когда мы с Вами увидимся – либо в Москве, либо в Ленинграде, если Вы сможете сюда приехать, – я выскажу Вам некоторые свои замечания в отношении языка, стиля и т.д. Пока же я хочу только сказать Вам, что – по моему впечатлению – Вы можете быть полезны детской нашей литературе.

Если говорить о недостатках повести, то я пока указал бы только на один, объясняющийся, впрочем, тем, что в основу повести положена иностранная сказка: повесть немножко вне вре-

мени. Разумеется, в сказочной, фантастической повести Вы имеете право на некоторую отвлеченность и «вневременность». Но если Вы вчитаетесь в «Алису», Вы увидите, что несмотря на всю фантастику – Вы чувствуете в этой вещи Англию совершенно определенной эпохи. Даже на пересказах и переводах всегда есть печать того или другого времени. Есть какая-то точка зрения, по которой можно почувствовать, где и когда это делалось.

Все же я хотел бы, чтобы Ваш первый опыт дошел до читателя. Я поговорю о повести с редакцией Детиздата (если Вы против этого не возражаете), и тогда решим, как и с кем Вы будете над книгой работать. Надеюсь, что редакция долго не задержит вопроса о том, может ли она включить книгу в свой план. Я сейчас чувствую себя немного лучше, чем прежде, и если Вы пришлете мне вторую свою книгу, с удовольствием ее прочту»[16]. Окрыленный таким отзывом С.Я. Маршака, А.М. Волков надеялся на быстрое решение вопроса об издании сказки, однако в начале сентября 1937 г. редактор Детиздата Н.А. Максимова сообщила ему, что и в 1938 г. издательство не может издать сказку, так как план очень сжат.

Отчаявшись, 7 сентября 1937 г. А.М. Волков написал письмо в ЦК ВКП(б) на имя директора Детгиза А.А. Андреева: «19 января 1936 года на Всесоюзном совещании по детской литературе Вы призывали создать новые кадры детских писателей. На Ваш призыв, т. Андреев, я решил откликнуться делом, решил внести свой вклад в дело создания детской исторической книги. Я – сын крестьянина из глухой алтайской деревни. Отец дал мне первоначальное образование на медные гроши. С 16 лет я сам пробивал себе дорогу. Упорным трудом я продвигался вперед: из учителя начальной школы стал доцентом столичного вуза, одним из лучших преподавателей института, много раз премированным ударником. Самобразованием закончил три высших учебных заведения, изучил пять иностранных языков. У меня за плечами 27 лет педагогической работы, но я бодр и полон энергии и здоровья, я всегда учусь, совершенствую свои знания. Весной этого года я закончил Марксистско-ленинский университет для научных работников и сейчас работаю над изучением трудов Маркса, Ленина, Сталина. Литература всегда привлекала меня. Еше 13 лет я начал писать роман, который, впрочем, не ушел дальше 20-й страницы. Став учителем, писал рассказы, написал целый ряд детских пьес, с успехом исполнявшихся на сценах. Я прекрасно знаю детские интересы, характер детской книги мне понятен в совершенстве. Работая в средней школе, я много лет преподавал историю. Вот почему меня увлекла мысль о создании исторической повести. Иду я в литературу не из-за корыстных соображений легкого заработка, так как моя прямая работа меня вполне обеспечивает – нет, меня влечет горячее желание поработать для блага нашей советской родины на трудном, заброшенном участке детской литературы.

Занятый ответственной преподавательской работой (я выполняю профессорские обязанности – чтение лекций, руководство работой аспирантов и т.д.), в трудных жилищных условиях (на 6 человек семьи, из которых двое малолетних детей, 22 кв.м. жилплощади), я не пал духом перед трудностями и после 1,5-годичной напряженной работы написал повесть «Первый воздухоплаватель». Моя повесть обосновывает в художественной форме тот неоспоримый факт, что честь создания первого воздушного шара, задолго до братьев Монголфье, принадлежит русскому народу. Тема завоевания человеком воздушной стихии заканчивается показом нашего непобедимого Красного воздушного флота, силы и гордости нашей советской страны.

Я считал, что если моя книга пригодна к печати, то встретит в Детиздате хороший прием. Повесть признана вполне пригодной, но ее отказались включить в план 1936 года, хотя в этом плане почти полное отсутствие исторических книг советских писателей. По-прежнему там доминируют Вальтер Скотт, Конан-Дойль, Феликс Гра и т.д. Вы говорили в начале 1936 года:

«Слишком много Детгиз наметил издать в представленном плане классиков и мало современных тем детской литературы… Детгиз идет по линии наибольшей легкости в работе». И еще: «…Наши издательства, очевидно, думают, что или писатели будут создаваться сами по себе, или их будет готовить для них кто-то другой, вместо того, чтобы самим внимательно работать над выращиванием каждого начинающего писателя в хорошего писателя, всячески ему в этом помогая».

Ваши слова не потеряли актуальности и сейчас в конце 1937 года. Начинающему писателю по-прежнему нет места даже и тогда, когда он приходит с готовой, вполне пригодной вещью.

Т. Андреев! Помогите мне пробить эту глухую стену равнодушия, враждебности, встречающую начинающего писателя в Детиздате!

Поверьте мне, что я горю желанием быть полезным деятелем в детской исторической литературе. От предков – сибирских крестьян – я унаследовал большое упорство и трудоспособность. Пока моя книга мариновалась в недрах Детиздата, я почти закончил вторую историческую повесть «Искатели правды». Тема – восстание крестьян-горнорабочих Петрозаводского округа, в течение двух лет успешно боровшихся с посланными на их усмирение войсками. Книга в живых образах рисует эпоху Елизаветы Петровны. В голове зреют новые темы из истории родного Алтая, никем и никогда еще не освещенные: заселение богатейшей Бухтарминской долины, восстание казахского народного героя Кенесары Касимова… Но – не хочу переживать горе и радости моих героев в одиночестве!

Между делом, зимой 1936–37 года я перевел и переработал чудесную американскую сказку «Волшебник Изумрудного города». Дети слушают ее, буквально затаив дыхание. Детиздат (редактор Максимова) и ее признает пригодной к печати, но также отказывается включить в план. Для нее также нет бумаги, хотя бумага находится для бесконечных переизданий.

Т. Андреев! Я чувствую, что многое могу сделать, если сумел в течение двух лет при большой нагрузке своим прямым делом написать три книги, чем может похвалиться далеко не всякий писатель-профессионал.

Если потребуется, я представлю Вам свои рукописи. Простите за длинное письмо, хотелось откровенно высказать Вам все, что наболело на душе. Ведь у нас, в свободной советской стране, способности человека не должны стать его проклятием, не должны привести его к горькому чувству неудовлетворенности»[17]. Как видим, это письмо, носящее информативный характер, раскрывает мотивы обращения А.М. Волкова к писательскому труду, понимание серьезности и ответственности миссии детской литературы в воспитании молодого поколения, желание автора целеустремленно работать на этом поприще, а также трудности вхождения в детскую литературу начинающего писателя.

12 сентября 1937 г. А.М. Волков отправил письмо в редакцию «Литературной газеты», в котором поведал о своих отношениях с Детиздатом и просил оказать содействие. Рассказывая о перипетиях этого процесса, он писал С.Я. Маршаку 4 октября 1937 г.: «Многоуважаемый Самуил Яковлевич! После телефонного разговора с Вами я, выполняя Ваш совет, пошел в Детиздат к т. Андрееву. Показал ему Ваши письма, рассказал о себе, о своем страстном желании быть полезным детской литературе. Прочтение Ваших писем настроило ко мне т. Андреева очень благожелательно. Т. Андреев обещал выяснить вопрос о «Первом воздухоплавателе» и даже хотел просмотреть его лично… Что же касается сказки, т. Андреев отказался даже разговаривать, сказав, что в Детиздате было чрезмерное увлечение сказками, что сказки они резко сокращают и будут печатать только классиков.

Чего я пока добился? 2 октября пересматривался план издательства на 1938 год. Сегодня я узнал, что повесть «Первый воздуплаватель» включена в него условно. Окончательно вопрос

этот решен будет заключением еще одного редактора… Т. Саяпина, старший редактор исторического отдела, дала о повести вполне положительный отзыв, но, конечно, этого в отношении меня, как человека, неизвестного в литературе, оказалось недостаточно.

Дорогой С.Я.! Может быть, Вас не затруднит сообщить мне Ваше мнение о «П.В.», если бы только Вы смогли его прочитать. Страшно хочется узнать Ваш отзыв, высокоавторитетный отзыв человека, которому я обязан тем, что начал писать.

Конечно, я был бы Вам бесконечно признателен, если бы Вы замолвили за меня словечко в ДИ, в первую очередь, по поводу «П.В.», хотя… и сказки, С.Я., ужасно жаль! Простите меня за докуку. Вы так сердечно мне писали, оказали такую поддержку, что я с большим волнением буду ждать Вашего ответа. Хотел бы узнать и о Вашем здоровье»[18]. Нужно отметить, что С.Я. Маршак был в это время болен и, видимо, поэтому на письмо ответа не последовало.

11 октября 1937 г. А.М. Волковым было получено письмо из ЦК ВКП(б), где сообщалось, что повесть «Первый воздухоплаватель» включается Детгизом в издательский план 1938 г. Это сообщение подбодрило А.М. Волкова.

Большое значение для него имело получение отзыва на повесть от авторитетнейшего педагога и писателя Антона Семеновича Макаренко. В своем отзыве от 9 ноября 1937 г. он писал: «Возвращаю историческую повесть А.М. Волкова «Первый воздухоплаватель», присланную мне для отзыва. Как видно из заявления т. Волкова, повесть была им представлена в Детиздат, в общем там одобрена, но автору все-таки было отказано во включении ее в план издания 1938 года.

Мое мнение о повести следующее. Она обладает несомненными достоинствами, а именно. В повести прекрасно передан колорит елизаветинского времени, но действующие лица не обеднены, не нагорожено никаких лишних ужасов, люди живут и работают с той необходимой долей энергии и оптимизма, без которых, конечно, невозможна человеческая жизнь. Тема повести, отраженная в самом заглавии, передана на интересной фабульной сетке, что совершенно необходимо в исторической книге для юношества. Сюжет построен на хорошей политической канве, без преувеличений и голого социологизирования, поэтому в повести техническая тема не выглядит обособленной от жизни. Фабульная интрига проведена в очень жизнерадостных, напряженных линиях, в повести много и юмора. Язык не испорчен никаким стремлением к натурализму. Все лица очень живы, в особенности фигуры Елизаветы Петровны, Шувалова, коменданта Шлиссельбурга, старшего тюремщика, сыщиков и других.

К недостаткам повести отношу:

1. Экспозиция растянута и слабо связана с основной темой.

2. В истории не было такого случая, когда бы узник вылетел из Шлиссельбурга на воздушном шаре, поэтому необходимо переменить место действия, Шлиссельбург для этого слишком историческое место.

3. Фигура коменданта для Шлиссельбурга слишком комична, в таком месте, разумеется, правительство держало более «солидных» людей, более способных быть настоящими тюремщиками.

4. Действующие лица бледно показаны в зрительном отношении, не описаны лица, другие индивидуальные отличия.

5. Одна из главных фигур – Гаркутный не выдержана в основном тоне: в начале это разбойник и протестант, потом простой солдат, слишком ручной и покорный.

6. Почти совершенно нет пейзажа.

7. Конец повести требует более ясного определения. Если продолжения не будет, надо указать, куда делся вылетевший из крепости узник. Если будет продолжение, нужно об этом сказать.

Все эти недостатки легко устранимы. Из беседы с автором я выяснил, что он сам легко это может сделать и нуждается в самой небольшой помощи редактора. Мое мнение, что повесть должна быть отнесена к числу хороших повестей для юношества и даже для среднего возраста. Она и не пытается дать большой художественный анализ середины XVIII века, но небольшую тему о начале воздухоплавания она разрешает на правильном историческом фоне, разрешает очень живо в сравнительно остром сюжетном движении. После некоторых исправлений, которые автор легко сделает, она обратится, безусловно, в одну из лучших книг для юношества. Думаю, что издание книги нельзя откладывать, – историческая литература для юношества у нас не так богата»[19]. Таким образом, как сказал И.А. Рахтанов: «И если Маршак стоял у изголовья «Волшебника», то у изголовья «Чудесного шара» встал создатель советской педагогики»[20]. Отзыв А.С. Макаренко, безусловно, способствовал «продвижению» книги А.М. Волкова.

Встречи и беседы с А.С. Макаренко навсегда остались в памяти А.М. Волкова, считавшего Антона Семеновича писателем с огромным талантом. Вспоминая о нем, А.М. Волков писал: «Лично с А.С. Макаренко я познакомился 5 ноября, был у него по его приглашению на квартире в Лаврушинском переулке. Тогда он прочитал мне свой отзыв о моей книге, который направил через несколько дней в «Литературную газету». Этот отзыв мне очень помог в борьбе за книгу. После я бывал у Антона Семеновича еще несколько раз. Я отвез ему рукопись «Волшебника Изумрудного города», которая также нашла у него хорошую оценку.

Приходилось мне беседовать с Макаренко и по педагогическим вопросам, потому что оба мы были педагогами с большим стажем. Ко времени моего знакомства с Антоном Семеновичем у меня уже было 27 лет педагогического стажа, из них 21 год в начальной и средней школе, остальные в вузе. Понятно, нет надобности передавать здесь содержание наших разговоров на педагогические темы, педагогические идеи Макаренко широко известны.

Общее впечатление, сохранившееся у меня от встреч с Антоном Семеновичем у него на квартире или на собраниях и совещаниях в ССП и в редакциях: это был удивительно сердечный, обаятельный, отзывчивый человек. С ним как-то очень легко чувствовалось, ему без стеснения можно было поверять свои мечты и планы…

О безвременной смерти Антона Семеновича мне сообщил в тот же день (1 апреля 1939 г.) С.Я. Маршак. Это известие горестно и болезненно подействовало на меня. Так тяжело было узнать, что оборвалась такая яркая жизнь, так много доброго сулившая стране…»[21]

Для сравнения с отзывом А.С. Макаренко хотелось бы привести еще два неравнозначных отзыва на повесть «Первый воздухоплаватель» А.М. Волкова. Редактор Детиздата Шувалов писал 14 февраля 1938 г.: «Представленная рукопись повести А.М. Волкова «Первый воздухоплаватель» имеет, наряду с достоинствами, много недостатков. Главные из них: 1) недостаточно полно обрисована изображаемая эпоха (50-е годы XVIII века); 2) политические и литературные деятели (Шуваловы, Разумовская, Елизавета и др.) очерчены бледно и исторически неверно; 3) образ главного героя Ракитина художественно неубедителен; 4) сюжетные ситуации случайны; 5) вызывает сомнение с научной точки зрения опыт Ракитина. Рукопись подлежит возвращению для переработки»[22]. Обращает на себя внимание несоблюдение общепринятых этических норм со стороны рецензента (не отмечены достоинства текста и находки автора); перечисленные недостатки конкретно не проанализированы, а лишь обозначены; присущий рецензенту субъективизм носит негативный характер; неудовлетворительное знание текста рукописи (названной им Разумовской (вернее, Разумовского) даже нет в числе действующих лиц).

Другой апрельский отзыв 1938 г. принадлежит политредактору Беленькому: «Жизнь и борьба первых русских ученых и изобретателей представляет собой материал большого воспита-

тельного значения. Автор вышеуказанного произведения ярко и красочно рисует героическую судьбу одного из таких изобретателей – первого русского воздухоплавателя. Мастерски нарисованный автором образ первого воздухоплавателя в лице главного героя произведения – Ракитина Дмитрия Ивановича – являет собой образец мужа науки, способного преодолевать любые трудности на пути к достижению своей цели, отдающего себя до конца делу процветания науки.

Знакомство учащихся наших школ с жизнью этого героя по произведению А. Волкова, безусловно, будет способствовать делу воспитания нашего подрастающего поколения в духе Сталинского учения об особенностях передового советского человека.

Молодой советский читатель, который о царизме знает только по рассказам и книгам, прочитав эту книгу, представит себе более ярко эксплуататорскую сущность царизма и те неимоверно тяжелые условия, в которых приходилось жить и бороться передовым людям того времени…

Высокой оценки заслуживает работа А. Волкова также и с точки зрения литературно-художественного оформления этого ценнейшего исторического материала. Книга написана ярким художественным языком и увлекает читателя. Нет сомнения в том, что эта книга встретит хороший отзыв у советских читателей»[23]. Узнав об этом отзыве, А.М. Волков обрадовался, но когда сам прочитал текст Беленького, написал в дневнике: «Переписал отзыв Беленького о «Первом воздухоплавателе». Избави нас, боже, от друзей! Ведь он принял полет Ракитина за исторический факт, а самого Дмитрия за реально существовавшую личность. Выходит, убедительно написано… Но какое убожество исторических знаний!»[24] Таковы рецензенты, берущие на себя ответственность за экспертную оценку произведения.

Таким образом, главным итогом 1937 г. для А.М. Волкова стало знакомство с крутом редакторов из Детгиза и авторов, работавших в области детской литературы, а особенно с С.Я. Маршаком и А.С. Макаренко, активно помогавшими начинающему писателю.

В конце ноября 1937 г. один экземпляр этого отзыва вместе с рукописью был отправлен А.С. Макаренко в редакцию «Литературной газеты», где рукопись затерялась, а другой экземпляр отослан председателю правления Союза советских писателей В. Ставскому. В начале декабря 1937 г. А.М. Волков предпринял попытки отыскать рукопись «Первого воздухоплавателя» в редакции «Литературной газеты», необходимую ему для доработки. Поиски рукописи оказались безуспешными, и А.М. Волкову пришлось заново восстанавливать текст повести.

20 января 1938 г. директор Детгиза А.А. Андреев подписал договор на «Первого воздухоплавателя». «28-го узнал о том, что мой договор уже в бухгалтерии. Я следил за ним, как генерал следит за продвижением разведчиков во вражеской стране. И неудивительно – ведь это был мой первый договор! 29-го января. Получен договор на «Первого воздухоплавателя» из Детиздата. Замечательный день! И как мы с Галюсенькой были рады! А 1 февраля я торжественно вручил моей бесценной, моей единственной подруге первый гонорар – 1470 рублей. Не такие уж это были крупные деньги – но… первый литературный заработок!»[25] В тот же день, 29 января 1938 г., переработанная по замечаниям А.С. Макаренко рукопись «Первого воздухоплавателя» была сдана А.М. Волковым в Детиздат. Однако вскоре стало известно, что издание книги переносится на 1939 г.

Больше повезло сказке «Волшебник Изумрудного города», договор № 2954 на издание которой был заключен А.М. Волковым и главным редактором Детиздата ЦК ВЛКСМ П.М. Сысоевым 7 июня 1938 г. Договор предусматривал объем текста – 5 авторских листов, оплату – 800 руб. за авторский лист, тираж – 25000 экземпляров, а при каждом повторном издании гарантировал автору гонорар в размере 60 % от первоначально установленного гонорара. Таким образом, это

был один из первых издательских договоров, полученный А.М. Волковым и открывший его произведениям путь к читателю.

Большую помощь в продвижении книги оказывало покровительство С.Я. Маршака. В письме брату Анатолию от 18 июня 1938 г. А.М. Волков писал о своей встрече с С.Я. Маршаком, состоявшейся 15 мая 1938 г.: «С.Я. встретил меня, как своего. Это удивительно милый и симпатичный человек, с ним сразу чувствуешь себя легко и свободно. «Я вас представлял совсем не таким, – начал С.Я. – я думал, что у вас вот такая бородка… (и поясняющий жест рукой). Ну, как же, ведь все-таки доцент! А бородки-то как раз и не оказалось». Он сразу начал угощать меня чаем, яблоками, шоколадом, предложил мне лечь на кушетку. Я, конечно, его предложением не воспользовался; уложил его, а сам сел в кресло и начался у нас душевный разговор. Он подробно расспрашивал меня о моей жизни, о моих интересах и наклонностях, о том, что я читал и каких писателей больше люблю; люблю ли я животных, рисую ли; каковы мои жилищные условия, есть ли у меня время для работы, велика ли моя семья и т.д. Словом, С.Я. проявил величайшую заботливость и величайший интерес ко всему, что касалось меня.

Он много говорил о литературе, о ее подразделении на собственно беллетристику и научно-популярную литературу, разбирал некоторые произведения. Кстати: оказывается, М. Ильин, автор книг «Рассказ о великом плане», «Годы и люди» и др. – младший брат С.Я. и его ученик в литературе.

С.Я. также дал подробную оценку моей сказке «Волшебник Изумрудного города». Он сказал, что на фоне общей серости нашей литературы[26] эта сказка ему очень понравилась, он ее хотел предложить Лен[инградскому] отд[елению] Детиздата, но по ряду причин этого ему не удалось сделать (кстати она и здесь Детиздатом включена в план 39 года и обещают вскоре заключить на нее договор).

С.Я. спросил меня, люблю ли я стихи и писал ли сам стихи. Я сознался в том, что действительно писал. С.Я. сказал, что для прозаика обязательно чтение стихов (конечно, хороших!), т.к. они приучают к речи ясной, точной и образной.

Он страшно любит читать стихи. Он прочел мне вслух целую поэму Жуковского «Суд в подземелье», вещь страниц на 18. С.Я. считает ее лучшим произведением Жуковского. Потом прочел целый ряд отрывков из поэмы Твардовского «Страна Муравия». Я эту вещь не читал, а, оказывается, она очень хорошая. Потом С.Я. прочитал (на память!) несколько своих еще не напечатанных произведений. Все они мне очень понравились, чувствуется большое мастерство и много настроения. Прочитал и я С.Я. два своих стихотворения, тряхнул, что называется, стариной. Одну вещь «Настало тревожное время, готовится рыцарь к войне…» он одобрил безоговорочно, сказав: «Очень хорошо», другую «Увлеченный внезапной мечтою…» признал более слабой, но все же нашел, что и тут, безусловно, чувствуются способности.

Трудно, конечно, припомнить все наши с ним разговоры, т.к. я сидел у него без малого часа три, но приведу еще интересную деталь: он сказал, что Горький, безусловно, заинтересовался бы мною, будь он жив. Я в свою очередь рассказал ему, что однажды, когда А.М. был еще жив, я видел во сне, что он приглашал меня к себе секретарем. Я был вне себя от радости, а проснувшись, горько разочаровался.

Во время беседы с С.Я. выяснилось,что он меня рекомендовал не только в «Дет. Календарь», а и в журнал «Молодую гвардию» и Ивантеру – редактору журнала «Пионер». Я, конечно, выразил С.Я. величайшую признательность за его заботы. Распрощались мы, чрезвычайно довольные встречей (по крайней мере, я). И тут С.Я. проявил большую заботу о том, как я доберусь до города, хлопотал о машине или лошади. Словом, среди писательской среды – это редкий и уди-

вительный человек (кстати, об этой почтенной писательской среде он рассказал мне много нелестного и рекомендовал мне не бросать основной работы, пока я твердо не укреплюсь в профессии литератора. Я и сам такого же мнения)»[27].

Параллельно с заботой об издании своих произведений А.М. Волков продолжал интенсивно работать. 16 марта 1938 г. он начал перевод с французского языка романа Ж. Верна «Удивительные приключения экспедиции Барсака». В связи с этим он писал: «Я всегда любил Жюля Верна. Отрывки из романа «80 тысяч верст под водой» в лубочном издании (маленький формат, крупный шрифт) я читал еще в возрасте 5–6 лет в избе моего деда-мельника (неподалеку от Секисовки). Учась в городском училище, я прочитал «Таинственный остров», «Дети капитана Гранта» и другие жюльверновские романы. Помню большую обиду, когда мне отказали в усть-каменогорской городской библиотеке в выдаче «Реки Ориноко». «Это ро́ман, – сказала мудрая библиотекарша, – а таким маленьким ро́маны читать запрещено». Никогда я ей этого не прощу! В возрасте 15 лет я тайком от отца выписал журнал «Природа и люди» за 1906 г. с приложением первых 40 книг полного собрания сочинений Ж. Верна, за что получил порядочную нахлобучку… Со второй половиной этого собрания я познакомился, уже будучи учителем в Колывани. Сойкинские переводы были сделаны очень безграмотно, халтурно – и все же я читал их с удовольствием: гений Ж. Верна пробивался и через эту грубую оболочку.

Когда я овладел французским языком и начал свободно читать, я стал читать и Ж. Верна. Живя в Москве, я покупал в букинистических магазинах жюльверновские романы в оригинале. Однажды в букинистическом магазине в начале еще тогда Тверской ул. я увидел незнакомый мне даже по названию роман Ж. Верна «Удивительные приключения экспедиции Барсака». Это было в 32–33 гг. Оказалось, что роман посмертный, издан во Франции в 1920 году и вовсе не в таком блестящем оформлении, как романы, выходившие при жизни знаменитого фантаста (сказались последствия I мировой войны).

Я прочитал роман запоем: он увлек меня занимательным сюжетом, гениальными предвидениями автора в области науки и политики. И теперь, когда роман несколько лет простоял у меня на полке, я решил ознакомить с ним советских читателей, преимущественно ребят. Я начал переводить «Барсака»[28].

Постепенно, как начинающий писатель, А.М. Волков вникал в суть проблем развития детской литературы в стране. В мае 1938 г. состоялось совещание в «Литературной газете» по детской литературе, на которое был приглашен А.М. Волков. «Разговаривал с Маршаком, Макаренко. Когда сошлись все трое, С.Я. сказал обо мне, обращаясь к Макаренко: «Он будет делать хорошие вещи!» «Да, я его знаю», – отвечал Макаренко. Маршак рекомендовал меня Андрееву и редактору «Детской энциклопедии» Панкову, советуя привлечь меня к работе в «Детской энциклопедии». Кстати – посмотрел и на писательские нравы. Очень характерна схватка в рыночном тоне между писательницей Агнией Барто и редактором «Литературной газеты» Войтинской. Виктор Шкловский с его язвительной манерой подзуживания доставил несколько неприятных минут Маршаку по поводу плана специального номера «Литературной газеты» о детской литературе, составленного Маршаком и Чуковским»[29].

В июле 1938 г. «Волшебник Изумрудного города» был передан художнику Н.Э. Радлову для иллюстрирования. «Книга ему очень понравилась, он отнесся к ней с большим энтузиазмом и обещал сделать очень хорошие иллюстрации», – писал А.М. Волков в дневнике[30].

В сентябре 1938 г. увидела свет первая московская публикация А.М. Волкова – статья «Странная задача» в «Пионерской правде». В декабре 1938 г. А.М. Волков обсуждал вопрос о постановке сказки «Волшебник Изумрудного города» с заведующей литературной частью ку-

кольного театра Элеонорой (Ленорой) Густавовной Шпет, которой сказка очень понравилась. Однако другого мнения о представленном А.М. Волковым сценарии по сказке был руководитель кукольного театра С.В. Образцов. «Разговаривал с Образцовым. Он забраковал сценарий «Волшебника Изумрудного города» по ряду причин. Не видит основной идеи вещи, все основано на случайностях (гибель обеих злых волшебниц). Не нравится образ Гудвина, он его считает «сволочью» за его обман Элли и компании. Лев – империалист, так как добивается царства. Должна быть борьба с какими-то враждебными силами, которые занесли Элли в страну Гудвина»[31]. Это мнение маститого кукольника несколько удивляет и полностью опровергается постановкой кукольных спектаклей «Волшебник Изумрудного города» уже в 1940-х гг. в разных городах страны.

Для А.М. Волкова 1938 г. характерен жанровым расширением литературного творчества. Пока его крупные произведения ждали своего издания, он сумел заключить издательские договоры: 1) 19 апреля 1938 г. – с редакцией детского отрывного календаря на 1939 г. на написание семи заметок (темы о полководце Суворове, Кутузове, Жанне Д´Арк, Вильгельме Телле, о борьбе Севера и Юга Америки, из истории математики (с задачами); 2) 1 июня 1938 г. – с Детиздатом для детской энциклопедии «Круг знаний» на написание раздела математики для 1–3-го томов; 3) 9 июня 1938 г. – с редактором журнала «Пионер» Б.А. Ивантером на перевод с французского языка романа Ж. Верна «Удивительные приключения экспедиции Барсака» (сокращенный перевод – 10 печатных листов). В дневнике от 29 мая 1938 г. А.М. Волков написал: «День побед! Сразу три успеха: заключены договоры на «Волшебника Изумрудного города», на «Барсака» и с «Детской энциклопедией» (моя пробная статья настолько понравилась ред. Мильвидскому, что он даже не нашел недостатков!). Мейерович[32] взял для прочтения новую схему «Солнечной станции Е-16»[33]. Заключенные договоры наглядно демонстрируют энциклопедичность научного багажа А.М. Волкова, готового ответственно выполнить заказанные статьи по истории и математике, выполнить колоссальную работу по переводу и сокращению текста оригинала Ж. Верна, не исказив его содержания. Необходимо подчеркнуть, что приглашение А.М. Волкова в состав авторов статей первой советской детской энциклопедии «Круг знаний» (3 из 10 томов которой планировалось выпустить в 1939 г.), включавший крупных советских ученых, лучших популяризаторов и художников, несомненно, является показателем возраставшего авторитета опытного математика и начинающего писателя. (Однако «литературные» деньги были значительно меньше заработной платы в Институте цветных металлов и золота: литературный гонорар А.М. Волкова в 1938 г. составил 7352 р., а годовой заработок в институте – 11894 р.).

С 1939 г. начинается деятельность А.М. Волкова в новом качестве – рецензента. По заказу критико-библиографического журнала «Детская литература» им была написана рецензия на книгу Б. Могилевского «Серебро из глины», опубликованная в апреле 1939 г. в вышеназванном журнале. Затем в мае 1939 г. последовала рецензия на книгу С. Беляева «Истребитель 2 Z», в июне 1939 г. – рецензия на книгу Л. Аусвейта «Как открывали земной шар» (оставшаяся неопубликованной), в июле 1939 г. – рецензия на книгу П. Кофанова «Юность Пануки», в январе 1940 г. – рецензия на книгу С.В. Покровского «Охотники на мамонтов». Как видно, А.М. Волкову, как доценту вуза, предлагали рецензировать вышедшие книги на определенную тематику: военную, естественнонаучную, историческую, географическую, связанную с историей науки.

С 1939 г. началось сотрудничество А.М. Волкова с детскими изданиями: газетой «Пионерская правда», журналом «Пионер», где печатался его (первый русский!) перевод романа Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака», а в 1940 г. – с детскими журналами «Чиж» и «Костер», которым он предлагал маленькие сказки.

Вся эта разноплановая деятельность свидетельствовала не только о насущной потребности детского издательства в квалифицированных экспертах по разным отраслям знаний (какого они нашли в А.М. Волкове), но и о приобретении А.М. Волковым профессионального опыта работы в разных литературных жанрах.

А.М. Волков неустанно следил за продвижением в издательстве «Волшебника Изумрудного города». В январе 1939 г. в Детиздате состоялся художественный совет, где А.М. Волков увидел рисунки Н.Э. Радлова к сказке. «Конечно, после рисунков американского издания к этим надо привыкнуть, но все же они понравились мне. Оказывается, редакция уже фамильярничает с моими героями. Льва они дружески зовут «Лёва», Страшилу – Чучелкой. Вообще, книжка им, начиная с Пискунова, очень нравится»[34]. К.Ф. Пискунов же сказал А.М. Волкову, что для издательства это находка и что сказка будет любимой детской книгой.

Судя по почти ежедневным дневниковым записям, А.М. Волков вечером после преподавательского дня принимался за литературную работу. Так, при большой нагрузке в институте в январе 1939 г. им были написаны киносценарий «Волшебник Изумрудного города», сценарий для кукольного театра, математический раздел II тома «Детской энциклопедии», фельетон «Поэт и комментаторы», сказка «Рыбка-Финита», статья «Есть ли конец счету?». Необходимо добавить, что сказка «Рыбка-Финита» так понравилась С.Я. Маршаку, что он восторженно заявил, что за одну эту выдумку можно дать орден Ленина.

Помимо своей литературной работы А.М. Волков консультировал начинающего писателя А.М. Розова: «Полдня провел с А.М. Розовым[35] над его «Записками немецкого пленного». Дело у него идет на лад, мои уроки помогают. Перепечатал несколько страниц его рукописи»[36]. Много времени уделял А.М. Волков штудированию уроков с сыновьями Вивой и Адиком. А на отдыхе, который выпадал крайне редко, А.М. Волков читал М.Е. Салтыкова-Щедрина, Э. Сетон-Томпсона, Г. Мало и др.

В 1939 г. продолжались встречи и беседы А.М. Волкова с С.Я. Маршаком. «2 апреля. Был утром у С.Я. Маршака. Удивительный человек! Лег в 3 часа, а встал рано утром и перечитал обе сказки. «Финиту» очень хвалит, а «Правосудный кинжал» – увы! – совершенно забраковал. Псевдорусский стиль, неживые герои, приспособленчество (в конце) – одним словом, вещь плохая и печатать ее нельзя! Что ж, положу под спуд. Как говорит С.Я., полезны и отрицательные опыты. Буду знать, как не надо писать… (По поводу «Кинжала». На этом псевдорусском стиле срезался не я один. По словам С.Я., в этом стиле нестерпимо фальшивил А.К. Толстой (Васька Шибанов и т.д.). В нем даже Некрасов иногда фальшивил, а Лермонтова в «Песне о купце Калашникове» спас огромный темперамент… Ну, я в хорошей компании!)

Вообще он с похвалой отозвался о моем литературном вкусе, даже удивлялся, откуда у меня взялся такой вкус, поскольку я не вращался среди кругов столичной литературы. Среди людей, входящих в литературу самотеком, такое явление встречается исключительно редко.

«Финиту» он будет рекомендовать в альманах «Год XXII» (секретарь Елена Марковна, ред. Лагин[37]). И считает, что Детиздат должен выпустить ее отдельной книжкой. Хочет ознакомиться с моими математическими работами (для Детской энциклопедии), надо будет завезти.

Интересны отзывы С.Я. о писателях. Когда я сказал, что отдал читать «Первого воздухоплавателя» Шкловскому, он его назвал Джинглом – не весьма приятный персонаж из «Пиквикского клуба».

А.Н. Толстого он называет «купчиком», подчеркивает, что тот не ведет никакой работы с писателями. Он послал к нему какого-то юнца 15 лет, чтобы Маршак его устраивал с квартирой (!), а самому стоит лишь пальцем двинуть – ведь депутат Верховного Совета!

С.Я. сетовал на тех писателей, которых он выдвинул (в частности, Бианки) и которые, вместо того, чтобы самим проводить работу с начинающими писателями, от этого отказываются и «все обращают лишь в пользу себе».

Мою кандидатуру в редсовет Детиздата выдвинул он. Кстати, интересовался «чистотой» моей биографии. Кандидатуру мою поддержит. С.Я. интересовался моими бытовыми условиями – я сказал, что неважные, но жаловаться не стал»[38]. Впоследствии С.Я. Маршак внимательно следил за работой А.М. Волкова, рекомендуя его в литературных кругах как «весьма талантливого человека, которого надо поддержать».

А повесть «Волшебник Изумрудного города» продолжала свой издательский путь: в апреле 1939 г. датой выхода книги называли третий квартал. 16 мая 1939 г. А.М. Волков получил корректуру сказки для авторской правки, которую с помощью жены проверил за три дня. 2 июня 1939 г. в Детиздате он видел верстку «Волшебника» уже в виде книжки с иллюстрациями. Однако 27 июля 1939 г. А.М. Волков узнал, что ввиду отсутствия хорошей бумаги «Волшебник» не включен в план III квартала, а отложен до сентября. 17 сентября А.М. Волков писал: «Готов сигнальный экземпляр «Волшебника». Я держал его, перелистывал, но пришлось отдать обратно... Пискунов и Максимова спрашивали, что я чувствую? «Ничего особенного», – отвечал я по чистой совести. И правда – я уже свыкся с мыслью о том, что будет книга. Сначала договор, потом корректура, верстка... Так и втягиваешься, нет уже чувства неожиданности. Вообще-то, конечно, приятно, но, пожалуй, острее было чувство, когда я читал «Барсака» в первом номере «Пионера»... Итак, через 10–15 дней «Волшебник» выйдет в свет!»[39]

Одновременно с этим 20 мая 1939 г. А.М. Волковым было заключено соглашение с редакцией журнала «Вокруг света» о переводе с французского языка романа Ж. Верна «Родное знамя», 23 июня 1939 г. был заключен издательский договор с главным редактором Детиздата ЦК ВЛКСМ Г.С. Куклисом на повесть «Алтайские робинзоны».

Еще до выхода в свет своей первой книги 21 мая 1939 г. А.М. Волков был приглашен на совещание по детской литературе, созванное президиумом Союза советских писателей. «Сегодня представлен корифеям детской литературы. Познакомился с К.И. Чуковским, М. Ильиным, Агнией Барто, С.В. Михалковым, О.В. Перовской, Е.А. Благининой и с самим председателем ССП А.А. Фадеевым.

Перед заседанием С.Я. Маршак говорил о том, что мне «нужно себя найти» и выражал сожаление о том, что не познакомился со мной раньше, когда он фактически заправлял детской литературой. Говорил он и о том, что мне надо совершенствоваться в области научно-популярной литературы, а также и в области сказок и беллетристики, что нужно лучше оценить значение слова. На собрании выступали Маршак, Чуковский, Перовская, Барто, Михалков, много говорили о недостатках детской литературы. Я говорил после Барто. Рассказал о своих мытарствах в Детиздате, хотя отметил, что все же считаю себя удачником. Перовская это мнение подтвердила, назвав меня счастливцем. Я изложил историю «Волшебника Изумрудного города» и «Первого воздухоплавателя». Сказал также, что намерен написать «Историю математики» для старшего возраста.

Ильин, говоривший после меня, назвал «Историю математики» весьма нужной книгой, заполняющей огромный пробел. «Если бы Волков пришел ко мне раньше, – подал реплику Маршак, – то его собрание сочинений было бы напечатано. Человек только начинает печататься, а у него уже прямо-таки собрание сочинений!»

Маршак во вступительной речи, которой он открыл собрание, говорил, что начинающих писателей слишком долго маринуют. В пример он привел меня: «Вот писатель, т. Волков, он при-

шел в детскую литературу по собственному влечению, пришел с огромным научным багажом, с большим житейским опытом. У него большие задатки к беллетристике, он пишет очень хорошие сказки, написал историческую повесть… И вот его до сих пор «держат в инкубаторе»…

И вот Корней Чуковский нарисовал дружеский шарж, изобразив меня вылезающим из яйца. Конечно, портретное сходство очень слабое; шарж этот он подарил мне, подписавшись «И. Репин, 1904 г.».

Решения таковы: надо организовать детскую секцию, чтобы в нее входили не только члены ССП (я заявил себя первым кандидатом в такую секцию, а Маршак, по-видимому, намерен выдвигать меня в бюро); написать о недостатках детской литературы в «Правду», в ЦК ВКП(б) и в ЦК ВЛКСМ»[40].

Осенью, 20 сентября 1939 г. в «Литературной газете» появилось сообщение о выходе в свет первой книги А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» с иллюстрациями Н.Э. Радлова (редактор Н.А. Максимова). В газетном сообщении также было отмечено, что это переработка известной сказки американского писателя Ф. Баума «Мудрец из страны Оз». В связи с этим А.М. Волков иронизировал: «Насчет «известности» сказки – они козырнули. Сказка в СССР совершенно неизвестна. Редакция «Литературной газеты» первая ее не знает! Любопытный все-таки народ эти газетчики»[41].

В дневнике от 2 октября 1939 г. А.М. Волков писал: «Был в Детиздате. Получен из типографии «Волшебник Изумрудного города» – лежат на складе триста штук высокими стопами. Получил от Куклиса[42] разрешение еще на 15 экз. сверх авторских. Один экземпляр поднес Куклису. Публика поздравляет, просят авторские. Мейерович уже прочитал (читал весь вечер залпом), книга ему очень понравилась. Будет писать хороший отзыв в «Пионерскую правду». Недостатком он считает то, что я недостаточно смело подошел к переработке сказки. Это верно – теперь я сделал бы не так»[43]. (Частичные изменения были сделаны А.М. Волковым уже в издании 1941 г., а в издании 1959 г. сказка была им значительно переработана.)

Наконец 3 октября 1939 г. Александр Мелентьевич получил «на руки» авторские экземпляры сказки «Волшебник Изумрудного города». «Вот они стоят на моем столе авторские экземпляры «Волшебника». Два с половиной года тому назад задумал я переработать сказку Франка Баума «Мудрец из страны Оз». Задумано – сделано! И пошла книжка по мытарствам. Больше года лежала в редакции. Потом – договор… И заработала машина! Художник, корректоры, фотографы, машинистки, наборщики, печатники, переплетчики… А за их спиной – бумажники, текстильщики и т.д. и т.п. Великая цепь человеческого труда! И начало ей дает автор.

Да – это чарующее и неповторимое впечатление видеть перед собой ровный ряд зеленых корешков своей первой книги.

«Умри, Диагор, тебе нечего больше желать!»

Нет, врете, милостивые государи, этот Диагор умирать не хочет и он желает еще очень и очень многого, и он выпустит на белый свет еще много-много книг!»[44] В дневнике после этой записи имеется следующая сноска автора: «Наивная похвальба, но она осуществилась. Сейчас у меня насчитывается больше 100 изданий на 30 языках. 3 марта 1973 г.»[45]

В одной из лучших критических статей о сказках Л.Ф. Баума и А.М. Волкова Мирон Петровский тонко подметил некоторые общие аспекты их творчества: «Интеллигент, стоящий на уровне самых передовых идей своего времени, гуманитарий и математик, писатель Волков безмерно далеко ушел в своем развитии от среды, в которой протекали его ранние годы. Но может ли человек, тем более писатель, тем более детский, уйти от своего детства? Мы часто повторяем вслед за Экзюпери – мысль о значении детских впечатлений для художника; эта мысль,

однако, не стала методом изучения художества. Пересказывая произведение американского автора, Волков возвращал долг своему детству.

Работа над «Волшебником Изумрудного города» была нечаянной встречей двух культурных традиций: детские впечатления Волкова, выросшего среди сибирских староверов, пересеклись к отзвуками американского протестантизма, запечатленными в книжке Баума. Сколько бы ни различествовали эти традиции меж собой, у них есть некий общий знаменатель – совершенно особая роль, придаваемая труду и трудолюбию. Пафос «доверия к себе», пронизывающий «Мудреца из страны Оз» и обязывающий к труду и нравственному поиску – к ответственности, – должен был всколыхнуть у бывшего секисовского мальчика детские воспоминания, даже если писатель и не отдавал себе в этом отчета. Холодноватый жанр «литературного пересказа» согревался лирическим жаром»[46]. С этим утверждением М. Петровского нельзя не согласиться: деткость – редкое явление во взрослом мире – является неотъемлемой частью души детского писателя. Она видится в неиссякаемой (нестареющей) жажде новизны впечатлений, приключений, открытий, сюжетов, в неослабевающем стремлении к познанию мира детской души, в умении мечтать и фантазировать вместе с ребенком, ласково ведя его за руку от сказки к сказке.

Успех сказки А.М. Волков делил так: 80 % – Фрэнку Бауму, а 20 % – себе за творческую переработку. Любуясь при переводе американской сказкой, А.М. Волков пытался по-своему пересказать ее для советских детей, создавая тем самым собственный ее вариант. Во-первых, изменения коснулись композиционной структуры сказки. Помимо удаления из сказки Ф. Баума двух выбивавшихся из общей сюжетной линии глав «Бой с воинственными деревьями» и «В стране Хрупкого фарфора», он, стараясь усилить напряженность сюжета, добавил три свои главы «Элли в плену у Людоеда», «Наводнение» и «В поисках друзей». При этом необходимо обратить внимание на умение автора рассредоточить «страшные» («адренолиновые») главы по всему сказочному сюжету. Таким образом, сказка приобрела динамичный ритм, остроту сюжета и разноплановость интересных ситуаций.

Во-вторых, писатель изменил стилистику повествования. Это обнаружил в 1986 г. Мирон Петровский, который писал: «Сохранив почти все повествовательные движения сказки, Волков решительно изменил стилистику повествования. Точную, но графически суховатую прозу Баума он «перевел» в акварельно мягкую живопись. Американская сказка не психологична, внутренний мир человека исследуется в ней сугубо рационально. Пересказ Волкова обогатил сказку иронической психологией (или, если угодно, психологической иронией). Вот испуг: песик Тотошка вырвался из рук маленькой хозяйки, и королеве мышей пришлось спасаться от него «с поспешностью, совсем неприличной для королевы». Вот радость: мигуны «так усердно подмигивали друг другу, что к вечеру ничего не видели вокруг себя». Вот удивление: девочка стоит перед муляжной головой, которую принимает за одно из воплощений волшебника Гудвина, и «когда глаза вращались, то в тишине зала слышался скрип, и это поразило Элли». Все эти и множество подобных «маленьких тонкостей» были придуманы Волковым...» Как ни странно, именно эти, не поддающиеся перечислению «мелкие» вставки, а не крупные изменения определили новый облик русской переделки»[47].

Об измененной А.М. Волковым тональности сказки говорил и Б. Бегак, назвав ее сказочным простодушием. «Ирония, скепсис как бы исчезают под ласковым взглядом маленькой героини: она любит своих необыкновенных спутников такими, какие они есть. И маленький читатель, не нуждающийся ни в каких оговорках по этому поводу, верит в мудрость решений соломенного Страшилы, в храбрость и силу Железного Дровосека, в дружескую верность преодолевающего свою трусость Льва»[48].

В-третьих, по мнению М. Петровского, мелкими – почти микроскопическими – изменениями была достигнута более строгая оценка ситуаций и персонажей. «Мотив терроризирующего страха целиком принадлежит Волкову и вынуждает автора «Волшебника Изумрудного города» к последовательности: недоброе чувство переносится с Гудвина на его преемника Страшилу. Едва усадив Страшилу на престол Изумрудного города, сказочник начинает компрометировать дотоле несомненный Страшилин ум. Умница, пока был простым соломенным чучелом, стремящимся обрести мозг, Страшила Волкова превращается в самовлюбленного, напыщенного дурака, лишь только становится у власти. Волков оставляет без ответа вопрос – будут ли страшиться Страшилу так же, как его предшественника»[49]. В последующей сказке Страшила преодолевает это «пение медных труб» как негативный опыт власти и становится простым и мудрым, деловым и веселым правителем Изумрудного города. Тем не менее поучительно-нравственная позиция автора ясна и понятна каждому читателю.

В-четвертых, А.М. Волков позволяет себе перемену имен некоторых героев сказки: Дороти становится Элли, Оз – Гудвином (хотя «Гудвин» – имя «с двойным дном» – или «добрая надежда» («good ween»), или что-нибудь вроде «добрый прохвост» («good weenie»), Пугало – Страшилой, Бок – Кокусом и др.). И некоторые из этих имен настолько прижились, что даже при инсценировках пьес по сказке Ф. Баума «Мудрец из страны Оз» главную героиню называли не Дороти, а Элли.

Справедливости ради нужно указать на вневременной характер сказки, за который А.М. Волкова «журил» С.Я. Маршак. В Волшебной стране время не является определяющей координатой, потому что сама Волшебная страна существует вечно, как истинные (и волшебные, и человеческие!) ценности – добро, дружба, справедливость, милосердие, помощь и поддержка. Таким образом, отсутствие конкретного времени можно считать закономерной характеристикой Волшебной страны.

Александр Етоев размышлял о переделке сказки Ф. Баума таким образом: «Исправляй, дописывай, вырезай, но чтобы сделать из «чужой» книги «свою», а из «своей» – «нашу», здесь не справятся ни чернила, ни ножницы. Автор должен внести такое, чтобы книга заиграла по-новому – как листочки на чудо-дереве, пересаженном на другую почву. И писателю Александру Волкову это действительно удалось. Помогли ему в этом спасительное чувство иронии плюс живая жизнь мелочей, которыми он наполнил книгу…

Автор – дитя эпохи и будучи человеком советским, не мог не привнести в свою книгу соответствующий эпохе дух. Особенно это чувствуется в добавленной им главе «Наводнение». Папанин и герои-челюскинцы, героика борьбы и победы – отзвук этого в книге есть. Еще до выхода «Волшебника» в свет Маршак, прочитав рукопись, упрекал автора, что его сказка как бы существует вне времени, то есть зло в ней, говоря другими словами, – отвлеченное, не конкретное, не то, которое в литературе тех лет традиционно подавали в классовой упаковке с надписью «Враг не дремлет!». Взять на выбор почти любую довоенную книжку из круга чтения тогдашних подростков – «Морскую тайну» М. Розенфельда, «Арктанию» Г. Гребнева, «Истребитель 2Z» С. Беляева, «Тайну двух океанов» А. Адамова, «Пылающий остров» А. Казанцева и т.д. Посмотрите, кто в этих книгах враги. Японцы, немцы, диверсанты, шпионы, капиталисты. У всех у них одинаковые картонные лица, единственное, что их различает, – цвет кожи и разрез глаз. Вот и к сказке в соответствии с этим железобетонным принципом следовало подходить с той же меркой…

Сам Волков наверняка не вкладывал в свою сказку никакого политического подтекста. Этого просто быть не могло. Но такой уж в нашей стране читатель, что даже в сказке, рассказанной

для детей, всегда отыщется что-нибудь политическое… И в глухие 70-е годы многие воспринимали «Волшебника» как пародию на советскую власть. В сказке Баума ничего подобного нет»[50].

Таким образом, А.М. Волковым был не только осуществлен перевод текста сказки с английского языка на русский, но и сделана композиционная и стилевая переработка американской сказки Ф. Баума, изменены некоторые характерные черты героев, значительно усилено эмоциональное впечатление, и некоторые читатели даже увидели в ней политические мотивы.

А вместе – усилиями Фрэнка Баума и Александра Волкова – появилась детская книжка «Волшебник Изумрудного города», ставшая незаменимой частью детства многих поколений советских детей. Ее герои – мужественная, умная, добрая девочка Элли, умный и изобретательный Страшила, добрый Железный Дровосек, храбрый Лев, маленький защитник Тотошка стали близки и понятны детям. «Как добрый доктор Дулитл из старой книжки англичанина Хью Лофтинга, под пером Корнея Чуковского превратившийся в Айболита, как придуманный итальянцем Карло Коллоди смешной деревянный Пиноккио, заново переосмысленный Алексеем Толстым как Буратино, – первая сказка Александра Волкова, построенная по чужим мотивам, зажила самостоятельной жизнью», – писал Б. Бегак[51].

Но сама сказка была непростая, она была полна парадоксов: наличие вышеназванных качеств у героев сказки очевидно для любого читателя, но, оказывается, совсем не очевидно для самих героев: поэтому Страшила мечтает получить мозги, чтобы стать умным, Железный Дровосек – любящее сердце, чтобы быть добрым, а Трусливый Лев – храбрость. Парадоксы сказки заставляют задуматься, попытаться понять смешные и трогательные противоречия между острым умом и непререкаемой убежденностью в собственной глупости у Страшилы, между сердечной добротой и убежденностью в собственном бессердечии и черствости у Железного Дровосека, между самоотверженной смелостью и убежденностью в собственной трусости у Льва. А парадоксы как игры мысли заставляют искать идею сказки в мировоззренческом кредо самого автора. В подтверждение этой мысли хочется привести высказывание Карло Гоцци о том, что целого арсенала нелепостей и чертовщины еще недостаточно, чтобы вдохнуть душу в сказку, если в ней не заложен глубокий замысел, основанный на каком-нибудь философском взгляде на жизнь[52].

В связи с этим М. Петровский писал: «Страшила умен по-настоящему, Дровосек – добр неподдельно, но оба сомневаются в себе, не верят в свои замечательные качества. Забавные сказочные персонажи – тряпичная кукла, набитая соломой, и кукла жестяная – оживают, чтобы внести в сказку проблему, чрезвычайно актуальную для места и времени своего рождения. Вера в себя, доверие к себе – одна из остро болезненных точек американской мысли XIX века. С романтической категоричностью эту проблему поставил американский трансцендентализм, отразивший европейский романтизм хотя и с запозданием, но тем более бурно и на свой, американский лад»[53]. Развивая эту мысль, М. Петровский утверждает, что определяющим идеологическим текстом для сказки Баума стало эссе «Доверие к себе» главы трансценденталистов Ральфа Эмерсона (ему приписывают слова: «Преодолевайте робость мысли и сердца»).

Несомненным является то, что сказку Ф. Баума «Мудрец из страны Оз» нужно рассматривать как часть его биографии, некий обобщенный опыт его многолетних поисков себя и своего места в жизни.

Представляется весьма интересным мнение Мирона Петровского о связи проблематики сказки с капитальными трудами по теории познания немецкого философа Иммануила Канта. В связи с этим он писал: «Основные понятия кантовой теории познания Баум втянул в озорную игру. Особенно удобным поводом для иронических экспериментов сказочнику показалась

мысль Канта о том, что человеку, дескать, изначально, от рождения (априорно) присущи представления о времени и пространстве. Время и пространство, утверждал Кант, это не свойства природы, а только свойства познающей человеческой мысли»[54]. Отсюда неопределенность маршрута в Волшебную страну («куда ураган занес», как и неизвестное расположение самой страны, отсутствие точных географических и временных привязок, некое «что-то где-то», кстати, совершенно не влияющее на притягательность места приключений и «безвременья» их осуществления. Даже наоборот, эта спрятанная за горами и Великой пустыней сказочная страна должна быть неизвестна никому постороннему, и только детская фантазия служила проводником, знавшим настоящую дорогу туда.

Подтверждение связи сказки с постулатами Канта М. Петровский видел также в следующем: 1) в сочетании у сказочных героев двух признаков – врожденности представлений (у Страшилы – о своей глупости, у Дровосека – о своем бессердечии) и самокритичности; 2) в характерном для каждого персонажа противопоставлении (знание своего бессилия противопоставлено неведенью собственной силы); 3) в распределении обязанностей между героями: Страшила – «чистый рассудок», Дровосек – «чистая чувственность» – как качества, доведенные до абсурда; 4) в значении принятых так называемых цветосмыслов (за каждой страной в сказке закреплен свой неизменный цвет). В создании цветосмыслов М. Петровский видел проблему принципиальной возможности правильного восприятия действительности (если Фиолетовая, Голубая, Розовая, Желтая страна – настоящие, то Изумрудный город демонстрирует результат оптической иллюзии: налицо частичная фиктивность Изумрудного города, имевшего подлинные изумруды только на башнях, но благодаря обману зрения (зеленым очкам) выглядевшего так, как будто он украшен настоящими изумрудами).

Но игра текстов сказки и философских высказываний И. Канта – «игра разума» – оканчивается победой сказочных героев над своими «комплексами», часто вопреки кантовским рецептам. Ведь веру в самих себя помогло им получить совместное путешествие по дороге, вымощенной желтым кирпичом, дружеская помощь и поддержка, надежда на друзей, самоотверженность, ум и доброта, проявленные в экстремальных ситуациях. «Дорога становится истиной об идущем»[55], как жизнь становится истиной о живущем. И, таким образом, совершенно справедливым представляется следующее высказывание М. Петровского: «Ироническая критика кантовой теории познания стремится напомнить, что, кроме различных точек зрения на мир, существует еще и мир как таковой, а кроме разных мнений человека о себе, существует он сам – думающий, чувствующий, борющийся. Фантастика и реальность поставлены здесь в такие отношения друг к другу, что невероятные сказочные образы и происшествия вынуждены подтвердить фундаментальные законы действительности: физические, психологические, нравственные»[56].

Таким образом, сказочная философия решает не только извечную проблему молодых наций и созвучную ей насущную проблему ребенка, подростка, юноши – о доверии к себе, о вере в себя, но и более широкую проблему познания и самопознания. Видимо, поэтому детская сказка стала популярной не только среди детворы, но и полюбилась даже взрослым.

Родные и близкие поздравляли Александра Мелентьевича с выходом в свет его первой книги. В письме от 14 ноября 1939 г. ссыльный писатель Ефим Пермитин писал: «Поздравляю тебя с выходом в свет первенца, я знаю, как это радостно. Игорек писал мне свое впечатление от «Волшебника»: он прав – детское восприятие свежо и остро. В сказке этой налицо все элементы того общечеловеческого, что пленяет детские души: там есть добрые и злые, там есть природа – вечная и правдивая, звери – чудесный, немного глуповатый лев, а глупость чужая ведь всегда

немножко импонирует – каждому ребенку кажется, что он-то умнее. Короче: сказка талантлива – хорошо, что она наконец появилась»[57].

Много похвал услышал А.М. Волков о своей сказке: что она далека от всяких шаблонов, что она удовлетворяет требованию М. Горького – интересна и детям и взрослым. Положительные отзывы о книге дали А.Н. Толстой, В.Б. Шкловский (он сказал: «Эта книга останется»), М.Я. Ильин, причем последний сказал, что эта книга должна занять место рядом с «Золотым ключиком». Заведующая редакцией Детской энциклопедии Детиздата М. Гумилевская считала сказку прелестной и чрезвычайно глубокомысленной. Один юный читатель назвал свою собачку Тотошкой, а также потребовал, чтобы и его тоже вместо Толи называли Тотошкой, а другой читатель на вопрос, прочитал ли он «Волшебника Изумрудного города», ответил: «Такие книги не откладывают в сторону, пока не прочитают до конца». Вот она – читательская оценка!

О своем наблюдении рассказал А.М. Волкову один из режиссеров студии «Мультфильм»: «Мой экземпляр обошел весь двор. Интересно, что они не играют в героев этой сказки, как, например, играют в Карла Бреннера и т.п. Это они берегут «для души». Какая-то особая нежность не позволяет им выносить свою любовь «на улицу»[58]. Видимо, детское восприятие как тончайший камертон сумело уловить всю сердечную прелесть «человеческой», настоящей дружбы, порой хрупкую незащищенность и беспомощность волшебных героев, нуждающихся в дружеском участии и поддержке, почувствовать их своими добрыми и лучшими друзьями. Эта книга нашла путь к детским сердцам, став любимой для многих тысяч советских мальчишек и девчонок, а для автора это было самой лучшей рецензией на его сказку.

Тонко подметила детское состояние Т.К. Кожевникова: «Помните ли вы сказки своего детства? Помните ли то увлечение, которое заставляло забывать об обеде и об уроках, когда забравшись в уютный уголок, вы переживали удивительные приключения, или, только заглянув в книгу, застывали в самой неудобной позе, не замечая этого неудобства, чтобы не спугнуть странного волнующего чувства: знаешь, что не было, а веришь, что было? И остались ли вы благодарны за это хорошей сказке и сказочнику?

Став взрослыми, мы понимаем, что многие наши добрые чувства родились именно тогда, за этим чтением, что холодной ограниченностью веет от человека, не ведавшего детской радости фантазерства и человечной веры в невозможное. Редкий ребенок обходится без сказки, и чаще всего это оборачивается потом трудно исправимой духовной бедностью.

Уже давно родилась на свет сказка «Волшебник Изумрудного города», написанная Александром Мелентьевичем Волковым. Теперь это уже классика детской литературы, без всякого сомнения, как «Приключения Буратино» А. Толстого или «Аленький цветочек» Аксакова. Это именно одна из тех сказок, от которых светлеют душой и становятся добрее не только дети, но и взрослые»[59].

Необычайный успех сказки предопределил ее выход в 1941 г. в серии «Школьная библиотека» тиражом 177 тыс. экз. Таким образом, в 1939 и 1941 гг. дети всей страны получили 227 тыс. «Волшебников»[60].

Странным диссонансом этим восторженным детским (и взрослым) откликам звучит высказывание писателя Ю. Нагибина, написанный в 1940 г. Как ни странно, это был единственная опубликованная рецензия на сказку в предвоенные годы. Если дети воспринимали сказку как органичное единство реального и волшебного, а ее персонажей как равноценных, «живых» героев, то Ю. Нагибин считал, что в книге нарушается мир привычных представлений ребенка. «Так неожиданно и удивительно пробуждает эта книга у ребенка новую мысль о коварстве,

хитрости и эластичности человеческого сердца. Не надо забывать – книга написана американцем для детей, живущих в среде, где царит жестокая борьба за существование»[61]. Ю. Нагибин увидел в книге беспричинную фантастику, которая уводит ребенка в раздвоенный мир реальности и сказочной романтики и, якобы, лишает сказку ясного вывода. Он писал: «Репутация Баума, американского классика детской литературы, заставляет усомниться, чтобы столь коренные недостатки были присущи его книге «Мудрец из страны Оз», легшей в основу «Волшебника Изумрудного города». Если уж идти на сокращение и переделку, то следовало сохранить основной костяк книги Баума, отбросив ряд побочных сцен, как бы живописны и значительны по объему они ни были. Волков же, очевидно, несколько спрессовал их, отбросив кое-где мотивировки, связующие звенья, от чего пострадал основной смысл книги. В таком виде книга с большим удовольствием прочтется взрослыми, которые сами восполнят недостающее. Но маленький читатель, для которого мир этой книги достоверен, останется неудовлетворенным, у него будет слишком много «почему», на которые он не получит ответа.

Это тем более жалко, что в книге масса чудесных частностей: «Жевуны сняли шляпы и поставили их на землю, чтобы колокольчики своим звоном не мешали им рыдать»; «ворота, украшенные огромными изумрудами, сверкавшими так ярко, что они ослепили даже нарисованные глаза Страшилы». Такие маленькие тонкости можно встретить на каждой странице. Замечательна внимательность автора к персонажам, он никогда не забывает об их основных свойствах: робости льва, жалостливости железного дровосека, мнимой глупости Страшилы, и это позволяет ему вести чудесную игру… Но эти прекрасные частности заставляют только сильнее жалеть о неудаче целого»[62].

Узнав о появлении «весьма ругательной» рецензии, А.М. Волков очень расстроился, а после знакомства с ней написал: «Рецензия обычного типа – начало весьма хорошее, а конец неожиданно плох: оказывается, книга неудачна! Но это никак не вытекает из всего содержания рецензии. Конец этот вытекает из неверного представления рецензента о книге Ф. Баума. Он почему-то решил, что я ее значительно сократил и изъял из нее какие-то нужные вещи. Это, конечно, чепуха («Ерунда и неверный факт», – как говорит Филимон Зубков[63]). Рецензент уверен, что дети этой книги не поймут; я бы посоветовал ему, прежде чем высказывать такое утверждение, поговорить с детьми. В общем «Детская литература», как видно, задалась целью отбить у меня вкус к детской литературе, но это ей не удастся.

Но какая все-таки двуличная редакция! Они все меня уверяли, что книга им страшно нравится. Прочитав рецензию, я сразу успокоился, так как ее обвинения смешны и беспочвенны»[64].

Тем не менее постулирование обязательного наличия в сказке «идеологии», свойственной советскому обществу в конце 1930-х гг., заставляло рецензентов отыскивать в сказке, а также в пьесе для кукольного театра «Волшебник Изумрудного города» явления идеологического характера. Так, редактор издательства «Искусство» Л. Циновский писал: «В сказке, отражающей лучшие традиции сказочного творчества Запада (Андерсен, бр. Гримм), Волков не остается на позициях пассивного информатора, он старается раскрыть и объяснить детям материалистические начала «чудесного» и делает это достаточно тонко и занятно. Страшный, ужасный волшебник Гудвин, принимавший образы чудовища, оказывается самым обыкновенным человеком, добродушным старичком-кукловодом. Что же касается других чудес, то они носят полусимволический характер. Борьба волшебника, в которую в силу обстоятельств втягиваются Элли и ее друзья, является как бы полусимволическим отображением классовой борьбы, происходящей на Западе»[65].

Еще одной иллюстрацией существовавшей идеологической ситуации является отзыв Э.Г. Шпет от 21 сентября 1940 г. на сказку «Рыбка-Финита» А.М. Волкова: «Вещь эта представляется мне в литературном отношении очень интересной. Сюжет ее своеобразен и свеж. Удивляет сочетание элементов чисто приключенческих с элементами социальной сатиры, это сделано занятно и смело. Юмор, пародийность сочетаются с лиризмом и театральностью отдельных эпизодов. Все это, вместе с очень выдержанным стилем языка этой сказки-повести, делает вещь незаурядной. Недостатком ее является то, что чисто приключенческий элемент все же превалирует над идейным содержанием вещи… Если идея вещи уточнится или конкретизируется, сказка может лечь в основу пьесы для детей (для ТЮЗов или кукольных театров) – без этого идейного уточнения работа окажется написанной зазря»[66].

Таким образом, появление немногочисленных официальных рецензий на сказку А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» объяснялось, видимо, сложностью интерпретации американской сказки в духе марксистско-ленинских постулатов, отторгающих значимость простых человеческих ценностей в угоду классовой идеологии. Глубокий философский смысл сказки, выраженный в мотивации героев и способах реализации, рефлексивно воспринимается детьми: для них все понятно в сказке, все ценностно ориентировано и доступно. Сопереживая героям, они становятся рядом с Элли, Страшилой, Железным Дровосеком и проходят вместе с ними опасный путь по дороге, вымощенной желтым кирпичом до Изумрудного города. Дети вживаются в сказку: держат за руку Элли, поднимают упавшего в ямку Страшилу, знают, где лежит масленка Железного Дровосека, гладят по мягкой шерстке непоседливого Тотошку – они становятся друзьями. А это – одно из главных достоинств сказки – быть ребенку другом.

Необходимо также указать на сложность подготовки профессионального критика, особенно в области детской литературы. В связи с этим С.Я. Маршак писал: «Что такое критик по нашим понятиям? Это философ, публицист, литературовед. Он должен сочетать философское мышление с дарованием и темпераментом общественного деятеля, борца, не говоря уже о хорошем вкусе и серьезном знании своего предмета. Но беда в том, что люди, пишущие о детской литературе, зачастую и не философы, и не публицисты, и не литературоведы»[67]. Поэтому понятны эмоции автора после рецензии такого «критика», оттачивавшего свои профессиональные навыки на книжке для детей.

Размышления о нелегком труде критика привели А.М. Волкова к созданию неких шутливо-иронических рекомендаций под названием «План разбора литературных произведений», относящихся еще к 1920 г., в которых он писал: «При разборе литературных произведений прежде всего нужно задаться целью, как можно больше выкопать из него всяких мелочей и деталей и притом таких преимущественно, о которых сам автор и не думал. Главная задача всякого критика в том и заключается, чтобы его разбор был больше разбираемого произведения и содержал в себе как можно больше язвительных замечаний, способных надолго расстроить душевное равновесие автора и отбить у него охоту от такого пустого занятия, как писание какой-то литературы. По мнению критика, всякий автор на всяком ином поприще, кроме литературного, способен сделать неизмеримо больше и по-видимому только какое-то горестное недоразумение отвлекает его от единственно правильного пути, который принесет ему и славу, и покой в смысле избавления от всякой критики…

Изложив общие замечания о критическом искусстве, перейдем теперь к частностям разбора. Начать нужно с заглавия. Несколько ехидных замечаний о полном неуменьи автора ясно представить себе предмет, изображаемый им, удивительно поднимают дух критика и в таковой же степени ослабляют самочувствие автора. Бросив вскользь намек о слабоумии людей,

берущихся не за свое дело, критик с полной уверенностью в необходимости своего ужасного дела начинает разбирать произведение несчастного автора по косточкам и суставам, вытягивает из него все жилы и в конце-концов строит такие безнадежные выводы из всего разобранного им, что несчастный писатель после краткого, но основательного раздумья идет в соседнюю мелочную лавочку, выбирает там тонкую, но прочную веревку и через полчаса уже спокойно висит на чердаке, оставив после себя 1 р. 27 к. на текущем счету в банке и на письменном столе записку следующего содержания: «После того, как известный критик с полной ясностью обнаружил все самые низменные инстинкты моей души, о которых, как я полагал, знаю только я сам, и когда он доказал, что я только обременяю свет своим бесполезным существованием, я счел за нужное избавить сей мир от такого жалкого существа и переселиться, хотя и без законного паспорта, в тот лучший мир, из которого еще никто не возвращался и в котором, как я хотел бы надеяться, нет никакой критики…» Итак, вот главные основания сознательной критики, ведущей к полному уничтожению той бесполезной разновидности людей, которая именуется писателями»[68]. Видимо, написанию этого небольшого текста способствовал издавна сложившийся стереотип профессии литературного критика, который тем не менее оказался живуч во все времена.

А счастливый А.М. Волков раздаривал авторские экземпляры «Волшебника Изумрудного города» родственникам – матери Соломее Петровне, сестре Людмиле и брату Анатолию, друзьям и знакомым[69].

Сразу же после выхода сказки началась усиленная работа по популяризации сказки с Центральным детским театром (с директором Ванеевой), Государственным центральным театром кукол (с С.В. Образцовым и Э.Г. Шпет), Радиокомитетом, 1-м кукольным театром, студией «Мультфильм», Комитетом по делам искусств. Обращаясь в последний, А.М. Волков писал 31 октября 1939 г.: «Предлагаю для детских театров пьесу «Волшебник Изумрудного города» по моей одноименной повести, недавно вышедшей в Детиздате. Основная идея пьесы – это идея дружбы. Четверка друзей, горячо любящих друг друга, борется с препятствиями, преодолевает их совместными усилиями и каждый добивается исполнения своего заветного желания. Вторая тема пьесы – любовь к родине главной героини, девочки Элли. Она попала в чудесную страну, где можно жить легко и беззаботно, но она упорно стремится на родину, так как «нет ничего лучше родины», как говорит Элли. Сценарий пьесы прилагаю. Прошу не разрешать к постановке инсценировок «Волшебника Изумрудного города», сделанных без моего ведома и согласия»[70]. Вслед за этим письмом 17 ноября 1939 г. А.М. Волковым был заключен договор с Управлением театров Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров о написании пьесы для кукольных театров под названием «Волшебник Изумрудного города». Много времени было отдано А.М. Волковым хождению по редакциям, театрам, студиям и т.п., как он шутя говорил, «паломничеству по святым местам» или «хождению по мукам».

Таким образом, 1939 г. можно считать годом вхождения А.М. Волкова в детскую литературу: в сентябре 1939 г. увидела свет сказка «Волшебник Изумрудного города» тиражом в 25 тыс. экз., а в декабре было отпечатано второе издание «Волшебника» тиражом 25 тыс. экз.[71]; в журнале «Пионер» № 1-8 напечатан перевод романа Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака»; напечатаны три статьи в «Пионерской правде» («Суеверный математик», «Умеют ли считать животные», «Есть ли конец счету»); помещены в журнале «Детская литература» две рецензии на книги «Серебро из глины» Б. Могилевского и «Истребитель 2-Z» С. Беляева; литературный заработок выразился в сумме 14 463 р. Эти успехи вселяли А.М. Волкову обоснованные надежды на будущее.

Однако литература была пока для него «вторым хлебом» после основной преподавательской работы. С.Я. Маршак также советовал ему «не бросать профессуры». «Сейчас я разгадываю в его словах глубокий смысл, которого в них, может быть, и не было для самого С.Я. Он, вероятно, думает о материальной стороне, а мне пришло в голову совсем другое. Не обязан ли я в значительной мере своими успехами тому обстоятельству, что представляю собой редкое сочетание математика и писателя?

Надо полагать, что это действительно так. Бросив институт, я перестану быть таким «монстром», а посему... Посему, вывод ясен! Можно будет бросить математику лишь тогда, когда я стану очень крупной величиной в писательском мире»[72]. К этому тексту в 1971 г. писатель прибавил два слова «Мечты, мечты!».

9 января 1940 г. А.М. Волков был приглашен на заседание президиума Союза советских писателей СССР, где известные советские детские писатели и поэты, представители ЦК ВЛКСМ, издательств, московских театров, киностудий (всего 69 человек) обсуждали вопрос о состоянии детской литературы в стране. В выступлениях А.А. Фадеева, С.Я. Маршака, К.И. Чуковского были сформулированы задачи создания полноценной литературы для детей. Президиум Союза советских писателей признал правильной критику работы Союза советских писателей, «Литературной газеты», литературно-художественных и критических журналов в области детской литературы, высказанную на X пленуме ЦК ВЛКСМ, и принял следующие решения: 1) создать при президиуме постоянную комиссию по детской литературе с привлечением к ее работе представителей ученых, педагогов, инженеров, военных работников и поручить комиссии разработку перспективного плана развития детской литературы, который должен включать создание наиболее насущных детских книг (художественных биографий видных деятелей Коммунистической партии, книг о комсомоле, о пионерах, о школе, научно-технических и др.), детских пьес и сценариев детских фильмов; 2) ввести в практику работы президиума ССП РСФСР и правления ССП республик и областей постановку наиболее существенных творческих вопросов детской литературы; 3) считать необходимым введение отделов детской литературы в «Литературной газете», в журналах «Литературный критик», «Литературное обозрение», «Литературная учеба» для освещения вопросов детской литературы; 4) утвердить комиссию по детской литературе в следующем составе: А.А. Фадеев, С.Я. Маршак, К.И. Чуковский, М.Я. Ильин, Б.А. Ивантер, Л.М. Квитко, Л.А. Кассиль, А.Л. Барто, С.В. Михалков, А.П. Гайдар, В.Б. Шкловский, О.В. Перовская, З.Н. Александрова, Е.А. Благинина, К.Г. Паустовский, А.М. Волков, А.С. Щербаков и др. (всего 53 человека). Как видим, возрастающий авторитет начинающего писателя А.М. Волкова, еще даже не принятого в Союз советских писателей, позволил ему занять достойное место среди маститых мастеров слова в детской комиссии. Также решено было привлечь к работе видных ученых и художников (в том числе физиков Капицу, Ландау, историка Минца, ботаника Б.А. Келлера, инженера И.П. Бардина, географа Н.И. Михайлова, биолога Збарского, этнографа Леонтьева, математика Соболева и др.).

Интересную мысль на заседании высказал писатель М.Я. Ильин. По его мнению, специфика создания научно-популярной литературы для детей заключалась в особом изложении научных фактов для детской аудитории. Он заявил: «Детская научная литература должна быть книгой, написанной просто, непринужденно, искренно, с юмором, с воображением, с лирическими отступлениями, с воспоминаниями о виденном и слышанном. Научная книга для детей должна быть художественной»[73]. Следовательно, к создателю детской научно-популярной книжки предъявлялись особые требования: быть не только знатоком научных фактов, но и суметь интересно написать об этом.

Привлечение ученых разных специальностей к работе комиссии по детской литературе принимало разнообразные формы: разработка, консультации по различным темам, рецензирование книг, чтение лекций. Так, академик Е.В. Тарле 15 ноября 1940 г. прочитал доклад об исторической книге для детей среднего и старшего возрастов в Детиздате. «Доклад заключался в разборе нескольких исторических книг, изданных Детиздатом… Он разобрал «Из искры пламя» С. Голубева, «Завоеватели» Вольского и т.д. Даже такую пустую и никчемную книжку, как «Историю одного восстания» Л. Чуковской, Тарле аттестовал как интересный исторический очерк. Вывод: «Эти книги надо переиздавать да переиздавать… Чем создавать новые книги, что трудно и не всегда удается, лучше переиздавать старые…» Прекрасный вывод, что и говорить, в особенности для Детиздата, который и так заслужил славу Переиздата…»[74] Стремление к новой качественной литературе для детей характерно для этого высказывания А.М. Волкова.

В 1939 г. продолжалась работа А.М. Волкова над «Первым воздухоплавателем», окончательный вариант договора на издание которого был заключен 7 мая 1939 г. По совету А.С. Макаренко в июле 1939 г. А.М. Волков переименовал повесть в «Дмитрия Ракитина», а затем название было заменено на «Чудесный шар». С большим нетерпением автор ждал появления этой книги. И, наконец, 17 марта 1940 г. А.М. Волков получил 50 экз. исторической повести «Чудесный шар», которую он называл «своим первым и любимым детищем». Повесть была иллюстрирована рисунками художника В. Милашевского, которые вызывали у А.М. Волкова некоторые возражения. Редактором первой опубликованной исторической повести А.М. Волкова была А.И. Наумова, всемерно содействовавшая «продвижению» повести.

Книга вызвала много положительных откликов. Директор и редакторы Детиздата Г.С. Куклис, Н.И. Наумова, К.Ф. Пискунов и многие другие считали, что повесть А.М. Волкова «Чудесный шар» – это несомненная удача. Откликнулся на ее выход и Е.Н. Пермитин (9 мая 1940 г.): «Я знаю, что такое «первенец», пережил эту радость и не хотел бы омрачать ее тебе, но «Чудесный шар» – добросовестное открытие со стороны «исторических деталей», «запахов эпохи» и т.д. Это тоже его большое неоспоримое достоинство. Ряд персонажей намечен неплохо: Марков, комендант Рукавицын – это тоже очень, очень хорошо. В работе автора над ними не чувствуется усилий: они набросаны метко, они запоминаются, а это так важно. О недостатках не пишу, ты их, наверное, и сам теперь очень хорошо видишь, ведь прошло достаточно времени и ты за это время, бесспорно, вырос. Но говорю тебе искренне: я радуюсь твоему первенцу, счастлив, что он, наконец, увидел свет. Внешне книга выглядит неплохо, напрасно ты недоволен художником. Одним словом, друг мой, начало у тебя неплохое – работай дальше не на количество написанных повестей, не на их «толщину», а на качество. И верь мне, не общие фразы пишу я тебе, ведь я знаю многих моих сверстников: их погубило количество написанных книг и их толщина. Я бы мог тебе назвать десятки фамилий, начиная от Леонида Леонова и Гладкова, кончая сибирским – Афанасием Коптеловым. Не спеши, вынашивай замысел дальше, «пиши сердцем»: это дойдет и останется. Для этого нужна большая творческая взволнованность, а это не накатывает ежедневно: в этом я убежден твердо. Под подчеркнутым мною «это» я понимаю то подлинное, образцы чего нам оставили Толстые, Достоевские, Гоголи, Бальзаки … Перечти их. Передумай и перечувствуй, и даже у них, как масло от воды, отделяются страницы, написанные «головой» и «сердцем» – поэтическим сердцем… (под этим полагаю целый комплекс душевных чувств). Прости, родной, что я пишу тебе все это. Очевидно, я так натосковался по литературе, что рад первому случаю говорить о ней. Верь же мне, что я очень хочу твоего дальнейшего роста»[75].

В 1940 г. были опубликованы две рецензии А. Марьяма[76] и А. Ивича[77] на повесть «Чудесный шар». Отмечая несомненные литературные способности А.М. Волкова и занимательность книги, они укоряли автора в искажении исторического материала и отсутствии исторического мышления. В связи с этим 13 июля 1940 г. А.М. Волков писал: «…в «Детской литературе» мне показали разносную рецензию Марьямова на «Чудечный шар». Недаром они от меня ее скрывали до самого напечатания под разными предлогами… И все время уверяли, что отзыв будет положительный, потому что книга всем нравится. И вот – такой сюрприз! Но зачем было так нагло лгать и изворачиваться? Ведь не мог же я заставить их иметь такое суждение о книге, какое мне угодно.

Написана рецензия (вернее, начало ее) в издевательском тоне: какой-то глупый анекдот о том, что где-то перепутали и налили вместо квасу уксус. Автору рецензии, видите-ли, надо было, чтоб я написал роман о Крякутном: исходя из этого, он опорочивает вещь; совершенно не разбирает ее по существу, на рассматривает характеры, сюжет… Все не стоит обсуждения, потому что т. Марьямову захотелось, чтобы А. Волков написал книгу о Крякутном!

Только в конце он говорит, что книга очень занимательна и прочтется читателем с интересом. Я, конечно, расстроился, прочитав эту рецензию, написанную по методу «оглоблей по голове», хотя и сам сознаю, что напрасно: всегда и со всеми писателями бывали такие вещи и моя книга, я уверен в этом, переживет десяток таких рецензий-эфемер. Надо сказать, что Марьямов ничего не понял в том жанре, каким написана книга, и это лишь свидетельствует о его ограниченности. А.С. Макаренко был ценителем повыше его и ему подобных и дал о книге прекрасный отзыв.

Все же обидно получать такой первый отзыв о своей любимой книге и дня два, очевидно, не смогу работать, пока не «переболею»[78].

Полемизируя с рецензентами, А.М. Волков подчеркивал, что его повесть «Чудесный шар» – художественное произведение, построенное на исторической канве, а не исторический труд, что Дмитрий Ракитин – вымышленный герой, использовавший воздушный шар для своего освобождения, что создание этой книги потребовало детального изучения большого массива исторического материала. По замыслу А.М. Волкова, повесть «Чудесный шар» начинала цикл «XVIII век», в который также должны были войти книги «Царский токарь», «Певец младой, судьбой гонимый…», «Искатели правды», «Бухтарминские насельники», «Мужицкий император».

Один из самых глубоких отзывов на повесть «Чудесный шар» написан И.А. Рахтановым: «Если «Волшебник» в какой-то мере, естественно, был стилизацией (это между строк своего письма отмечал и Маршак), то «Шар» – вещь самостоятельная, волковская, созданная, так сказать, без заокеанского прототипа. Стилистически поэтому она интереснее, свободнее первой. В ней сохранились драгоценные особенности автора: юмор, простота письма, знание читателя, его интересов и запросов, но прибавилось многое такое, чему не было и не могло быть места в первой его книге.

И дело не только в том, что между этими двумя произведениями автор чему-то научился, что-то понял и что следующий его опыт в сравнении с первым действительно следующий. Нет, лишь на собственном материале, таком, каким он владеет в совершенстве, мужает талант писателя. С этой точки зрения «Волшебник» – детство, палочки, с которых начинается обучение письму в школе, в то время как «Шар» уже юность…

Портреты исторических лиц и выдуманных персонажей даны с одинаковой выпуклостью, и нет ничего удивительного в том, что молодой читатель поверил в реальность существования

главного героя – Ракитина Дмитрия Ивановича, первого воздухоплавателя. Трагическая история гения, обогнавшего свое время, сталкивающегося со стеной сановного равнодушия и безнадежно стучавшегося в эту стену, рассказана с такими точными подробностями, с таким безусловным знанием, лучше сказать, чувством истории, что кажется действительно подлинной»[79].

Сохранились и детские отклики на повесть А.М. Волкова «Чудесный шар». Так, восьмиклассник из г. Сочи Виктор Линник, которому повесть «изрядно» понравилась, просил у А.М. Волкова помощи в написании пьесы по сюжету повести. В своем ответе А.М. Волков писал: «Дорогой Витя! Пьесы писать – нелегкое дело; драматургия – самый трудный и ответственный вид литературы… Работа над исторической пьесой требует длительного изучения материалов, которые можно найти только в больших московских и ленинградских библиотеках; нужно проникнуться чувством эпохи, а для тебя это пока недоступно по твоему возрасту и уровню знаний… У тебя, очевидно, есть склонность к драматургии. Напиши сценки из окружающего тебя быта, из школьной жизни. Если они будут хороши, то с успехом пойдут на школьной сцене, может быть даже будут напечатаны. Вот такие твои произведения я прочитаю с удовольствием, дам тебе указания и советы»[80]. Доброжелательность и желание помочь были характерны для отношений автора со своими юными читателями.

Работа над циклом «XVIII век» продолжалась. Над повестью «Царский токарь» (из эпохи Петра I) А.М. Волков начал работать еще в 1939 г., а 7 февраля 1940 г. был подписан с Детиздатом издательский договор (в объеме 10 авторских листов). В 1940 г. для повести «Царский токарь» А.М. Волков тщательно собирал исторический материал. «После лекции поехал в Музей редкой книги. Впервые познакомился с «Арифметикой» Магницкого – любопытная книжица. Читал «Историю Российской коммерции» Чулкова. Как странно видеть на старинных книгах надписи, сделанные рукой людей, кости которых истлели в могилах. Бледные чернильные штрихи надолго пережили тех, кто проводил их дрожащей или уверенной рукой… На одной из книг Чулкова надпись «Куплена сия книга 1808 года генваря 16 числа». Это было тогда, когда Москва еще не видала Наполеона, когда еще не родился Л.Н. Толстой… Чернила чуть выцвели от времени, а ведь столетие с третью прошло над этой надписью»[81].

Подводя итоги 1940 г., можно констатировать, что в этом году были опубликованы: повесть А.М. Волкова «Чудесный шар», статьи «Числовые суеверия», «Математический турнир», «Числовые великаны» в «Пионерской правде», «Мир больших чисел» в журнале «Пионер», приняты 4 статьи для «Календаря школьника», а также кукольная пьеса «Волшебник Изумрудного города» сдана в Комитет по делам искусств (готовилась для постановки в Москве, шла в городах Алма-Ате, Ташкенте и др.) В 1940 г. впервые «Волшебник Изумрудного города» и «Чудесный шар» (два раза) транслировались по радио. Таким образом, литературный заработок в 1940 г. у А.М. Волкова вырос и составил 22 633 р., однако многое из написанного требовало большой доработки, например пьеса «Право на жизнь» (соавтор А.М. Розов), повесть из жизни современных школьников «Алтайские робинзоны»[82], радио-пьеса «Михаил Штифель» (из истории математики), сказки «Об умном трактирщике и глупом бароне», «Китайский гусь», «Приключения кота Марсика», «Лис и барсук».

Говоря о повести «Чудесный шар», А.М. Волков резюмировал: «Итак, третья моя книга. Первая – перевод, вторая – переработка и третья – оригинальная. Это по времени напечатания. А по времени написания они идут как раз в обратном порядке. Теперь с этой книгой, как с диссертацией на звание советского писателя, пойду к Маршаку и Фадееву»[83].

После выхода в свет произведений А.М. Волкова встал вопрос о вступлении его в члены Союза советских писателей СССР. 26 мая 1940 г. А.М. Волков писал С.Я. Маршаку:

«Рассмотрение вопроса о моем принятии в ССП, вероятно, случится не скоро. Я решил подать пока заявление в Литфонд[84]. Там обещают обсудить вопрос сравнительно быстро. Для принятия в члены Литфонда нужны рекомендации двух писателей. Надеюсь, Вы не откажете мне в своей рекомендации. Мои работы Вы знаете: перевод «Необыкновенных приключений экспедиции Барсака» Ж. Верна, «Волшебник Изумрудного города», «Чудесный шар», математические очерки в «Пионерской правде» – это то, что напечатано. Ненапечатанных вещей больше («Рыбка-Финита», «Алтайские робинзоны», «Искатели правды» и т.д.). Вторую рекомендацию даст мне В.Б. Шкловский»[85].

В своем заявлении от 29 мая 1940 г. о принятии в члены Литфонда при ССП СССР А.М. Волков писал: «…Всего мною написано более ста печатных листов; из них напечатано больше тридцати; на тридцать с лишним листов имеются договоры. Основным моим занятием является литература. Я состою в активе писателей при ССП и в 1940 году избран членом Комиссии по детской литературе при президиуме ССП. Мой литературный заработок за последние 12 месяцев: июнь 1939 года – 3 102 р., июль – 195 р., август – 2 123 р., сентябрь – 795 р., октябрь – 311 р., ноябрь – 715 р., декабрь – 0, январь – 9 320 р., февраль – 2 998 р., март – 985 р., апрель – 1 564 р., май – 2 000 р. Средний заработок 2 014 рублей в месяц. Побочным занятием является преподавание математики в Московском институте цветных металлов и золота (нагрузка 6 часов в неделю), которое я намерен оставить в недалеком будущем»[86]. К заявлению были приложены рекомендации С.Я. Маршака и В.Б. Шкловского. Так, в рекомендации от 27 мая 1940 г. С.Я. Маршак отмечал, что книги А.М. Волкова свидетельствуют о его несомненных способностях и серьезном отношении к искусству, а В.Б. Шкловский в своей рекомендации от 25 мая 1940 г. писал, что А.М. Волков является очень способным литератором, и его работа в детской литературе чрезвычайно желательна.

Заявление А.М. Волкова, поданное в правление Литфонда 31 мая 1940 г., было рассмотрено на заседании приемной комиссии Литфонда 12 июля 1940 г., но решения принято не было.

В связи с задержкой решения вопроса о вступлении в Союз советских писателей СССР А.М. Волков писал секретарю президиума ССП СССР А.А. Фадееву 24 октября 1940 г.: «При личной встрече со мной 9 января этого года Вы сказали мне: «Если бы вы знали, сколько раз мы с Маршаком разговаривали о вас, когда беседовали о детской литературе…» Эти Ваши слова дают мне смелость напомнить Вам о себе и просить Вашей поддержки. Еще 31 марта я подал заявление о приеме в ССП, но до сих пор оно не рассмотрено. Прием в Союз писателей дал бы мне моральную поддержку, уверенность в своих силах и некоторые удобства в работе, отсутствие которых приходится ощущать довольно болезненно (даже такая вещь, как невозможность достать бумаги, очень мешает). Летом я подал заявление в Литфонд, приемная комиссия мою кандидатуру одобрила, и было вынесено решение рекомендовать меня в ССП, но, к моему несчастью, началась реорганизация Литфонда, и постановление приемной комиссии уже не попало на утверждение правления.

Дорогой Алекс. Алекс., я очень прошу Вас ускорить рассмотрение моего дела; ведь я имею немалый стаж писательской работы (пишу с 19 лет) и порядочную продукцию (мне не приходится говорить о ее качестве, но по количеству они составляют около 100 печ. листов, из которых напечано до 35 л. и около 20 – договорные рукописи, уже сданные в издательства)»[87].

Ускорению этого процесса способствовали и данные А.М. Волкову рекомендации. Так, М. Ильин (И.Я. Маршак) 27 января 1941 г. писал: «В произведениях А.М. Волкова мы находим хороший и простой язык, интересную фабулу, четко очерченные образы героев. Книги т. Волкова пользуются любовью наших детей. «Волшебник Изумрудного города» выдержал за год с

небольшим три издания. Тов. Волков обладает незаурядными литературными способностями, а также большими знаниями в области математических наук. Такое сочетание дает все основания полагать, что тов. Волков будет с успехом работать над созданием научно-художественной книги для детей»[88].

Наконец 27 января 1941 г. А.М. Волков был приглашен на заседание президиума Союза советских писателей по поводу его приема в члены Союза. «Вот он – пришел большой день моей жизни! К 8 часам приехал в ССП. Заседание уже шло, но по другим вопросам. Нас, принимаемых, пригласили в «зал заседаний» в 8–45. Ввалились всей оравой в маленький зал – человек сорок с лишним, принимаемые и поручители, и сразу наполнили его шумом, кашлем, разговорами. Многим не хватило стульев, они стояли на ногах у дверей.

К своему большому удовольствию, я заметил среди членов правления Маршака. Я подошел к нему, спросил, будет ли он за меня говорить, и получил утвердительный ответ. Сел я недалеко от президиума и вскоре получил от Маршака записку, где он просил написать ему список моих произведений; я это сделал.

До моего дела было рассмотрено четыре: Н.Н. Гусева, С. Мицкевича («Револ. Москва»), Большакова («В чаду костров» – роман из жизни ненцев), Вейсмана (киносценарист). Затем Фадеев сказал: «Т. Волков, детский писатель…». «Здесь», – откликнулся я для формы. «Т. Волкова, наверно, могут рекомендовать многие присутствующие здесь… Но… Маршак, вы будете первый?» «Да!» – ответил Маршак – «Т. Волков пришел к нам во время горьковского призыва знающих людей в литературу. Т. Волков – педагог, работал в сельской школе, в средней, теперь работает во втузах. Он – математик. Первую его рукопись прочитал 6–7 лет назад (Милый С.Я! Солгал ли он по своей вечной рассеянности или из похвального желания увеличить мой писательский стаж – кто знает?). Это «Волшебник Изумрудного острова» (удивительно он настойчив в своих ошибках!). Рукопись эта пролежала в редакции два или три года, но затем за короткий срок выдержала три издания. Книга эта удивила даже профессиональных литераторов: в ней есть грация (были еще какие-то похвалы, но я их не запомнил; не знаю также, что он говорил о «Чудесном шаре»; какой-то чудак, сидевший рядом со мной, кстати, член правления, узнав, что я математик, подсунул мне бумажку с уравнением $x^3+y^3=z^3$ и начал расспрашивать, кто им занимался. У меня не хватило мужества отмахнуться от этого неуместного вопроса и разговор меня на минуту отвлек от выступления Маршака. Пробудил меня вопрос его: «Как называется роман Ж. Верна, который вы перевели?» Я ответил. «У т. Волкова имеется много ненапечатанных рукописей. Надо его принять в члены ССП, т.к. это весьма серьезный, талантливый писатель».

Шкловский: «Волков – это большой детский писатель. «Волшебник Изумрудного города» – это книга с большой выдумкой, изобретательностью. Там очень яркие, интересные типы, есть прекрасные находки. «Чудесный шар» – интересная книга; по поводу сюжета мы с автором спорили, но, во всяком случае, в этой книге много интересной выдумки. Я рекомендую Волкова в члены ССП».

Фадеев: «Я тоже скажу несколько слов. Все те, у кого есть дети, знают Волкова (в зале оживленное движение). Да его книги читают не только дети, но и взрослые с удовольствием. «Чудесный шар» – это очень увлекательная книга. Т. Волков – хороший писатель…

Да, есть рекомендация Ильина – письменная. Он болен, не мог придти. Будем голосовать. Кто «за»? (Руки всех членов правления поднимаются). Против? Нет. Воздержавшихся? Нет. Т. Волков принят в члены ССП».

Я подошел к столу, пожал руку Фадеева. «Спасибо, Александр Александрович! Доверие оправдаю, постараюсь написать новые хорошие книги!» (В зале легкий смех и я, радостный, про-

шел через расступившуюся передо мной толпу у входа). Итак, Рубикон перейден, взята еще одна крепость!»[89]

Принятию А.М. Волкова искренно радовался его друг, писатель Ефим Пермитин, находившийся в ссылке в г. Павлодаре. В письме от 4 февраля 1941 г. он писал: «Дорогой друг! Горячо и сердечно поздравляю тебя. Желаю с честью нести славное звание советского писателя. Честно и гордо. Я так понимаю твою радость, так ярко представил себе тебя вернувшегося домой ночью после заседания президиума, на котором тебя приняли в ряды Союза. Так читаю, что творилось в твоей душе. Еще раз поздравляю и желаю большой и радостной работы на почетнейшем поприще.

Излишне говорить тебе сейчас о трудностях этого пути, если идти по нему без покровителей и покровительниц, идти честно и гордо. На своей шкуре я прочувствовал это. И не желаю тебе испытаний, выпавших на мою долю. Я, тем не менее, снова и снова, скажу тебе: бери большой любовью, огромным трудом и честностью. Время не обманешь призрачным минутным успехом. Ты знаешь, как преуспевали в разные эпохи дутые мыльные пузыри литературы и как бесследно лопались они под давлением леты. Только талант, труд и огромная фанатическая бескорыстная любовь к литературе Достоевских, Пушкиных, Короленко, Горьких выковала этих титанов. Следуй честным традициям русской литературы. Без тошноты я не могу думать о легионе окололитературной сволочи, пролезающих в литературу через заднее крыльцо, по телефонным звонкам и письмам: мерзко и гадко. Работай и дальше честно»[90].

Вскоре после этого, 30 января 1941 г., А.М. Волков как члена ССП СССР был принят в члены Литфонда, а 14 апреля 1941 г. – в члены Московского клуба писателей.

Последнее перед войной совещание по детской литературе при ЦК ВЛКСМ, состоявшееся 24–25 января 1941 г., обсудило вопросы о книгах по трудовому (доклад В.Б. Шкловского) и военно-физическому воспитанию детей (доклад В.А. Ивантера). Надвигавшаяся военная угроза требовала книг о военной технике, о применении точных наук в военном деле. А.М. Волков как профессиональный математик, придававший большое значение математическому просвещению детей и юношества, понимал своевременность подобной тематики (он начал свою деятельность в этой области с небольших статеек в детских изданиях – газете «Пионерская правда», журнале «Пионер», Детской энциклопедии и «Детском календаре»). В заявке от 19 февраля 1941 г. в Детиздат ЦК ВЛКСМ и в Комиссию по детской литературе он писал: «Я предлагаю написать две книги «История математики» и «Математика вокруг». В советской научно-популярной литературе нет ни одной книги по истории математики. Математика в школе является одним из главнейших предметов, от хорошего знания математики зависит успешное усвоение всех технических дисциплин. Многолетним преподавательским опытом я убедился, что экскурсы в область математики значительно повышают у учащихся интерес к математике, делают ее более живой и близкой. Но советская и даже дореволюционная литература не могут удовлетворить потребности человека, который захотел бы познакомится с историей математики. До революции появилось всего 5–6 книг, да и те стали теперь библиографической редкостью. Так важнейший пробел в области научно-популярной литературы остается до сих пор незаполненным. Уже с 1939 г. я веду с Детиздатом переговоры о написании «Истории математики», но, к сожалению, безуспешно. История математики стоит в тесной связи с общей историей культуры человечества, и эта связь найдет отражение в моей книге. Книга будет написана в живой и увлекательной форме, с большим количеством иллюстраций из старинных книг по математике и других первоисточников. Значительная часть проектируемой книги уже сделана. Вторая часть – «Математика вокруг» будет включать следующие разделы: «Математика в военном деле»

(математика и артиллерия, математика и авиация, математика и кораблевождение, съемка планов, математика и цифры и т.д.), «Математика в строительном деле» (от пирамид до Дворца Советов), «Математика на железной дороге», «Математика и радио», «Математика в шахте», «Математика и сельское хозяйство», «Как росла вселенная» (математика на службе у астрономии). Книга имеет целью показать могущество и разнообразие методов математики, ее колоссальное значение для человека. Читатель должен почувствовать, что математика – огромная интересная страна, путешествуя по которой натыкаешься на удивительные неожиданности и открываешь поразительные возможности. В ней еще много тайн и загадок, много запретных уголков, куда человек еще не сумел пробраться. На исследование этой чудесной страны нужно положить еще много сил, в ней найдется работа для многих отважных исследователей математических закономерностей природы»[91].

Наряду с книгами по математике в марте 1941 г. А.М. Волков предлагал комиссии по научно-популярной книге Детиздата книги и темы для книг по астрономии «Происхождение Земли», «Есть ли жизнь на планетах?», «Междупланетные путешествия», «Через Вселенную на световом луче», «Биографии великих астрономов» (Птоломей, Коперник, Дж. Бруно, Галилей, Кеплер, Ньютон и др.), «Астрономия в повседневной жизни человека» (времяисчисление, картография и т.д.)[92].

В марте 1941 г. Детиздатом была принята заявка на книгу «Математика в военном деле» (в объеме 4 печ. л.). Предвоенной весной А.М. Волков усиленно работал над этой книгой. В апреле-мае 1941 г. им были написаны следующие статьи: «Что такое калибр?», «Апполоний устанавливает траекторию снаряда», «Тир на Луне», «Пушка, гаубица, мортира», «Жюль-Верновские пушки», «Огнестрельный бой на дне океана», «Парашютизм», «Магнитный компас и его штучки», «Радиопеленгация» и др., а уже в начале июня книга под названием «Бойцы-невидимки» была сдана в Детиздат редактору А.Н. Абрамову[93].

После работы над пьесой «Волшебник Изумрудного города» и написания новых сцен и новых диалогов А.М. Волков решил значительно переработать саму книгу. «Ввести целый ряд диалогов, пользуясь пьесой, ярче оттенить беспокойный и напористый характер Страшилы, сентиментальность Дровосека. Образцом диалогов может послужить «Алиса в стране чудес». Наполнить книгу стихами и песенками, добавить ряд приключений. Книгу довести объемом листов до 7»[94]. Так драматургия подсказала пути дальнейшей литературной переработки книги, которая была осуществлена почти через 20 лет.

Таким образом, период литературной и драматургической деятельности А.М. Волкова в 1935–1941 гг. характеризовался укреплением положения «новоиспеченного» члена Союза писателей СССР посредством выхода трех изданий сказки «Волшебник Изумрудного города» общим тиражом 227 тыс. экз.[95], исторической повести «Чудесный шар» тиражом 25 тыс. экз., переводного романа Ж. Верна «Необычайные приключения экспедиции Барсака» в журнале «Пионер», тираж которого составил 90 тыс. экз., многочисленных математических статей, создания пьесы «Волшебник Изумрудного города» для кукольного театра (сотрудничество с художественным руководителем Московского областного театра кукол В.А. Швембергером)[96] и радиопьес по вышедшим книгам (так, договор на написание радио-пьесы по мотивам исторической повести «Чудесный шар» с Всесоюзным комитетом по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (отдел детского вещания) был подписан 2 июня 1940 г.). Его книги радовали читателей, их знали, искали, читали.

Помимо этого в начале июня 1941 г. в Детиздат были сданы А.М. Волковым сборник статей «Бойцы-невидимки» (математика в военном деле) и повесть «Царский токарь». Последняя по-

лучила положительный отзыв профессора I МГУ К.В. Базилевича, который при встрече в ноябре 1940 г. говорил А.М. Волкову: «Ваша книга мне очень понравилась, очень легко и хорошо написана. Она захватывает читателя; мой сын, ученик 8 класса, прочитал ее, не отрываясь». Далее А.М. Волков вспоминал: «Он говорил о фигуре Петра и о целесообразности казни Алексея. В отношении Толстого и Румянцева можно говорить не о предательстве, а об обмане и хитрости. Петр же, казня Алексея, без сомнения, переживал сильную внутреннюю драму. Предание суду вельмож и чиновников – мудрая мера. Фигура Петра, по его мнению, мне в основном удалась, так же как и фигура Алексея. Второстепенные лица тоже удачны. Поп Акинфий и Илья Костров показывают в романе, как Петр силой своего гения, размахом притягивал к себе своих противников, превращал их в своих сторонников. Заглавие лучше дать «Великий перелом», это будет больше соответствовать характеру книги. Основание Санкт-Петербурга лучше дать по официальной версии, т.е. 16 мая 1703 года. Конец Булавина показать более ярко, он – героическая фигура, и надо это оттенить. Астраханский бунт в интересах цельности лучше дать подряд, а не разбивать на два или три куска. В заключение он еще раз сказал, что считает книгу очень удачной»[97].

Занимаясь любимым делом, Александр Мелентьевич не жалел ни времени, ни сил. Стиль его работы характеризуется многоплановостью: одновременно он умел работать над несколькими вещами – детской сказкой, математическими статьями, исторической повестью, современной пьесой – и все это делалось параллельно и не в ущерб друг другу. «Целый день прекрасно и очень плодотворно работал. Написал целый ряд статей… Работа увлекает», – писал он в дневнике[98]. Часто работал, по его словам, как каторжный по 15 ч, не вставая со стула, до 2–3 ч ночи. Впоследствии он сам удивлялся, как все это успевал. «Сегодня проделал огромную работу. До обеда написал две главы, V и VI, а вечером перепечатал IV, V, VI главы – 19 страниц на машинке. Меня теперь вдохновляют такие примеры, как пример Чайковского, который, оказывается, создал «Пиковую даму» в 44 дня»[99].

Для достижения вершин литературного мастерства А.М. Волков пересматривал свои методы работы: «…нужно совершенно изменить метод работы… Я слишком легко отношусь к фразе и беру то, что первое придет в голову, а это первое – часто чужие, готовые, залежавшиеся в голове штампы»[100]. Критическая самооценка, стремление к совершенствованию навыков, уважение к слову были неотъемлемой составляющей творческих удач А.М. Волкова.

Другим подспорьем успешного творчества была его семья. 30 июля 1940 г. чета Волковых скромно отмечала 25-летний юбилей совместной жизни – «серебряную свадьбу». В связи с этим А.М. Волков писал в дневнике: «Двадцать пять лет счастливой жизни с моей дорогой Галюсей, моим ангелом-хранителем. Никаких официальных торжеств, ни гостей; мы даже никому не сказали об этом дне и только наедине поздравили друг друга и выразили один другому свои чувства и пожелания»[101]. А через год, 15 июня 1941 г., исполнилось 50 лет Александру Мелентьевичу. «Сегодня мой пятидесятилетний юбилей. Прожито полсотни лет. Не верится. В применении ко мне эти слова о юбилее кажутся какой-то нелепостью. Я чувствую себя так же, как чувствовал десять и двадцать лет назад, во мне масса энергии и мне все кажется, что у меня все впереди. Нет, я не сдаюсь, не хочу поддаться бремени прожитых годов. Есть еще порох в пороховнице, не иссякла казацкая сила!

Жизнь не слишком баловала меня, но она закалила мои силы, дала мне терпение и упорство, способность выжидать и бороться. Литературная работа не слишком хорошо кормит – отступаю в другую сторону. Вчера договорился с В.И. Шумиловым о том, что беру на этот год в институте полную нагрузку, а осенью, может быть, напишу кандидатскую диссертацию. Это будет

мне немного стоить, а зато жалованье и пенсия на ⅔ обеспечат мою семью. Нет, меня не так легко «взять за зебры», мы еще повоюем! Через пять лет страна будет хорошо знать мое имя и на этом я ставлю точку. (Приписка 1976 г.: «Не слишком ли большая самоуверенность?»)»[102].

Библиографические ссылки и примечания

1 Горький М. Литературу – детям // Горький М. О детской литературе. Статьи, высказывания, письма. М., 1968. С. 112–113.

2 На вопросы – кем вы хотите быть и какие книги вы хотели бы прочесть – А.М. Горький получил более 5 000 детских и взрослых писем.

3 Горький М. О темах // Горький М. О детской литературе. С. 126.

4 Содоклад С.Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. (Стенографический отчет). М., 1990. С. 23, 38.

5 Архив А.М. Волкова. Первые шаги в большую литературу. 1931–1938 гг. Л. 9–10.

6 Там же. Л. 17–18.

7 Первое совещание о детской литературе при ЦК ВЛКСМ // Правда. 1936. 29 янв.

8 Маршак С.Я. Мертвые и живые книги // Правда. 1936. 20 янв.

9 Архив А.М. Волкова. Первые шаги в большую литературу. Л. 19–20.

10 Максимова Надежда Александровна, редактор Детиздата, в 1960-х гг. – директор Дома детской книги Детгиза. «Это был мой первый редактор, и по первой моей книге у нас с ней было мало разногласий. Помню, на первых страницах рукописи были заметки и поправки, а дальше по 10 страниц подряд и более шли без единой помарки» // Архив А.М. Волкова. Первые шаги в большую литературу. Л. 21.

11 Архив А.М. Волкова Первые шаги в большую литературу. Л. 22.

12 Музей истории ТГПУ. О.Ф. 191/8.

13 Архив А.М. Волкова. Первые шаги в большую литературу. Л. 23.

14 Там же.

15 Цит. по кн.: Петровский М. Книги нашего детства. М., 1986. С. 261.

16 Цит. по кн.: Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. М., 1966. С. 53–54.

17 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1. 1921–1940 гг.

18 Там же.

19 Там же.

20 Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. С. 60.

21 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 10. Дек. 1963 – апр. 1964 гг. Своими воспоминаниями об А.С. Макаренко А.М. Волков поделился с Н.А. Морозовой, автором исследований о творчестве А.С. Макаренко «Воспоминания о А.С. Макаренко» (1960), «А.С. Макаренко. Семинарист» (1961), «Жизнь и творчество А.С. Макаренко. Выставка в школе» (1963).

22 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.

23 Там же.

24 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 65.

25 Архив А.М. Волкова. Первые шаги в большую литературу. Л. 36.

26 Однако М. Петровский в издании «Книги нашего детства» при цитировании этой фразы опустил ее часть – «…на фоне общей серости нашей литературы…». М., 1986. С. 262.

27 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.

28 Архив А.М. Волкова. Первые шаги в большую литературу. Л. 38–40.

29 Архив А.М. Волкова. Дневник. 14 апр. 1938 г. – 30 апр. 1940 г. Кн. 1. Л. 8–9.

30 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 18.

31 Там же. Л. 40.

32 М.Л. Мейерович – редактор редакции младшего возраста Детиздата, затем журнала «Смена».

33 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 12.

34 Там же. Л. 34.

35 Розов Анатолий Михайлович, артист и режиссер, начинающий писатель, умер в 1941г.

36 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 59.

37 Л. Лагин, автор «Старика Хоттабыча», отказался принять «Рыбку-Финиту». «Мотивировка: не выдержан стиль, язык псевдонародный, нет «гражданской идеи»: сказка побуждает сочувствие к купцам, а купцы были плохие. Мотивировка умная, что и говорить!» // Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 66.

38 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 53.

39 Там же. Л. 101.

40 Там же. Л. 75–77.

41 Там же. Л. 106.

42 Куклис Григорий Самойлович – заместитель директора Детиздата в конце 1930-х гг.

43 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 107.

44 Там же. Л. 108.

45 Там же.

46 Петровский М. Книги нашего детства. М., 1986. С. 251.

47 Там же. С. 253–254.

48 Бегак Б. Правда сказки. М., 1989. С. 67.

49 Петровский М. Книги нашего детства. С. 255.

50 Етоев А. Строитель Изумрудного города // 7 дней (Усть-Каменогорск). 2001. 28 сент.

51 Бегак Б. Правда сказки. С. 66.

52 Цит. по кн.: Петровский М. Книги нашего детства. С. 232.

53 Там же. С. 236.

54 Там же. С. 241.

55 Там же. С. 240.

56 Там же. С. 248.

57 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.

58 Волков А.М. Дневник. Кн. 1. Л. 186.

59 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18. Апр. – сент. 1968 г.

60 Издания предвоенных лет ныне являются раритетами. Эти книги 1939 и 1941 гг. имеются в экспозиции детского музея «Волшебная страна» имени А.М. Волкова в Томском государственном педагогическом университете.

61 Нагибин Ю. Рец. на кн.: Волков А.М. Волшебник Изумрудного города // Детская литература. 1940. № 6. С. 60.

62 Там же. С. 61.

63 Персонаж повести А.М. Волкова «Алтайские робинзоны».

64 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 2. (с 1 мая 1940 г. по 5 марта 1941 г.). Л. 48.

65 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.

66 Там же.

67 Маршак С.Я. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 128.

68 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Том дополнительный. 1918–1960 гг.

[69] Всего было подарено 39 книг.

[70] Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.

[71] Второе издание было результатом издательской ошибки: было напечатано 25 тыс. экз. лишних обложек и форзацев, поэтому тираж был допечатан, но для детей это было подарком.

[72] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 170–171.

[73] В Союзе советских писателей // Комсомольская правда. 1940. 12 янв.

[74] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 2. Л. 105–106.

[75] Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.

[76] Марьям А. Рец. на кн.: Волков А. Чудесный шар // Детская литература. 1940. № 5. С. 51–53.

[77] Ивич А. Рец. на кн.: Волков А. Чудесный шар // Литературное обозрение. 1940. № 13. С. 11–14.

[78] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 2. Л. 35–37.

[79] Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. М., 1966. С. 55–58.

[80] Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2. 1941–1946 гг.

[81] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 2. Л. 78.

[82] Книга не была опубликована, за исключением отрывка о рыболовных подвигах Пети Арбузова (сборник «Юный рыболов», выпущенный издательством «Физкультура и спорт»).

[83] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 1. Л. 175.

[84] В ведении Союза писателей СССР находится Литературный фонд СССР, в функции которого входит содействие творческой работе писателей путем оказания материальной, лечебной и культурно-бытовой помощи. Средства фонда складываются из отчислений издательств, театрально-зрелищных предприятий, членских взносов и др.

[85] Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.

[86] Там же.

[87] Там же.

[88] Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

[89] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 2. Л. 134–138.

[90] Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

[91] Там же.

[92] По этой заявке сделаны книги «Бойцы-невидимки» (1942) и «Земля и небо» (1957).

[93] «Абрамов – взыскательный редактор, и если книга ему понравилась, это значит, она вышла» // Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 3 (с 6 марта 1941 г. по 3 декабря 1941 г.). Л. 57.

[94] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 3. Л. 25.

[95] Третий выпуск «Волшебника Изумрудного города» вышел в начале января 1941 г. тиражом 177 тыс. экз. Авторский экземпляр А.М. Волков получил 6 января 1941 г.

[96] Пьеса А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» была рекомендована Комитетом по делам искусств в 1940–1941 гг. Молдавскому кукольному театру, Киевскому кукольному театру (режиссеру Георгию Павловичу Сороке) и Тбилисскому театру кукол.

[97] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 2. Л. 112–113.

[98] Там же. Кн. 3. Л. 26–27.

[99] Там же. Кн. 2. Л. 11–12.

[100] Там же. Кн. 1. Л. 111.

[101] Там же. Кн. 2. Л. 52.

[102] Там же. Кн. 3. Л. 51–52.

Глава 8
Литературная деятельность А.М. Волкова в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

8.1. Эвакуация

Приближалось 22 июня 1941 г. Ни преподавательская работа доцента кафедры высшей математики Института цветных металлов и золота, ни интенсивная литературная деятельность не могли заслонить для А.М. Волкова тревогу надвигавшегося пожара войны. «Грозный и решительный день! Германия напала на СССР без объявления войны… Мы ничего не подозревали часов до 11½; потом Боря сказал, что он слышал передачу из Германии (на английском языке), в которой сообщалось, что Германия минировала Балтийское и Черное моря в ответ на то, что СССР собрал войска на западной границе. В воздухе сразу запахло порохом, и когда через несколько минут Галюська прибежала и сказала, что будет по радио выступать Молотов, то почти не осталось никаких сомнений о том, что происходит.

И вот в 12 ч 15 мин 22 июня 1941 года прозвучали первые слова Вячеслава Михайловича: «Сегодня в 4 часа утра германские самолеты перелетели на советскую территорию…» Проклятые фашисты! И во все время мира с ними я ничего не питал к ним, кроме ненависти… Гитлер узнает судьбу Наполеона, но война будет жестока и ужасна. В какое тревожное и ответственное время мы живем…»[1] Началась мобилизация. Более 1 000 советских писателей добровольно ушли на фронт (из них 417 погибли).

В Институте цветных металлов и золота были отменены отпуска, срочно принимались экзамены. 2 июля А.М. Волков записался в народное ополчение, но через несколько дней в парткоме ему сказали, что его оставляют: «Пишите, это ценнее». Затем он обратился в газету «Известия» с предложением отправить его корреспондентом на фронт, но ему вновь было отказано. Линия фронта все ближе и ближе подходила к Москве, и даже на даче под Москвой, где каждое лето жили Волковы, было опасно. «В ночь на 23 опять была бомбардировка – нас разбудил сильный разрыв в 1 ч 20 мин ночи в 2–3 км от нас. Все вскочили, одели ребят и до 3 ч стояли на террасе. Часа в 2½ еще был второй сильный взрыв, тоже неподалеку. В ночь на 24 вновь была тревога; слышен был огонь заградительной артиллерии…»[2] 27 июля была сильная бомбардировка Москвы. В институте А.М. Волков дежурил в составе унитарной команды (звено связи), а 11 августа уже начались учебные занятия в вузе. Сначала Волковы решили не эвакуироваться, остаться жить на даче под Москвой. Там глава семьи сделал небольшое бомбоубежище рядом с дачей, где семья пряталась во время воздушных тревог. Однако неутешительные известия о положении на фронте, а также все усиливающиеся бомбежки Москвы заставили их упаковать все вещи (часть книг и рукописей была зарыта под дачей – все это пропало во время войны), перевезти на московскую квартиру и искать возможности покинуть Москву.

В сентябре 1941 г. А.М. Волков как член Союза писателей СССР получил командировочное удостоверение, где говорилось, что он с семьей (жена и 2 детей) командируется в г. Алма-Ату для работы в Казахском отделении ССП, однако этим документом ему воспользоваться не уда-

лось, хотя часть известных литераторов уехала из Москвы в г. Алма-Ату еще до начала общей эвакуации (в том числе С.Я. Маршак). Не удалось семье Волковых эвакуироваться и с Институтом цветных металлов и золота: как раз болел сын Вива.

В середине октября всему партийному и советскому активу было приказано уходить из Москвы пешком: и десятки тысяч людей ушли, в том числе из Института цветных металлов и золота ушло около 150 человек. «В ночь на 16 октября произошли поразительные события, которые, быть может, только через десятки лет будут описаны беспристрастными историками. В Москве произошла дикая паника, беспримерная в истории СССР. Сбежали тысячи руководителей советских учреждений, директора фабрик, заводов, парткомы и райкомы. Многие захватывали казенные машины, взламывали гаражи, похищали огромные суммы денег, делили их между собой. Они распустили стихию рабочих, дикую необузданную массу недавних пришельцев из деревни, которые не успели еще проникнуться пролетарским самосознанием. Был брошен лозунг: «Бери, хватай все, что можешь! Все равно немцы не сегодня-завтра будут в Москве!» И потащили… Разграбили мясокомбинат, тащили окорока, огромные круги колбасы. Разбили обувную фабрику «Парижская Коммуна», студию «Мосфильма», где люди надевали на себя по несколько костюмов. Разграбили Серпуховский универмаг… Словом, всего невозможно перечислить! Почти все фабрики и заводы закрылись, рабочих рассчитали и выдали им рюкзаки: «Идите пешком, немец близко!» Картина ужасающего развала, анархии и полной моральной безответственности. Вот так руководители! Но многих из них поймали на дорогах и расстреляли, а потом уже и власти начали наводить порядок. Говорят, между Сталиным, с одной стороны, и Молотовым и Ворошиловым – с другой идут разногласия. Молотов и Ворошилов за то, чтобы оставить Москву без боя, а Сталин за то, чтобы взорвать мосты, водопровод, электростанции и т.п. Словом, картина потрясающая, паника всеобщая»[3]. 19 октября 1941 г. в Москве было введено осадное положение со всеми вытекающими последствиями, в частности, мародеров приказано было расстреливать на месте.

Только благодаря настойчивости и требовательности группы писателей и драматургов, куда вошли А.Г. Глебов, А.М. Волков, Эфрос, Ляшко, Н.П. Дмитриев, Б.К. Ковынев, В.П. Ставский и др., удалось через заместителя председателя СНК СССР Н.А. Косыгина получить 21 октября 1941 г. четыре теплушки для Союза советских писателей с направлением на г. Ташкент. «Великая война катит перед собой миллионы людей, выброшенных из привычной колеи, из обжитых десятилетиями уютных квартир – бросает их в неизвестность, в темное и страшное будущее… В бесчисленных эшелонах, забивших железнодорожные пути, копошатся они, как муравьи, стоят в очередях у степных колодцев, ссорятся, отбивая друг у друга кусок брынзы, принесенный к поезду оборванной бабой, растаскивают щиты, предохраняющие путь от снеговых заносов… Для нас все это осталось позади. Мы благополучно оставили за собой страшный крестный путь, мы пережили тысячи волнений, связанных с устройством в Алма-Ата, преодолели всяческие рогатки, поставленные перед нами «власть предержащими» и теперь мы опять в «своей комнате», снова начинаем вить свое гнездо. Такова уж природа человека. Самое главное – все мы вместе, есть у нас одежда, обувь, есть деньги на первое время и есть, что продавать. В общем, живем!»[4]

Позднее, 1 января 1942 г., в письме из г. Алма-Аты А.М. Волков более подробно писал эвакуированной в г. Томск в составе Комитета по делам искусств Н.В. Немченко: «Я со своей семьей уехал из Москвы 21 октября. Эвакуировался с писательской организацией; правда, когда я явился в ССП, там уже не было правления и почти все «Ведущие» писатели уехали[5]. Нас собралось несколько человек (Глебов, Эфрос и др.), мы организовали эвакуационную комиссию, на-

чали ходатайствовать перед СНК и получили 4 вагона до Ташкента. Ехали в теплушках 25 суток, помучились изрядно, но все же доехали благополучно. Дорогой я решил изменить свой маршрут и направился в Алма-Ата по ряду соображений (мой институт эвакуировался в Алма-Ата и я рассчитывал иметь там работу). Вышло не совсем по моим расчетам – институт слился с другим, и я остался без работы. Но все же мне удалось здесь прописаться и найти комнату – хотя все это стоило очень больших хлопот. И бытовые условия оказались лучше, чем я мог рассчитывать – можно жить, питаться (довольно неплохо) и работать.

Я приехал сюда 14 ноября, а Вам пишу в день Нового года. Времени прошло много, но 20 дней ушли на организационные дела, а затем я включился в работу для здешнего радиокомитета. Они меня знали и раньше, еще до войны ставили здесь инсценировки по моим вещам «Волшебник Изумрудного города» и «Чудесный шар». Я работаю сейчас над циклом оборонных радиопьес под общим названием «Тыл и фронт». Первая из них передавалась 30 декабря, а остальные пойдут одна за другой с небольшими промежутками. Работа напряженная и времени свободного нет.

В Москве и здесь я написал ряд стихотворений – преимущественно песен, на некоторые из них уже написана музыка композиторами Гершфельдом и Сандлером… Пишите, что еще Вам сейчас желательно иметь – очевидно, небольшие пьески для эстрады, для фронтовых кукольных театров и т.п. Жду Вашего письма. Черкните, как там у вас в Томске? Наверное, трещат морозы, на улицах сугробы снега… А здесь под Новый год на мостовой лужи и греет солнышко. Зима очень теплая. С продуктами здесь туговато, но тоже, вероятно, много лучше, чем в Томске. Здесь колхозники продают сахар на возах по 14–15 р. кг и можно, при желании, запасти его пудами. Плохо только с жирами – с салом, маслом, но в районах можно доставать. Словом, жить здесь можно… Очень радуют наши успехи на фронтах. Надеюсь, что скоро не будет в СССР проклятых фашистов и мы с Вами снова будем работать в любимой Москве»[6].

Отсутствие преподавательской работы побудило А.М. Волкова откликнуться на предложение радиокомитета г. Алма-Аты о сотрудничестве, и уже в декабре 1941 г. им были написаны стихотворения «Походная комсомольская», «Красная Армия», «Прощанье бойца», две песни тимуровцев к радиопьесе «Тимуровцы», «За прялкой», «Юные партизаны», «Бдительность», «Разведчик», в 1942 г. – «Песня немецких солдат», «Прощание бойца-казахстанца», «Партизанка Тоня», в 1943 г. – «Родина». В последнем автор писал:

Ты знала тяжелые годы страданья,
И вихри войны над тобою прошли,
Но крепко сковали твои испытанья
Бессмертие русской, советской земли.

Многие из этих стихотворений стали песнями: так, музыку к «Походной комсомольской» и «Прощанию бойца» написал О. Сандлер, к «Юным партизанам» – З.Л. Компанеец, к стихам «Баллада о советском летчике», «Партизанка Тоня» и «Две войны» – Д.Г. Гершфельд. А вот как звучит припев песни «Разведчик»:

Необъятны родные просторы,
Глубоки на равнинах снега.
Эй, разведчик, вперед!
Тебя Родина шлет!
За свободу! За жизнь! На врага!

Песни «Родина» и «Партизанка Тоня», исполнявшиеся в Москве 6 января 1944 г. Молдавским государственным ансамблем песни и пляски «Дойна», были тепло встречены слушателями.

В декабре 1941 г. А.М. Волков начал работать над циклом радиопередач «Тыл и фронт», состоящем из двух частей. Первая часть цикла включала следующие радиопьесы: «Вожатый уходит на фронт» (Действие происходит 22 июня 1941 г. Вожатый пионерского отряда в селе Кош-Агач Аслан Темиров уходит на фронт добровольцем. Ребята провожают его и дают обещание крепить оборону страны в тылу); «Тимуровцы» (Ребята обслуживают семьи красноармейцев. Но им хочется большего. Пионер Давид Лейзер открывает подпочвенную воду. Пионеры роют колодец и обеспечивают хорошей водой аул. Начинается сбор теплых вещей для Красной Армии); «Приключения Давида» (Он помогает органам НКВД разоблачить немецкого диверсанта, который пробрался на конный завод с документами советского ветеринарного врача); «Разведчик Аслан Темиров» (За отвагу и знание военного дела Аслан получил звание сержанта. Он взрывает немецкий штаб и доставляет командованию важные документы); «Начало разгрома» (Аслан Темиров – младший лейтенант. Со своим взводом он проникает в расположение врага, занимает каменное здание школы и отважно держится, пока не приходят на выручку советские партизаны); «Здравствуй, лагерь!» (о жизни школьников в лагерях в 1942 г.) и «Наступление продолжается». К пьесам написаны песни, положенные на музыку композиторами З.Л. Компанейцем и О. Сандлером.

Вторая часть цикла «Тыл и фронт» состоит из шести рассказов, предназначенных для прочтения одним исполнителем. Это – «Фуфайка» (Мальчик готовится к лыжным соревнованиям, но не имеет фуфайки. Получив фуфайку в подарок от матери, он отдает ее для фронта. Его фуфайка спасает жизнь бойцу-разведчику Красной Армии); «Староста» (Рассказ о предателе, перешедшем на службу к немцам, который получил заслуженную кару); «Огонь под пеплом» (Рассказ о том, как французский химик изобрел ядовитый газ страшной силы. Немцы стремятся завладеть этим изобретением, химик гибнет, уничтожая вместе с собой несколько немецких офицеров, так и не узнавших состав газа); «Глухой ночью» (о бегстве молодых норвежцев в Англию); «Патриоты» (о работе подпольной радиостанции в Бельгии); «Под игом» (о героической борьбе греческих партизан); «Это было год назад» (о гибели немецкого диверсанта). В г. Алма-Ате эти небольшие (на 20–35 мин) радиопьесы и рассказы А.М. Волкова пользовались большим успехом и имели положительные отзывы (в частности, известного казахского писателя Мухтара Ауэзова), хотя носили в основном публицистический характер.

Например, главный редактор детского вещания Казахстанского радиокомитета Н.М. Попова в отзыве от 25 октября 1943 г. писала: «Писатель Волков А.М. во время пребывания в Алма-Ата написал много произведений для радио. По Алма-Атинской широковещательной станции передавались следующие произведения Волкова: научно-популярные очерки «Фарадей», «Николай Коперник», «Прошлое, настоящее и будущее парашютизма», «Математика и техника», «Страницы из истории русской артиллерии». Произведения Волкова пользовались успехом среди детей-радиослушателей. Редакция не раз получала от ребят письма с положительными отзывами»[7].

Наряду с вышеперечисленным по радио в Алма-Ате прозвучали также радиопьеса «Алтайские робинзоны», очерки «Математика в военном деле» и «Дорогим друзьям-ленинградцам» (последний был переведен на казахский язык). А в центральной печати в журнале «Знамя» в 1944 г. вышел очерк А.М. Волкова «Англо-американо-германская война», одобренный Всеволодом Вишневским.

Что касается книги А.М. Волкова «Бойцы-невидимки», уже сданной в Детиздат, то история ее продолжилась следующим образом. При эвакуации из Москвы А.М. Волков забрал экземп-

ляр рукописи из редакции, чтобы переслать ее в г. Киров, куда был эвакуирован Детиздат. Но дорогой случилось несчастье: потерялся портфель с несколькими рукописями, в том числе пропали и «Бойцы-невидимки». Оставался последний экземпляр рукописи, который перед эвакуацией был закопан А.М. Волковым в сундуке под дачей на станции «Отдых» под Москвой. Однако на даче все было расхищено. Находясь в безвыходном положении, А.М. Волков решил заняться восстановлением книги. В дневнике от 1 мая 1942 г. он писал: «Работа упорная, напряженная; настроение прекрасное, деловое, большой подъем. Утром – Пушкинская библиотека, вечером – писание. А иногда и весь день сидел в библиотеке и там писал. Достал часть источников в других местах: у В.И. Попова, в районной библиотеке № 3, в Доме Красной Армии, в МАИ. Одну тему прорабатывал в университете. В общем, нашел все нужное, за ничтожными исключениями… 9 мая была написана последняя статья; писание заняло 12 дней. 10-го сел за перепечатку, решил закончить 14-го, но не успел, т.к. книга сверх ожиданий вышла большая (151 стр.). 10-го напечатал 30 стр., 11-го – 20, а остальные дни по 25. Трудно было, спина трещала, но все-таки выдержал такие темпы. С роздыхами сидел за машинкой с раннего утра до позднего вечера… И вот теперь книга воскресла, как феникс из пепла. Включил много новых материалов последнего года»[8]. 20 мая 1942 г. обновленный текст книги «Бойцы-невидимки» (математика в военном деле) с тремя новыми статьями «Советские снайперы», «Немного истории» и «Взгляд в будущее» был отправлен в Москву для серии «Военная библиотека школьника» Детгиза[9].

В конце февраля 1943 г. А.М. Волков из «Учительской газеты» случайно узнал о выходе в свет «Бойцов-невидимок» с рисунками М. Гетманского. «Я и рад, и огорчен, – писал он 7 апреля 1943 г. А.И. Наумовой, – рад тому, что книжка увидела свет, огорчен тем, что много материала не вошло в книгу (ведь рукопись была 8–9 листов, а в книге всего 5). У меня возникла мысль написать второй выпуск «Бойцов-невидимок». Как Вы к этому относитесь? Я также Вам писал о своем намерении переработать «Бойцов» для 4–5 классов. Работу могу вести параллельно»[10].

Новая книга была одобрительно принята критикой. В «Учительской газете» от 27 января 1943 г. В. Булгаков писал: «Увлекательные рассказы о военной технике» – «Невидимка» майора Д. Палькевича (об искусстве военной маскировки) и «Бойцы-невидимки» А. Волкова, небольшие книжки, выпущенные недавно Детгизом в серии «Военная библиотека школьника», несомненно, привлекут внимание учащихся. Пытливый школьник найдет в них ответ на многие интересующие его вопросы. Книжка А. Волкова «Бойцы-невидимки» показывает, какую огромную роль играет в современной войне математика. Волков пишет: «Современная война, война машин и моторов, немыслима без высокоразвитой техники, а техника – родная дочь математики. На полях великих битв, где решаются судьбы народов, сражаются невидимые бойцы – числа и математические формулы». Первая часть книги посвящена артиллерии, вторая – авиации. И здесь и там автор прибегает к многочисленным цифровым расчетам, которые, однако, не только не утомляют читателя, а, наоборот, разжигают его любознательность. Внимательный читатель этой книги, вооруженный знаниями, приобретенными на уроках алгебры и геометрии, не удержится от соблазна проверить многие цифровые выкладки автора, чтобы убедиться в правоте его утверждений. Книжка поможет будущему бойцу лучше понять замечательные свойства нашей винтовки, постигнуть «секрет» меткой стрельбы, познакомиться с пушкой, гаубицей, мортирой, минометом, узнать многие военные термины, употребляемые нашими артиллеристами, водителями боевых самолетов. Обо всем этом автор рассказывает занимательно, удачно сопоставляя научные данные с жюльверновской фантастикой. Книги Д. Палькевича и А. Волкова можно смело рекомендовать юному читателю»[11].

Этому мнению вторит К. Чуковский: «Есть простое и легкое средство изготовить военную книгу: возьми ножницы, вырежь из разных газет и журналов десятка полтора стишков и очерков, озаглавь эту окрошку возможно звонче, например: «Вперед!» или «Слава героям!» – и военная книга готова.

Конечно, без ножниц в издательском деле нельзя. Но увлекаться ножницами грешно и опасно: как бы они не стали помехой для живого литературного творчества.

Эта-то опасность и угрожает в настоящее время Детгизу. Такие его книги, как «Детям о войне», «Наш старший товарищ», «Коричневый хищник», «В боях» и другие, сплошь изготовлены ножницами.

Вообще к ножницам это издательство питает слишком большое пристрастие. Изданные им «Сказки о храбрецах-удальцах», «Сказки народов Советского Союза», «Песенки-байки» и еще груда всевозможных брошюр, вплоть до вырезок из «Войны и мира» – все это досталось ему исключительно при помощи ножниц.

И конечно, это очень хорошо, что Детгиз напечатал «Блиц-фрицев» – книгу антифашистских сатир Маршака с рисунками неистощимых Кукрыниксов, но ведь это опять-таки вырезки: вырезки из газеты, из «Правды». Это создано не в недрах Детгиза. Творческой работы издательства здесь опять-таки нет.

Я отнюдь не хочу сказать, будто Детгиз начисто уклонился от творчества. Издавались им и творческие книги. Например, повесть Заречной «Горячее сердце», написанная с большим темпераментом и в то же время сдержанно, вдумчиво, без ложнопатетических жестов и фраз. Хороши также свежие и поэтичные боевые рассказы Ильенкова, собранные в книжке «Сила жизни». Увлекательна – и не только сюжетом, но и свободной манерой живого рассказа – книжка Л. Плескачевского «Партизанскими тропами». Но, во-первых, этих книг очень мало. Во-вторых, сами они так невелики, что каждую можно проглотить в полчаса. А в-третьих, ничего специфически детского в них не имеется. Творчество Детгиза доведено здесь до минимума.

Другое дело – объемистый томик о танках «Сухопутные крейсера» О. Дрожжина или книга А. Волкова «Бойцы-невидимки» – о применении математики в современной войне. Но лицо Детгиза ими определяться не может. Это книги научные, прикладные, а лицо литературного издания раньше всего определяется его достижениями в области чисто-литературного творчества: его стихами, его беллетристикой»[12].

Параллельно с работой над книгой и радиопьесами А.М. Волков занимался переводами. Так, 15 февраля 1942 г. им была переведена с молдавского языка на русский песня «Посылка Сталину» (слова Л.Е. Корнфельда), а 24 апреля 1942 г. заключен договор о переводе и составлении текста к литературно-музыкальному монтажу «Мы вернемся к тебе, родная Молдавия» для молдавского ансамбля песни и пляски (художественный руководитель Д.Г. Гершфельд). Оценивая один из переводов А.М. Волкова, председатель правления Союза композиторов Молдавской ССР Д.Г. Гершфельд 3 марта 1942 г. писал в справке: «Выдана настоящая тов. Волкову А.М., члену Союза советских писателей СССР в том, что он сделал перевод с молдавского на русский язык песни «Посылка товарищу Сталину» (текст поэта Л.Е. Корнфельда, муз. Д.Г. Гершфельда). Обладая исключительным даром поэзии, А.М. Волков сумел так замечательно сделать перевод, что красота мотивов в молдавской национальной музыке полностью сохраняет свой колорит и нисколько не теряет своей оригинальности»[13].

А в феврале – октябре 1943 г.[14] А.М. Волковым была переведена оратория молдавского поэта Л. Деляну «Молдавия» для государственного ансамбля песни и пляски «Дойна». О качестве перевода свидетельствует вновь директор и художественный руководитель Молдавского го-

сударственного ансамбля песни и пляски «Дойна», заслуженный деятель искусств Молдавии, композитором Д.Г. Гершфельд в справке-отзыве: «Выдана настоящая тов. А.М. Волкову в том, что он на протяжении 1942–1943 гг. производил работы для Молдавского государственного ансамбля песни и пляски «Дойна». Обладая большим мастерством, тов. Волков в своих переводах с молдавского на русский язык ярко показал всю прелесть природы Советской Молдавии. Одним из наиболее ярких произведений является оратория «Молдавия» в 3 частях. Впредь пожелаю, чтобы молдавское искусство поддерживало творческую связь с тов. А.М. Волковым»[15].

В г. Алма-Ате А.М. Волков неоднократно выступал на радио, в школах, на встречах с бойцами, в госпиталях с чтением своих рассказов и стихотворений. Бывали и случайные встречи. Так, в октябре 1942 г., возвращаясь из деревни, куда он ходил за продуктами, на станции Бурундай он встретился с молодыми летчиками. «В общем, получился импровизированный вечер самодеятельности. Свежий вечер, холодноватый ветерок, звезды на темном небе… Группа летчиков, человек в 100, сидит на груде шпал, стоит вокруг, гремят согласно песни, перемежаясь сольными выступлениями, дуэтами, декламацией… Я прочитал «Тоню-партизанку» и «Балладу о советском летчике». Вещи очень понравились. Приятное воспоминание!»[16]

Жизнь в эвакуации складывалась из ежедневного ожидания «Последних известий» по радио с новостями о положении на фронтах и нанесении отметок на самодельную карту мира, постоянной литературной работы, регулярных занятий с Вивой по высшей математике, а с Адиком – по французскому языку. Но больше всего уходило времени на добывание продуктов питания и топлива для печурки. А.М. Волков писал в апреле 1942 г.: «Получил гонорар за «Математику в военном деле» (360 р.). А цены на рынке растут прямо ужасающим образом… Молоко 15 р. литр, яйца 50 р. десяток, мясо 70 р. кг, мука 30–50 р. кг (мы еще месяц тому назад покупали по 17–18 р.), масло 200 р. и более, но его, собственно, даже и нет в продаже. Даже лук дошел до 14 р. кг (когда мы приехали, был 1–2 р. кг). Какая-то вакханалия…»[17] Приходилось ходить по деревням за 20–30 км для обмена мыла, спичек, спиртного на сливочное масло, сало, но часто эти походы были неудачны.

Месячные нормы снабжения по карточкам во время Великой Отечественной войны[18]

Карточки	Хлеб	Мясо, рыба	Крупа, макароны	Сахар	Жиры	Картоф.	Овощи	Печенье	Яйца	Соль	Спички	Мыло хоз.	Мыло туал.	Вино	Табак	Сухофр.
Рабочая (НР)	550	2200	2000	900	800	5000	2000			400	3 кор.					
Абонемент		2200	2000	1000	1000	7000		1000				1	1	1,5 л	12 пач.	
Литературная	200	5000	1500	600	800		2000		10							500
Школьная	450	600	1000	400	200					400	3					
Иждивенческая	300	600	1000	400	200					400	3					
Всего	1500	10600	7500	3300	3000	22–25 кг	7 кг	1 кг	10	1200	9	1	1	1,5	12	500

При этом А.М. Волков отмечал в дневнике, что картофель выдавался далеко не всегда, овощи выдавались всего 4–5 месяцев, а сухофрукты почти никогда не выдавались. Однако с осени 1945 г. норма сахара была увеличена, а с октября 1945 г. Адик Волков в школе ежедневно получал дополнительно 50 г хлеба (бублик).

В сложившейся ситуации А.М. Волков вынужден был обратиться за помощью в Совет народных комиссаров Казахской ССР. В заявлении от 21 июня 1943 г. он писал: «Правление Союза советских писателей Казахстана в мае сего года ходатайствовало о переводе меня в I категорию по выдаче продовольственного пайка. В этом ходатайстве ССП было отказано, и я продолжаю получать паек по 2-й категории. Возможно, в ходатайстве ССП была недостаточно охарактеризована работа, проводимая мною в Алма-Ата, и я считаю нужным сообщить о себе необходимые сведения. За полтора года пребывания в Алма-Ата я проделал большую литературную работу. Мною здесь написана оборонная книга «Бойцы-невидимки», изданная Детгизом тиражом в 50 000 экз. и вызвавшая весьма одобрительные отзывы. Специальной комиссией по детской литературе эта книга включена в издательский план Казахского издательства на 1943 г. в переводе на казахский язык. В настоящее время по предложению Детгиза я работаю над расширенным изданием этой книги, а также начал писать книгу «Покоренная молния». Написано также около 15 радиопьес и ряд оборонных песен.

Указанные обстоятельства дают мне право просить Вас пересмотреть вопрос о моем продовольственном снабжении, тем более, что мое материальное положение весьма плохое. У меня на иждивении больные жена и сын, старший сын мобилизован в ряды Красной Армии в прошлом году. До сих пор мы жили продажей вещей, но эти ресурсы использованы до конца. Материальной помощи за все время войны я не получал никакой; ни одного килограмма саксаула мне не было отпущено с топливной базы, электричество выключено 8 месяцев тому назад. Плохое питание привело меня к потере сил и в настоящее время я не могу заниматься литературной работой настолько плодотворно, как этого требует мой долг советского писателя»[19]. По этому ходатайству А.М. Волков был прикреплен к спецраспределителю и к столовой, где хоть как-то кормили.

В 1942 г. после 16-летней разлуки Александр Мелентьевич встретился со своим младшим братом Михаилом, отправлявшимся на фронт из г. Алма-Аты. Эта встреча оказалась и их последней встречей: брат пропал без вести под г. Сталиградом.

В 1943 г. был призван в Красную Армию сын Александра Мелентьевича – Вивиан Волков. В письме, чудом сохранившемся в перипетиях военной службы, его мать, Калерия Александровна, в феврале 1943 г. писала: «Дорогой мой Вивочка, два дня назад тому назад получили сразу два письма от 19 и 22 января и были счастливы – ты жив и здоров – все, что нам только и нужно. Посылку получил, но о содержимом в ней ничего не написал. Жалею, что не послала тебе еще пару теплых носков, а теперь посылки не принимают. Вивочка, уже скоро весна, а там, может, и войне придет конец, уж очень хорошо наши погнали немцев. Что ни день, то и победа! Да какая еще! Сегодня взяли Азов. Папа как встает, так и бежит в библиотеку наносить на свою карту пункты, отвоеванные у немцев. Карта у него большая, в красках. Сейчас он ушел в радиокомитет, понес стихи, которые только что написал. Дорогой мой мальчик, мы очень скучаем о тебе! Хоть одну минуточку поглядеть бы на тебя! Папа все мне говорит, что война скоро кончится и уже собирается в Москву. Вот бы хорошо было! Пиши, не забывай нас. Целую тебя крепко, мама»[20]. Как Калерия Александровна, так и Александр Мелентьевич очень переживали за своего первенца, часто писали письма и посылали посылки, вплоть до того, что в самом конце войны Александр Мелентьевич ездил в г. Сталинабад для урегулирования отношений с руководством и возможной демобилизации Вивиана (для продолжения учебы в институте).

Успехи советских войск в 1943 г., сопровождавшиеся передвижением линии фронта все далее на запад, возрождали реэвакуационные стремления – в Москву! При получении вызова из

Союза советских писателей семья Волковых выехала из Алма-Аты и 21 ноября 1943 г. возвратилась в столицу.

Таким образом, два года, прожитые в эвакуации в Алма-Ате, были для А.М. Волкова временем напряженной литературной работы (в том числе поэтической и драматургической) по военной и патриотической тематике. Эту работу он считал своим гражданским долгом в трудную военную годину. Его стихотворения и пьесы, песни и рассказы были вкладом в общее дело патриотического воспитания детей и юношества на героических примерах беззаветного служения Родине на фронте и в тылу.

Наряду с этим тематика его произведений, звучавших по Алма-атинскому радио, носила ярко выраженный интернациональный характер: в них активно боролись против фашизма русские и казахи, французы и греки, бельгийцы и норвежцы, т.е. всем миром.

Литературная деятельность А.М. Волкова в Алма-Ате сопровождалась закреплением его профессиональных навыков в переводе, в частности, с молдавского языка, приобретением опыта устных выступлений на радио и перед аудиторией, налаживанием творческих связей с деятелями культуры Молдавии и Казахстана.

8.2. Деятельность А.М. Волкова в Москве (1943–1945 гг.)

По возвращении в Москву А.М. Волков был восстановлен на кафедре высшей математики Института цветных металлов и золота и продолжил преподавательскую работу. Наряду с преподаванием высшей математики он организовал в вузе литературный кружок, о работе которого с большим удовольствием вспоминала Т.И. Молодова.

Вернувшись в Москву, А.М. Волков продолжал внимательно следить за событиями на фронте. Так, 28 августа 1944 г. он писал в дневнике: «Территория Советского Союза почти вся очищена от врага, наши войска занимают значительную территорию Польши и Румынии, а союзники вытесняют немцев из Франции и уверенно приближаются к западным границам Германии. Час возмездия близок! Слава русского оружия вновь гремит в старинных суворовских местах. Вчера взяты Фокшаны и Рымник, порты Тулча и Сулина. Гремели два салюта, сегодня снова салют – взят Брашов. Наши войска очищают Румынию от немецкой нечисти… Наши войска победно вошли в Бухарест: салют из 24 залпов, который мы с Адиком ходили смотреть на мост. Чудесное зрелище. Вспоминаются мои стихи, написанные больше четверти века назад:

Видали чужие столицы
Российских полков знамена,
И гордо свои диктовала
Законы народам она…»[21]

Одновременно в 1943 г. А.М. Волков энергично взялся на написание новой книги «Самолеты на войне», которая, по его замыслу, должна была содержать такие разделы, как представления романистов о воздушной войне будущего, «детство» военной авиации, возникновение различных типов боевых самолетов, бомбардировочная, истребительная, штурмовая, разведывательная, транспортная авиация, военные аэродромы, воздушные десанты, враги самолета, борьба воздушного флота с морским и др. «Я сижу по 14 часов в сутки за книгой», – писал он о своей работе. А 3 января 1944 г. был заключен издательский договор на эту книгу (8 авт. л. по 1 300 р.

за лист). К середине мая 1944 г. книга была А.М. Волковым написана и передана на рецензирование полковнику А.В. Шиукову. В своем отзыве в военную редакцию Детгиза от 22 мая 1944 г. А. Шиуков писал: «Внимательно ознакомившись с рукописью А.М. Волкова «Самолеты на войне», считаю, что 1) книга вполне отвечает установкам, данным автору издательством; 2) книга занятная, читается с интересом и будет полезной юному читателю; 3) после незначительной специальной редакции книга может быть пущена в производство»[22].

Одновременно рукопись книги «Самолеты на войне» была представлена А.М. Волковым на конкурс на лучшую художественную книгу для детей различных возрастов, объявленный Народным комиссариатом просвещения РСФСР с 1 января 1944 г. по 1 января 1946 г. Тематика конкурса детской книги в военное время поражает широтой: это художественные книги на современные темы (об исторических победах Красной Армии в борьбе против гитлеровских захватчиков, о полководцах и героях Великой Отечественной войны, о партизанском движении, о дружбе народов, о великой партии большевиков – организаторе побед советского народа, о героическом комсомоле и детях в Великой Отечественной войне, о возрождении районов, о советской школе, о суворовских училищах, об учащихся ремесленных училищ); исторический роман или повесть о героическом прошлом русского народа; художественная научно-познавательная книга о богатствах Советского Союза, его природе, экономике, технике, военном деле, науке и культуре; научно-фантастическая и приключенческая книга; рассказы и повести для детей дошкольного возраста (о семье, о дружбе, о школе, о Красной Армии); веселая книжка с юмористическим или сатирическим сюжетом; новая сказка для детей, а также сказки народов СССР в новой литературной обработке; свободные темы, избираемые писателями, отвечающие общим задачам конкурса. В жюри конкурса входили В.П. Потемкин, Н.А. Михайлов, А.А. Фадеев, А.Н. Толстой, С.Я. Маршак, С.В. Михалков, Л.В. Дубровина и др. Премированные на конкурсе книги оплачивались повышенным гонораром, иллюстрировались лучшими художниками и издавались на лучшей бумаге и массовыми тиражами.

Решением жюри конкурса А.М. Волкову была присуждена поощрительная премия за рукопись «Самолеты на войне». Эта была первая победа А.М. Волкова на конкурсе детской книги. По этому поводу директор Государственного издательства детской литературы «Детгиз» Л.В. Дубровина писала 6 ноября 1944 г.: «Уважаемый Александр Мелентьевич! Горячо поздравляю Вас с присуждением Вам поощрительного вознаграждения за представленную Вами в первом туре конкурса на лучшую художественную книгу для детей рукопись «Самолеты на войне». Сообщаю Вам, что в соответствии с постановлением жюри конкурса гонорар за эту книгу увеличивается до 3 000 рублей. Желаю Вам дальнейших успехов в области детской литературы»[23]. В соответствии с постановлением жюри книга «Самолеты на войне» была рекомендована к изданию, а автору выдано поощрительное вознаграждение в размере 5 000 р. и перезаключен договор от 1 ноября 1944 г. на оплату авторских листов повышенным гонораром.

Высокую оценку литературной деятельности А.М. Волкова по военной тематике дал в тот период заведующий отделом военной литературы Детгиза Б. Камир: «Писатель Волков Александр Мелентьевич известен мне как квалифицированный литератор, точный и аккуратный в выполнении обязательств. Т. Волков пишет в области художественной и научно-художественной литературы. До войны издана Детгизом его историческая повесть «Чудесный шар», пользующаяся заслуженным успехом у читателей. Во время войны т. Волковым написаны книги на военные темы для «Военной библиотеки школьника»: «Бойцы-невидимки» (математика в военном деле), «Самолеты на войне» (о советской военной авиации). Последним конкурсом на лучшую детскую книгу НКП РСФСР отмечена поощрительным вознаграждением в сумме

5 000 р. и повышенным гонораром. Тов. Волкова вполне можно рекомендовать на самостоятельную литературно-издательскую работу»[24].

После написания книги «Самолеты на войне» А.М. Волков работал над научно-популярными книгами «Великий счет» (математика в жизни и военном деле) и «Покоренная молния» (электричество в военном деле), причем последняя была написана по договору с Детгизом в объеме 12 печ. л., однако обе эти книги после долгого лежания в Детгизе так и не были опубликованы[25]. А.М. Волков продолжал рецензировать литературу военно-технического характера; например, 12 июня 1944 г. им был написан критический отзыв о книге Л. Бермана «Моторы на войне».

Работая над своими произведениями, он внимательно следил за положением на фронте. 6 июня 1944 г. сделана запись в дневнике: «Величайший день великой войны! Как долго, с каким душевным волнением, с какой тайной злобой и недоверием к союзникам, скрытым в глубинах сердца, ждали мы этого радостного, решительного и невероятного дня... И вот он пришел, он – факт… Я слушал и горячие слезы радости и надежды невольно лились из моих глаз. Великая, благородная – но проклятая и опустошительная! – война подходит к концу…»[26]

В марте 1945 г. А.М. Волков решил вступить в члены ВКП(б). «Мое политическое сознание развивалось вместе с сознанием страны. Понимая необходимость углубленного изучения марксистско-ленинской теории, я в 1935–37 гг. прошел 2-летний курс вечернего Марксо-Ленинского университета для научных работников. Когда партией был введен институт сочувствующих, я был сочувствующим»[27]. В своем заявлении в партбюро Московского института цветных металлов и золота им. М.И. Калинина от 5 марта 1945 г. А.М. Волков писал: «В знаменательные дни, когда Красная Армия вместе с союзниками довершает разгром гитлеровской Германии и когда предстоит огромная работа по восстановлению всего разрушенного немецко-фашистскими захватчиками, я считаю, что мои силы будут использованы более целесообразно под руководством великой партии Ленина-Сталина. Я прошу партбюро Минцветмета принять меня в кандидаты ВКП (б)»[28]. В начале марта 1946 г. он был переведен в члены ВКП (б) и состоял в партии более 20 лет.

В 1945 г. А.М. Волковым продолжалась и работа для детей и с детьми: был заключен договор с Московским кукольным театром на написание пьесы «Волшебник Изумрудного города» в 3 действиях, прошло обсуждение с ребятами книги «Бойцы-невидимки» в детском читальном зале Библиотеки им. Ленина (14 февраля 1944 г.), он принял активное участие в Неделе детской книги в октябре 1945 г.

Страницы дневника А.М. Волкова зимы и весны 1945 г. изобилуют подробными сведениями о положении на фронтах, взятии вражеских населенных пунктов, предчувствии скорой победы. Так, 22 января 1945 г. он писал: «В час ночи сводка. Занято более 1 750 населенных пунктов, причем на территории Германии больше 450, а Жуков взял 1 000 населенных пунктов. Замечательный день! Еще бы десяток-другой таких, и ощутительно приблизился бы конец войны. Никакой работы нейдет мне на ум, целый вечер вожусь с картами, отмечаю продвижение. И моя старая заслуженная карта опять пошла в ход…»[29]

С января 1945 г. почти каждый день в Москве гремели салюты в честь взятия Советской Армией новых населенных пунктов: так, 19 января вечером прогремело пять салютов. Под аккомпанемент этих салютов – свидетельств боевых побед – налаживалась жизнь в столице в приближении полного разгрома Германии (в это время на рынке можно было купить хлебную карточку на месяц за 450 р., дающую возможность получать в день дополнительно 550 г).

21 апреля 1945 г. в своем дневнике А.М. Волков записал: «Наши войска завязали бои в предместьях Берлина!!! Наконец-то… Пришел долгожданный момент, и штык русского солдата вонзается в ненасытное чрево проклятого города-спрута, города-вампира, который целые годы сосал кровь из порабощенной Европы! Как вы себя теперь чувствуете, гордые завоеватели мира? Ваша столица лежит в развалинах, по вашей земле грозно шагают полки чужеземных армий, армий-освободительниц народов мира от черного фашистского кошмара. Со льстивыми улыбками на потных от страха лицах вы отвешиваете своим победителям низкие поклоны – но мы не верим вам, подлые оборотни с косматыми звериными сердцами! Пришел час нашей победы, настал на нашей улице праздник!»[30]

Долгожданный конец Великой Отечественной войны А.М. Волков встретил в г. Сталинабаде, куда ездил по семейным делам, связанным со службой Вивиана. Как и во всей стране в этот знаменательный день люди поздравляли друг друга с великим праздником, повсюду на улицах царили радостный смех, восклицания, поцелуи, слезы… Шествуя к месту митинга в Сталинабаде, А.М. Волков прослушал по уличному репродуктору о подписании Кейтелем безоговорочной капитуляции Германии. «Иду дальше… И вот когда смотрю на колонну веселых ребят из детсада, вразброд шагающих по аллее – слезы впервые выступают на глазах. Слезы умиления и радости, слезы счастья, но почему-то они все же горьки, эти слезы, и рыдания подступают к горлу… Нет, каковы бы ни были слезы – все же это слезы… Они капают из глаз, и я иду за толпами, стремящимися к месту митинга.

Прошел через толпу и устроился на ступеньке почтамта под широким навесом второго этажа. Вот где мне пришлось встречать Победу! Начались речи. Их было плохо слышно, так как царил шум, толпа перекатывалась с места на место, повсюду шныряли ребятишки, а милиция здесь очень слаба. Говорил первый секретарь ЦК Дмитрий Захарович Протопопов и другие. Затем стали проходить воинские части. Пошла пехота со штыками наперевес, за ней курсанты авиашколы, суворовцы… И снова слезы выступили на глазах, слезы гордости. Вот она – армия-победительница идет, чеканя шаг, стройными рядами. В таком далеком глухом углу, как Сталинабад, идут стройные, здоровые, уверенные в своей силе молодцы…

И дальше, дальше – снова проходят колонны, шагают ремесленники, мальчики и девочки, проходят пионеры, снова какие-то воинские части.

Слепая Германия – против какой грозной и непобедимой силы восстала ты в свой недобрый час! Если бы твой безумный фюрер мог когда-нибудь в один час оглянуть необъятные просторы Советской страны, увидеть ее людские массы, давно забывшие, что такое рабство, заглянуть в их полные решимости сердца – он понял бы всю бессмысленность своей дикой мечты и в страхе бежал бы от грозного видения на край света!

Вижу мысленным оком: через немного лет после войны восстанешь ты, родная страна, более сильная и могучая, чем когда бы то ни было, и не будет в мире такой угрозы, которая устрашила бы тебя, победоносная Россия!»[31] Душевная искренность, горячий патриотизм, глубокая вера в победу звучит в этом высказывании А.М. Волкова, как у многих миллионов советских людей.

Праздник победы в Москве был ознаменован военным парадом, а также общемосковской демонстрацией 24 июня 1945 г., на которой побывала семья Волковых. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г. детский писатель А.М. Волков был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а вручение медали состоялось 8 января 1946 г. в правлении Союза писателей СССР[32].

Библиографические ссылки и примечания

1 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 3. Л. 54.

2 Там же. Л. 76.

3 Там же. Л. 120–122.

4 Там же. Кн. 4 (с 4 дек. 1941 г. по 5 февр. 1943 г.). Л. 1–2.

5 В г. Алма-Ату было эвакуировано много писателей: С.Я. Маршак, В.Б. Шкловский, С.В. Михалков, К. Паустовский, М. Зощенко, М. Ильин, Л. Квитко и др.

6 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2. 1941–1946 гг.

7 Там же.

8 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 4. Л. 72–73.

9 Перед Великой Отечественной войной Детское издательство вновь перевели в ведомство Наркомата народного просвещения РСФСР.

10 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

11 Булгаков. В. Увлекательные рассказы о военной технике // Учительская газета. 1943. 27 янв.

12 Чуковский К. О пользе творчества // Литература и искусство. 1943. 6 марта. № 10.

13 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

14 Правление Союза советских писателей Казахстана ходатайствовало от 7 февраля 1943 г. о включении одной лампочки в комнате эвакуированного из Москвы писателя Волкова (подпись секретаря президиума ССП Казахской ССР И. Стальского). В 1942–1943 гг. электричество было отключено в общей сложности 8 месяцев // Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

15 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

16 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 4. Л. 125.

17 Там же Л. 60, 64.

18 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 7 (с 8 окт. 1946 г. по 13 мая 1948 г.). Л. 56.

19 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

20 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 5 (с 6 февр. 1943 г. по 27 авг. 1944 г.). Л. 37.

21 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 6. Л. 2–3.

22 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

23 Там же.

24 Там же.

25 Небольшой математический очерк «Быстрый счет» был опубликован в журнале «Пионер». 1946. № 4.

26 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 5. Л. 133–134.

27 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.

28 Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 141.

29 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 6. Л. 41.

30 Там же. Л. 65.

31 Там же. Л. 105–107.

32 Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 315 членов Московского отделения Союза советских писателей (из 1000 членов), среди которых были старейший писатель-революционер Басов-Верхоянцев, Ильин, Маршак, Михалков, Квитко, Чуковский, Барто, Панферов, Асеев, Сурков, Лебедев-Кумач, Пришвин, Сергеев-Ценский и др. Кроме того, вторую медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» А.М. Волков получил в Институте цветных металлов и золота также в 1946 г.

Глава 9 Педагогическая и общественная деятельность А.М. Волкова в послевоенное время (1946–1958 гг.)

После войны советские люди вздохнули полной грудью – наступил долгожданный мир с его новыми надеждами и мечтами. «Сидел я как-то вечером в своем «кабинете», читал «Пармский монастырь», удобно расположившись в кресле; Вива рядом делал чертеж; Адик спал в другой комнате; Галюська слушала радио. И я думал: «Это – счастье! Ведь, в сущности, так немного нужно для счастья нам, вышедшим из народа, не стремящимся к роскоши и даже к большим удобствам, неприхотливым, непритязательным людям»[1], – писал А.М. Волков в 1946 г.

Однако недолгим оказалось это простое человеческое счастье. «Недавно меня постигла огромная беда. 7 октября 1946 г. нежданно умерла моя жена Калерия Александровна, урожденная Губина. Ушел из жизни мой лучший, преданный друг, неизменный помощник и советчик. Я прожил с ней 31 год… Несчастье тяжело подействовало на меня»[2]. Всю свою долгую жизнь он прожил один, сохранив в памяти светлый образ своей любимой. Однолюб, он всегда вспоминал Калерию Александровну как идеальную женщину, жену и мать. Тридцать прожитых вместе лет горе и радость делили они пополам, поддерживали и утешали друг друга. Именно ее, свою ненаглядную Галюсеньку, считал Александр Мелентьевич своей неизменной вдохновительницей и даже мудрой пророчицей, именно ей первый раз читались сказки и повести, именно она была первым критиком, именно ей были посвящены все его произведения. И она умела добрым словом и нежным взглядом, неустанным трудом и сердечным весельем создать такой домашний мир, в котором хотелось долго и счастливо жить, растить детей, творить новые книги…

Сетуя на несправедливость и не видя смысла в жизни, А.М. Волков долго не мог оправиться от тяжелой утраты. «Вот и май впервые встречаю без тебя, моя бесценная, радость моя, единственное мое сокровище… Настроение у меня все время убийственное, тоска грызет меня неукротимая, неугомонная… Ничего меня не радует, не веселит, все опостылело. Не радует меня весна, на огородные грядки я смотреть не хочу и работать там не буду: мне было бы невыносимо тяжело копаться там и вспоминать, как мы работали с тобой… Веселые годы, счастливые дни, как вешние воды, промчались они!

Сгрызает меня тоска… Нервы у меня никуда не годны, каждый день плачу по многу раз. Единственное мое прибежище – письменный стол. Но и во время работы то и дело приходят ко мне воспоминания… И уж как я себя ни уговариваю, а ничего не выходит! Моя трагедия в том, что я один и что я хочу быть один, потому что никто мне тебя не заменит – да я и не ищу замены»[3].

Единственное, что заставляло его продолжать жить и работать, были дети, которых нужно было «поставить на ноги». 60-летнего писателя поддерживала семья старшего сына Вивиана, особенно его невестка Мария Кузьминична Волкова, а потом семья любимой внучки Калерии Вивиановны Волковой и Бориса Павловича Копнина, с которыми он прожил долгие годы.

Завоеванная мирная жизнь требовала решения накопившихся бытовых проблем, в том числе проблем с жильем. Положение с квартирой настолько безвыходным, что А.М. Волков еще в августе 1945 г. решил обратиться в высшую инстанцию – к Сталину. Он писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Я – сын бедного сибирского крестьянина. Работая учителем, я окончил экстерном педагогический вуз за один год и Московский университет за восемь месяцев. Мой педагогический стаж – 35 лет, за это время через мои руки прошли тысячи школьников и студентов. В настоящее время я – доцент московского вуза (член секции научных работников) и писатель (член Союза советских писателей).

Литературной работой я занимаюсь усиленно и написал много книг. До войны напечатаны «Волшебник Изумрудного города» и «Чудесный шар». За годы войны написан целый ряд оборонных радиопьес и рассказов, а также книги на оборонные темы: «Бойцы-невидимки» и «Самолеты на войне». Последняя книга премирована на конкурсе НКП РСФСР. Сейчас закончил книгу «Покоренная молния» (электричество в военном деле). Имеются переводы с английского и французского языков (я самостоятельно изучил несколько иностранных языков).

16 лет я живу в Москве и все эти годы хлопотал о жилплощади, но до сих пор не имею угла, где бы мог спокойно работать (не говоря уже об отдельной комнате). Я занимаю две крохотные проходные комнатки по 7 кв.м. у застройщика. Семья – три человека: жена – учительница, сын – учащийся 10 класса. Старший сын – в рядах Красной Армии. Удобств в квартире никаких, дверь из спальни (она же и мой «кабинет», и комната для занятий сына), выходит прямо на улицу. Работать я могу только по ночам, когда семейные спят, иначе нет никакой возможности сосредоточиться. Застройщик постоянно требует очистить квартиру, и это морально угнетает меня. А мне 54 года и в лучших условиях я бы работал значительно продуктивнее и гораздо больше мог бы сделать для советской литературы.

Родной Иосиф Виссарионович! Я не решился бы побеспокоить Вас просьбой о помощи, если бы не крайняя необходимость. Очень прошу Вас помочь мне в улучшении моих жилищных условий». Это письмо было переадресовано в Московский комитет ВКП(б) и «кануло в Лету». Потом были письма во многие другие инстанции, в том числе К.Е. Ворошилову, Союз советских писателей. «Наивный искатель справедливости! Хотел таким простым способом пробить медные лбы «руководящих товарищей»! Вот если бы я пьянствовал с ними в ресторане, быть может, добился бы и лучших результатов… Я всегда шел прямыми путями и горжусь этим – всеми достижениями в жизни я обязан только себе и, конечно, моей бесценной Галюсеньке»[4].

Только письмо на имя Н.С. Хрущева позволило сдвинуть дело с мертвой точки. Однако решение жилищного вопроса затянулось до 1954 г., когда семье были выделены три комнаты (55 м^2) в четырехкомнатной квартире по адресу: Большой Гнездниковский переулок, д. 3, кв. 1[5]. Однако в новую квартиру А.М. Волков переехал уже без супруги.

Болезненно пережив эту трагедию, он постепенно вернулся к работе. Более 25 лет отдал он преподавательской деятельности в должности доцента в Московском институте цветных металлов и золота. «Много лет я читал лекции по математике на различных факультетах и считался в числе лучших пяти лекторов института (а их были многие десятки, но не всегда ученость и уменье хорошо прочитать лекцию совпадают; я бы мог привести многие тому примеры). Логичность изложения, четкие и последовательные записи, изящные чертежи – это вело к тому, что студенты записывали мои лекции и по этим запискам сдавали экзамены. Не очень это хорошо с точки зрения серьезной науки, зато практично, и потому студенты любили меня, как лектора. Экзаменовал я довольно-таки строго, но справедливо, у меня не было любимчиков»[6].

Особенно напряженным месяцем для А.М. Волкова был январь, когда проходила зимняя экзаменационная сессия. Например, в январе 1949 г. он проэкзаменовал 17 групп, заработал 247 академических часов плюс 12 часов за консультации – это больше трети годовой нагрузки в то время. И тем не менее он ухитрялся думать над литературными вопросами, порой даже во время экзаменов, пока студенты готовились к ответу. В таком напряженном ритме проводилась активная педагогическая и творческая работа.

Однако пенсия была небольшая, как свидетельствует заявление А.М. Волкова в Молотовский районный отдел социального обеспечения от 21 апреля 1950 г.: «Молотовским райсобесом мне была назначена пенсия в размере 150 р. в месяц с 25 ноября 1939 г. за 25 лет педагогической работы в средней и высшей школе. Эту пенсию я перестал получать с 1 октября 1944 г., т.к. мне Постановлением Комиссии при Министерстве социального обеспечения РСФСР от 29 сентября 1944 г. протоколом 16а была назначена академическая пенсия в размере 250 р. в месяц. В соответствии с положением, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 28 сентября 1949 г. за № 4140 мне выплата академической пенсии с 1 января 1950 г. прекращена, как не достигшему 60-летнего возраста. Ввиду вышеизложенного прошу восстановить выплату мне пенсии по учительской службе в размере 150 р. с 1 января 1950 г.»[7]

В 1954 г. А.М. Волков произвел подсчеты и убедился, что за 18 лет литературной работы его средний гонорар составил 1345 р. в месяц, что примерно удваивало его педагогический заработок. «Богатство! – иронически восклицал А.М. Волков – А я еще не из самых малопечатаемых писателей, я, если так можно выразиться, середняк! А наши верхи… все изыскивают способы «урезать писательские аппетиты»[8].

За добросовестный труд А.М. Волков неоднократно награждался Почетными грамотами института, а в 1953 г. указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1949 г. за выслугу лет и безупречную работу А.М. Волков был награжден орденом Трудового Красного Знамени (ранее, 28 сентября 1948 г., ему была вручена медаль «В ознаменование 800-летия Москвы»)[9].

В 1954–1955 гг. после ухода на пенсию своего учителя и друга Василия Ивановича Шумилова А.М. Волков исполнял обязанности заведующего кафедрой высшей математики. Наряду с преподавательской деятельностью А.М. Волков был парторгом кафедры высшей математики и литературным редактором стенной газеты института «Цветной металлург».

В 1954 г. случилось несчастье. Весь отпуск, больше двух месяцев, А.М. Волков провел в больнице, где перенес две сложные операции. Однако вторая операция на левом глазу не удалась и он лишился зрения на этот глаз. Тем не менее в сентябре он приступил к работе в институте. «Трудно мне было в моем новом положении читать вступительную лекцию сразу двум факультетам в 212-й двусветной аудитории. По состоянию здоровья я вполне мог возложить это на кого-нибудь другого. И все же я решил «доказать» и «доказал». У меня была слабость после долгого лежания в больнице, но все же я выстоял два часа на ногах, и студенты услышали нормальную лекцию, как ей положено быть. Закончив лекцию, я сказал себе с грустной гордостью: «Старый конь борозды не испортит»[10].

В конце января 1957 г. после проведения зимней экзаменационной сессии А.М. Волков вышел на пенсию (1 200 р. в месяц)[11]. «Сжалось ли у меня сердце? «Время – жить и время – увядать», – сказал древний мудрец. Почти сорок семь лет педагогической работы, начиная с низшей и средней школы и кончая вузом – вот скромный подвиг моей жизни. Тысячи и тысячи учеников и студентов прошли передо мной, и каждому что-то я дал… Скучал ли я по институту? Нет. Как видно, довольно с меня было педагогической работы. А главное, бросив занятия, я не оказался в пустом пространстве, как многие пенсионеры, имеющие одну профессию. Просто

я стал отдавать литературе все свое время, и результаты получились поразительные…»[12] Тем не менее он понимал, что основой литературного творчества для детей являлась педагогическая направленность его образования, и потому писал: «И все-таки, если бы мне пришлось начинать жизнь сызнова, я опять избрал бы профессию педагога, хотя в мое время для таких, как я, выходцев из низов, другого пути не было», – писал А.М. Волков в дневнике[13].

Однако всему свое время, и выход на пенсию стал для А.М. Волкова началом нового периода его жизни, а желание заняться литературным творчеством настолько выстраданным и долгожданным, что он оставил в дневнике такие слова: «Я – вольная птица, и как легко дышится, когда над тобой не висят расписания и часы, и минуты обязательной явки на работу!.. Теперь и только теперь я чувствую себя писателем в полной мере. Итак – за работу!»[14]

Основой для литературной работы писателя стала большая личная библиотека, комплектование которой продолжалось многие годы. «Много у меня ценных книг: почти весь Жюль Верн на французском языке, очень хороший исторический отдел, богат справочный, очень много собраний сочинений… Накупил около сорока томов дореволюционных журналов «Нива», «Вокруг света», «Природа и люди»…»[15]

Любовь к книге пронизывала всю жизнь А.М. Волкова. Он с удовольствием занимался приобретением книг в Книжной лавке писателей, букинистических магазинах Москвы. Вот одна из дневниковых записей, наглядно показывающих, как ценил книги сам писатель и его близкие: «Каля растрогала меня сегодня до слез. Я знал от Муси, что она готовит мне какой-то необыкновенный сюрприз, но это оказалось сверх моих ожиданий. Она преподнесла мне полное собрание сочинений Загоскина в 12 томах – издание М.О. Вольфа. Загоскина я очень люблю… Золотое сердце у Кали! Мы с ней видели это собрание в Книжной лавке писателей, но оно стоит 50 рублей, и я не стал его покупать (хоть и с сожалением). А Каля купила его за свои деньги и порадовала меня»[16]. Он умел по-детски радоваться каждой новой книге в своей библиотеке и читал, читал. Одной из самых распространенных записей в его дневнике: «Много читал».

Библиографические ссылки и примечания

1 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 6. Л. 78.

2 Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2. 1941–1946 гг.

3 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 7. Л. 34.

4 Там же. Кн. 8 Б (май 1948 г. – февр. 1956 г.). Л. 33.

5 Это была квартира профессора-историка, бывшего ректора МГУ И.С. Галкина, получившего квартиру (в 100 м^2) в новом доме, но сумевшего оставить в одной комнате на старой квартире своего сына.

6 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 8 Б. Л. 52.

7 Архив А.М. Волкова. Документальная летопись труда и быта.

8 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 8 Б. Л. 86–87.

9 Из положения о награждении орденами работников начальной, средней и высшей школы за выслугу лет при безупречной работе: за 15 лет – «Знак Почета», за 20 лет – орден Трудового Красного Знамени, за 25 лет – орден Ленина (в середине 1950-х гг. этот порядок был сведен на нет).

10 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 8 Б. Л. 108–109.

11 Правда, в 1957 г. он проработал еще один семестр на почасовой оплате.

12 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 8 Б. Л. 174.

13 Там же. Л. 39.

[14] Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 9 (с 3 марта по 11 июня 1957 г.). Л. 180.

[15] Там же. Кн. 10 (с 13 июня 1957 г. по 29 июля 1958 г.). Л. 37.

[16] Там же. Кн. 18. Л. 61.

Глава 10
Литературные сказки А.М. Волкова (1939–1976 гг.)

10.1. «Волшебник Изумрудного города»

Детское впечатление от сказки «Волшебник Изумрудного города» предвоенных лет издания было настолько сильным, что запомнилось на всю жизнь. Запомнился необыкновенный мир сказки, а ее милые герои пошли вместе с детьми в несказочный жизненный путь. Сокровенные мысли о встрече сказки с читателем высказал Мирон Петровский: «Но уже состоялась встреча книги с читателем – значительный и роковой момент в судьбе книги. Воспользовавшись старомодным, трудноопределимым, но несомненным в своей человеческой данности словом «душа», можно сказать, что пространство, где осуществляется судьба книги – душа читателя. Только в ней, в читательской душе, книга может реализовать себя, иначе – она безмолвствует и, строго говоря, не существует, подобно тому, как не существует немотствующая музыка, погребенная в пыльных листах нототеки. Эта – настоящая – судьба книги, как мы видели, исподволь началась еще до выхода в свет типографски изготовленных экземпляров: издательские работники, ласково и запанибрата называя Страшилу «Чучелой», Льва – «Лёвой», любовно поместив рукопись сказки в зеленую папку, засвидетельствовали не холодно-профессиональное, но интимно-читательское отношение к «Волшебнику Изумрудного города».

«Волшебник Изумрудного города» – это книга нашего детства!» – воскликнула Ирина Токмакова. Люди того поколения могут подтвердить: на их детстве лежат изумрудно-зеленые отблески этой книги. Владелец экземпляра «Волшебника» был счастливчиком и богачом, в библиотеках на книгу записывались в очередь, прочитавший смотрел на нечитавших с чувством сожаления и превосходства. Еще бы – ведь он побывал, а те не побывали в волшебной стране этой книги!»[1]

Одним из тех, кто познакомился с этой сказкой в военные годы, был Юрий Качаев. Он писал: «Я жил в таежном сибирском селе. Шла война, и к нам из осажденного Ленинграда привезли эвакуированных детей. Среди них была девочка, которую звали Галей. Мы учились с нею вместе и даже сидели на одной парте. Однажды после уроков Галя сказала мне: «Я знаю, ты любишь читать. Хочешь, зайдем ко мне? У меня есть одна любимая книжка. Остальные мы с мамой сожгли, потому что топить было нечем». Ее слова показались мне странными и дикими: как можно топить печь книгами, когда вокруг столько деревьев? В то время я думал, что в Ленинграде такая же тайга, как у нас.

Галина книжка называлась «Волшебник Изумрудного города». Название я запомнил крепко, а вот на имя автора просто не обратил внимания. К великому сожалению, это, наверно, и с вами случается. «Волшебника» всем классом мы зачитали до дыр. Это была удивительно светлая сказка. Уходя в нее, мы забывали и про голод, и про рваные валенки, и про то, что тетради приходилось сшивать из старых газет. В душе рождалась вера в добро и справедливость. Конечно, это мне теперь приходят на ум такие слова. Тогда же я мог только чувствовать, но вряд ли сумел бы выразить свои чувства.

Много лет спустя, уже учась в московском институте, я наконец узнал имя писателя: Александр Мелентьевич Волков. Когда мы впервые познакомились, меня удивило – как много

он знает! А как увлеченно рассказывает писатель об астрономии и математике, о двойных звездах и пульсарах, о Млечном пути и рождении новых галактик!.. Спросите в библиотеке книги Александра Волкова, и перед вами распахнется огромный мир, мир необъятный и необыкновенный, и вы согласитесь со мной: писатель Александр Волков и правда волшебник!»[2]

А вот что рассказал заслуженный художник России, автор иллюстраций к книгам А. Барто, С. Михалкова, Дж. Родари, К. Чуковского, Э. Успенского и многих других детских писателей Виктор Чижиков: «Волшебник Изумрудного города» – одна из любимейших книг моего детства. Перед глазами стоит такая картина. Мама стелет байковое одеяло прямо на шпалы в метро, ставит на одеяло миску с ягодами и рядом кладет книгу. Мы садимся на одеяло, мама читает вслух, а я ем клубнику!

В метро прятались от бомбежек во время налетов немецких самолетов на Москву. Наш дом стоял совсем рядом со станцией «Арбатская», поэтому бежать было недалеко.

Потом эта книга поехала со мной в эвакуацию в село Крестово-Городище Ульяновской области. Туда приехало много детей, эвакуированных из разных городов страны. Книги были большой редкостью. Поэтому на чтение собиралось довольно много народу, кто-то читал вслух, остальные слушали. Приходили к нам мои друзья Аркаша Тугунов, Дима и Натка, носители редкой фамилии Добряк…

«Волшебник Изумрудного города» – первая книга, которую я прочитал самостоятельно. Способствовали этому необыкновенно выразительные иллюстрации Радлова. Черно-белые, сделанные легким касанием пера, эти рисунки создают какую-то странную сказочную атмосферу, таинственную среду, заманчивую и интригующую.

На Первой Всесоюзной выставке художников книги в начале восьмидесятых годов я неожиданно увидел эти знакомые с детства рисунки. Я долго стоял перед иллюстрациями Николая Эрнестовича Радлова, с благодарностью вспоминая картинки, тускло освещенные керосиновой коптилкой, и лица моих сверстников, склонившихся над книгой.

Спасибо Волкову, спасибо Радлову и, конечно, Фрэнку Бауму». И это далеко не единственные детские отзывы о сказке[3].

После выхода в свет в 1939 г. первой книги «Волшебник Изумрудного города», а затем еще двух довоенных изданий, книга долгое время в нашей стране не переиздавалась, хотя еще в сентябре 1945 г. А.М. Волков предлагал Детгизу переиздать сказку и получил отказ, мотивированный отсутствием бумаги и квалифицированной рабочей силы в издательстве.

Однако «Волшебник Изумрудного города» занял прочное место в сердцах миллионов советских детей. Даже в самые тяжелые времена Великой Отечественной войны эта книга, как бесценная реликвия, дарила надежду и веру. Об этом свидетельствует запись А.М. Волкова в дневнике: «В 10-м номере «Пионера» в рассказе Л. Розановой «Галстук с цветами» я с большим удовлетворением прочитал следующие строки (говорится от лица девочки, собирающейся в эвакуацию): «Всю ночь мы с бабушкой собирались… Я укладывала в портфель самое необходимое: карандаши, учебник арифметики, книгу «Волшебник Изумрудного города» и коробку с фантиками». Приятно сознавать, что твой труд стал, хоть и маленькой, но принадлежностью эпохи, ее деталью, и притом правдивой, очень точной, потому что в два предвоенных года «Волшебник», вышедший тремя изданиями в тираже 227 тыс. экз., был широко известен советским ребятам. Я сам в этом убедился, когда был в эвакуации»[4].

Читатели не только помнили сказку, но и предлагали помощь в ее новом издании. Так, в 1955 г. из поселка «Новая стройка» комсомолец Виктор Акумин писал в редакцию: «Я хочу Вам сообщить, что у меня есть старая книга А. Волкова «Волшебник Изумрудного города». Дорогая

редакция, я во многих библиотеках искал эту книгу, но нигде не нашел. Эта книга старая, мне ее привез брат с курсов, на память. И вот я хочу, если такой книги нет, прошу Вас ее выпустить. Если станете выпускать, да не окажется у Вас образца, напишите мне, я Вам ее перепишу, так как она у меня уже истрепалась и для Вас не годится. Всего в книге 150 страниц»[5].

Читательский спрос на эту сказку был по-прежнему велик как в СССР, так и за границей. Однако, в отличие от СССР, за границей книгу переводили и издавали. В 1945 г. она была издана в столице Болгарии Софии (перевод Георги Ковачева) небольшим тиражом в 4 тыс. экз., в 1946 г. – в Югославии (перевод на сербский язык Слободана Глумаца) также тиражом 4 тыс. экз. и в Румынии.

В ожидании балгоприятной ситуации для издания сказки А.М. Волков решил усовершенствовать свой английский язык. В своем дневнике (сентябрь 1945 г.) 54-летний писатель, становясь вновь учащимся, писал: «Взял в библиотеке Детгиза американский журнал «Amazing Hories» (два номера) и том Стивенсона на английском. Решил приналечь на английский язык и добиться того, чтобы читать совершенно свободно. Вечером читал о подвигах робота Адама Линка и его жены Евы. Занятно написано, хотя и с массой несообразностей… Начал читать «Необыкновенную историю доктора Джекилля и господина Гайда» по-английски. Стивенсон – мастер увлекательной интриги! Как он умеет накалять интерес и заставлять читателя строить неверные предположения. Очень здорово!.. Довольно быстро осваиваюсь с английским. Повесть в 90 страниц прочитал за несколько часов. Главная трудность в английском языке – это его идиоматические обороты»[6].

Негативное воздействие на издание повести А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города», представляющей собой переработку американской сказки Ф. Баума, оказало постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», развернувшее борьбу с «космополитизмом», как враждебным советскому строю и опасным идеологическим отклонением. 17 сентября 1946 г. А.М. Волков принимал участие в общемосковском собрании писателей, посвященном обсуждению постановления ЦК ВКП(б)) о журналах «Звезда» и «Ленинград», а 27 сентября 1946 г. он получил приглашение на общее собрание членов Московского профессионального комитета детских и юношеских писателей по аналогичному поводу.

Спустя 9 месяцев после постановления партии в своем докладе генеральный секретарь Союза писателей СССР А.А. Фадеев говорил: «Среди отдельных представителей нашей интеллигенции далеко еще не изжито известное преклонение перед заграницей, респект перед всем заграничным, низкопоклонство, как было сказано в постановлении ЦК партии. Имеются ли у нас явления низкопоклонства перед Западом в литературе? Да, они имеют место. Совершенно правильно выступил Н. Тихонов в газете «Культура и жизнь» со статьей против книги И. Нусинова «Пушкин и мировая литература». Эта книга, изданная в 1941 году, долго жила, не встречая никакой критики, а это очень вредная книга»[7]. Поиски «иностранного» влияния и искоренение такового, ставшие государственной политикой, вели к глухой изоляции советского общества, к отрыву от мирового развития всех отраслей экономики, науки и культуры.

Атмосферу того времени наглядно раскрывает переписка А.М. Волкова и режиссера театра русской драмы Литовской ССР в г. Вильнюсе И.М. Лиозина. В письме от 1 декабря 1946 г. А.М. Волков писал ему: «Не скрою от Вас, что сейчас могут получиться некоторые «конъюнктурные» затруднения в связи с «американским характером» пьесы. Ведь Элли рвется на родину, восхваляет ее: идейная сущность пьесы – любовь к родине, а родина… США!»[8] В ответе от 9 декабря 1946 г. И.М. Лиозин писал: «Сейчас время у меня «смутное», не знаю еще, как определится дальнейшая работа: то, что предлагают, ставить не хочется, а то, что хочется ставить, пока

невозможно. Ваше предложение о «Волшебнике» я уже не раз выдвигал, рассчитывая на интересные результаты, но думаю, что здесь осуществить спектакля не удастся, прежде всего, по мотивам, Вами подмеченным. А предложение о перемене места действия мне кажется не очень верным, ибо без акцентировки Америки может пропасть весь аромат собственно сказки, что просто недопустимо. Во всяком случае, я не теряю надежды сделать этот спектакль. И за обработку-то сказки страшно мне понравившейся, пленительной и ароматной я взялся именно из-за этого. ...Произведение тонкое, поэтическое, а у нас зачастую так все принижают и обытовляют, что страшно становится. Книга Ваша очень популярна у нашей детворы, и я целиком применяю те замечания, о которых Вы пишите в мой адрес по поводу ее героев. В свое время у меня мелькала мысль добиться согласия на исполнение роли Элли у киноактрисы Я. Жеймо. Думаю, что это было бы превосходно. Но пока, конечно, это все только сокровенные мысли»[9].

Только в середине 1950-х гг. вновь заговорили о переиздании «Волшебника» в СССР. В 1956 г. Белорусское государственное учебно-педагогическое издательство сообщало А.М. Волкову о включении книги в перспективный план 1958 г. (затем 1959 г.), а Украинское издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь» – в план 1957 г.

13 июня 1957 г. к А.М. Волкову пришел высокий чернобородый человек – художник Леонид Викторович Владимирский[10], предложивший проиллюстрировать «Волшебника Изумрудного города». «Я рассказал ему, как обстоит дело с «Волшебником» в Детгизе (мне Миримский вчера сказал, что он и Гульбинская будут хлопотать об его включении в план 1958 года, так как иностранная редакция ничего не сделала для напечатания сказки Баума), а также сказал, что за иллюстрирование хотел бы взяться Кыштымов. Он и его товарищ делали пробные иллюстрации, но не очень удачно.

Владимирский сказал, что хочет предложить «Волшебника» новому издательству «Советская Россия». «Издательство новое, – говорил Владимирский, – у них будет детский отдел и им нужны хорошие книги. Я уверен, что они возьмут «Волшебника». Я читал эту книгу своей дочке, прекрасное впечатление...» Словом, расхваливал книгу вовсю. Я уполномочил его вести переговоры с «Советской Россией» и дал ему переработанный вариант в рукописи, чем остался страшно доволен. «Это больше, чем то, что я ожидал», – сказал Владимирский.

Он хороший опытный иллюстратор-сказочник. Принес мне показать альбом картинок к «Золотому ключику» с краткими подписями в издании «Искусства» – очень хорошо. Ему же принадлежит серия открыток «Буратино», которая есть у Кали, иллюстрации к «Железному мальчику Кьодино» в «Мурзилке», он иллюстрирует «Незнайку», «Трех толстяков» и многое другое. Это человек необычайно подвижный и пробойный, за таким, как говорится, не пропадешь.

Он уже ведет переговоры о создании диафильма по «Волшебнику» – то, что мне предлагали в 1946 году и тогда не состоялось. Я дал согласие составить подписи. Мы обменялись книжками «Буратино» и «Земля и небо» и Владимирский ушел, а через какие-нибудь полчаса мне позвонил главный редактор «Советской России» Иван Андреевич Смирнов, в кабинете которого оказался Владимирский... Вот это оперативность! И хорошо, что Детгиз утрачивает свое монопольное положение в деле издания детской литературы.

Вечером звонил Владимирский. Он показал Смирнову «Землю и небо», и «Советская Россия» хочет издать «Волшебника» таким же форматом и тоже с цветными иллюстрациями, чтобы «забить» Детгиз»[11].

А в октябре 1957 г. Л.В. Владимирский принес А.М. Волкову очередные рисунки, в связи с чем А.М. Волков восхищался: «Вот активный художник! Он вмешивается в построение книги,

просит о перестановках, указывает на неудачные места. Впервые встречаю художника, который с такой любовью и старанием относится к своей работе и для которого книга так дорога, как свое собственное творение»[12]. Писателю очень нравились созданные Владимирским образы героев сказки: «Особенно мил Страшила, это очаровательный мальчик. Владимирский впервые так его трактует, и это очень хорошо!»[13] Благодаря художнику, у Элли появился близкий ей по возрасту друг, хотя трактовка возраста Страшилы как у Ф. Баума, так и у А.М. Волкова неопределена и даже скорее предполагает взрослого человека (как в американском кинофильме «Мудрец из страны Оз»). Таким образом, сближение возрастного уровня главных героев позволило акцентировать детскую направленность сказки (если так можно выразиться, повысить % детскости: три юных героя (Элли, Страшила и Тотошка) и два героя постарше (Железный Дровосек и Трусливый Лев). Так, сотрудничество писателя и художника оказывало влияние на конкретизацию сказочных образов, придавая им новые нюансы характера.

Вспоминая о сотрудничестве с художником Л.В. Владимирским, А.М. Волков писал: «Иллюстрации Н. Радлова к этой книге были очень интересными и запоминающимися, однако не помешали Л. Владимирскому найти свой путь к представлению героев сказочной страны. Думаю, не ошибусь, если скажу, что одним из самых любимых героев у детей является Страшила. За 14 лет, которые прошли со времени первого выпуска «Волшебника», образ Страшилы в трактовке Л. Владимирского стал классическим. Его забавная физиономия с озорными глазами, с растрепанными желтыми волосами смотрит с миллионов книжных страниц, перелистываемых юными читателями в нашей стране и далеко за ее рубежами. А Железный Дровосек с потешной воронкой на голове вместо шапки, с немного неловкими движениями, неустанным стремлением прийти на помощь всем страдающим и обиженным? А добродушный Лев с пышной гривой, длинным хвостом и кисточкой на конце, которой он, растрогавшись, утирает слезы? Все эти персонажи также любимы юными читателями. Да что там говорить о ребятах, когда даже я, повидавший эти «портреты», созданные добрым десятком советских и иностранных художников, представляю их только в том виде, в каком их представил Л. Владимирский»[14].

Как уже упоминалось, сценарные переработки сказки «Волшебник Изумрудного города» для кукольного театра, сделанные еще перед войной, заставили А.М. Волкова по-новому взглянуть на сказку и переделать ее, причем была переписана четверть текста волшебной повести. 25 % переработанных сюжетных сцен существенно изменили содержание сказки. Как писал М. Петровский, А.М. Волков еще дальше увел сказку от американского первообразца и «Волшебник Изумрудного города» начал новый виток своего успеха[15].

Это издание было действительно новым по сравнению с изданием 1939 г. Во-первых, А.М. Волковым была изменена «легенда» главной героини сказки – девочки Элли. Из сироты, которая жила с тетей и дядей, она стала любимой дочерью в семье канзасских фермеров Джона и Анны Смит. Эта замена была естественна для автора как любящего отца и примерного семьянина. А.М. Волков не хотел, чтобы девочка вызывала жалость у читателей своим сиротским положением. Поэтому в сказке любовь к родителям не культивируется, она естественно присуща девочке, живущей в любящей ее семье. И потому первая мысль Элли, после того как ее домик приземлился в Волшебной стране, была о возвращении домой: «Я хочу домой, к папе и маме!» (обратите внимание: на первом месте стоит призыв к папе!). Так привязанность и любовь к родителям влекут за собой любовь к родному дому, родной земле, родине. Таким образом, в сознании юного читателя прочно закрепляется единство отношения к семье и родине, как самым большим ценностям для человека. Так мудрость автора – без гром-

ких фраз и речей – оказывает мощное воздействие на формирование патриотического мировоззрения ребенка.

Во-вторых, А.М. Волковым была изменена принципиальная сюжетная структура сказки путем введения причинно-логической связи между действием и последующим результатом. Позже, обсуждая на творческом совещании в мае 1972 г. вопрос о логике в сказке, А.М. Волков отмечал, что сказке необходима логика и дети чутко замечают логические ошибки. По словам Ю. Дружникова, А.В. Волков как математик «вычислял» свои сказки.

Если у Ф. Баума не было прямой и ясной сюжетной линии и доминирующую роль играла случайность, то А.М. Волков вводит сюжетный стержень – мотив «трех желаний». Доброй фее Виллине автор дает в руки магическую книгу, в которой предсказано: «Великий волшебник Гудвин вернет домой маленькую девочку, занесенную в его страну ураганом, если она поможет трем существам добиться исполнения их самых заветных желаний». В связи с этим А.М. Волков писал: «И сразу все действия Элли приобретают целеустремленность. Она хочет вернуться на родину, это – ее заветное желание. Но оно исполнится лишь тогда, когда будут исполнены заветные желания трех других существ. И Элли уже их ищет, она должна их найти!

Страшила еще сидит на колу в пшеничном поле, Железный Дровосек ржавеет под дождем и непогодой, Трусливый Лев прячется в лесу, дрожа при виде маленьких зверюшек… Но судьба их – счастливая судьба! – уже предрешена»[16]. Таким образом, логическая направленность действий героини получает обоснование и приводит к предсказанному результату.

Однако М. Петровский увидел во введении мотива «трех желаний» мотив предопределенности, фатума, судьбы. «Эта беда, впрочем, вполбеды – сказочная предопределенность вовсе не обязательно должна накладываться на реальную действительность, она может остаться в пределах сказочного мира. Худо другое: прежде совершенно бескорыстные, добрые дела маленькой девочки приобрели теперь сомнительный характер сделки с волшебными силами – я вам добрые дела, вы мне – возвращение на родину…»[17] Нам представляется такое суждение М. Петровского неправомерным: речь идет не о замене черт характера Элли, а о конкретизации процесса путешествия по Волшебной стране и его перспективах. Элли делает добро другим от своей сердечной доброты, а не по выбору ради своих корыстных целей и не может поступать по-другому.

Введение мотива «трех желаний» заставило автора продумать каждый эпизод, каждый поворот сюжетной линии. В связи с этим Б. Бегак подчеркивал: «Каждая деталь повествования в сказочном цикле Волкова, будь она фантастическая или реальная, весьма конкретна, все у него прочно связано, спаяно, обосновано. Во всем он идет навстречу разгорающемуся любопытству детей»[18].

В-третьих, как верно подметил Б. Бегак, современный сказочник не может пройти мимо богатого сказочного жанрового наследия. «Многое в книгах Волкова перекликается с творческими приемами фольклора, с приемами сказочной классики. Перекликается без заимствования, ибо здесь приобретает новое качество. Характерны для многих народных сказок три желания героя, которые так или иначе осуществляются. Три заветных желания трех друзей Элли играют существенную роль в первой сказочной повести Волкова. Бывшему чучелу Страшиле не хватает ума, заколдованному Железному Дровосеку – сердца, Трусливому Льву – храбрости. Желания эти должны быть исполнены. Таково непременное условие возвращения девочки на родину, так предсказано в волшебной книге доброй Феи»[19].

Вообще типичная для народного творчества сказочная цифра три использовалась А.М. Волковым много раз: это и три чуда злой волшебницы Бастинды, и три приказания вла-

дельца Золотой Шапки и др. Таким образом, введенный автором мотив «трех желаний» не только преемствен русскому сказочному фольклору, но и необходим для логического стержня сказочного сюжета, совершая тем самым творческое слияние американских и русских мотивов сюжетного сказочного процесса.

В-четвертых, в ткань сказки были включены новые сцены. Это варящая волшебное зелье Гингема, выкрикивавшая злобные заклинания и накликавшая беду на свою голову; добрая волшебница Виллина, ракрывающая придуманную писателем волшебную книгу.

В пятых, сказка приобретает, в духе советского времени, мотивы классовой борьбы, когда Элли уговаривает подданных злой феи Бастинды восстать против ее власти.

Таким образом, издание «Волшебника Изумрудного города» 1959 г. было итогом многолетнего совершенствования сказки, завершившегося созданием современного «образца», который с тех пор ежегодно издается разными издательствами и большими тиражами.

Возвращаясь к истории издания переработанной сказки, нужно отметить, что 30 декабря 1957 г. А.М. Волковым был заключен издательский договор с издательством «Советская Россия» на издание «Волшебника Изумрудного города» (6 авторских листов) с предполагаемым тиражом 100 000 экз.

Пока издательство знакомилось с измененным текстом сказки, А.М. Волков в начале января 1958 г. решил составить себе мнение о других сказках Ф. Баума. «Вчера и сегодня занимался в Библиотеке иностранных языков, читал книгу Фр. Баума «Озма из Оза» из его озовской серии, в которой, как оказывается, около полутора десятка книг. Но какие это книги!

Мне кажется, ему удалась только первая из них «The Wizard of Oz» – это та, которую я обработал под названием «Волшебник Изумрудного города». Это милая, остроумная книга, в которой найдены прекрасные типы. Но дальше писатель решил черпать все из того же источника, а фантазии у него уже не хватило, и он занялся самым посредственным эпигонством. Все эти желтые курицы, механические Тик-Токи, Люди-Колеса, продовольственные пакеты и ведра с обедами, растущие на деревьях, сменные головы у принцессы Лангвидер – все это выглядит очень безвкусно.

Боюсь, что мой замысел – написать еще одну сказку по мотивам Фр. Баума – придется оставить, нет в этих многочисленных пухлых книгах того хорошего, что стоило бы пересказать советским детям. Страшила, Железный Дровосек и Трусливый Лев (кстати, почему он снова стал трусливым, когда выпил храбрость?) пока еще не действуют в этой книге (а я за 2 дня прочитал и законспектировал 140 стр.), а только повторяют все те же рассуждения о мозгах, сердце и храбрости, которые уже достаточно известны по первой книге.

Удивительная страсть у американских писателей к длиннейшим сериям, таким как у Берроуза к тарзановской и марсианской. Это их литературный бизнес... Конечно, эта сказка неизмеримо слабее «Мудреца из Оза». Автор совершенно непоследователен: Озма у него наследница правителя Изумрудного города, а ведь в первой книге ясно сказано, что Изумрудный город построил Оз – выходец из Канзаса. У Жевунов и Мигунов откуда-то тоже появляются короли – вассалы верховного правителя Оза.

Дороти уничтожает последних злых волшебниц в стране Оз, а в последующих книгах этих волшебниц и волшебников и всякой чертовщины появляется превеликое множество... Начинает обрисовываться сюжет второй книги «Волшебника», но совсем не в таком плане, как у Баума»[20].

После дальнейшего знакомства с книгами Ф. Баума у А.М. Волкова сложилась убеждение, что это низкопробная литература. В этих книгах «высасывание из пальца неумных небылиц и

придумывание пестрой толпы людей и чудовищ – деревянных, медных, тряпичных, пряничных, тыквоголовых и т.д. и т.п. Какая чепуха! Если не сдерживать себя, как Баум, определенными литературными рамками, я могу писать таких «сказок» по шести в год! Очень и очень слаба, халтурна эта озиана. А за ней идет еще более американизированная «нейлиана». Нейль из иллюстратора превратился в продолжателя озовской серии. Интересно, сколько он наляпал книг? А и у него, наверно, нашелся или найдется продолжатель – получится неплохой литературный бизнес. Построил же себе Ф. Баум Озкот, где писал свои последние вещи.

Книжку Нейля «Удивительный город Оза» (1940) я уж и читать не стал, что-то совсем уж разнузданное. Страна Оз превратилась у Нейля в один из индустриальных американских штатов. Вот во что выродились мирные добродушные Жевуны и Мигуны первой книги Баума…»[21].

А.М. Волков был знаком также с французским переводом «Мудреца из Оза», в котором переводчик Марсель Говен назвал девочку Лили, Страшилу – Жаном-без-Мозгов, Железного Дровосека – Жаном-без-Сердца, Жевунов – шалунами (или домовыми), Мигунов – гномами. Страшилу М. Говен также называет пугалом или страшилищем, что близко к переводу А.М. Волкова.

В январе 1958 г. А.М. Волков предложил издательству «Советская Россия» написать к 1 ноября 1958 г. продолжение сказки «Волшебник Изумрудного города» под ориентировочным названием «Новые приключения Элли и Гудвина в Волшебной стране»: «Весь сюжет повести исключительно мой. Сказки Баума, начиная со второй, настолько набиты разными волшебниками, королями и принцессами, механическими людьми, повторяющими Железного Дровосека, четырехногими птицами с пропеллером вместо хвоста и плоскостями вместо крыльев, пряничными человечками и тому подобными совсем неостроумно придуманными героями, что оттуда взять для развития сюжета что-нибудь просто невозможно. Герои повести уже живут в моем воображении с их неповторимыми чертами, с их опасными или веселыми приключениями, и поэтому сказку я буду писать, безусловно, независимо от того, заключит ли со мной издательство «Советская Россия» договор или нет. Но мне, конечно, не хотелось бы предлагать эту новую мою книгу другому издательству»[22].

В конце 1950-х гг. развитие приключенческой и научно-фантастической литературы в стране настоятельно требовало решения проблем становления жанра, обмена литературным опытом, повышения писательского мастерства. 3–6 июня 1958 г. после 40-летнего перерыва состоялось Всероссийское совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе. После вступительного слова Л.С. Соболева с докладами выступили: представитель ЦК ВЛКСМ В.А. Сытин «О состоянии и задачах приключенческой и научно-фантастической литературы», Г.П. Тушкан с содокладом о приключенческой литературе; Е П. Брандис с содокладом о научно-фантастической литературе, Л. Линьков – о военно-приключенческой литературе, Ң. Томан «О советском детективе», Б. Евгеньев «О литературе путешествий и экспедиций», А. Казанцев и И. Ефремов «О научно-фантастической литературе Запада и стран социалистического лагеря», Р.Н. Ким «О буржуазном детективе», Ермашев «О приключенческой литературе на международную тематику», от Дома детской книги выступила Н.А. Максимова. В качестве слушателя на совещании присутствовал А.М. Волков.

23 апреля 1959 г. А.М. Волков обратился в Секцию детских и юношеских писателей Московского отделения Союза писателей РСФСР с просьбой о выделении ему секретаря-помощника в связи с резким ухудшением зрения. Он писал: «Левый глаз я потерял после травмы пять лет назад, но и после этого продолжал усиленно заниматься писательской работой. В январе этого года у меня в результате сильного переутомления получилось помутнение стекло-

видного тела правого глаза. Систематическое лечение пока не помогает. Врачи рекомендуют мне воздержаться от чтения и письма, а как мне жить без работы, без чтения, без письма?»[23]

А.М. Волков не мог не работать. При помощи своей невестки Марии Кузьминичны Волковой, выполнявшей какое-то время секретарские обязанности, он продолжал упорно трудиться. В мае 1959 г. был заключен издательский договор на издание сказочной повести «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» с издательством «Советская Россия» (на 8 авторских листов по 3 тыс. р. за лист) и к 1 июля 1959 г. писатель должен был сдать рукопись в издательство. Одновременно в июле началась работа над версткой, а затем гранками нового, переработанного «Волшебника Изумрудного города».

Сказкой А.М. Волкова заинтересовались в советских республиках. Так, в декабре 1959 г. из г. Риги пришло письмо от Анны Оттовны Саксе: «Уважаемый Александр Мелентьевич! Это было еще в годы Отечественной войны, когда в мои руки попала Ваша сказка «Волшебник Изумрудного города». Я так увлеклась ею, что незаметно для себя полностью перевела на латышский язык. Теперь наше издательство собирается эту сказку издать, но беда в том, что в Риге нет ни одного экземпляра последнего издания ни в магазинах, ни в библиотеках»[24]. В ответе А.М. Волков писал: «Вы пишете, что в Риге нет экземпляров последнего издания «Волшебника». Это неудивительно, т.к. оно еще не вышло в свет. Книга сейчас печатается в двух издательствах: в «Советской России» (Москва) и в Минске, в Учпедгизе Белоруссии (на русском языке). Это новое издание мною значительно переработано и дополнено, и Вы ни в коем случае не допускайте издания книги в редакции 1939 года. Я вышлю Вам московское или минское издание в зависимости от того, какое из них получу вперед»[25].

В июле 1959 г. в г. Минске Белорусской ССР была опубликована сказочная повесть «Волшебник Изумрудного города» (издание переработанное и дополненное) с рисунками В. Бундина (редактор Л. Курбеко) тиражом 100 тыс. экз., но авторские экземпляры А.М. Волков получил только в январе 1960 г. В конце 1959 г. вышло в свет московское издание сказки с рисунками Л. Владимирского (редактор Ю. Новиков) тиражом 300 тыс. экз.

По этому поводу И.А. Рахтанов писал: «Сказка Александра Волкова выдержала уже не одно издание, ее первые читатели сами стали отцами, но до сих пор при воспоминании о веселых и мужественных героях, об их приключениях в чудесной стране они испытывают если не столь же сильное, как в детстве, то, во всяком случае, большое удовольствие.

И в самом деле, сказка написана так, что каждая страница, чтобы не сказать строка, приносит неожиданность, увлекает все дальше в глубь стремительно развивающегося сюжета. Маленькая девочка Элли оказывается в водовороте быстро сменяющихся событий, на каждом ее шагу по дороге, выложенной желтым кирпичом, – препятствие, которое она преодолевает с помощью верных своих друзей – Страшилы, Железного Дровосека, Трусливого Льва и смешной собачки Тотошки. Все эти персонажи вошли в сознание поколения, плотно поселившись в нем, заняв почетное место в его формировании. В этом педагогический, в лучшем понимании этого термина, смысл сказки. Конечно, он не сложен, но здесь его сила, ведь сказка Волкова направлена «младшему школьному возрасту», которому в высокой степени свойственна прямолинейность; рисунок должен быть строг и ясен, никаких иносказаний. Вспомним, что лучшие образцы народных и книжных сказок имеют именно такую четкую основу: слабый побеждает сильного, добрый – злого, справедливость торжествует, порок наказан. И это никак не мешает обновлению сюжета, ибо комбинации бесконечны, и, должно быть, отсюда все разнообразие сказочных мотивов»[26].

Мнение И.А. Рахтанова о добром влиянии сказки поддержала грузинская читательница И.М. Сукиасова, писавшая из г. Тбилиси: «С большой радостью узнала, что в Вашем издатель-

стве выходит такая замечательная детская книга, как «Волшебник Изумрудного города» Волкова. Давно назрела необходимость издать эту удивительную книгу, которая в свое время обогатила стольким детям детство. Для каждого, кто когда-нибудь читал эту сказку, она запомнилась на всю жизнь, как одна из самых больших радостей»[27].

В аннотации к сказке в «Московском художнике» А. Амшинская сообщала читателям: «Золотом и зеленой изерфолью на корешке написано: А. Волков «Волшебник Изумрудного города». Цветовые «портреты» героев украшают белую обложку – вся книга оформлена легко, красиво. Оригинально, со вкусом исполнены титулы и форзацы. Динамичные и занимательные рисунки сопровождают текст. В рисунках Владимирского всегда торжествует доброе начало, оно привлекает, располагает к себе, тогда как все злое, враждебное человеку – неустойчиво, временно, поставлено в смешное положение»[28].

Появление книги стало событием в литературной жизни. В дневнике от 7 декабря 1960 г. А.М. Волков писал: «Сегодня прорван многолетний «заговор молчания»: обо мне дважды упомянули в газете «Литература и жизнь». В статье «Разговор в учительской» Е. Кречетовой имеется такой абзац: «Вопрос о романтике детской книги, о секрете, которым владеют большие писатели, умеющие найти необыкновенное, прекрасное и трогающее душу в, казалось бы, обыкновенном явлении, подняла молодая учительница, воспитанница этой же школы Майя Матвейчук. Она говорила о том, какой любовью у ребят разных возрастов пользуются умные, добрые книги, такие как «Парень из Сальских степей» Неверли или «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова». И рядом в статье «Ждем новых хороших книг» Е. Шишмарева и М. Бердышева из Москвы пишут: «…с захватывающим интересом читают школьники книги К. Циолковского «На Луне», А. Волкова «Земля и небо», Г. Тихова «Шестьдесят лет у телескопа», К. Гильзина «К далеким мирам», А. и Б. Стругацких «Страна багровых туч», Г. Мартынова «Каллисто», И. Ефремова «Звездные корабли», Г. Адамова «Тайна двух океанов», В. Владко «Аргонавты Вселенной». В этом перечислении у меня хорошие соседи!»[29]

Одним из первых критиков, высоко оценивших сказку, была ставропольская учительница Татьяна Карповна Кожевникова. В своей рецензии она писала: «Есть на свете Волшебная страна… Сказка об этой стране называется «Волшебник Изумрудного города». Реальное в ней переплетается с фантастикой так плотно, что невольно веришь всему. Здесь сказывается великая детскость и большая мудрость автора, который понимает, как ребенок стремится ощутить все на ощупь, представить себе любое понятие в его конкретном проявлении. Обыгрывая конкретность детского мышления, хитро подсмеиваясь над ним, А. Волков подталкивает детей к открытию важной жизненной заповеди: зачем тебе у кого-то просить то, что у тебя самого есть, будь уверенней, дружок, смелее шагай по жизни. Волков умеет подать мысль в ярких красочных картинах, внушить ее детям с тактичной настойчивостью умного воспитателя. Все, что им нужно, герои сказки добыли в борьбе, в невероятных приключениях, но добыли сами»[30]. Проницательность критика позволила Т.К. Кожевниковой увидеть новые смысловые тенденции в современной сказке, такие как ее мировоззренческий характер, разоблачение традиционных волшебников, выдвижение детей не только на роли героев сказки, но и главных волшебников – таким образом, происходит развитие сказочного жанра в новой реальности.

В ответ на благодарность А.М. Волкова за отзыв Т.К. Кожевникова писала ему 3 сентября 1967 г.: «Большое спасибо Вам за письмо, которое я получила после статьи в «Детской литературе». Ваше внимание дорого мне не просто как внимание автора к критику. Гораздо больше. Не помню, в каком возрасте, еще где-то в глубоком детстве, запало в меня впечатление от Вашей сказки. Содержание ее забылось, видимо, потому, что я узнала ее совсем еще маленькой, но сло-

ва «Волшебник Изумрудного города» запомнились крепко, и с тех далеких пор звучали так, будто прятали за собой что-то таинственное и прекрасное, увлекательное до онемения. Позже в школе я искала эту книжку, но ее не было, и я познакомилась с ней заново, уже будучи взрослой. Но впечатление от сказки было прежним, детским, с той только разницей, что теперь я понимала, что это настоящая большая литература»[31].

В подтверждение этому Б. Бегак писал: «Александр Волков мыслится нам как бы сыном (а скорее, конечно, внуком) ученых-сказочников – филолога Шарля Перро, химика-металлурга Роберта Вильяма Вуда, математика Чарльза Доджсона – Льюиса Кэрролла, врача, инженера, моряка и великого лексикографа Владимира Даля – «казака Луганского»; собратом таких наших современников, как пламенный друг природы и создатель не только увлекательных книг о ней и о себе, но и остроумнейших фантастических историй для детей – профессор Джеральд Даррелл… Должно быть, серьезное дело сказка, если за нее берутся во всеоружии своей фантазии ученые!»[32]

Финансовым итогом 1959 г. для писателя А.М. Волкова стал авторский гонорар в сумме 44 706 р.

В январе 1960 г. вышел очередной 100-тысячный тираж «Волшебника» в издательстве «Советская Россия» с рисунками Л.В. Владимирского. А с начала 1960-х гг. началось «триумфальное шествие» сказки в СССР и за рубежом: в 1962 г. она (с рисунками В. Бундина) вышла в Узбекистане тиражом 125 тыс. экз., в Латвии (перевод на латышский язык Анны Саксе, иллюстрации Оскара Муйжниека) тиражом 30 тыс. экз., в Армении (перевод на армянский язык В.Г. Таляна, иллюстрации Л.В. Владимирского) тиражом 20 тыс. экз.; в 1963 г. «Волшебник Изумрудного города» вышел в издательстве «Советская Россия» с рисунками Л.В. Владимирского тиражом 200 тыс. экз., в 1963 г. сказка была переведена на немецкий язык Л. Штейнмецем и издана в Москве издательством иностранной литературы на иностранных языках тиражом 30 тыс. экз.; в 1964 г. вышло второе издание сказки на немецком языке (перевод Л. Штейнмеца) в издательстве «Прогресс» тиражом 30 тыс. экз.; в 1965 г. – третье издание на немецком языке (перевод Л. Штейнмеца) в издательстве «Прогресс» тиражом 50 тыс. экз.; в 1966 г. – в Узбекистане (перевод Камила Пулатова, иллюстрации В. Акудина) тиражом 30 тыс. экз., в Литве (перевод Б. Саулиса, иллюстрации Л.В. Владимирского) тиражом 15 тыс. экз., в Чехословакии (перевод на чешский язык В. Кавон – для театрального представления в 2 действиях); в 1967 г. в Узбекистане вышла в свет сказочная трилогия в одном томе – «Волшебник Изумрудного города», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Семь подземных королей» – (с рисунками В. Акудина) тиражом 75 тыс. экз., в Киргизии (перевод А. Аралбаева, иллюстрации Н. Радлова) тиражом 7 тыс. экз.; в 1969 г. в ГДР вышло четвертое немецкое издание (перевод Л. Штейнмеца) тиражом 60 тыс. экз.; в 1970 г. – в Голландии (перевод М. Вислинга, иллюстрации Л.В. Владимирского) тиражом 5 500 экз.; в 1971 г. в издательстве «Советская Россия» вышел в свет однотомник сказочных повестей А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» и «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» с иллюстрациями Л.В. Владимирского, с портретом и краткой биографией автора тиражом 150 тыс. экз.; в 1972 г. в ГДР – пятое немецкое издание «Волшебника» (перевод Л. Штейнмеца) тиражом 96 тыс. экз., в Грузии (перевод К. Бухникашвили) тиражом 20 тыс. экз.; в 1973 г. – второе голландское издание (перевод М. Вислинга, иллюстрации Л.В. Владимирского) тиражом 5500 экз., в Белоруссии с рисунками П.В. Калинина тиражом 100 тыс. экз.; в 1974 г. в г. Минске вышло третье аналогичное белорусское издание, в ГДР – шестое немецкое издание (перевод Л. Штейнмеца). Всего в период с 1959 по 1974 гг., т.е. за 15 лет, вышло в свет более 1 600 тыс. книг «Волшебника».

Со многими переводчиками своей сказки А.М. Волков поддерживал многолетние дружеские отношения: это Анна Оттовна Саксе из Латвии, Абдрахман Аралбаев из Киргизии, армянский детский писатель Вазген Григорьевич Талян[33] из г. Еревана. В одном из писем А.О. Саксе писала А.М. Волкову: «Ваши сказки так полны искрящегося юмора и оптимизма, что можно их читать и не начитаться»[34]. В свою очередь А.М. Волков писал ей: «С большим удовольствием прочитал Ваши милые «Сказки о цветах». Они у нас в семье пользуются большим успехом. Особенно этой книгой увлекается моя внучка Каля (Калерия). Ей 21 год, но сказки сделались для нее прямо настольной книгой, она перечитывает по 2–3 сказки каждый день – и посылает Вам большую благодарность и привет. Я затрудняюсь выделить что-нибудь из этих очаровательных новелл, некоторые из них можно назвать «стихотворениями в прозе»... Спасибо Вам за чудесную книжку!»[35]

Дружеские отношения связывали писателя с главным редактором издательства «Ёш гвардия» в Ташкенте Суннатуллой Анарбаевым, затем Юлдашевым и др.

Появление сказки вызвало поток писем. Благодарные читатели, большинство из которых были 9–11-летние дети, писали о своих впечатлениях и желании поскорей прочитать новую сказку. Из Якутии писала А.М. Волкову второклассница Маша Степина, из г. Киева – Саша и Неля Ахтырченко, из Мало-Балабинского сельсовета Веселовского района Ростовской области – третьеклассница Люда Зимовцова, из Москвы – Людмила Лебедева, из г. Горького – семиклассник Вова Каем и многие-многие другие. А малыши 2 и 4,5 лет Вова и Марина Базалий (с помощью мамы) поздравили с Новым годом Элли, Страшилу, Тотошку и других героев сказки, адресовав свою открытку в Америку, штат Канзас, девочке Элли!

Были и постоянные «корреспонденты», писавшие А.М. Волкову регулярно. Среди них Вера Беленкович из г. Одессы (она присылала свои сказки), Вадик Яковлев из Ленинграда, Слава Кузнецов из Москвы и др.

Из письма А.М. Волкова учительнице и критику из г. Ставрополя Т.К. Кожевниковой от 7 сентября 1967 г.: «Очень рад, что Вы оказались одной из довоенных читательниц «Волшебника» и сохранили об этой сказке наилучшие воспоминания. Это время далеко ушло от нас, что те, кто читал «Волшебника» перед войной в возрасте 14–15 лет (а были и такие!), теперь скоро станут дедушками и бабушками и будут делиться своими старыми воспоминаниями о книге уже с третьим поколением... Владимирский, который настолько «вжился» в мои сказки, что его можно считать соавтором. О его переписке с Вами я знаю, у нас постоянная тесная связь. Мне очень понравился Ваш рассказ о том, как юный читатель замазал на рисунке деревянных солдат. Вот это сила чувства, позавидуешь!»[36]

Письмо читателя из г. Ташкента, подписавшего «А.Ш., крымский татарин» от 20 января 1968 г.: «Сегодня я увидел на витрине магазина «Волшебника Изумрудного города» и забыл о всех делах и заботах дня, вновь я встретился со своим горьким детством, вновь пережил тяжесть потерь, которые в сознании ребенка преломлялись несколько анекдотически. Эта вторая встреча с Элли и ее друзьями. Первая была в годы войны, в годы оккупации. Мне было семь, Димке было девять. Мы рано научились читать. Из соседних мальчишек мы остались только двое и у нас был «Волшебник», у нас была «Борьба за огонь». «Волшебник» был эталоном, мерой всех ребячьих ценностей. То ли в том издании «Волшебника» не был указан автор, то ли мы не обращали внимания на «детали», но только сегодня я узнал Вас. Спасибо. Может быть, это очень субъективно, но Вам большее от меня спасибо, чем многим другим классикам и не классикам, ибо не будь «Волшебника» для меня, возможно. Не было бы ни Толстого, ни Гюго, ни Блока...

Когда ночью 17-го мая 1944 г. автоматчики выгоняли нас из дому, я взял с этажерки «Волшебника», но взрослый дядя (может быть, он из Усть-Каменогорска, или из Москвы, или же местный, симферопольский, ибо именно из Симферополя нас изгоняли!), взрослый дядя-красноармеец с автоматом через плечо ударил меня по руке и заставил оставить книгу…

Когда я в холодную и голодную пору первых лет изгнания вспоминал прежнюю жизнь, она, эта прежняя жизнь ассоциировалась с «Волшебником Изумрудного города» и эта прошлая жизнь казалась сказочно-прекрасной, хотя тогда мы и жевали макуху! Здесь же в изгнании и макухи не было, был несъедобный хлопковый жмых.

Я сейчас взрослый, самостоятельный человек, у меня нет оснований думать, что я не добрый человек. И если я остался добрым, то этому, в частности, я обязан Вашей доброй и мудрой книге. Низко кланяюсь Вам, добрый сказочник моего детства, мой Андерсен»[37].

При появлении сказки родилось новое, невиданное ранее явление: дети переписывали всю книжку своими руками и рисовали иллюстрации. Так, москвич Саша Коршиков целый год переписывал книгу, проявив удивительное трудолюбие и терпение, но делал это с большим удовольствием. И это был не единственный случай – до сих пор в семье Волковых хранится один из «шедевров» такого детского творчества.

В 1963 г. пришло письмо даже от 68 сказочников из г. Шадринска Курганской области: «Мы в кружке сказочников Дома пионеров прочитали в прошлом году Вашу книгу «Волшебник Изумрудного города». Она очень всем понравилась. В новогодние праздники в Доме пионеров была такая комната, в которой загадки загадывала «голова», русалка и мохнатое чудовище – совсем как у волшебника Гудвина. И свет был зеленый, а на стенах блестели изумруды из фольги. Все было интересно. А мы тоже сочиняем сказки, только коротенькие. Пришлите, пожалуйста, нам Вашу фотокарточку. Мы ее поместим в альбом «Наши любимые писатели». С октябрятским приветом, сказочники»[38]. Этим ребятам А.М. Волков отправил в подарок новую сказку «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» и свою фотографию, за что дети его благодарили в очередном письме.

А ученики Кызыл-Арыгской начальной школы Тандинского района Тувинской АССР в 1965 г. решили сделать в школе «Уголок А.М. Волкова», поместив туда фотопортрет писателя, а также присланную им книгу и письма.

Наряду с детьми писали в издательство и взрослые. В 1969 г. А.М. Волков получил трогательное письмо из Москвы от Е.Д. Левина, который писал: «Дорогой Александр Мелентьевич! Я посылаю Вам карточку моей недавно умершей доченьки Оленьки Левиной и этим письмом выполняю ее желание. Ей было 11 лет. Она была очень хорошим человеком и моим большим другом. Мы вместе катались на лыжах и на коньках, ходили в музеи и собирали марки… Она очень любила жизнь, а в жизни больше всего любила читать. И вот одной из самых любимых книг была ваша трилогия. С первой книгой она познакомилась, когда еще не умела читать, а последнюю успела прочесть перед самой болезнью. Книги Ваши она очень и очень любила, хорошо знала и все же постоянно перечитывала. Она хотела поблагодарить Вас сама, но, к нашему горю, уже никогда не сможет этого сделать. Поэтому пишу Вам я. Примите самую сердечную благодарность за те минуты огромной радости и счастья, которые своим творчеством Вы доставили моей доченьке! Я очень прошу Вас передать большое спасибо Л. Владимирскому за его замечательные иллюстрации. Я знаю, что Вы очень заняты – ведь Ваши книги так нужны детям – и не стал бы просить Вас об ответе. Но дело идет о выполнении желания моей бедной доченьки, и мне очень важно знать, получили ли Вы это письмо. Думаю, что Вы меня поймете»[39].

В ответ А.М. Волков писал: «Дорогой Евгений Давыдович! Невыразимо больно и грустно, когда из жизни уходит юное существо, полное сил и радостных надежд… Я от всей души сочувствую Вам в Вашем великом горе, в горе, не знающем утешения. За свою долгую жизнь я много раз терял близких и знаю, как тяжко переносить утраты. Сердечно благодарю Вас за то, что Вы выполнили последнее желание Оленьки и прислали мне ее фотографию. Я буду хранить ее, как самую дорогую реликвию. Искренне Ваш Волков»[40]. Действительно, фотография девочки бережно хранится в архивном томе № 19. Такие письма не нуждаются в комментариях: они понятны всем.

Сказки оказывали благотворное воздействие и на далеких от литературы людей. Вот письмо от 44-летнего котельщика В.С. Крицкого из г. Батайска Ростовской области: «К сказкам отношусь безразлично, они меня почти не интересуют. Но Ваша сказка понравилась мне своей новизной, тем, что она большая по размеру и увлекательно, красочно написана. Все повествование, вылитое в живую свежую форму, чудесно читается. Вашу сказку я читал всей семье вслух по вечерам, придя с работы. Читалась она легко, а слушалась с большим удовольствием всеми, в том числе и моей женой. В книге чувствуется любовь к детям и животным, благодаря чему и удалось это прекрасное произведение для детей»[41].

5–11 марта 1961 г. состоялась XI сессия Литературно-критических чтений, организованных Домом детской книги и Секцией детских и юношеских писателей Московского отделения Союза писателей РСФСР. На сессии были заслушаны доклады А.И. Мусатова «Книги о наших ребятах» (рассказы и повести 1960 г.), Н.В. Богданова «Романтика пионерского движения в книгах о пионерах», Е.И. Рябчикова «Публицистика для детей», обсуждены книги А. Алексина «Говорит седьмой этаж», Б. Полевого «Человек человеку – друг», В. Железнякова «Разноцветная история», А. Волкова «Путешественники в третье тысячелетие», С. Голицына «Сорок изыскателей», А. Мусатова «Молодые руки», Ю. Нагибина «Шампиньоны», Н. Носова «Приключения Толи Клюквина», А. Рыбакова «Приключения Кроша», Н. Надеждиной «Я вижу море», Е. Пермяка «Твой завтрашний день» и др.

В апреле 1963 г. издательством «Изогиз» была опубликована первая серия открыток «Волшебник Изумрудного города» (текст А.М. Волкова, рисунки Л.В. Владимирского) тиражом 450 тыс. экз.

10.2. «Урфин Джюс и его деревянные солдаты»

Еще в январе 1958 г. А.М. Волков решил продолжить сказочную серию о волшебной стране и приступил к выбору сюжета для новой сказки. «Задавшись целью создать новую сказку о Волшебной стране, я задумался над тем, что же станет ее стержневой идеей, «гвоздем» сюжета. Ясно, этим «гвоздем» должно стать какое-то чудо, ведь действие происходит в Волшебной стране. И тут мне пришел в голову излюбленный мотив старых русских сказок – живая вода. Но у живой воды есть крупный недостаток: она оживляет только тех, кто жил и умер. Мне нужно было более сильное колдовское средство, и я придумал живительный порошок, сила которого беспредельна. Кто же воспользуется чудесным порошком? Конечно, отрицательный герой, вступающий в борьбу с положительными»[42].

Интересные наброски нового сюжета, которые можно сравнить с окончательным вариантом сказки, остались в его дневнике: «Главу первую (или «Пролог») можно назвать «Необыкновенный гонец». Элли и Тотошка гуляют в поле. Тотошка ловит подшибленную ворону. У нее на шее рисунок, изображающий Железного Дровосека и Страшилу за решеткой. Элли догадывается, что друзья в беде и прислали ей весточку с просьбой о помощи.

Впоследствии оказывается, что Страшила и Железный Дровосек сидят в заточении на площадке высокой башни. Там Страшила ловит ворон и, привесив к их шее записки, бросает их в воздух, когда дует ураган в нужном направлении. Одна из многих ворон попадает в руки Элли. Она находит Гудвина (они часто видятся, совместно вспоминают прошлое) и с разрешения родителей решается отправиться с Гудвиным выручать друзей.

Гудвин знает, как попасть на край пустыни, но дальше? Невдалеке от края пустыни они встречают одноногого матроса Джека, сильного, решительного и находчивого человека. Он придумывает сухопутный корабль на широких колесах (а не на лыжах, как у Баума, или полозьях – они же не пойдут по песку). Корабль построен, они долго ждут попутного ветра, а потом пересекают пустыню и попадают в страну Гудвина. Это им становится ясно, так как Тотошка начинает говорить.

А с Железным Дровосеком и Страшилой случилось вот что. В одной из неисследованных областей страны (надо попросить у Владимирского карту) жил волшебник – очень смирно, так как боялся Гудвина и злых волшебниц. Но когда их всех не стало, его обуяло честолюбие. Он решил свергнуть Страшилу. У этого волшебника имеется изобретенный им живительный порошок. Он посыпает этим порошком два десятка сделанных им деревянных солдат и с этим воинством нападает на Изумрудный город. Долгобородый солдат храбро защищается, но взят в плен. Взят и Страшила, а волшебник объявляет себя правителем страны. Железный Дровосек выходит на помощь другу, но Мигуны – плохие вояки, и Дровосек тоже в плену.

Волшебник сажает их в заточенье до тех пор, пока они не согласятся служить ему. Оттуда они и посылают вести во внешний мир.

12 ч 15 мин ночи. Решил назвать злого волшебника Урфаном: звучит неплохо и оригинально»[43]. Как потом изменился первоначальный сюжет!

Воображение писателя было настроено на новый сказочный сюжет. «Сплошное несчастье: мне надо дорабатывать «Во тьме веков», а мою голову заполняют образы и ситуации «Урфина Джюса». Что ты тут будешь делать – хоть садись да пиши сказку!»[44] В процессе обдумывания нового сюжета Урфан переименовывается в Урфина Джюса (что значит Урфин Завистливый), присваиваются имена солдату (Дин Гиор), вороне (Кагги-Кар), уточняются перипетии сюжетной линии, вплоть до пародирования американского образа жизни. Писатель вводил такое общественное устройство страны Урфинии, при котором декларировалась «свобода слова» и разрешено существование двух партий – урфинистов (монархисты) и джюсистов (республиканцы). Однако эта политизация сюжета впоследствии была отклонена автором. Таким образом, заявка с описанием будущей сказки была представлена А.М. Волковым в издательство «Советская Россия» и там одобрена.

25 июля 1958 г. А.М. Волков приступил к написанию сказки про Урфина Джюса, которая первоначально получила название «Деревянные солдаты Урфина Джюса». Эта работа заняла 18 рабочих дней (в среднем он писал по 12 страниц в день) по 14 августа. «Сказкой доволен», – записал он в дневнике[45]. В июне-июле 1959 г. сказка им была переработана в Перми, когда он гостил у брата Анатолия.

28 декабря 1959 г. А.М. Волков вручил рукопись сказки для иллюстрации художнику Л.В. Владимирскому, который высказал по телефону восторженный отзыв. Он даже считал, что «Урфин» лучше «Волшебника»: он стройнее, все в нем как-то законченно и логично.

Выбор для главного героя сказки Урфина Джюса профессии столяра, видимо, было сделано далеко не случайно. Во-первых, он показывал перерождение мирного столяра, призванного обустраивать мирную жизнь, в злого и жестокого, «играющего с огнем» вояку с глубоко нраво-

учительными побуждениями, а во-вторых, эта профессия была хорошо знакома самому писателю: он столярничал на даче, обустраивая ее шкафами и полками.

В этой сказке А.М. Волков изобрел сухопутный корабль, на котором Чарли Блек пересек Великую пустыню. Интересно, что это «изобретение» писателя находилось в русле современного развития технической мысли, так как аналогичная конструкция была использована в 1967 г. группой спортсменов из шести стран, пересекших Сахару с севера на юг на специальных машинах, снабженных четырьмя колесами и парусом (вместо двигателя)[46].

Подтверждением популярности сказок А.М. Волкова стал опрос читателей московских библиотек, проведенный в январе 1965 г. «Вечером звонил Владимирский. Поздравил с Новым годом и сообщил очень приятную вещь. Дом детской книги провел обследование по библиотекам и выяснил, на какие книги наибольший спрос. И оказалось, что на первом месте стоят «Волшебник» и «Урфин Джюс». «Вы побили Гайдара, Михалкова, Барто, – говорил Леонид Викторович, – вот так обстоят дела!»[47]

В начале 1960-х гг. завязалась переписка А.М. Волкова с писателем, литературоведом и переводчиком Евгением Павловичем Брадисом. В письме от 20 октября 1963 г. Е.П. Брадис писал: «Многоуважаемый Александр Мелентьевич! Уже много лет я с большим интересом слежу за Вашей работой и Вашими прекрасными книгами… Поводом для этого письма явилась необходимость обратиться к Вам за консультацией, которую, надеюсь, Вы не откажете мне дать. Я заканчиваю сейчас для Учпедгиза книгу «Зарубежная литература в детском и юношеском чтении», состоящую из обзоров переводной литературы по периодам, темам и жанрам с монографическими очерками о наиболее известных писателях, «прижившихся» в русской детской литературе.

Ваша обработка сказочных повестей Л.Ф. Баума (только сегодня узнал я о выходе «Урфина Джюса и его деревянных солдат») попадает в соответствующий раздел довоенного периода – по первому знакомству читателей с «Волшебником Изумрудного города». Поскольку – в данном случае – мы имеем дело не с переводом оригинального текста, а с более или менее свободной обработкой, вернее, изложением, мне нужно знать, в каком отношении находится «Урфин Джюс» с книгой Баума и как она озаглавлена по-английски… В связи с этим хотелось бы знать, сколько книг о «Стране Оз» написано Баумом и нет ли у Вас контаминации – использования во 2-й книге двух или трех книг Баума?.. У меня физически не хватает времени на изыскательскую работу – произвести сличение Ваших чудесных повестей с книгами Баума. Если бы я это сделал, могла бы получиться большая статья, а в моей книге разговор об этих двух сказочных повестях может занять не более полутора-двух страниц. Поэтому я и осмеливаюсь обратиться к Вам лично с этой просьбой»[48].

Отвечая на письмо, А.М. Волков писал: «Прежде всего о Фр.Л. Бауме. Я очень рад, что случайность столкнула меня с его сказкой «The Wizard of Oz», потому что только эта вещь из многочисленной серии «озовских» книг достойна широкой известности. В дальнейших своих сказках Баум не сумел удержаться на той высоте, какой он достиг в «Мудреце из Оза». В новых книгах нет того остроумия, которым насыщена сказка «Мудрец из Оза», в них отсутствует логика, которая обязательна и для сказок… После всего, сказанного мною о книгах Фр. Баума, Вам должно стать ясным, что сказка «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» не являются ни переводом, ни даже отдаленной переработкой какой-нибудь из книг «Озиады». Это – совершенно самостоятельное произведение, хотя часть его героев и перешла туда из «Волшебника Изумрудного города». Здесь я опираюсь на старинную литературную традицию. Ведь продолжал же Жюль Верн «Швейцарского Робинзона» в своей «Второй родине» и «Артура Пима» в «Ледяном сфинксе»[49].

В ноябре 1962 г. – марте 1963 г. в газете «Пионерская правда» печаталась вторая волшебная сказка А.М. Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» (в сокращенном варианте) с рисунками Л.В. Владимирского[50], а в 1963 г. она вышла в издательстве «Советская Россия» отдельной книгой (редактор Ю. Новиков, рисунки Л.В. Владимирского) тиражом 300 тыс. экз. В 1964 г. книга была переиздана этим же издательством тиражом 200 тыс. экз.; в 1965 г. – в Латвии (перевод Анны Саксе) тиражом 30 тыс. экз.; в 1967 г. – вновь переиздан в Москве тиражом 100 тыс. экз., в Румынии (перевод Mihail Calmicu) тиражом 23 тыс. экз., в Югославии (перевод на сербский язык Драгутин М. Малови), в Узбекистане – сказочная трилогия (однотомник содержал три первые сказки А.М. Волкова, художник В. Акудин) тиражом 75 тыс. экз., в Литве (перевод P. Zemaityte) тиражом 25 тыс. экз., в Австрии на немецком языке; в 1969 г. в Киргизии (перевод Т. Ашыралиева) тиражом 6 тыс. экз.; в 1970 г. второе немецкое издание в издательстве «Прогресс»; в 1973 г. – третье немецкое идание (перевод Л. Штейнмеца), в Белоруссии с рисунками П. Калинина тиражом 125 тыс. экз.; в 1974 г. в Белоруссии переиздана сказка тиражом 100 тыс. экз., четвертое немецкое издание в московском издательстве «Прогресс». Таким образом, в 1962–1974 гг. вышло более 1 млн экз. книги А.М. Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солдаты».

В 1969 г. был выпущен набор открыток «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» с рисунками Л.В. Владимирского.

10.3. «Семь подземных королей»

По первоначальному замыслу автора в новой сказке должно было быть двенадцать подземных королей, но художник Л. Владимирский, принимавший близко к сердцу творчество автора, посоветовал взять семь – по числу цветов радуги. А.М. Волкову мысль понравилась и он ее осуществил. В новой сказке появляется новое чудо автора – усыпительная вода, погружающая человека в многомесячный сон, от которого он пробуждается столь же невинным, как новорожденный младенец, и с таким же полным отсутствием житейского опыта. «Выдумка с усыпительной водой кажется мне очень остроумной и оригинальной. Подобной ситуации я нигде не встречал. Многим моим читателям третья сказка понравилась больше двух первых. Это не удивительно, в ней очень много романтики», – писал А.М. Волков[51].

В мае 1964 г. А.М. Волков писал: «Был в «Советской России». Прочитал Афанасьевой и Новикову план «Семи королей» со всеми уточнениями. Они его в общем одобрили, но выразили пожелание, чтобы я убрал дядю Чарли. Я согласился, но дал корректив: вместо Чарли введу туда мальчишку Фреда Каннинга, двоюродного брата Элли. Это даже будет интереснее для юных читателей. Из мальчика надо создать хороший тип, нечто вроде Тома Сойера, но, конечно, не впадая в подражание. У меня сначала было опасение, как обойтись без Чарли и его «всепревращательного» полотнища. Но я очень быстро обошел это затруднение. Отправляясь в пещеру, Фред берет с собой чемодан – складную парусиновую лодку с воздушными ящиками и, значит, непотопляемую. Он намерен покататься в ней по подземному пруду, и в ней-то они и плывут по реке. Он может взять и удочки…»[52]

В 1964 г. в журнале «Наука и жизнь» (№ 10–12) увидела свет новая сказка А.М. Волкова «Семь подземных королей» в сокращенном варианте с рисунками Л. Смехова. Говоря об идее новой повести, А.М. Волков писал: «Я поставил в ней большие проблемы социального и, если так можно выразиться, политико-экономического порядка, конечно, в форме, доступной детям. Я не употребляю терминов «эксплуатация», «первоначальное накопление» и т.п., но, по сути, именно об этом идет речь»[53].

Эта сказка продолжала традицию социальной сказки, начатую «Тремя толстяками» Ю. Олеши. В рецензии «Остроумная революция» Т.К. Кожевникова писала: «Двадцатый век – век революций, он меняет психологию сказки. Другие цели и стремления ведут теперь ее героев. Ведь сказка всегда идеальна, она отображает в себе ту мечту об истинном человеческом достоинстве и счастье, те представления о назначении жизни, которые рождает эпоха. Не в духе героев волшебной сказки теперь «наживать добро». Герой ее теперь тот, кто смысл всех своих действий видит в борьбе за обиженных, без всякой личной выгоды, в бесконечной смене ярких событий, воспитывающих яркий характер. Это идея времени, и она естественно входит в сознание наших детей. Таковы герои сказок Волкова – Элли с друзьями. Уничтожив злых волшебниц Гингему и Бастинду, разгромив и опозорив презренного Урфина Джюса, а потом перевоспитав целых семь королей, все они возвращаются к своим делам и живут наравне с окружающим миром… Формирование общественного мировоззрения и убеждений начинается в очень раннем возрасте, и помощь сказки при этом неоценима. Социальные мотивы «Семи подземных королей» доступны и понятны ребенку…

Движение от старинного волшебства к сатире, к иронии в волшебной сказке характерно для нашего времени. Волшебное сменяется естественным, а то волшебное, что сохраняется, меняет свой смысл. Волшебства сказок могут восприниматься серьезно до тех пор, пока нравственно помогают человеку, поддерживают его веру. Время движет историю, изменяются критерии нравственности, изменяется отношение к чудесному. Но оно все живо, хотя теперь трудно представить себе, чтобы возникла такая сказка, где в чистом виде чудеса трактовались бы с той же дедовской серьезностью, как, например, в сказке о Кащее Бессмертном. В «Семи подземных королях», как и в других сказках Волкова, волшебное лишь создает занимательность, отвечая потребностям детской фантазии. Это не чудо, что в сказке действуют крошечные смешные человечки, что звери и птицы разговаривают и совершают осмысленные поступки. Это обыкновенно, потому что они – просто герои книжки, как Том Сойер или Толя Клюквин, и также вызывают к себе живое участие, как любой «взаправдашний» герой. Но сказка все же есть сказка, и то, что на самом деле является делом рук человеческих, воспринимается ее героями как фантастическое происшествие: источник усыпительной воды восстановлен с помощью буровой техники, и это кажется чудом для волшебных человечков. Получается забавный сказочный перевертыш, несущий в себе одновременно утверждающую оптимистическую мысль о силе человеческого ума и рук. «Наоборот» даже отношения между героями: не волшебные люди, не феи помогают девочке Элли, а она сама помогает людям из чуда. Это современность. Давние, классические мотивы (источник с сонной водой, от которого люди становятся младенцами, летающие драконы, исчезающие феи, волшебные книги и т.д.) наполнены тем юмором, который заставляет забыть об их изношенности и все привычное для ума и чувства окрашивает блеском неожиданной новизны.

Так сказка А.М. Волкова показывает нам, как традиционная на первый взгляд форма может быть осмыслена очень современно, в духе тех больших идей, которые несет в себе время. Из фантастического древнего костюма с феями и драконами смотрят на нас озорные, молодые глаза нашей, боевой девчонки-сказки, которая свежо и радостно воспринимает жизнь.

И еще одно качество книги А.М. Волкова хочется отметить. А именно то, что в людях мы называем природной интеллигентностью, – качество редкое и не всякому доступное. Сдержанность, внутренняя культура, вкус во всем: в стиле, в языке, в выборе героев, в описаниях чудес и приключений. Событий в сказке ровно столько, чтобы не устать от них, чувства отличаются верностью, глубиной, но в то же время и юмором и потому не навязчивы, сатира

и карикатурность всегда смешны, но не вызвают отвращения, герои благородны, но без приторности. В общем, чувство меры во всем, но ни капли ограниченности, что очень ценно для детской литературы.

Третья книга А.М. Волкова несет детям много радости, а это большое счастье – книга, несущая радость… Можно не сомневаться, что через много лет, когда дети поймут и оценят Достоевского и Анатоля Франса, когда вырастут из них учителя, ученые или изобретатели, они с тем свежим чувством любви и благодарности будут вспоминать сказки Александра Мелентьевича Волкова, доброго друга их детства»[54].

В 1967 г. сказка «Семь подземных королей» вышла отдельной книгой с рисунками Л.В. Владимирского в издательстве «Советская Россия» тиражом 100 тыс. экз., в том же году сказка вошла в однотомник Узбекского издательства ЦК ЛКСМ «Ёш гвардия» (редактор С. Юлдашев) и вышла тиражом 75 тыс. экз., а в 1969 г. издательство «Советская Россия» вновь опубликовало сказку отдельной книгой с рисунками Л.В. Владимирского тиражом 100 тыс. экз. В 1970 г. книга была переведена Анной Саксе на латышский язык и издана с рисунками А. Гольтякова тиражом 30 тыс. экз. В том же году появилось первое немецкое издание этой сказки (перевод Л. Штейнмеца), выпущенное издательством «Прогресс». В 1972 г. сказка была переведена на литовский язык Эльзе Вильджюнене и вышла в Вильнюсе тиражом 30 тыс. экз. В 1973 и 1974 гг. вышли соответственно второе и третье немецкие издания, причем первое из них было напечатано в ГДР, а второе – в Москве. В 1975 г. книга «Семь подземных королей» была переведена на узбекский язык Махмудом Муродовым и вышла тиражом 60 тыс. экз., а в 1976 г. эта сказка была переиздана в Москве тиражом 150 тыс. экз. Всего в 1964–1976 гг. вышло более 600 тыс. экз. этой сказки.

Невозможность купить сказки А.М. Волкова (особенно в небольших провинциальных городках, не говоря уже о сельской местности) и горячее желание иметь их заставляли некоторых детей совершать необычные поступки – переписывать книги от руки. Вот что писала Галя Рахматуллина из г. Воткинска Удмурдской АССР: «Мы, то есть шесть подружек, с удовольствием читали Ваши книги о путешествии Элли в Волшебную страну. Но у нас нелегко достать эти книги. Первую книгу «Волшебник Изумрудного города» нам удалось купить. Вторую книгу «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» мы не достали. Нам пришлось долго списывать ее и срисовывать картинки. Третья книга «Семь подземных королей» нам попалась случайно, и мы тоже списали ее. Книга была дана на считанные дни, и поэтому я сидела ночами и списывала ее, да еще учеба вдобавок. Мы очень хотим иметь все эти книги не списанными, а напечатанными. Мы давно мечтали поставить кукольный театр по сказке «Волшебник Изумрудного города», и сейчас осуществляется наша мечта. Кукол мы шьем сами и делаем декорацию. Надеемся, что к лету у нас все будет готово. Пришлите нам, пожалуйста, четвертую часть сказочного приключения Элли и ее друзей»[55]. В ответ А.М. Волков предложил обменять их рукописные сказки на печатные, с чем девочки охотно согласились и очень обрадовались. До сих пор одно из рукописных детских «произведений» бережно хранится в семье Волковых.

Девочки регулярно писали ему письма, присылали книги. «До слез растрогали меня девчонки из Воткинска... Днем я получил бандероль, в ней оказались альбомы Удмуртии, Ижевска, Воткинска, поздравление… Да, не забывают меня мои юные читатели, и в этом мое утешение, моя отрада»[56]. А в январе 1971 г. 19-летняя Галина Рахматуллина со своей двоюродной сестрой побывала в гостях у своего любимого писателя, от которого получила в подарок книгу «Царьградская пленница».

«Вот она, моя награда! Пусть молчат о моих сказках критики, пусть не говорят в докладах чиновники из ССП, а мои сказки ребята переписывают от руки, перепечатывают на машин-

ках… И эти бурные аплодисменты, которыми встречают меня мальчишки и девчонки в Колонном зале во время открытия Недели детской книги, аплодисменты, самые продолжительные и горячие из всех. Нашим «генералам» это не по нутру…»[57]

10.4. «Огненный бог марранов»

В 1968 г. впервые в журнале «Наука и жизнь» (№ 9–12) в сокращенном варианте вышла новая сказка А.М. Волкова «Огненный бог марранов» с рисунками Л.В. Владимирского. «Итак, четвертая сказка пошла к миллионам читателей! Именно к миллионам, так как у журнала чудовищный тираж – 3 300 000. Если каждый номер прочитает только трое и то читателей сказки будет десять миллионов. С трудом могу осознать огромность этой цифры. Что в сравнении с этим книжные тиражи…»[58]

В 1971 г. сказка «Огненный бог марранов» вышла отдельной книгой в Узбекистане в издательстве «Ёш гвардия» с рисунками художника Ю. Павлова тиражом 150 тыс. экз. В 1972 г. она вышла в издательстве «Советская Россия» (редактор А. Стройло, иллюстрации Л.В. Владимирского) тиражом 150 тыс. экз. В 1973 г. сказка была опубликована в Латвии (перевод Анны Саксе) с иллюстрациями А. Гольтякова тиражом 30 тыс. экз.; в 1975 в издательстве «Прогресс» вышло первое немецкое издание сказки. Таким образом, по неполным данным, было издано более 400 тыс. книг.

В 1967 г. А.М. Волков писал Т.К. Кожевниковой: «Теперь о новой повести. Я поставил в ней большие проблемы социального и, если так можно выразиться, политико-экономического порядка, конечно, в форме, доступной детям. Я не употребляю терминов «эксплуатация», «первоначальное накопление» и т.п., но, по сути, именно об этом идет речь. Насколько удачно я с этими проблемами справился, мне самому судить трудно, нужен посторонний зоркий глаз… Я не считаю работу над сказкой законченной, и Ваша помощь будет для меня крайне ценна.

Скажу о том, почему я написал четвертую сказку, хотя в третьей устами королевы полевых мышей закрыл Элли дорогу в Волшебную страну? Дело в том, что я получаю от ребят массу писем, где они требуют продолжения, да и мне не хочется расставаться с моими героями, с которыми я так сжился за 30 лет. Вот почему я пошел на хитрость и вместо Элли ввел Энни, еще крепче таким образом привязав семью Смитов к Волшебной стране»[59].

В ответном письме Т.К. Кожевникова писала (от 27 октября 1967 г.): «Огненный бог», как и все предыдущие сказки, мне очень понравился. Интересно, увлекательно, как прежде, хорошо по содержанию. Та задача, которую Вы перед собой поставили, на мой взгляд, выполнена отлично. И концовка, шутливо-сказочная, хороша для детского возраста и символична.

Многие страницы очень эффектны и должны подействовать на воображение ребенка своей красочностью, например, появление Урфина в стране Прыгунов, воздушный бой гигантских орлов, сражение у стен Изумрудного города, лисий городок (особенно хорошо, сказка в сказке). Очень колоритна фигура орла Карфакса. Герои сказки по-прежнему сохраняют свои симпатичные черты.

Но ряд замечаний у меня все же есть. Прежде всего, это – впечатление какой-то легкости, оставшееся от побед Тима и Энни… В общем, Энни и Тим показались все менее живыми, чем была Элли… Орел Карфакс очень быстро уходит со сцены… Топотун – интересный герой, а его судьба неизвестна… Саблезубый тигр разманил новым приключением, а исчез почти незаметно… В остальном «Огненный бог» можно читать как вполне самостоятельную сказку»[60].

Обдумывая замечания Т.К. Кожевниковой, А.М. Волков решил углубить образ Энни, заставляя ее вспоминать о сестре и спрашивать себя в затруднительных ситуациях: «А как поступила бы здесь Элли?», а также использовать в сказке качества орла Карфакса как пацифиста.

Сообразуясь с замыслами автора, редакционное заключение к «Огненному богу марранов» констатировало: «О серьезных вещах с маленьким читателем надо говорить понятным для него языком. Сказочник всегда мудр, но одновременно и наивен, лукав, но и простодушен, он поучает, но делает это так тонко и незаметно, так занимательно, что читателю и в голову не приходит, что, переживая вместе с героями опасные приключения, выручая друзей из беды, ненавидя коварного Урфина Джюса, он вместе с тем и учится быть смелым и честным, учится быть хорошим товарищем»[61].

Необходимо дополнить, что первые четыре сказки писателя были переведены на английский язык в США. Там уже более 40 лет существует Международный клуб «Волшебник Оз», во главе которого ныне находится президент Питер Ханффол[62].

10.5. «Желтый туман»

Над пятой сказкой А.М. Волков начал работать в начале июля 1968 г. «И все-таки… все-таки в голове бродит замысел новой пятой сказки о Волшебной стране, который с каждым днем все более властно захватывает меня… Видно, есть все же во мне писательская способность, невзирая ни на что, не считаясь со своим личным горем, браться за перо и создавать новые произведения на радость людям. Новая сказка будет называться «Желтый туман»[63]. 200 страниц сказки были им написаны за 24 дня, а затем началась тщательная смысловая и стилистическая правка.

Новая сказка А.М. Волкова «Желтый туман» впервые появилась в журнале «Наука и жизнь» (№ 3, 6–8) в сокращенном варианте в 1970 г., а в 1973 г. вышла часть сказки (четыре выпуска) в газете «Вечерняя Москва» и только в 1974 г. эта сказка вышла отдельной книгой с рисунками Л.В. Владимирского тиражом 150 тыс. экз. в издательстве «Советская Россия».

Характеризуя сказку, постоянный рецензент Т.К. Кожевникова писала А.М. Волкову 12 февраля 1969 г.: «Желтый туман» произвел на меня очень хорошее впечатление, читала с увлечением. В этой сказке, как и во всех предыдущих, опять присутствует важное качество: она детская и взрослая одновременно. И герои, и место действия, кажется, так удалены от нас, от современности, а на самом деле сказка насквозь пронизана ею. Сначала это просто занимательный сюжет, а потом оказывается, что в нем отражается объективный ход жизненного процесса. Жизнь, действительно, жестока, не успеешь покончить с одним несчастьем, на пороге уже ждет другое. Так в нашей личной жизни, так в жизни всего человечества, так, оказывается, и в Волшебной стране. Разница только в том, что там зло принимает очень наглядные формы, видимые, четко определенные и резко отмежеванные от добра. И в этом сказочность, в этих внешних формах и еще в обязательной победе добра. Сказка не может быть без оптимизма, и правильно. Это мудрость, без которой невозможно жить. Сказка хорошо кончается, борьба с Арахной очень живописна, великолепен Тилли-Вилли. Очень хорошо, что Вы включили в действие Карфакса и вообще вспомнили всех старых героев»[64].

Элементы повтора, применяемые автором, рассказывающим историю Волшебной страны более или менее подробно в каждой следующей сказке, являются, на наш взгляд, педагогическим приемом своеобразного закрепления материала для тех, кто открыл книжку впервые.

Семья Мелентия Михайловича и Соломеи Петровны Волковых. Конец 1890-х гг. Справа мальчик с книгой – Александр Волков

Александр Волков. Томск. 1907 г.

Воспитанник Томского учительского института
Александр Волков. 1910 г.

Александр Волков. 1914 г.

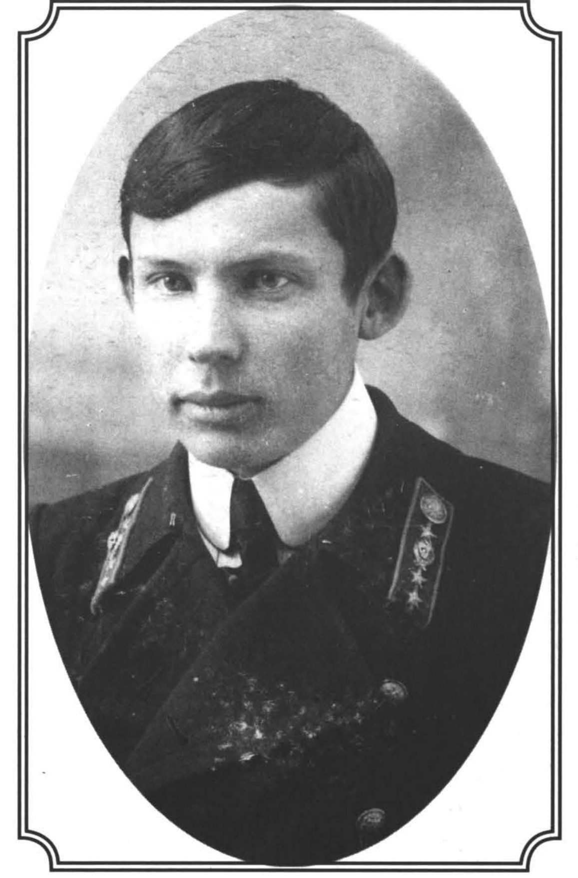
Здание Томского учительского института. Архитектор Ф. Гут. 1902 г.

Лекцию читает директор Томского учительского института И.А. Успенский. 1913 г.

Преподаватели и студенты Томского учительского института. 1913 г.

Александр Волков. 1917 г.

Александр Волков с братом Петром. 1915 г.

А.М. Волков с женой и сыном Вивианом. 1916 г.

Калерия Александровна Волкова. 1914 г.

Учителя Усть-Каменогорского высшего начального училища
А.М. Волков (слева) и А.С. Цыбенко. 1916 г.

А.М. Волков (справа) с сестрой Людмилой и братом Михаилом.
Усть-Каменогорск. 1925 г.

А.М. Волков с сыном Вивианом. 1926 г.

Преподавательский состав Усть-Каменогорского 1-го высшего начального училища. 1919 г. Стоят (слева направо): В.П. Винокуров, штабс-капитан Блаженский, М.Р. Муравьев, П.Я. Кусков. Сидят (слева направо): А.А. Соколов, А.М. Волков, протоиерей А.В. Дагаев, В.А. Дагаева, Д.Г. Любомудров, С.В. Пешехонова

Коллектив Усть-Каменогорских педагогических курсов. 1916 г. В среднем ряду (слева направо): слушательница курсов, Д.Г. Любомудров, Е.В. Пешехонова, П.Я. Кусков, К.М. Попов, протоиерей А.В. Дагаев, В.В. Серебрякова, А.Ф. Шкарпет, А.М. Волков. В верхнем ряду (в белом платье) преподаватель гимнастики К.А. Волкова

Преподаватели Усть-Каменогорского Мариинского женского училища. 1914 г. Сидят (слева направо): К.Н. Седельникова, А.Н. Седельников, И.Е. Мирошниченко, Е.Н. Кириллова, Т.С. Трофимова; стоят – Т.В. Пешехонова, Л.Н. Путинцева, А.М. Волков

Преподаватели и учащиеся опытно-показательной школы им. Горького. Ярославль. 1928 г.
Во втором ряду, в центре – директор школы А.М. Волков

Семья Волковых. Москва. 1932 г.

Преподаватели и выпускники рабфака при Государственном электромашиностроительном институте им. Я.Ф. Каган-Шабшая. Москва. 1931 г. Во втором ряду (третий справа) – А.М. Волков

Преподаватели и студенты Московского института цветных металлов и золота. 1947 г.
В первом ряду (второй справа) – доцент А.М. Волков

Семья Волковых. Москва. Начало 1940-х гг.

Сотрудники кафедры высшей математики Московского института цветных металлов и золота. 1950 г.
В первом ряду (слева направо): доцент А.М. Волков; заведующий кафедрой, профессор В.И. Шумилов

Внучка А.М. Волкова, педагог Калерия Вивиановна Волкова. 2002 г.

Музей А.М. Волкова в ТГПУ

10.6. «Тайна заброшенного замка»

Замысел шестой сказки стал развиваться еще в 1968 г. «Очень смутная мысль была такая: в замке Гуррикапа появляются какие-то таинственные существа, они похищают детей и устраивают разные пакости обитателям Волшебной страны. Ну, конечно, с ними начинается борьба… Но дальше этого у меня дело не шло. На днях услышал по радио название иорданской деревушки Альмансия, оно мне понравилось, я решил назвать этим именем замок Гуррикапа… Потом моя мысль перекинулась на инопланетников, появившихся в Волшебной стране. Из другой солнечной системы прилетают на космическом корабле альмансоры (люди с Альмансы). Это авангард межпланетных завоевателей… Это пока только схема, но у меня и такой не было, когда я задумывал «Желтый туман»[65].

Кстати, запросы на «космический сюжет» поступали и от детей, например об этом просила автора ученица 3-го класса средней школы № 131 Лена Доценко из г. Харькова.

Сказка была написана за 22 дня в июле-августе 1969 г., однако потом была сделана необходимая доработка сюжетной линии об усыпительной воде и основательная стилистическая правка.

Шестая сказка А.М. Волкова «Тайна заброшенного замка» начала свой путь к читателю в 1971 г. под заглавием «Вторжение клювоносых» в № 61–63 и 65–66 газеты «Дружные ребята» (орган ЦК ЛКСМ Казахстана и Республиканского Совета пионерской организации им. В.И. Ленина) с предисловием А. Розанова и рисунками А. Шестакова. В июне-октябре 1976 г. в этой же газете вновь печатали эту сказку в сокращенном варианте.

По сюжету с далекой планеты Рамерия в Волшебную страну прилетел звездолет инопланетян, которые намерены были покорить человечество. Обитатели Волшебной страны вступают в борьбу с агрессорами и побеждают их. «Но столь неожиданный поворот вовсе не переносит повесть в область научной фантастики. Она остается типичной сказкой. За ее сказочность горой становятся наши знакомые – премудрый Страшила, старый филин Гуамоко, переродившийся Урфин, Железный Дровосек, королева полевых мышей Рамина, умная ворона Кагги-Карр… Хитроумный ход сюжета представляет их читателю в новом качестве, в окружении совсем новых персонажей – как друзей, так и врагов.

В последней сказочной повести Александра Волкова – изобилие действия и, наряду с трагичностью многих ситуаций, – немало юмора, умения героев шутить перед лицом опасности, простодушия, противопоставленного хитрости и злобе.

Сказки Волкова не угасают. Они радуют маленьких читателей и слушателей в разных концах нашей страны. И других стран тоже», – писал Б. Бегак[66].

Так, традиционная сказка сочетается с традиционной научной фантастикой. Здесь сталкивается бездушно-рационалистическая, машинная, нечеловеческая логика с «овеществленным воображением» и фантазией сказки, столкновение могучей, злой сверхтехники со сказочными чудесами. И пришельцы, не верящие ни в добрые чувства, ни в фантазию, именно поэтому и терпят поражение в столкновении с ними (вспомним, хотя бы, нападение сказочных мышей на лагерь инопланетян).

По словам редактора газеты «Дружные ребята» И.А. Боронаевой, высказанным в августе 1976 г., новая сказка А.М. Волкова с увлечением читалась не только детьми, но и взрослыми, а вырезки из газеты склеивались в книжки. После получения бошого количества детских писем редакция газеты «Дружные ребята» обратилась к автору с просьбой о высылке рукописи книги «Тайна заброшенного замка» в адрес молодежного издательства «Жалын» на имя главного редактора Калдарбека Найманова.

Как отдельное издание сказка вышла уже после кончины автора в 1982 г.

Привнесение космической темы в сказочный цикл было актуальным в век космоса, начавшийся в 1961 г. полетом Юрия Гагарина. Эта тема была под силу человеку, обладающему фундаментальными научными познаниями и увлеченному научно-техническим прогрессом. В подтверждение этому Б. Бегак писал: «Александр Волков мыслится нам как бы сыном (а скорее, конечно, внуком) ученых-сказочников – филолога Шарля Перро, химика-металлурга Роберта Вильяма Вуда, математика Чарльза Доджсона – Льюиса Кэрролла, врача, инженера, моряка и великого лексикографа Владимира Даля – «казака Луганского»; собратом таких наших современников, как пламенный друг природы и создатель не только увлекательных книг о ней и о себе, но и остроумнейших фантастических историй для детей – профессор Джеральд Даррелл… Должно быть, серьезное дело сказка, если за нее берутся во всеоружии своей фантазии ученые!»[67]

Наряду со сказками о волшебной стране (так называемой «Эллианой») А.М. Волкову принадлежит еще ряд небольших сказок, которые он поместил в 1958 г. в «Книгу сказок». Туда вошли переработанные из пьес «Чудесные пилюли», «Терентий и Тентий» и «Рыбка-Финнита», однако этот сборник не нашел издателя.

10.7. Волшебный мир волковских сказок

А.М. Волков поместил свою Волшебную страну в центре североамериканского материка, попасть в которую можно только преодолев Великую песчаную пустыню и Кругосветные горы. Попавший туда оказывается в райском уголке: «Но если окажешься там волей случая, то чудес насмотришься вволю. С тобой будут разговаривать животные и птицы, в дремучих лесах ты увидишь зверей, сохранившихся с тех пор, когда Земля еще была иной; тебя круглый год будет согревать жаркое летнее солнце, под лучами которого зреют невиданные плоды…»[68] Эта никому не известная волшебная страна заманивает юного читателя невероятными героями и чудесами.

Волшебная страна, созданная детским писателем А.М. Волковым, отталкиваясь от четырехчастного сказочного мира Ф. Баума (4 героя, 4 страны, 4 волшебницы, 40 волков, 40 ворон и т.д.), значительно расширила свои локальные границы и охватила не только Подземную страну рудокопов, но и вышла в открытый космос, связавшись с далекой планетой Рамерией. Так, взамен плоскостной была создана многоуровневая модель пространственно-временной организации художественного мира литературной сказки, характеризующая принципами универсальности и безграничности, а также углубленным когнитивным и эмоциональным потенциалом.

Если срединная и подземная части придуманной Ф. Баумом модели были конкретизированы А.М. Волковым по частям света (а художником Л.В. Владимирским создана замечательная карта Волшебной страны), то мироустройство планеты Рамерии явилось благодаря оригинальной идее А.М. Волкова. Нам представляется вполне закономерным обращение автора к космической тематике как захватывающей основы для современной детской сказки в век интенсивного освоения космоса. Таким образом, реальное космическое пространство (правда, с его волшебной планетой Рамерией) стало неотделимой частью волшебного мира, созданного А.М. Волковым.

Связующим образом в пространственно-временной организации волшебного мира является образ дороги, пришедший из народного творчества. Именно дорога, вымощенная желтым

кирпичом и ведущая к Изумрудному городу, становится для героев ареной приключений, самоутверждения и побед. «На ней девочка встречается со своими будущими друзьями, на ней происходят опасные приключения, из которых герои выходят невредимо только потому, что они прочно усвоили святую истину «Один за всех, все за одного!»[69]. Сказки А.М. Волкова, воспевающие дружбу как самое заветное, что есть на свете, сами стали настоящими друзьями для многих поколений читателей. «Волшебник Изумрудного города» был сказкой-другом для детей и в суровые годы Великой Отечественной войны, и в мирное время.

В сказках А.М. Волкова нашли отражение мотивы борьбы за социальную справедливость и независимость, столь характерные для советского общества. Начиная со второй сказки, эти идеи получают воплощение в сюжетных линиях сказок: «Во второй народам Волшебной страны приходится бороться за свою независимость с деревянными солдатами Урфина Джюса, в третьей Подземные Рудокопы восстают против порядка, который тяготел над людьми в продолжение тысячелетий. А в четвертой сказке в течение многих месяцев Марраны проходят тот путь человеческой истории, на который народам большого мира понадобились долгие годы. В сказке «Желтый туман» речь идет не только о свободе обитателей Волшебной страны – чары злой Арахны угрожают самому ее существованию»[70]. Главной идеей шестой сказки является борьба с инопланетянами, решившими покорить Волшебную страну. Подобная тематика, безусловно, являлась типичной для советской литературы (в том числе детской) на всем протяжении советской власти.

В детской книге особенно важна морально-этическая позиция автора, который должен реально осознавать свою силу убеждения и свою большую ответственность перед ребенком. Поэтому А.М. Волков был возмущен жестокостью баумовского Оза, который заставляет Дороти убить злую волшебницу: «Какая жестокость в этих словах! Девочка должна убить, совершить самое тяжкое преступление. И надо с грустью признать, что в современной Америке детская преступность очень велика: это объясняется влиянием комиксов, гангстерских кинофильмов, радио- и телепередач, восхваляющих убийства и другие преступления.

Надо отметить и другую сторону дела. Оз прекрасно понимал, что посылает маленькую, робкую девочку на смерть. Однако его это ничуть не смущало, ему не жаль ребенка, он думает лишь о себе.

В моей переработке Оз, превращенный в Гудвина, не так себялюбив и жесток. Он посылает Элли и ее друзей освободить бедных Мигунов, изнывающих под властью злой Бастинды. Смерти Бастинды Гудвин не требует, и если Бастинда погибает, то чисто случайно, без злого умысла Элли. Гудвин надеется, что Элли освободит Мигунов при помощи волшебной силы башмачков и без убийства. На борьбу с Бастиндой Элли поднимает народную массу (чего совершенно нет у Баума), и если бы злая волшебница не растаяла, восставший народ все равно лишил бы ее власти», – писал он в послесловии для родителей к «Волшебнику Изумрудного города» в 1959 г. Так, заботясь о воспитании юного читателя, писатель оградил его от влияния отрицательных качеств и жестоких приказов.

Мало придумать новую ситуацию, новую страну с совершенно необычными условиями существования – под землей или в бескрайнем космосе, необходимо населить ее живыми существами, создать уникальный волшебно-фантастический мир, столь необходимый для развития детской фантазии и изобретательности. Поэтому одной из характерных особенностей волковских сказок является насыщенность их персонажами, предметами, событиями.

По этому поводу Борис Бегак писал: «Фантастика Александра Волкова вбирает в себя мотивы всемирного фольклора и многих литературных сказок, не утрачивая своеобразия. У писате-

ля есть и добрые феи, помогающие героям, и злые ведьмы, чинящие им всяческие помехи, есть ужасные чудовища, есть гномы и великаны, есть усыпляющая вода и оживающие деревянные куклы. Есть простодушные маленькие народцы, попавшие под власть тиранов и деспотов, и простодушные существа, неожиданно для самих себя становящиеся правителями целых народов. Здесь побеждает не жестокость и не злоба, а доброта, стойкость, единство. В этом близость сказок Волкова народному творчеству, в этом – их ценность для детского читателя, в этом – их педагогическая действенность»[71].

Действующие в сказках персонажи обладают образной и характерной многоплановостью: противопоставлением размеров – великаны Гуррикап, Арахна, Тилли-Вилли и гномы; противопоставлением качеств – добрых волшебниц Виллины и Стеллы и злых волшебниц Гингемы и Бастинды; противопоставлением настоящих и мнимых волшебников (Гудвина); отношением к цвету своей страны – жители Голубой страны в голубой одежде, Розовой – в розовой и т.д.; особенностью народных характеров – жевуны, мигуны, болтуны, прыгуны; равноправием животных, людей и кукольных персонажей; наличием прототипов реальных животных (Тотошка, Лев, королева мышей Рамина) и фантастических животных (огромный паук, летучие обезьяны, саблезубые тигры) и др. Таким образом, «население» волшебного мира представляет собой необыкновенное реально-фантастическое сообщество, живущее и действующее по законам Сказочной страны. И чем оно парадоксальнее, тем интереснее юному читателю.

Одним из самых любимых героев сказки стал детский персонаж – девочка Элли. В этой связи нам кажется продуктивной идеей выдвинутая И.Н. Арзамасцевой мысль о том, что основой детской литературы является мифологема Божественного Ребенка, уходящая к истокам древних культур разных народов[72]. Такой Божественный Ребенок наделялся множеством качеств: он не только сам является чудом (рождения), но и творил необыкновенные чудеса, совершал «взрослые» подвиги. При этом масштаб чудес может быть различен: от морально-этического поступка до любых добрых дел и мудрых откровений ребенка.

«Благодаря мифологеме Божественного Ребенка произведение становится своего рода храмом, пространством, где поклоняются Ребенку – персонажу и читателю. Все структурные и стилевые элементы произведения подчинены общей цели – доставить удовольствие и пользу читателю-ребенку и восславить Царство Ребенка. Разве не такими храмами являются нам сказки Андерсена, Антония Погорельского, Вагнера, Милна, Астрид Линдгрен, Корнея Чуковского, Эдуарда Успенского, рассказы и повести, стихи и поэмы детских классиков, украшенные рисунками лучших художников, иданные с радением о наслаждении и пользе того, кто возьмет в руки книгу?» – спрашивает Н.И. Арзамасцева[73].

И хотя Элли в сказке вовсе не волшебница, а реальная девочка, занесенная ураганом в Волшебную страну, она все-таки является средоточием чудес: освобождает страну от злых волшебниц, добивается исполнения желаний, преодолевает вместе с друзьями непреодолимые препятствия. В глазах жителей Волшебной страны эта добрая, мужественная, умная девочка становится настоящей волшебницей. Перипетии реальности и волшебства так туго переплетены в сказке, что кажутся органичным сочетанием и совершенно не сбивают с толку юных читателей.

Хотя структурообразующие мотивы применения мифологемы Божественного Ребенка весьма привлекательны для разработки волшебного мира сказок А.М. Волкова, видимо, более приемлемым является построение художественного мира этих произведений по принципу «обычный ребенок в фантастическом мире сказки», высказанному Л.В. Овчинниковой[74].

В сказках А.М. Волкова наряду с Элли действуют и другие детские персонажи (Энни, Фред Каннинг, Тим О' Келли), функционально повторяющие схему поведения главной героини.

Изумительными находками автора наряду с многообразием персонажей и событийной нестандартностью можно считать оригинальные предметы: мозги для Страшилы – мешочек с отрубями, из которого торчали иголки и булавки (для остроты ума!); шелковое красное сердце для Железного Дровосека; живительный порошок, усыпительная вода, масса волшебных вещей – туфельки Гингемы, шапка Летучих Обезьян, свисток Рамины, обруч Лиса. Вся эта сказочная атрибутика, несущая большую функциональную нагрузку, стала неотъемлемой частью волшебного мира.

В сказках А.М. Волкова отчетливо просматриваются элементы русского фольклора: усыпительная вода произошла от живой воды русских сказок, сказочно освященная цифра «7», мотив трех желаний и т.д. Л.В. Овчинникова, определившая место сказок А.М. Волкова между фольклорными и авторскими, писала: «Промежуточное положение занимают литературные сказки, созданные на основе «подключения» к существующей традиции (А. Толстой, А. Волков, Е. Шварц), так как они отчасти воспроизводят фольклорный способ хранения и передачи информации, но с другой стороны, принадлежат литературе, а не фольклору»[75]. Таким образом, налицо фольклорно-литературный сказочный синтез.

Другой особенностью волковского волшебного мира является динамичность событий. Приключения героев разворачиваются стремительным темпом, не давая читателю впасть в уныние и долго разыскивать интересное место в книжке. Герои сказки действуют, а вместе с ними включаются в действие и увлекшиеся читатели, всем сердцем сопереживая героям в их победах и поражениях. А где действие – там игра: так происходит поворот к игре, интригующей преодолением небывалых трудностей и головоломок, игре, требующей от читателя не только интеллектуального напряжения, смекалки, хитрости, но и сердечной открытости и доброты.

Эта особенность сказок А.М. Волкова была четко подмечена Борисом Бегаком, который пришел к пониманию сказки-игры через транскрипцию заклинаний: «Исполнение желаний, избавление от бед, доброе волшебство, помогающее одолеть злое колдовство! Для подобных действий надо произнести таинственное заклинание. Такое заклинание произносят и маленькие герои сказок Волкова, и в этой мелкой, но значимой детали раскрывается один из секретов писателя, одна из малозаметных сторон его педагогической мудрости. Заклинание как две капли воды похоже на забавную детскую считалку…

Не удивительно. Ведь само сказочное действие у Волкова со своими страшными и смешными ситуациями, с преодолением тяжелейших препятствий и помех, с задачами и загадками, в сущности, ведет нас к детской игре. Да, да, к игре, наполняющей детскую жизнь, неотразимо привлекательной для ребенка, насущно необходимой ему, целесообразной и полезной.

Игра – это серьезно.

Игра – это действенно.

Игра – это гуманно.

Разве не характерен финал одной из сказок Волкова, где назревающая губительная война пресекается футбольным состязанием противников?

Волшебная страна, в которую вводит детей писатель-учитель, писатель-ученый, многому учит маленького читателя. Учит активности, мужеству, стойкости, находчивости. Учит доброте и верности. Учит фантазии и юмору. Ведь и то и другое очень нужно детям, и то и другое исподволь расширяет их кругозор, формирует личность»[76].

Таким образом, созданный А.М. Волковым волшебный мир представляет собой многоуровневую художественную модель и характеризуется предельной насыщенностью персонажами,

событиями и предметами, образной и художественной многоплановостью персонажей, оригинальностью предметной атрибутики, динамичностью действия. Все эти признаки позволяют обоснованно говорить о наличии игровой основы сказки, о своеобразной сказке-игре, привлекательной как для познания и социализации реального и волшебного мира, так и для самопознания ребенка.

Прав М. Петровский, писавший: «Это действительно добрая книга, написанная от доброты и для доброты. Поэтому она – вместе с другими книгами нашего детства – по-прежнему приходит к читателю, чтобы наставить, ободрить, обнадежить. Она обещает познание – то есть победу. Что может быть обаятельней книги, которая приходит, чтобы сказать: не бойтесь…»[77]

Таким образом, волшебный мир литературных сказок А.М. Волкова, созданный в 1930–70-х гг., является типичным для своего времени и характеризуется синтезом фольклорных, философских и научно-фантастических элементов. Но вот еще один парадокс: когда из совокупности типичных элементов рождается неповторимое и уникальное – любимые во все времена детские сказки А.М. Волкова.

Библиографические ссылки и примечания

1. Петровский М. Книги нашего детства. М., 1986. С. 270–271.
2. Качаев Ю. Писатель-волшебник // Пионер. 1976. № 6. С. 68.
3. Волков А. Волшебник Изумрудного города. Предисловие. М., 1995.
4. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 14. Л. 76–77.
5. Цит. по кн.: Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. М., 1966. С. 54.
6. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 6. Л. 227–228.
7. Фадеев А.А. Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Культура и жизнь. 1947. 30 июня.
8. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 3. 1946–1950 гг.
9. Там же.
10. Владимирский Леонид Викторович, заслуженный деятель искусств РСФСР, нарисовал 10 детских диафильмов, в том числе «Приключения Буратино» по сказке А.К. Толстого, иллюстрировал поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», сказки Ю. Олеши «Три толстяка», Дж. Родари «Путешествие Голубой стрелы», «Русские сказки» и др. Автор книг «Австралия. Путевой альбом» (1967), «Буратино ищет клад» (1995), «Буратино в Изумрудном городе» (1996).
11. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 1–4. О Л.В. Владимирском см.: Немировская О. Началось с Буратино… // Книжное обозрение. 1973. 27 июля.
12. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 34–35.
13. Там же. Л. 55.
14. Волков А. Союз слова и кисти // Детская литература. 1973. № 8. С. 77–78.
15. Петровский М. Книги нашего детства. С. 270.
16. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18. Апр.–сент. 1968 г.
17. Петровский М. Книги нашего детства. С. 259.
18. Бегак Б. Правда сказки. М., 1989. С. 70.
19. Там же. С. 68.
20. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 57–62.
21. Там же. Л. 74–75.
22. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 5. 1956–1958 гг.

23. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 6. 1958–1960 гг.
24. Там же.
25. Там же.
26. Рахтанов И.А. Рассказы по памяти. М., 1966. С. 42–43.
27. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 6.
28. Амшинская А. Для детей // Московский художник. 1961. № 3.
29. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 12. Л. 120–121.
30. Кожевникова Т. Для кого пишут сказки? // Детская литература. 1967. № 7. С. 5.
31. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 16. Нояб. 1967 г. – янв. 1968 г.
32. Бегак Б. Правда сказки. С. 72.
33. Талян Вазген Григорьевич, переводчик, детский поэт, сын армянского народного певца и поэта Григора Таляна, широко известного под именем Шерам.
34. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 9. Янв.–дек. 1963 г. (Анна Оттовна Саксе, народная писательница Латвийской ССР, автор романов «В гору», «Искры в ночи», «Трудовое племя», сборников сказок «Кузнец счастья», «Сказки о цветах», переводчик. В ее честь назван георгин «Анна Саксе».)
35. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 20. Март–май 1969 г.
36. Там же. Т. 15. Февр.–нояб. 1967 г.
37. Там же. Т. 17. Февр.–март 1968 г.
38. Там же. Т. 9. Янв.–дек. 1963 г.
39. Там же. Т. 19. Окт. 1968 – март 1969 г.
40. Там же.
41. Там же. Т. 6.
42. Там же. Т. 18. Апр.–сент. 1968 г.
43. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 63–64.
44. Там же. Л. 84.
45. Там же. Кн. 11. Л. 12.
46. Прожогин Н. Паруса над Сахарой // Правда. 1967. 2 апр.
47. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 15. Л. 113–114.
48. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 9.
49. Там же. О Ф. Бауме см.: Все о волшебной стране Оз // За рубежом. 1974. № 10.
50. 16 марта 1963 г. в газете «Комсомолец Кубани» был опубликован отрывок из сказки «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» – «Президент или король», глава, не вошедшая в книгу.
51. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18.
52. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 14. Л. 173.
53. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 15.
54. Там же. Т. 18.
55. Там же.
56. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 18. Л. 7.
57. Там же. Кн. 22. Л. 106–107.
58. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 17. Л. 216.
59. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 15.
60. Там же.
61. Там же. Т. 19.
62. Карпович Т. Волшебник из нашего города // Простор (Алма-Ата). 1999. № 4. С. 120.

63. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 17. Л. 172–173.
64. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 19.
65. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 17. Л. 196–199.
66. Бегак Б. Правда сказки. С. 72.
67. Там же.
68. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18.
69. Там же.
70. Волков А. Сказка о девочке Элли и ее друзьях // Пионер. 1971. № 7. С. 75.
71. Бегак Б. Дорога к волшебству // Учительская газета. 1976. 12 июня.
72. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература. 2-е изд. М., 2002. С. 39–46.
73. Там же. С. 39.
74. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика. М., 2003. С. 244–245.
75. Там же. С. 281–282.
76. Бегак Б. Правда сказки. С. 70. (Правда, в сказке матч не футбольный, а волейбольный.)
77. Петровский М. Книги нашего детства. С. 273.

Глава 11
Обзор детской читательской почты А.М. Волкова за 1968–1971 годы

Неразработанными проблемами, сопровождающими изучение истории детской литературы, являются психология и социология детского чтения. В этой связи детские читательские письма, использующиеся, как правило, в качестве эмоциональных иллюстраций в каком-либо предисловии, посвященном творчеству некоего детского писателя, заслуживают более пристального внимания литературоведов, психологов, социологов, историков. Являясь уникальным свидетельством своего времени, повествующим о стремлениях, желаниях, мечтах и надеждах подрастающего поколения, детские письма до сих пор остаются малоисследованным, а потому непризнанным источником. Даже сама непритязательность детских писем является отражением культурного и образовательного уровня развития общества.

Для анализа были привлечены 420 детских писем, переданных в августе 2002 г. Калерией Вивиановной Волковой, внучкой знаменитого писателя, в дар Томскому государственному педагогическому университету для детского музея «Волшебная страна» имени А.М. Волкова. Эти письма в составе большой мемориальной коллекции А.М. Волкова являются интересным дополнительным источником для изучения как творческого наследия писателя, так и его человеческих качеств и дарований.

Необходимо отметить, что эти письма, безусловно, лишь часть огромной читательской почты, полученной А.М. Волковым в эти годы. «Я получил тысячи писем с похвальными отзывами о моих сказках…» – писал сам Александр Мелентьевич в 1975 г.[1]

Анализируемая группа писем включает в основном детские письма, а также письма, написанные взрослыми от имени детей, и письма от взрослых читателей. Среди большинства писем, написанных одним автором, часто встречаются и письма от небольшой группы школьников до целого класса. Таково, например, письмо из села Коротояк Острогожского района Воронежской области, в котором Наташа Грищенко пишет: «Наш класс шефствует над детским садиком и еще у нас есть друзья, маленькие октябрята, у которых мы вожатые. В детском садике есть две книги: «Волшебник Изумрудного города» и «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Ребята очень любят эти книги, и когда бы я к ним не приходила, они просят меня прочитать их. Я перечитывала им эти книги несколько раз. Вот недавно в библиотеке появилась книга «Семь подземных королей». Я тут же прочитала ее ребятам. Когда я прочитала письмо редакции к ребятам, они подняли шум. Все просили меня написать от их имени. Просили написать письмо и октябрята. И я не могла отказаться. «Мы прочитали все три сказочные повести А. Волкова о приключениях Элли в Волшебной стране. Мы все полюбили Элли и её милых друзей Страшилу, Железного Дровосека, Смелого Льва и других. Нам очень понравился умный песик Тотошенька. Все ребята нашего детского садика очень, очень хотим, чтобы Элли еще раз побывала у своих друзей. Нам очень понравились рисунки Л. Владимирского. Они такие красивые и красочные. Ребята детского садика № 4 и 1-а класса».

Среди писем встречаются и такие, которые были написаны совместно: детской и взрослой рукой. К ним относится письмо 1968 г. из Таганрога от Андрея Чеснокова.

Анализ структуры писем позволяет выделить следующие компоненты: приветствие-обращение, содержательную часть, просьбу-заключение, слова прощания. В обращении дети чаще всего называют «уважаемую редакцию», «дорогую редакцию», «уважаемое издательство», имея в виду издательство «Советская Россия», которое передавало затем письма А.М. Волкову. Множество детей обращалось непосредственно к «товарищу Волкову», «дорогому А. Волкову», «уважаемому писателю А.М. Волкову», а некоторые писали «дорогой дедушка Волков!». А вот Ирина Костенкова из г. Горького писала: «Здравствуйте, мой любимый писатель Александр Волков!» Кстати, далеко не все ребята начинали свое письмо с приветствия «здравствуйте», как, впрочем, многие забывали написать «до свидания». Искусство написания письма требует соблюдения некоторых обязательных традиционных правил его составления, которое наряду с другими умениями и навыками должны осваиваться детьми.

Содержательная часть писем включает, как правило, сведения об авторе письма, степень знакомства с творчеством А.М. Волкова («я прочитал две волшебные повести А.М. Волкова» или «я прочитал все сказки А. Волкова»), оценку произведений писателя, пожелание о сочинении новых сказок. «Мне очень понравились многие приключения Элли и её друзей. Очень Вас прошу, напишите еще много приключений Элли и её друзей. Иллюстрации Л. Владимирского мне очень понравились, и прошу такие же рисунки сделать к новой книге», – писала второклассница Галя Бизяева из г. Владивостока. Об этом же просили девятиклассница Л. Ковалева из села Новая Бобровка Троицкого района Челябинской области, Женя Стуков из г. Пушкино Московской области, Женя Дружинин из села Валгуссы Инзенского района Ульяновской области, Андрей Зайцев из села Ильинка Каа-Хемского района Тувинской АССР и многие другие. К письму Андрюши Чеснокова из г. Таганрога была сделана такая приписка его родителями: «Наш сын, ученик первого класса, с детской наивностью верит, что если он попросит, то книга будет написана». А ведь так и вышло: А.М. Волков не смог отказать детям. Как он писал: «Глас народа – глас божий» – говорит пословица. Автору пришлось подчиниться. На свет появились новые сказки о Волшебной стране»[2].

В конце почти всех писем, за редким исключением, высказана убедительная просьба о высылке книг на указанный адрес. Причем книги просили дети не только из г. Петропавловска-Камчатского и Сахалина, Баку и Тбилиси, Минска и Томска, а также из многих сел и деревень Советского Союза, но и из Москвы и Ленинграда. Книг катастрофически не хватало! Несмотря на миллионные тиражи, сказки А.М. Волкова пользовались таким спросом, что их невозможно было купить в магазинах (они исчезали мгновенно!), мало книг было в библиотеках: чтобы прочесть книгу, нужно было записаться в очередь и какое-то время ждать.

Откликаясь на просьбы детей, А.М. Волков все-таки посылал некоторым ребятам свои сказки, хотя это дело государственных учреждений торговли и связи. До сих пор в семье внучки А.М. Волкова Калерии Вивиановны Волковой бережно хранится самодельная книга, переписанная Галей Рахматуллиной (г. Воткинск) от корки до корки детской рукой с нарисованными иллюстрациями. И такая книга была не одна! Дети рисовали, переписывали текст и менялись с А.М. Волковым на печатные («настоящие», как они считали) экземпляры. А для Александра Мелентьевича рукописные книги были бесценными подарками.

От анализа структуры детских писем необходимо перейти к характеристике данного социума, включающей такие параметры, как возраст, место проживания, образование, сведения о родителях, отношение к книге.

По возрасту среди характеризуемой группы читателей можно выделить: 1-й класс (7–8 лет) – 16 человек; 2-й класс (8–9 лет) – 24; 3-й класс (9–10 лет) – 81; 4-й класс (10–11 лет) – 119;

5-й класс (11–12 лет) – 69; 6-й класс (12–13 лет) – 43; 7-й класс (13–14 лет) – 25; 8-й класс (14–15 лет) – 7; 9-й класс (15–16 лет) – 4. К сожалению, свой возраст указали не все ребята. Поэтому анализу подверглись лишь 388 писем. Как видно, наибольший интерес к волшебным сказкам А.М. Волкова проявляли дети 10–11-летнего возраста (учащиеся 4-го класса), затем следовали дети 9–10-летнего возраста (учащиеся 3-го класса), за ними шли пятиклассники (11–12 лет), т.е. большинство ребят младшего школьного возраста и значительная часть ребят среднего школьного возраста. По мнению психологов и педагогов, именно в эти годы происходит как развитие сенсомоторных функций (психофизиологического потенциала ребенка), так и формирование я-концепции ребенка как будущей личности – целостной, самоактуализирующейся, социально-коммуникативной. Сказки А.М. Волкова приглашают детей в увлекательное путешествие через сказку во взрослый современный мир. «Волшебная страна, в которую вводит детей писатель-учитель, писатель-ученый, многому учит маленького читателя. Учит активности, мужеству, стойкости, находчивости. Учит доброте и верности. Учит фантазии и юмору. Ведь и то и другое очень нужно детям, и то и другое исподволь расширяет их кругозор, формирует личность», – писал Борис Бегак[3].

Детское чутье на хорошие сказки поразительно! Многие читатели реально воспринимали Волшебную страну, восторженно отзывались о сказочных героях, не хотели с ними расставаться. Силой воображения дети переносились в Волшебную страну, где вместе с героями переживали все приключения! Наташа Иванова из г. Маркса Саратовской области откровенно сообщала автору: «Я знаю, что если я начну читать ее перед уроками, то не сделаю нормально уроки, пока не прочту ее всю. Моей мечтой на всю жизнь останется мечта, чтобы побывать в Волшебной стране. Я не верю, что такой страны нет. Она есть!»[4]

Наравне с младшими школьниками сказками увлекались и 15-летние подростки, такие как Саша Карпов из Москвы.

Что касается географии читательских писем, то она оказалась настолько разнообразной и широкой – почти вся карта Советского Союза от Сахалина до Риги, от Мурманска до Баку, от Артека и Евпатории (детский костно-туберкулезный диспансер) в Крыму до больших городов, сел и деревень. Среди этой почты нашлось письмо от семиклассника Фарита Абдрашитова из Томска.

Много детских писем получил А.М. Волков из Германской Демократической Республики, где были переведены его сказки на немецкий язык. Писателю писали и рисовали Ник Рёлинг и Аренд Фишер из Франкфурта-на-Одере, Энс Фрейтаг из Эрфурта, Хорст Трегль из Вайдерода, Урсула Фишер из Мейсена, Моника Радике из Потсдама, а также Ганс Ауэр из Австрии и многие другие.

Некоторые ребята знакомили писателя со своей малой родиной. Так, об г. Усть-Каменогорске писала своему земляку Тамара Струина. Дети рассказывали также о себе, о своих родителях и друзьях.

Во многих семьях волшебные сказки А.М. Волкова становились важным воспитательным средством, так как чтение вслух в семейном кругу формировало общие ценностные установки и убеждения.

Выражая благодарность А.М. Волкову как создателю любимых сказок, дети видели в нем советчика, единомышленника, с которым можно поделиться своими сокровенными желаниями и мечтами. «Я очень завидую вам и тоже мечтаю стать писателем или поэтом», писал второклассник из г. Ростова Женя Кудрявцев. О своей мечте писала А.М. Волкову второклассница из Мурманской области Ольга Туркина: «Я ещё в 4 года научилась читать. Я хочу стать

писательницей-поэтессой. Я учусь в 17 школе города Мончегорска на «5» и «4», «5» у меня по всему. Бывают и «4–» и «5+», но «4–» – редко, а «5+» – почти каждый день». Таких писем довольно много, и это позволяет говорить о том, что школьная успеваемость большинства читателей была высокой. Налицо двусторонний процесс общения с книгой: когда книга стимулировала интерес к чтению (и не просто к чтению, а к «беглому», быстрому чтению) с одной стороны, а с другой стороны – ребенок, проявляя этот интерес, удовлетворял свою жажду необычных приключений и новых знаний. Именно такая, хорошо учившаяся, стремившаяся к познанию группа школьников обладала необходимым уровнем подготовленности к самостоятельному логическому осмыслению сюжета сказок, выявлению достоинств описания и характеров героев. По этому поводу А.М. Волков восклицал: «И каких только нет в этих письмах сюжетов и предложений! Одни советуют перенести действие на дно моря, другие хотят, чтобы их любимые герои совершили путешествие в космос, третьим кажется, что неплохо бы показать и просто Канзас, а четвертые желают побывать у людоедов на островах Куру-Кусу...»[5] Сказочные «подсказки» присылали А.М. Волкову Виктор Базанов из г. Дятьково Брянской области, который просил написать о «круглоголовых, живущих на горе, преграждавшей путь к розовой стране», Эдуард Балс из г. Даугавпилса предлагал сюжет с поиском «оживительных» деревьев, в котором жителям Волшебной страны помогли бы Элли и её друзья.

Просматривая детские «произведения», А.М. Волков помогал ребятам в составлении плана работы, описании каких-то объектов, давал квалифицированные советы юным писателям, подчас довольно критические. Может быть, что кто-то из ребят, писавших любимому писателю, действительно выбрал для себя писательскую стезю, но несомненно, что все они, обнаружив в почтовом ящике долгожданное письмо от А.М. Волкова, получили большой эмоциональный заряд, подвигший их на творческие свершения и способствующий личностному самоутверждению, а возможно, многие и до сих пор хранят это заветное письмо.

Таким образом, произведенный обзор детской читательской почты писателя-сказочника А.М. Волкова за 1968–1971 гг. позволяет сделать некоторые выводы. В указанное время зафиксирован сильный и устойчивый интерес детей младшего и среднего школьного возраста всего Советского Союза к произведениям А.М. Волкова. Особенно сказками писателя увлекались дети 10–12 лет. На основе анализа писем у большинства ребят была выявлена хорошая школьная подготовка и большая тяга к чтению волшебных повестей А.М. Волкова. Среди изучаемой корреспонденции отчетливо выделяется группа писем, написанных детьми, склонными к творческой деятельности. Установлены тесные коммуникативные связи детского писателя и многочисленных читателей, выражавшиеся как в форме общения, так и в форме творческих заданий, осмысления планов будущих сочинений. За всем этим явственно прослеживается богатый педагогический опыт общения писателя А.М. Волкова с детьми разного возраста, а также со взрослыми, то истинное доверие между ребенком и взрослым, которое создает необъяснимое волшебство сказок, увлекавшее сердца миллионов детей в страну фантазии, добра и надежды.

Раскрытие данной темы показывает чрезвычайно важное значение общественной оценки и читательского мнения как экспертных оценок для развития творческого потенциала писателя.

Библиографические ссылки и примечания

[1] Волков А.М. Повесть о жизни // Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. М., 1975. Кн. 2. С. 77.

[2] Там же. С. 76.

[3] Бегак Б. Жил-был мальчик… // Бегак Б. Правда сказки. М., 1989. С. 70–71.

[4] Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18. Апр. – сент. 1968 г.

[5] Волков А. Четыре путешествия в Волшебную страну // Детская литература. 1968. № 9. С. 24.

Глава 12
О театральной и кинематографической популяризации сказочных повестей А.М. Волкова

12.1. Театральная история сказочных повестей А.М. Волкова

В 1940 г. А.М. Волковым была написана пьеса для кукольного театра «Волшебник Изумрудного города» по заказу Всесоюзного комитета по делам искусств. И с того времени пьеса завоевала сердца маленьких зрителей. Она не только шла во многих кукольных театрах страны, но и передавалась по московскому радио (режиссер и исполнитель роли Гудвина – О.Н. Абдулов). В 1946 г. известным режиссером и актером Игреневым эта кукольная пьеса была возрождена в Московском кукольном театре. «Вечером была читка моей пьесы «Волшебник Изумрудного города» в кукольном театре. Читал Игренев очень хорошо. Реакция слушателей была весьма непосредственной, много хохотали. Отзывы такие: пьеса изумительная, прекрасная, очаровательная и т.п. Один актер даже заявил: «Первый раз слышу такую кукольную пьесу!» «Чудесный материал для постановки», – было общее мнение», – писал А.М. Волков в марте 1946 г.[1]

Затем в 1946 г. пьеса ставилась в г. Ташкенте, а в 1947 г. пьеса «Путешествие в Сказочную страну» по сказке «Волшебник Изумрудного города» ставилась в кукольных театрах Москвы, Тулы, Новосибирска и других городах.

В конце января 1949 г. А.М. Волков получил сообщение из Московского кукольного театра от режиссера Е. Евгеньева о том, что театр готовит постановку кукольной пьесы «Волшебник Изумрудного города». Вопрос о постановке решался довольно долго, еще тогда, когда театром руководил известный артист Игренев. В послевоенные годы А.М. Волкову приходилось неоднократно изменять пьесу о волшебнике, вплоть до сюжета и характеров персонажей. «Сколько у меня прошло трансформаций «Волшебника» за годы холодной войны! В одном варианте я даже сделал Гудвина негром, сбежавшим из Канзаса от белых. И все для того, чтобы спасти пьесу от цензуры…»[2]

Наконец в мае 1949 г. пьесу увидели первые маленькие зрители. 28 мая 1949 г. афиша Московского кукольного театра гласила: «А.М. Волков. «Волшебник Изумрудного города». Пьеса в 2 действиях, 9 картинах. Постановщик и режиссер Е.Е. Евгеньев, художник Б.М. Клушанцев, композитор Е.Н. Авланти». Одновременно пьеса А.М. Волкова под названием «В сказочной стране» шла в Тульском и Иркутском кукольных театрах.

Авторские гонорары за постановку пьес А.М. Волков получал из Управления по охране авторских прав. Так, за 1949 г. он получил 3 490 р., что давало ему некоторую поддержку в трудных условиях послевоенного времени.

5 июня 1953 г. А.М. Волков писал: «Я работаю в области детской прозы, но драматургия для меня – не чуждый вид литературы. Еще в двадцатых годах мною было написано до десяти пьес, по преимуществу для детского театра. Они шли на клубных сценах в Сибири и позднее в Ярославле. В годы Великой Отечественной войны Алма-атинская радиовещательная станция

передавала цикл моих радиопьес под общим названием «Фронт и тыл». В последние годы в ряде кукольных театров страны шла моя пьеса «Волшебник Изумрудного города», написанная мною по мотивам моей одноименной сказочной повести. Создание пьес для детских театров – дело чрезвычайно важное, и почин, предпринятый Комиссией по драматургии и бюро секции московских драматургов ССП представляется мне вполне своевременным. У меня есть желание поработать в области драматургии для детей»[3].

В 1956 г. он передал Московскому театру кукол свои пьесы «Чудесные пилюли» и «Терентий и Тентий», но пьесы, пролежав в «долгом ящике», так и не были поставлены, однако заведующая литературной частью театра Л.Г. Шпет предложила разослать пьесы в лучшие кукольные театры страны.

В январе 1960 г. А.М. Волковым было написано заявление о разрешении постановки пьесы по мотивам сказки «Волшебник Изумрудного города», написанной в соавторстве с В.Н. Тихвинским и Ю.А. Фридманом, в следующих театрах: Сумском областном музыкально-драматическом театре имени М.С. Щепкина, Омском областном театре юного зрителя, Московском теневом театре ВГКО. В конце января 1960 г. главный режиссер Сумского областного музыкально-драматического театра В. Рябинов сообщал А.М. Волкову, что пьеса «Волшебник Изумрудного города» успешно идет на их сцене и уже сыграно 18 спектаклей.

В феврале 1960 г. по заказу Московского театра им. Гоголя совместно с коллективом театра А.М. Волков работал над новым вариантом пьесы «Волшебник Изумрудного города» специально для живых актеров[4]. «Был у меня Марк Захаров, я дал ему кукольную пьесу «Волшебника», вариант 39 года. Пришлось ее несколько освежить, но до конца работу довести не успел, не хватило времени. Захаров очень хвалил книгу по детским воспоминаниям, сказал, что «Волшебник» нравился ему больше «Золотого ключика» и других «классических сказок». Считает, что пьесу из «Волшебника» можно сделать, но надо подумать над тем, какие персонажи следует включить. Будет продвигать пьесу в театре». В продолжение темы в дневнике от 19 февраля 1960 г. А.М. Волков писал: «Был в театре им. Гоголя. Марк Захаров прочитал инсценировку, которая мне самому теперь во многом не нравится. Но, во всяком случае, молодые артисты убедили главного режиссера Петра Павловича Васильева, что «Волшебника» надо ставить. Забавный штрих. Когда Васильев спросил, популярна ли эта книга, молодежь (их было 5–6 человек) наперебой закричала: «Мы давным-давно знаем эту книгу! С детства! Это наша любимая книга! Одна из лучших детских книг!» и т.д. и т.п. Видимо, этот дружный натиск (я, понятно, молчал) прямо ошеломил режиссера. В общем, решили пьесу делать»[5]. В марте 1960 г. А.М. Волковым был заключен договор с директором Московского театра им. Гоголя А.Н. Шиловым на 5 000 р. (за право постановки). «Потом сидели с Марком Захаровым, корректировали составленный мною план пьесы. Он внес много интересных предложений. Постановка будет «осовременена» введением радио (комментарии ведущего) и проекций на экране. Это дает большие возможности. Захаров высказал забавную мысль: «Я теперь понял, почему «Волшебника» так долго запрещали: ведь Гудвин очень похож на Иосифа Виссарионовича – он так же прятался от народа(!)»[6]

Ленинградский государственный кукольный театр сказки в 1960 г. благодаря режиссеру Елизавете Рудольфовне Раугул готовился ставить «Волшебника». Е.Р. Раугул писала А.М. Волкову: «Я как режиссер очень увлечена идеей создания кукольного спектакля по вашей чудесной книге, которую я знаю почти наизусть и люблю с детства»[7].

С января 1962 г. велись переговоры с режиссером Оренбургского кукольного театра Р.Б. Репцом о создании нового кукольного варианта «Волшебника». После двух переработок и консультаций с С.В. Образцовым пьеса была принята к постановке в июле 1962 г. «Был

у Образцова, провели обсуждение сюжета «Волшебника», наметили изменения, перестановку картин. По мысли Образцова, Гудвин – это Макаренко, воспитывающий в героях те качества, о которых они мечтают»[8]. Отмечая, что сказка трудна для кукольного театра, сделанные изменения упрощали сюжетную линию сказки, придавая ей новую смысловую нагрузку – перевоспитание героев.

В феврале 1964 г. Оренбургский кукольный театр показывал свои спектакли в Москве, в том числе и «Волшебника Изумрудного города». После общественного просмотра в театре С.В. Образцова состоялось обсуждение постановки. Были высказаны критические замечания по пьесе, но общие выводы о необходимости включения пьесы в репертуар кукольных театров были положительными. В заключение С.В. Образцов сказал: «Пьеса, безусловно, кукольна. В ней куколен каждый образ и доказывает именно то, что нужно. Она должна обойти театры страны и, быть может, я сам ее поставлю. Пьеса нужна ребятам»[9]. Как изменились его взгляды на «Волшебника» с конца 1930-х гг.!

В 1963 г. А.М. Волковым был послан в Краснодарский краевой театр кукол последний вариант сценария «Волшебника», который был одобрен С.В. Образцовым. Одновременно Симферопольский театр кукол срочно просил у А.М. Волкова пьесу «Волшебник Изумрудного города».

В 1963 г. эта кукольная пьеса была поставлена кукольным театром при Донецкой студии телевидения (режиссер Каримова планировала инсценировать и «Урфина Джюса и его деревянных содат»), в 1963–1965 гг. пьеса шла в Оренбургском кукольном театре (режиссер Р. Репц), в 1964 г. режиссером Г. Тураевым[10] в Ленинградском кукольном театре, а также режиссером Л.И. Левиным и художником М.Ф. Живило в Красноярском краевом театре кукол под названием «Приключения в Сказочной стране». В 1966 г. «Волшебника Изумрудного города» поставил режиссер Ян Новак в Пражском театре «Лаутек» (перевод на чешский язык произвел Зойтек Кавон).

Таким образом, в середине 1960-х гг. имелось три варианта пьесы А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (два – для живого театра, один – для кукольного), зарегистрированные во Всесоюзном управлении по охране авторских прав.

В 1967 г. А.М. Волковым в соавторстве с режиссером И.И. Судаковой из Московского областного драматического театра был написан сценарий «Волшебника» для ТЮЗов (в 1968 г. небольшим тиражом эта пьеса-сказка в 2 действиях была издана, стихи Ф. Лаубе). В марте 1967 г. А.М. Волкова пригласили на премьеру в Московский драматический театр на Малой Бронной (режиссер И.И. Судакова). «Ребята воспринимали спектакль очень непосредственно и живо. Много было смеха, комические места принимались хорошо. Публика живо реагировала на действие. Когда Бастинда подзывала Элли: «А ну, подходи сюда!», зал дружно кричал: «Не подходи! Не подходи!» Когда волшебница грозила Элли: «Я тебя уничтожу!», зал отвечал: «Нет!» Как видно, спектакль будет пользоваться успехом.

Когда представление окончилось, актеры вышли на сцену, провели туда и меня. Я раскланивался, держа за руки Джона и Бастинду… Пришлось выйти 3–4 раза, так как аплодисменты не умолкали»[11].

С 1968 г. этот вариант ставился в Мурманском драматическом театре Краснознаменного Северного флота (инсценировка М. Царева и М. Шмойлова, режиссер Г. Эрнст) и в инсценировке В. Орлова в Новосибирском драматическом театре «Красный факел».

Заслуженный артист РСФСР В. Орлов написал сценарий «Волшебника» по принципу «книга в книге»: девочка Элли читает книжку и, увлекшись, становится участницей событий, о кото-

рых в ней рассказывается. Режиссер – заслуженный артист РСФСР А. Беляев и заслуженный художник республики С. Постников следуют этому замыслу автора: «...очень интересно, увлеченно играет артист А. Левит Страшилу, вызывают симпатию зрителей и герои актеров А. Васильева и И. Баранова – Дровосек и Лев. Пожалуй, сцены, где они участвуют, самые удачные в спектакле, наиболее точные по мысли»[12].

Однако и в середине 1970-х гг. для многих сказка оставалась плацдармом идеологических битв. Так, один из зрителей Новосибирского театра писал А.М. Волкову: «...я понимаю, что это сказка, что это все иносказательно, но ребенок есть ребенок, и что он первое услышит, то у него надолго останется в памяти. Но ведь это неверное утверждение. Не мне Вам доказывать, что король никогда не будет кузнецом или ткачем, или земледельцем. Борьба на идеологическом фронте продолжается и никогда не прекратится, пока есть две системы. И сказка должна воспитывать детей в классовом духе. Даже не короли, а их прихвостни, уйдя временно в подполье, снова выходят на свет и не просто выходят и снимают маску... возьмите последние события в Чехословакии». Волшебные сказки А.М. Волкова жили в неволшебной стране, отгородившейся от мира не пустыней, а «железным занавесом» и классовой идеологией. Но сказки жили, пуская зеленые ростки человечности, дружбы и доброты в детских сердцах.

Необходимо отметить, что в 1968 г. композитором В. Лебедевым (либретто В. Рощина, песни В. Уфлянд) была поставлена опера «Волшебник Изумрудного города» в Ленинградском театре оперы и балета, а в 1970 г. – детская опера в Таллиннском оперном театре на эстонском языке (композитор А. Гаршнен, либретто А. Рауда).

В 1970 г. пьеса «Волшебник Изумрудного города» как в «живом», так и в кукольном исполнении ставилась в городах Воркуте, Калуге, Кишиневе, Симферополе (инсценировка И.И. Судаковой, главный режиссер Ю.В. Ятковский), Курске, Мурманске, Перми (режиссер В.Д. Офрихтер), а также в Московском областном драматическом театре им. Островского. Весь год (1970 г.) с большим успехом шла пьеса «Волшебник Изумрудного города» в Москве, в Драматическом театре на Малой Бронной. В январе 1973 г. в Драматическом театре на Малой Бронной прошло 500-е представление пьесы «Волшебник Изумрудного города». Перед 520-м по счету спектаклем выступал А.М. Волков, который был радостно встречен зрителями и рассказал о своих планах по выпуску следующих сказок.

В 1970 г. Крымский государственный русский драматический театр им. Горького в Симферополе начал ставить пьесу «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» (инсценировка И. Судаковой, режиссер М. Пташук).

В 1971 г. была написана А.М. Волковым и А. Найденовым инсценировка для живого театра «Семь подземных королей» для постановки в Липецком областном драматическом театре.

В 1974 г. в Москве на сцене Центрального детского театра гастролировал Детский театр Государственного университета штата Нью-Йорк в Олбани. Это единственный детский театр (директор и художественный руководитель Патриция Снайдер), дающий ежедневные спектакли в школах Олбани и прилегающих районов, а также в университете. В театре ставились спектакли «Питер Пэн» Д. Барри, «Алладин» П. Пепита, «Алиса в стране чудес» Евы Ле Гальенн и другие[13]. На спектакле «Мудрец из страны Оз» по сказке Ф. Баума 8 апреля 1974 г. побывал А.М. Волков. «После закрытия занавеса мы с Леонидом Викторовичем Владимирским отправились на сцену. Меня познакомили с руководителем коллектива Патрицией Снайдер, я подарил ей однотомник своих сказок с посвящением «Уважаемой Патриции Снайдер от автора русского «Волшебника Изумрудного города» с уважением и благодарностью. Александр

Волков». А потом я сказал небольшое слово, похвалил постановщиков за фантазию, пожелал всяких благ и счастливого пути на родину, приглашал еще приезжать. Я пожал руку исполнительнице роли Дороти, а еще прежде, в антракте, здоровался со Львом и Железным Дровосеком и показывал им изображающие их иллюстрации»[14].

В 1975–1976 гг. в Оренбургском театре кукол ставилась пьеса «Сердце, ум и храбрость» (сценарист И. Жердер).

На периферии с успехом шло кукольное представление «Побежденный Урфин Джюс», а в 1980 г. драматург Ирина Смирнитская опубликовала пьесу «Песчаный корабль».

Записывались сказки и на долгоиграющие пластинки. Так, в 1967 г. была выпущена пластинка с записью пьесы «Волшебник Изумрудного города» (исполнители: М. Бабанова, А. Папанов, Р. Плятт, Г. Вицин и др.). В 1973 г. известный актер Олег Табаков просил разрешение у А.М. Волкова инсценировать «Урфина Джюса» для записи на долгоиграющих пластинках.

Сказкам А.М. Волкова был доступен также радиотеатр. В 1945 г. А.М. Волков начал сотрудничать с радиокомитетом в Москве: был заключен договор на написание радиопьесы «Волшебник Изумрудного города». 17–18 января 1970 г. по Всесоюзному радио звучал радиоспектакль «Волшебник Изумрудного города» (инсценировка Е. Хрипмана).

Таким образом, театральная история сказочных повестей А.М. Волкова, начавшись еще в предвоенное время, в 1940 г., достигла своего апогея в 1970-е гг., по праву став одним из любимых спектаклей детворы.

12.2. Кинематографическая история сказочных повестей А.М. Волкова

Московская студия учебных фильмов и диапозитивов «Кинодиафильм» Главного управления по производству научно-популярных и учебных фильмов Министерства кинематографии СССР 19 августа 1946 г. включила в план 1946 г. создание диафильма для детей по книге А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города».

В 1956 г. А.М. Волков предложил сценарному отделу «Союзмультфильма» рукопись переработанной сказки «Волшебник Изумрудного города» для создания полнометражного мультфильма с занимательным сюжетом и оригинальными героями.

В июле 1958 г. А.М. Волковым была сделана заявка на студию «Диафильм» Министерства культуры СССР на создание диафильма «Волшебник Изумрудного города» с рисунками Л.В. Владимирского, а 2 февраля 1959 г. подписан договор о написании сценария для диафильма.

Однако в 1959 г. Л.В. Владимирский должен был срочно заняться иллюстрированием второй сказки А.М. Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», и передал работу над диафильмом молодой художнице Портнягиной[15]. 9 сентября 1959 г. диафильм «Волшебник Изумрудного города» был подписан к выпуску, а в 1960 г. диафильм, вышедший тиражом 50 тыс. копий, увидели мальчишки и девчонки. В 1962 г. вышло второе издание диафильма; в 1963 г. – третье, в 1964 г. – четвертое (тем же тиражом), в 1965 г. – пятое, в 1967 г. – шестое, 1969 г. – седьмое и восьмое, 1971 г. – девятое.

11 июня 1962 г. по московскому телевидению был показан спектакль «Волшебник Изумрудного города» по сценарию В.Н. Тихвинского и Ю.А. Фридмана.

В 1963 г. был заключен авторский договор А.М. Волкова со студией «Диафильм» Министерства культуры СССР на написание сценария (кадроплана) и подбору изобразительного (иллюстра-

тивного) материала для диафильма «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» (45 кадров) – 170 р., а в 1964 г. вышел одноименный диафильм (в 1966 г. – второе издание, 1969 г. – третье).

В 1971 г. самого писателя впервые показали по всесоюзному телевидению в № 10 кинохроники (режиссер Т. Лаврова).

В 1970–1972 гг. кукольную пьесу «Волшебник Изумрудного города» показывали по московскому телевидению в инсценировке В.Н. Тихвинского.

В ноябре 1973 г. А.М. Волков был приглашен телеобъединением «Экран» на просмотр первой серии мультипликационного фильма «Волшебник Изумрудного города» (режиссер-постановщик Кирилл Георгиевич Малянтович). «Мультфильм объемный, и это, пожалуй, даже лучше, чем если бы он был рисованный, здесь движения более плавные, а там фигурки скачут. Декорации очень нарядные, получилась, действительно, сказочная страна»[16]. После просмотра К.Г. Малянтович провел писателя по мастерским, показал свою «кухню». «Это было впечатляюще! Для такой картины, как «Волшебник», нужно тысячи и тысячи всяких принадлежностей, и это создается художниками из пластмассы, металла, дерева, тряпок и т.д. и т.п. Фигурка Железного Дровосека чуть больше карандаша, а в картине он создает впечатление богатыря (конечно, дело в масштабах всего окружающего, в соразмерности всех деталей). Да, это титаническая работа! Заставить все эти мертвые фигурки двигаться, говорить, петь – и все это на фоне удивительной природы... Приходится только шапку снять перед этими незаметными тружениками. Я пожелал им удачи»[17].

В 1973–1974 гг. этот многосерийный мультфильм демонстрировался по телевидению и вновь был показан в 10 сериях в январе 1975 г. (редактор В.А. Коновалова, сценарист А. Кумма). Боясь пропустить по телевизору любимый фильм, взрослые и дети смотрели его даже в магазинах бытовой техники. Прочитав эту статью А. Трошина, А.М. Волков обрадовался: «Вот уж, поистине, приятный сюрприз! Так мало и скупо обо мне пишут, что я уж и ждать перестал чего-либо хорошего...»[18]

Свое мнение о мультфильме писатель высказал редактору В.А. Коноваловой: «Я сказал, что многое сделал бы не так, не все «находки» сценариста для меня приемлемы, в частности, хотя бы то, что подземные короли царствуют только по одному дню и т.п. Но в целом дал о фильме благоприятное заключение. Коновалова сказала, что они получают массу восторженных писем от ребят-зрителей. В.А. Коновалова намерена обязательно показать телезрителям мою уникальную вещь – сказку, целиком переписанную читательницей. «Такой не было и у Чуковского! – заявила она»[19].

В 1994 г. сказка «Волшебник Изумрудного города» стала и художественным фильмом, который снял режиссер П. Арсенов по сценарию В. Коростылева. Музыку к фильму написал известный детский композитор Е. Крылатов. В фильме снимались Катя Михайловская, а также известные советские актеры В. Невинный, Н. Варлей, В. Павлов, Е. Герасимов, Б. Щербаков, О. Кабо и др.

Сказочные герои А.М. Волкова прошли путь от диафильма к мультфильму и художественному фильму, став узнаваемыми и любимыми героями далекого детства многих поколений советских детей.

Библиографические ссылки и примечания

1. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 7. Л. 61–62.
2. Там же. Кн. 8. Л. 18.
3. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 4. 1951–1956 гг.

4. В Ярославский театр имени Ф.Г. Волкова (режиссеру Р.Р. Вартапетову) была отправлена пьеса для ТЮЗов.
5. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 12. Л. 38–39.
6. Там же. Кн. 12. Л. 45–46. Однако пьеса не была поставлена, видимо, в связи с уходом М. Захарова из театра в 1960 г.
7. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 6. 1958–1960 гг.
8. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 13 (с 8 окт. 1961 г. по 9 марта 1963 г.). Л. 65.
9. Там же. Л. 152.
10. Г. Тураев писал: «Спектакль вышел в конце апреля и получил хорошую оценку. Ребятам он очень нравится и они его хорошо принимают. Ребята требуют продолжения!» // Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 11. Апр.–дек. 1964 г.
11. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 16. Л. 122–123.
12. Головина В. Есть у сказки свои законы // Вечерний Новосибирск. 1968. 20 янв.
13. Новиков В. В гостях у детей // Известия. 1974. 6 апр.
14. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 23. Л. 211. В одной из многочисленных постановок по «Озиане» роль Страшилы сыграл известный певец Майкл Джексон.
15. По поводу рисунков Портнягиной он писал: «Трактовка оригинальная и не во всем я с ней согласен» // Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 12. Л. 9.
16. Там же. Кн. 23. Л. 124.
17. Там же. Л. 125–126.
18. Там же. Кн. 24. Л. 136.
19. Там же. Л. 136–137.

Глава 13
Исторические произведения А.М. Волкова (1940–1976 гг.)

13.1. Отечественная история в произведениях А.М. Волкова

Исторический роман – есть как бы точка,
в которой история, как наука, сливается
с искусством, есть дополнение истории,
ее другая сторона.
В.Г. Белинский

Первым произведением А.М. Волкова на историческую тему была повесть «Чудесный шар», опубликованная в 1940 г. (о нем мы подробно говорили выше). В 1946 г. эта повесть была переведена на чешский язык под названием «Rakitin» (переводчик И. Волдан), в 1947 г. – на сербский (переводчик М. Чалович). В декабре 1972 г. «Чудесный шар» был переработан и переиздан в качестве романа под научной редакцией кандидата исторических наук В.А. Галкина с иллюстрациями А. Парамонова тиражом 75 000 экз.[1]

Еще перед войной, в 1941 г., была принята к печати и одобрена повесть А.М. Волкова «Царский токарь». Однако Великая Отечественная война изменила планы детского издательства, переориентировавшегося на военную тематику. Только в 1947 г. был вновь подписан издательский договор на историческую повесть для детей старшего возраста «из времен Петра I» «Царский токарь». Издание повести под измененным названием «Два брата» с иллюстрациями П. Алякринского оказалось возможным лишь в 1950 г. (тираж 30 000 экз.). Книга была подготовлена редактором Детгиза И. Прусаковым под общей редакцией Г. Шторма.

В повести разворачивается широкое историческое полотно конца XVII – начала XVIII в.: грандиозные преобразования Петра I, Булавинское восстание, Северная война 1700–1721 гг., когда России пришлось бороться за выход в Балтийское море с самой могучей военной державой того времени – Швецией. Главные герои книги – Илья и Егор Марковы – не остались в стороне от этой борьбы, решавшей будущность России на целые века. Бунтарь Илья сражался со шведами в Полтавской битве, а его брат, страстный изобретатель, «царский токарь» работал на пушечном заводе и изобрел новый сорт пороха, который намного увеличил огневую мощь русской армии. Каждый из них по-своему служит родине – России. В многоплановом произведении А.М. Волкова события и герои связаны цельным и увлекательным сюжетом, который держит читателя в постоянном напряжении до последней страницы книги.

Положительную оценку повести дал в августе 1960 г. С.С. Лурье. Указав на некоторые ошибки автора, он отмечал, что общий исторический фон, на котором разыгрывается действие повести «Два брата», является в основном правильным и что повесть читается с интересом[2]. В декабре 1960 г. написал рецензию на повесть «Два брата» кандидат исторических наук, доцент В.А. Галкин: «Повесть не лишена недостатков и особенно недостатки замечаются в общей концепции автора…[3] Именно в этом плане повесть требует серьезного отношения автора при ее переработке. Что касается погрешностей и неточностей исторического характера, перечислен-

ных выше, они легко устранимы. Было бы весьма желательно переиздать повесть «Два брата», так как в повести собран огромный исторический материал, общий сюжет повести занимателен и интересен, образы героев повести выписаны ярко и выпукло. Повесть не просто знакомит юношество с одной из замечательных страниц героического прошлого русского народа, но воспитывает подрастающее поколение в духе патриотизма, воспитывает глубокое уважение к русским умельцам-изобретателям, к народу-труженику, который своим трудом и потом в условиях крепостнического строя создавал материальные ценности и экономические предпосылки дальнейшего развития Русского государства»[4].

И.А. Рахтанову принадлежит следующее высказывание: «Образ Петра – несомненная художественная удача Волкова. Это особенно приятно отметить, так как для русской литературы Петр не просто давно и близко знакомый персонал, но личность, изображению которой посвятили свои таланты такие великие художники, как Пушкин, Лев Толстой, а совсем недавно и наш современник Алексей Толстой. Не будет с нашей стороны большим преувеличением сказать, что Волков входит в этот круг на равных правах»[5].

В мае 1950 г. А.М. Волков получил первый читательский отклик на вышедшую книгу от сестер Сорокиных из Москвы. Они писали: «Нам очень понравилась книга А. Волкова «Два брата», в которой рассказывается о великом преобразователе России Петре I и его соратниках. Мы ее перечитывали по нескольку раз. Мы не читали ее поверхностно. Нас интересовали не только приключения Егора и Ильи Марковых, но и «дела европейские», и долгая, трудная война со шведами. Нам кажется, что особенно хорошо автор изобразил испытание пороха, где скромный и талантливый Егор Марков одержал победу над чванливым и самоуверенным иностранцем Питером Шмитом. Еще нам очень понравилось, как автор описывает борьбу Петра I с его сыном – царевичем Алексеем. Нам очень хочется узнать, жили ли в действительности Егор Марков – «царский механикус» и его брат Илья. Если же они действительно существовали, то какова их дальнейшая судьба? Все хорошо в этой интересной и полезной книге. Хотелось бы только, чтобы иллюстрации были ярче, живее, чтобы они более соответствовали образам героев книги»[6].

В ответе Лизе и Наташе Сорокиным А.М. Волков писал: «Мне Ваше письмо доставило большое удовольствие. Ведь для советского писателя отрадно сознавать, что его книга понравилась читателю и больше того – принесла читателю пользу… Вы спрашиваете: существовали ли в действительности братья Марковы? Нет, это лица вымышленные. В эпоху Петра I жил царский токарь Андрей Нартов; Нартов замечателен многими изобретениями, он многое сделал для усовершенствования токарных станков. Этот изобретатель и послужил прообразом Егора Маркова»[7].

Затем последовали отклики Екатерины Хвостик из Краснодарского края, Алексея Горюнова и Бориса Трахтмана из Москвы, Гены Ханкина из г. Мытищ. А рядовой Саратовского военного училища Михаил Новиков сообщал в письме: «Книга очень хорошая. Ввиду того, что я уже ранее прочел «Петр I» А. Толстого, «Мемуары Екатерины II» и другое, то эта книга явилась для меня хронологической таблицей, которую я с удовольствием прочел. Я вспомнил то, что знал ранее. Стиль ее изложения прост. А когда читаешь, как будто слушаешь рассказ. Книга насыщена фактами событий исторического значения… Эта книга окажет большую помощь молодежи в изучении далекого прошлого нашей любимой Родины»[8].

Поучительно использование художественного произведения – повести «Два брата» – в качестве исторического источника. Ученицы 6 «Г» класса женской школы № 74 Киевского района Москвы Людмила Толмачева, Ольга Петрова, Светлана Балакина, Светлана Белякова, Елена

Чудина, Фаина Ечина исследовали историческую повесть А.М. Волкова и написали интересные доклады «Петр I», «Полтавская битва», «Школы петровского времени», «Народные волнения», «Егор Марков», «Илья Марков» и др.

Заслуженным успехом пользовалась историческая повесть «Два брата» за рубежом. В 1951 г. она была переиздана в Польше (переводчик З. Стефански, художник А. Почебски, тираж 10 370 экз.); в 1953 г. – в Чехословакии (на чешский язык перевела Л. Райторалова, художник В. Мервартова, тираж 8 000 экз.); в 1953 г. – в Китае издательством детской литературы в г. Шанхае дважды была переиздана повесть (переводил Ван Ши-ань); в 1954 г. – в Румынии (тираж 15 100 экз.); в 1954 г. – третье издание в Китае (переводил Ван Ши-ань).

В Советском Союзе в 1961 г. в серии «Школьная библиотека» вышло второе, переработанное и дополненное издание – уже в качестве исторического романа «Два брата» с рисунками П. Алякринского (редактор С. Пономарева) тиражом 100 000 экз. В предисловии к изданию И.А. Рахтанов писал: «Список книг, созданных Александром Мелентьевичем, велик... Даже если вы приложите все свое внимание, если вы со всей тщательностью будете изучать эти книги, вам не отыскать там только одного цвета. Его совсем не знает палитра Александра Мелентьевича. Цвет этот – серый. Серых, скучных книг нет у писателя. Всегда он умеет найти в сюжете такое, что поворачивает его с необыкновенной и очень привлекательной стороны.

Роман «Два брата» может служить примером такого искусства. Сколько написано о петровской эпохе и о самом Петре, и какие замечательные литераторы писали об этом, а наш автор и здесь сумел дать свои новые краски. Талант писателя определяется количеством и качеством художественных подробностей, заложенных в его произведении: чем их больше и чем они ярче, тем талантливее автор.

Весь роман Александра Мелентьевича составлен из подобных подробностей. Их можно купить разве только благодарностью, испытываемой читателем к создателю этих богатств»[9]. По мнению кандидата исторических наук И. Ушакова, роман А.М. Волкова «Два брата», правдиво и увлекательно рисующий эпоху великих петровских преобразований, содержит глубокую патриотическую идею, служащую воспитанию молодого поколения[10].

В 1971 г., подготавливая роман к переизданию, сам автор писал: «Читаю и думаю: «А все-таки капитальная вещь «Два брата»... Как много в ней событий, какой большой период русской истории она охватывает...»[11]

Через 20 лет, в 1981 г., роман А.М. Волкова «Два брата» был переиздан издательством «Детская литература» в третий раз с иллюстрациями художника Л. Дурасова. В предисловии к нему Ирина Токмакова писала об авторе: «Все, что им написано, – основательно и добротно. Каждая его книга – плод и труда и вдохновения. Но больше всего я люблю его роман «Два брата». Многоплановость этого полотна, широкий охват жизни, четкий сюжет, глубина характеров – все это несомненные жанровые признаки романа.

Это произведение написано прежде всего отважно. Разве не нужны были писателю решимость и отвага, чтобы затеять писать роман не просто о времени Петра Первого, но и включить в ткань повествования самого Петра, и царевича Алексея, и массу окружавших их действительных исторических лиц со всею сложностью этой эпохи и личных человеческих взаимоотношений. Ведь о Петре столько писали! И какие романисты! Какие таланты!

Александр Мелентьевич сумел написать с в о е г о Петра, сочинить и домыслить свои убедительные детали. Хотя вовсе и не Петр главное действующее лицо.

Главные герои романа – братья Илья и Егор Марковы, дети бедной стрелецкой вдовы. У них разные характеры, разные судьбы. Но и та и другая судьба – это разные стороны судеб самой России...

Помещая Егора и Илью в обстоятельства, соответствующие их характерам и судьбам, сталкивая их с персонажами конкретно-историческими и вымышленными, А.М. Волков добивается многоплановости и объемности своей живописи словом.

Я уверена, что читатель проведет много увлекательных часов за этой книгой. Книгой, написанной человеком широкой и щедрой души, человеком труда и таланта. Человеком, который умел ласково с прищуром улыбаться, бесхитростно и бескорыстно раздаривать людям сердечное тепло»[12].

Таким образом, это историческое произведение А.М. Волкова выдержало 3 издания в СССР и 6 изданий за границей.

В октябре 1954 г. вышел в свет новый исторический роман А.М. Волкова из эпохи Ивана Грозного «Зодчие» с иллюстрациями И. Година[13]. Научным редактором книги был кандидат исторических наук А.А. Зимин, редактором Б. Грибанов (тираж 30 000 экз.).

История написания этого произведения начинается в 1946 г. с работы над повестью «Как росла и строилась Москва», которую А.М. Волков писал для «Исторической библиотеки» Детгиза. На протяжении восьми лет работы неоднократно менялось название книги: «Заря над Москвой», «Василий Блаженный», «Барма и Постник», «Строители», «Зодчие». Основную идею книги автор видел в строительстве как созидании не только жилых зданий, церквей, храмов, крепостных стен, но и создании национальной культуры и Русского государства.

«Вхождение» в историческую эпоху Ивана Грозного потребовало скрупулезного изучения документальных источников и литературы, особенно языка того времени, а также истории православия и русской архитектуры. «Я вообще над историческими книгами работаю очень долго… Я проработал всю литературу о соборе и на этой основе создал последнюю часть книги. Несколько лет назад эту книгу читал профессор Сухов, хранитель собора Василия Блаженного. Он архитектурную сторону оценивал очень высоко»[14].

Стремясь раскрыть «атмосферу» того времени, в котором религия занимала одно из главных мест, А.М. Волков ввел в текст много характерных цитат и рассуждений. Однако на это обратил внимание редактор Г. Шторм, который писал в 1950 г.: «При наличии соответствующего материала в правильном его использовании такая повесть могла бы иметь большое познавательное значение. Однако во взятой А. Волковым теме кроется одна опасность, которой автору пока не удалось избежать. Дело в том, что русское церковное зодчество, блестящим образцом которого является храм Василия Блаженного, может заинтересовать советского читателя (а тем более – детского) только с чисто архитектурной стороны. Никакие религиозно-мистические мотивы не должны переплетаться в повести с темой искусства. В рецензируемой же рукописи такие мотивы звучат довольно сильно: духом поповщины веет от ее страниц. Настроившись на «духовный» лад и находясь в плену у этой настроенности, автор обильно уснастил свою повесть выше упомянутыми мотивами, включая их даже без всякой, казалось бы, нужды»[15].

Автору пришлось перерабатывать рукопись, искореняя не только подлинный «дух» времени, но и не понравившиеся рецензентам речевые «архаизмы», лишавшие язык своеобразия и красоты.

Новый исторический роман получил высокую оценку писателей и критиков. Так, В.Б. Шкловский писал: «Это книга о московских архитекторах Барме и Постнике – строителях храма Василия Блаженного. Роман написан широко и основательно. Удачно включен Казанский поход, который очень много значит в истории русского искусства. С Казанью связана и русская иконопись и начало русского книгопечатания. Написана вещь просто солидно и надежно. Вероятно, книга нужна издательству. Я Вам ее рекомендую»[16].

Значение романа для преподавания истории в школе было отмечено педагогической общественностью. По мнению З. Михайловичевой, исторический роман А. Волкова «Зодчие» раскрывает русскую действительность 40–50-х годов XVI в. – периода укрепления русского централизованного многонационального государства. «В романе нашли отражение жизнь русского народа, внутренняя и внешняя политика русского правительства тех лет. Преимущественное внимание в романе уделяется борьбе русского народа с остатками Золотой Орды, Казанским ханством, а также расцвету русского строительного искусства в середине XVI века.

...Войну с Казанью А. Волков показывает как большое патриотическое дело защиты своей родины от смертельной опасности, грозившей ей со стороны турецко-татарской коалиции. Автор здесь стоит на уровне последних достижений советской исторической науки в противовес некоторым историкам, рассматривавшим присоединение Среднего и Нижнего Поволжья к России как вводную главу к истории Ливонской войны и изучавшим русско-казанские отношения без связи с международной обстановкой того времени. Нужно отметить своевременность появления романа «Зодчие» в четырехсотлетний юбилей изображаемых событий (50-е годы XVI века – 50-е годы XX века)»[17].

А вот мнение о книге Н. Берегова: «Детский писатель А. Волков давно и упорно работает над исторической темой. Он отлично знает и чувствует события, происходившие 300-400 лет назад. Романы и повести этого автора, рассчитанные на детей среднего и старшего школьного возраста, отличаются отменной исторической добросовестностью, содержат массу интересных фактов и сведений, облеченных в яркую художественную форму. Поэтому они с интересом читаются и взрослыми. Последняя работа писателя – исторический роман «Зодчие» воспроизводит отдельные черты периода царствования Ивана Грозного. Автор посвящает свою книгу замечательным русским умельцам – строителям храмов, гражданских и фортификационных сооружений, которые и поныне поражают зрителя красотой и изяществом архитектурных форм, прочностью, остроумным решением сложнейших задач строительного искусства. Герои романа – замечательные русские зодчие – живут интересами окружающего их общества, являются неотъемлемой ее частью. А раз так – книга о вдохновенном труде строителей неизбежно становится книгой о времени, в которое они живут»[18].

Таким образом, приведенные отзывы на книгу А.М. Волкова «Зодчие», являясь экспертными оценками, наглядно характеризуют не только своевременность выхода книги, но и большое познавательное и воспитательное значение книги как в учебном процессе, так и во внеклассном чтении детей. Безусловно, прав Б. Энтин, писавший: «История России! Знание ее, умение понять ход ее развития необходимо каждому – без этого не может быть подлинно гражданского воспитания. Без этого в полной мере трудно оценить и значение идущего дня, особенно молодому поколению. Но полезная, благородная роль повествований о прошлом не только в том, что они способствуют такому знанию, позволяют заглянуть за параграфы учебника, ярче осознать минувшее. Но и, главное, в том, что сама художественная мысль писателей учит думать исторически: сопоставлять, ощущать свою зависимость от общего, а стало быть, и личную ответственность за него»[19].

28 января 1955 г. в Доме детской книги в Москве состоялось обсуждение повести А.М. Волкова «Зодчие», на которое были приглашены автор, редактор Б.Т. Грибанов, писатель И.А. Рахтанов, учителя и библиотекари столицы. Сохранившаяся стенограмма этого обсуждения запечатлела эмоциональные высказывания участников о большом познавательном значении книги, ее занимательности и полезности, а также указания на ряд недостатков, в частности, иллюстрирования[20].

В 1955 г. историческому роману А.М. Волкова «Зодчие» была присуждена третья премия (5 000 р.) на конкурсе на лучшую научно-художественную и научно-популярную книгу для детей по итогам второго тура конкурса Государственного издательства детской литературы Министерства просвещения РСФСР. Наряду с книгой А.М. Волкова были отмечены премиями произведения для детей среднего возраста А.Л. Шейкина «Повесть о карте», И.Я. Ильина (Маршака) «Народ-строитель», С.А. Царевича «За Отчизну», В.С. Ананяна «Пленники Барсова ущелья», М.П. Ивановского «Солнце и его семья», В.Г. Гниловского «Занимательное краеведение», Л.П. Кудрявцевой-Молодчиковой «Грибы», И.А. Депмана «Меры и метрическая система» и др.

Читательский успех книги способствовал ее переизданию в 1966 г. в однотомнике исторических романов А.М. Волкова, куда вошли «Зодчие» и «Скитания» (вступительная статья «Колдун и волшебник» И. Рахтанова, послесловие к роману «Зодчие» доктора исторических наук А.А. Зимина, ответственный редактор сборника С. Пономарева, тираж 100 000 экз.).

Исторический роман А.М. Волкова «Зодчие» был переиздан в 1986 г. в издательстве «Детская литература». В предисловии к нему Б. Бегак писал: «Более тридцати лет назад был впервые издан роман Александра Волкова «Зодчие», который вы, ребята, сейчас держите в руках. Роман воссоздает историю необыкновенного сооружения – собора на Красной площади в Москве, известного под названием храма Василия Блаженного. Читая этот роман, мы видим в его авторе не только талантливого писателя, не только историка, но и как бы зодчего, всесторонне осведомленного архитектора, строителя, созидателя, входящего во все подробности замысла и постройки архитектурного чуда. Да, чуда, изумлявшего иностранцев, – в их архитектурном искусстве не было ничего похожего… В центре романа «Зодчие» живые творческие биографии народных строителей и художников, а рядом с ними и вокруг них – безымянные российские искусники, в чьих руках дерево, железо, камень принимали формы сказочные, небывалые… Книги Волкова посвящены знаменательным историческим событиям. Смело вторгается он в эпохи, освещенные другими писателями. Об этих эпохах он рассказывает по-своему»[21].

Книга А.М. Волкова «Зодчие» была включена в список рекомендуемой литературы для учащихся 7–8-х классов средней школы.

Продолжение историческая тематика в творчестве А.М. Волкова получила через 9 лет (хотя в октябре 1961 г. для сборника рассказов и очерков о крепостном праве «О прошлом» им было написано предисловие).

Об увлечении А.М. Волкова исторической тематикой свидетельствует краткая заявка по перспективному плану 1960–1964 гг., поданная А.М. Волковым в Историческую редакцию Детгиза, где он писал:

«4 класс

К 150-летию Отечественной войны я хотел бы доработать повесть «Приключения мальчика Пташки в сожженой Москве». Она мною вчерне написана. Объем 4–5 листов.

5 класс

«На просторах Малой Азии» (походы Александра Македонского) – 6–7 л.

Заявку на эту книгу я уже подавал в Историческую редакцию несколько лет назад. (Тогда она столкнулась с моей заявкой в научно-художественную редакцию.) У меня есть главные герои, намечен сюжет книги.

«Великая борьба» – повесть из времен греко-персидских войн. Восстание в Милете. Марафонская битва. – 8 л. Эпоха хорошо изучена мною, когда я работал над повестью «На крыльях ветра», входящей в книгу «След за кормой». События двух повестей хронологически тесно

смыкаются, и вторая может явиться продолжением первой. А, может быть, стоит объединить их в одну? Или дать книгу в двух частях?

6 класс

«Джордано Бруно», биографическая повесть – 15 л.

Образ великого гуманиста и борца за свободу научной мысли всегда привлекал меня. Я делал передачу о нем для радио еще до войны, писал о Джордано в книге «Земля и небо». Астрономический материал (а он должен занять видное место в книге!) близко знаком мне по многолетней работе над книгой «Земля и небо». Мне очень хочется написать книгу о Джордано Бруно»[22].

11 декабря 1963 г. был заключен издательский договор А.М. Волкова с Детгизом на историческую повесть для среднего и старшего школьного возраста о юности Джордано Бруно «Скитания» (по 300 р. за авторский лист)[23]. Обстоятельная рецензия на этот исторический роман была дана в 1962 г. С.С. Лурье, писавшем: «…общий исторический фон, на котором развертывается действие романа А. Волкова «Скитания» является правильным. Автор, очевидно, хорошо ознакомился с соответствующими источниками»[24]. Указанные С.С. Лурье замечания были тщательно проанализированы А.М. Волковым и большей частью учтены при переработке текста.

Писатель, работая над произведением, настолько сживался со своим героем, что ловил себя на том, что он думает и действует как его персонаж. «Переход от одной темы к другой у меня всегда проходит болезненно. Трудно отрываться от одних героев, с которыми уже свыкся, сроднился, к другим, новым»[25]. Так было и с Джордано Бруно, и со многими другими героями.

В 1963 г. этот исторический роман с оригинальными гравюрами на дереве Л. Дурасова (редактор С. Пономарева) увидел свет (тираж 65 000 экз.), а в 1966 г. он вошел в однотомник исторических романов А.М. Волкова вместе с «Зодчими». В 1965 г. роман о Джордано Бруно был переиздан в Латвии (перевод Анны Саксе) с гравюрами Л. Дурасова тиражом 30 000 экз., а в 1971 г. – в Литве (перевод Ирены Бабилийте) тиражом 15 000 экз. Таким образом, этот исторический роман выдержал 5 изданий в СССР и в Прибалтике.

В 1964 г. читатель Саша Вардугин писал А.М. Волкову: «Книга Вам очень удалась, большое Вам за нее спасибо. Когда ее читаешь, то представляешь себе средневековую Италию. Удивляет и веселит такая точность, например, когда считали стихи и оды, предназначенные Ревекке, или фруктовые подарки, а также случай с тыквой. Так и хочется задать вопрос: откуда Вы все это знаете? Вообще, книга очень хорошая, ее читаешь с большим волнением и знакомишься с жизнью не только Джордано Бруно, но и с жизнью всего итальянского народа»[26].

В 1976 г. было осуществлено третье русское издание романа «Скитания» тиражом 100 000 экз.

В 1969 г. в издательстве «Детская литература» вышло в свет новое историческое произведение А.М. Волкова – историческая повесть из эпохи Ярослава Мудрого (XI в.) «Царьградская пленница» с иллюстрациями В. Панова (редактор С. Пономарева) тиражом 100 000 экз. В 1971 г. эта книга была переиздана в однотомнике исторических повестей вместе с повестью «Два брата» тиражом 75 000 экз.

В рецензии на повесть А.И. Рахтанов писал: «Я читал повесть в необычных условиях – в больнице. Читал потому, что не мог оторваться от книги; читал потому, что события далекой эпохи Ярослава Мудрого на какие-то часы стали ближе мне и важнее моих собственных недугов. Такова, видимо, сила волшебства, заключенного в страницах книги. Сила эта ведет читателя по пути из варяг в греки, от вольного Новгорода в расположенный на берегах Босфора

Константинополь. Времена Киевской Руси очень мало и очень неточно отражены вообще в нашей литературе, а в юношеской и подавно. Новая книга Александра Волкова в какой-то степени восполняет этот пробел. Это – историческое чтение в самом прямом смысле: картины народной жизни следуют одна за другой, создается последовательная панорама. Рассказана повесть емким и выразительным языком. Эта речь – результат большой работы, опыта, широкой исторической образованности»[27]. Однако атеист А.И. Рахтанов укорил А.М. Волкова в том, что в иных местах книга напоминает житие святых, настолько одухотворенно и торжественно описаны служители церкви Феодосий и Антоний.

Ученица 5-го класса московской средней школы № 676 Лена Чижова написала отзыв об исторической повести А.М. Волкова «Царьградская пленница» даже в стихах.

Откликнулись на появление новой книги земляки А.М. Волкова семья Михайловых и А.С. Розанов из Усть-Каменогорска. Последний писал о «Царьградской пленнице»: «Хочу лишь сказать, что А.М. Волков великолепно знает предмет, о котором пишет. Мы попадаем в мастерскую киевского оружейника, знакомимся с тонкостями его ремесла. Книга переносит нас в келью древнего летописца, в дом византийского ювелира и покои жуликоватого царьградского протоиерея. Мне никогда раньше не доводилось читать художественных произведений об этом историческом периоде и уверен: новая повесть будет равно интересна детям и взрослым»[28].

13.2. А.М. Волков: очерки по истории КПСС

К исторической тематике необходимо отнести также написанные А.М. Волковым очерки по истории КПСС. В 1964 г. его очерк о Ф.Н. Самойлове под названием «Депутат рабочей курии» вошел в сборник рассказов о соратниках В.И. Ленина «Партия шагает в революцию» (тираж 75 000 экз.)[29]. Для очерка о Ф.Н. Самойлове А.М. Волков работал в Институте марксизма-ленинизма, читал стенограммы воспоминаний о нем, а также его личное дело в архиве Общества старых большевиков. «Лучше бы я его не читал! Образ Самойлова как-то сник, измельчился в моем сознании. В деле 35 листов, большинство их – исписанные корявым малограмотным почерком без знаков препинания и больших букв записки о выдаче «взаимообразно» 70 или 100 рублей по случаю тяжелого материального положения, просьбы устроить сына в фабзавуч или на рабфак, потому что его, Самойлова, не приравнивают к рабочим от станка и т.д. и т.п. Все мелочно, все ничтожно! Приходишь к твердому убеждению, что книгу «По следам минувшего» написал не он, а какой-то опытный литератор, но, конечно, с его слов и по материалам эпохи…»[30] Однако эти эмоции остались вне стандартного очерка о большевике-ленинце.

В 1965 г. очерк «Искровец твердой воли» (о П.А. Красикове) вышел в очередном сборнике рассказов о соратниках В.И. Ленина «У истоков партии»[31]. «Об «Искровце твердой линии» – Петре Ананьевиче Красикове – хорошо и просто написал Александр Волков», – писал в рецензии П. Подлящук[32]. В 1965–1966 гг. эти сборники были переизданы на казахском, таджикском, узбекском языках, а также для слепых. В 1969 г. оба сборника вышли вторым изданием по 100 000 экз. каждый. В 1973 г. был опубликован рассказ А.М. Волкова о событиях 1912 г. в ленской тайге «И кровью обагрилась Лена…» в сборнике «Рассказы о партии» (тираж 100 000 экз.)[33].

На совещании «Историческая беллетристика для детей и юношества», проходившем в январе 1974 г. в Доме детской книги, была дана высокая оценка историческим произведениям А.М. Волкова. Так, в бюллетене совещания были отмечены 7 хвалебных отзывов, данных историческим книгам А.М. Волкова «Два брата» и «Царьградская пленница», а Л. Разгон во вступи-

тельном слове сказал, что советскую историческую литературу нельзя рассматривать, не касаясь книг К. Бадигина, Л. Рубинштейна, А. Волкова. В своем выступлении сам А.М. Волков рассказал об отзывах Коли Иванова из Кировской области и Раисы Мухаметшиной из Куйбышевской области, а также о юном читателе, переписавшем полностью «Царьградскую пленницу».

Совершенно правомерным является мнение Бориса Бегака, который писал: «История, как и математика, увлекала писателя с давних пор. И вот перед нами «Царьградская пленница» Волкова – Русь XI века, ее нравы и обычаи, битвы славянской рати с кочевниками-печенегами. Роман его «Два брата» – о людях и событиях петровской эпохи. Роман «Зодчие» рисует XVI век, события, предшествовавшие сооружению чуда русской архитектуры – символа освобождения Руси от татарского ига. А роман «Скитания» внезапно перебрасывает читателя на юг Европы, где жил и творил гениальный астроном Джордано Бруно, во имя науки взошедший на костер «святейшей инквизиции». Огромен временной охват романов и повестей Волкова, посвященных историческим событиям и лицам. Особенно восхищает смелое его вторжение в темы и эпохи, неоднократно и по-разному освещенные другими. И о Петре I, и об Иване IV, и о верованиях Средневековья, и о нравах монашества, и о ратных делах прошлого, и о народных восстаниях Александр Волков рассказывает по-своему, по-особому. Он достигает волнующего «эффекта присутствия» читателя в далеких от него событиях – эффекта, чрезвычайно важного для детского писателя.

Велик документальный материал, стоящий за каждой страницей исторических романов Волкова: суровые летописные записи, полновесные ученые фолианты, письма участников событий – все это ложится у него, как явный или угадываемый фундамент под стройное здание романа»[34].

Подводя итоги, следует отметить, что исторические произведения А.М. Волкова, посвященные описанию событий как российской, так и мировой истории и выдержавшие 17 изданий в СССР и за границей (по истории КПСС – 11 изданий в СССР), являются существенной частью творческого наследия писателя. Принципиальные основы создания исторической книги для детей А.М. Волков видел в скрупулезном изучении документов и литературы, причем внимание распространялось не только на глобальные вопросы, но и на мелкие детали быта, а также на своеобразие языка минувшего; четкость и ясность изложения материала; краткость, так называемая калейдоскопичность подачи материала; яркость образов; выбор нестандартных сюжетных линий (занимательность сюжета); динамичность; ритмичность изложения; уважение к читателю.

Произведения А.М. Волкова вторгаются в XI, XVI, XVIII вв., рисуют яркие образы царей и крестьян, купцов и ремесленников, ученых и архитекторов, оживляя далекие драмы и трагедии исторического прошлого для современного читателя. Его книги раскрывают величие истории России, воспитывая уважение к ней, а также гордость и ответственность за нее.

13.3. «Школьные» повести А.М. Волкова (1960–1963 гг.)

Продолжением исторической темы, тесно связанной с современностью, в творчестве А.М. Волкова являются два произведения, раскрывающие так называемую школьную тему. К ним относятся повесть о пионерских делах школьников станицы Больше-Соленовской, бывших свидетелями строительства Волго-Донского канала – «Путешественники в третье тысячелетие» (1960, художник Г. Чижевский, редактор З. Карманова, тираж 115 000 экз.) и фантастическая повесть-памфлет «Приключения двух друзей в стране прошлого» (г. Ташкент, 1963, художник И. Нырков, редактор Л. Мельникова, тираж 30 000 экз.).

Над повестью «Путешественники в третье тысячелетие» А.М. Волков начал работать в феврале 1957 г. «Книга захватила меня с неудержимой силой, думаю о ней и днем, и ночью, являются новые ситуации и сценки (но некоторые приходят во время письма и их не так уж мало: напишешь одно слово или фразу, они тянут за собой другие»[35]. Через 2 месяца повесть была написана. «Был в Детгизе. Дал схему Волго-Донского канала для помещения в книге, видел обложку «Путешественников». Она сделана по моему проекту: вверху индустриальный пейзаж в желтых и оранжевых тонах, внизу ребята на берегу речки на рыбалке, в середине – заглавие. Мне обложка понравилась»[36].

Однако редакторская работа над повестью не всегда удовлетворяла писателя. «Прочитал вторую часть «Путешественников» после «работы» редактора Зои Кармановой. Злость берет, когда подумаешь, что все живое, веселое, оригинальное из книги вытравлено. Нельзя, например, писать, что ребята считали царя Петра выдвиженцем из плотников, это принижает их, таких поголовно умных, все знающих! Тут можно бы на многое пожаловаться, а что толку? Если книга пройдет незамеченной (а это так и должно быть!) – это заслуга редакторов!»[37] Таким образом, книга являлась своеобразным «полем битвы», с одной стороны, автора и, с другой – редактора.

Отвечая ребятам, А.М. Волков писал в мае 1961 г.: «Вас интересует история создания книги «Путешественники в третье тысячелетие». Она проста. После создания ряда книг на историческую и научно-художественную тематику я решил попробовать свои силы и написать школьную повесть. Я бывал на Волге и Дону, знаю природу тех мест и решил развернуть действие повести на фоне строительства Волго-Донского канала. Как это получилось, пусть судят читатели»[38].

И читатели, ученицы 7-го класса станции Кулой Вельского района Архангельской области Зоя Буторина и Галина Серобаба, которым понравилась эта книга А.М. Волкова, просили редакцию прислать им для переписки адреса героев повести, считая их реальными лицами.

Писатель И.А. Рахтанов писал об этой книге: «Писателю-педагогу Волкову еще несколько лет назад стало ясно, что наша школа нуждается в коренной перестройке, что она дает слишком отвлеченное образование, что ее связи с жизнью, с трудом народа недостаточны. Но он не стал писать на эту тему публицистических статей, а обратился к форме художественного произведения и написал «повесть на школьную тему»... В повести много юмора, веселых и страшных приключений. И опять надо бросить упрек критике: ни одного слова не сказано об этой книге, хотя она вышла в свет около года назад. А ведь в ней Волков показал, что он может писать не только о давно минувших временах или научно-художественные книги, но может изображать и современную жизнь, ставя такие проблемы, которые еще только назревают в ней»[39].

Приведем также рецензию А. Мусатова на книгу А. Волкова «Путешественники в третье тысячелетие» от 20 января 1958 г.: «Повесть... очень точно адресована читателю среднего школьного возраста. Она затрагивает многие вопросы детской жизни, убедительно говорит о школьных интересах ребят, о их пытливости, инициативе, активности, о жадном стремлении познать все новое, приобщиться к большим делам взрослых. Повесть щедро насыщена познавательным материалом (о строительстве Волго-Донского канала, об археологических изысканиях, о русском языке и т.д.), причем большая часть этого познавательного материала органично увязана с развитием сюжета и характерами действующих лиц. Повесть написана в форме дневника пятиклассника Гриши Челнокова. В целом автор неплохо справился с этой трудной формой изложения материала. За редкими исключениями мы чувствуем живую ес-

тественную интонацию автора дневника, ощущаем ребячий юмор, наблюдательность, острое чувство современности, столь присущее нашим детям. Удачно найдена А. Волковым форма обмена репликами между автором дневника и его старшим братом, десятиклассником Арсей. Благодаря этому обмену репликами писателю удалось не только показать взаимоотношения между братьями, но и привлечь внимание читателя к таким вопросам, как чистота и богатство русского языка… Однако есть серьезные замечания, и повесть нуждается в доработке, особенно 1 и 3 книги»[40].

Повесть была доработана в соответствии с замечаниями А. Мусатова, обдуманы и дополнены некоторые сцены. Так, большой интерес представляет рассказ о процессе создания школьного краеведческого музея, типичного для множества средних учебных заведений страны, где экспонатами выступали разноплановые предметы музейного значения, найденные на определенной территории (от бычьего рога и немецкой каски до диадемы и оружия царя роксоланов Барракега).

С чтением этой книги А.М. Волков выступал перед школьниками 17 ноября 1957 г. в Доме детской книги в Москве. Насколько внимательно он относился к восприятию детьми текста, свидетельствует запись в его дневнике: «Интересно, что сидя перед детской аудиторией, я всегда чувствую, какое место доходит, какое нет, и даже какое-то чутье говорит мне заранее, что такое-то место не дойдет – и я его пропускаю. Этого ощущения нет, когда я сижу за письменным столом»[41].

Первым названием фантастической повести-памфлета «Приключения двух друзей в стране прошлого» было название «Пионеры в Норландии». Замысел этой книги появился у А.М. Волкова в 1958 г. А в 1960 г., дорабатывая материал для повести, писатель перечитал «Янки при дворе короля Артура» и «Принца и нищего» Марка Твена, «Квентина Дорварда» Вальтера Скотта. «Получается интересно и интригующе. Написал главу «Погоня». Надумал устроить состязание менестрелей. Для этого использую свои стихи из рыцарского цикла, написанные лет сорок назад. Балладу «Граф Генрих и красавица Эльза» сокращаю вдвое и перерабатываю, так как нашел в ней массу недостатков. Будет она называться «Граф Вальтер и красавица Мэри»[42].

По поводу «Приключений двух друзей в стране прошлого» Е.П. Брадис писал: «Прочел ее залпом и с большим удовольствием. Прежде всего – большое спасибо! Написана она с большим вкусом и хорошо задумана. Если считать ее фантастическим памфлетом, то один из ваших предшественников – имею в виду относительно сходную ситуацию – Жюль Верн с его «Плавучим островом». Возвращение вспять – в средневековье – отлично аргументировано и архаический колорит Вы воспроизвели мастерски. Думаю, что эта сказка будет пользоваться большим успехом… Не могу удержаться от комплиментов по поводу обеих баллад. Они отлично выдержаны в трубадурском стиле, особенно вторая с ее чудесным своеобразным ритмом»[43].

Эти небольшие книжки А.М. Волкова с героями-школьниками были типичными для советской литературы 1960-х гг., широко пропагандировавшей достижения социализма. К «школьной» теме можно также отнести радиопьесу А.М. Волкова «Алтайские робинзоны», прозвучавшую в апреле 1942 г. по Алма-атинскому радио.

Библиографические ссылки и примечания

1. В 1946 г. А.М. Волков подавал заявку в Издательство Военно-Морского флота на роман «Рождение флота» (русский военный флот в Великой Северной войне), позже эта заявка была повторена в 1974 г. в историческую редакцию издательства «Детская литература», однако нигде принята не была.
2. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 7. Апр. 1960 г. – сент. 1961 г.
3. Имелась в виду некоторая идеализация образа Петра I и вопросы классовой борьбы, якобы недостаточно остро раскрытые автором.
4. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 7.
5. Там же. Т. 8. Окт. 1961 г. – дек. 1962 г.
6. Там же. Т. 3. 1946–1950 гг.
7. Там же.
8. Там же.
9. Рахтанов И. А.М. Волков и его книги (предисловие) // Волков А. Два брата. М., 1961. С. 5.
10. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 9. Янв. – дек. 1963 г.
11. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 21. Л. 89.
12. Токмакова И. Об авторе и его книгах (предисловие) // Волков А. Два брата. М., 1981. С. 7–8.
13. Нижняя С.И. Художник Игорь Годин // Детская литература. 1969. № 2. С. 45–48.
14. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 4. 1951–1956 гг.
15. Там же. Т. 3.
16. Там же.
17. Михайловичева З. «Зодчие» // Преподавание истории в школе. 1956. № 2. С. 28.
18. Берегов Н. «Зодчие» // Псковская правда. 1955. 18 окт.
19. Энтин Б. В шествии веков // В мире книг. 1967. № 3. С. 37.
20. А.М. Волков предлагал использовать для иллюстрирования книги наряду с рисунками И. Година фотографии храма Василия Блаженного, сделанные в разное время, но это предложение не было принято.
21 Бегак Б. Об авторе этой книги // Волков А.М. Зодчие. М., 1986. С. 6.
22. Музей стории ТГПУ. О.Ф. 191/ 297.
23. В 1963 г. А.М. Волков предлагал также Детгизу заключить договор на написание исторической повести из ранней истории франков, когда закладывались основы франкского государства при Хлодвиге (481–511 гг.) под ориентировочным названием «Дорога в Париж», однако заявка не была принята.
24. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 8.
25. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 109.
26. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 10. Дек. 1963 г. – апр. 1964 г.
27. Там же. Т. 19. Окт. 1968 г. – март 1969 г.
28. Розанов А. Наш земляк – О Царьграде // Рудный Алтай. 1969. 14 июня.
29. Волков А. Депутат рабочей курии // Партия шагает в революцию. 2-е изд. М., 1969. С. 298–306.
30. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 14. Л. 88–89.
31. Среди авторов сборника «У истоков партии» – Н. Вирта, А. Караваева, Л. Кассиль, Г. Фиш, Г. Марков и др.
32. Подлящук П. Нами зажжено! – Рец. на кн.: У истоков партии. Рассказы о соратниках В.И. Ленина // Новый мир. 1963. № 6. С. 269.
33. Волков А. И кровью обагрилась Лена… // Рассказы о партии. М., 1973. Кн. 1. С. 187–212.
34. Бегак Б. Дорога к волшебству // Учительская газета. 1976. 12 июня.
35. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 9. Л. 197.

36. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 12. Л. 66.
37. Там же. Л. 78–77.
38. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 7.
39. Там же. Т. 8.
40. Там же. Том дополнительный. 1918–1960 гг.
41. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 45.
42. Там же. Кн. 12. Л. 41–42.
43. Архив А М. Волкова. Литературные документы. Т. 10.

Глава 14
Научно-художественные произведения А.М. Волкова (1943 – 1978 гг.)

14.1. Военная тематика в произведениях А.М. Волкова

Великое и святое дело – труд! У того,
кто разумно и с пользой трудится,
жизнь полна и радостна, а бездельник
томится, не зная, как убить время.
А.М. Волков. Огненный бог марранов

Первыми крупными научно-художественными произведениями А.М. Волкова были книги, написанные в годы Великой Отечественной войны, являющие собой примеры оборонной тематики. Это книга «Бойцы-невидимки» (математика в военном деле), вышедшая в начале 1943 г. (в 1950 г. вышла в свет в Китае под названием «Расчеты самолетов и артиллерии»), а также книга о советской военной авиации «Самолеты на войне» (1946), опубликованная в серии «Военная библиотека школьника» под общей редакцией полковника А.В. Шиукова с рисунками одного из первых русских летчиков К. Арцеулова и М. Гетманского тиражом 30 000 экз.

Эти книги были хорошо встречены читателями и заслужили одобрительные отзывы критики. В сентябре 1946 г. в журнале «Пионер» появилась рецензия Н. Андреева «Самолеты на войне», в которой он писал: «Просто перелистать эту книгу – и то интересно! … Но еще интереснее прочитать то, что рассказывает автор книги о воздушных боях, о машинах, об их творцах и командирах, об их скоростях и оружии, о законе полета и воздушного боя… Читаешь эту книгу – и кажется: «Ну, все. Больше нечего рассказывать об авиации…» А перевернешь страницу – там новые интересные рассказы о том, как бомбят, как прячутся от бомбожек или управляют боем по радио, как обманывают противника в воздушном бою… Если ты задумал стать пилотом, непременно прочти эту книгу. Ну, а если не думаешь взять в руки штурвал самолета, – все равно прочти ее. И на войне, и в мирной жизни самолет в наши дни занимает такое место, что не знать о нем – просто стыдно…»[1]

Положительные отзывы на эту книгу были представлены генералом Алексеевым и майором Лебедевым из Военно-воздушной академии и полковником А.В. Шиуковым. В это же время А.М. Волков услышал лестные слова от редактора Детгиза Дубровиной: «Мы Вас всячески поддержим. Вы – наш великолепный автор, мы Вас ценим и вполне Вам доверяем»[2].

Как отмечалось выше, жюри конкурса на лучшую детскую книгу Наркомата просвещения РСФСР в 1944 г. отметило книгу А.М. Волкова «Самолеты на войне» поощрительным вознаграждением в сумме 5 000 р. и повышенным гонораром. В этом конкурсе премии были вручены С.Я. Маршаку, Л. Кассилю, А. Барто, С. Григорьеву, Гумилевскому, а также авиаконструктору А.С. Яковлеву за книгу «Моя жизнь».

Книга А.М. Волкова оказалась настолько актуальной, что вскоре была переиздана за границей. В 1947 г. она была опубликована на сербском языке, в 1948 г. – на польском языке в издательстве «Prasa Wojskowa» (тиражом 10 000 экз.), в Югославии и Чехословакии, в 1949 г. – на венгерском языке, а в 1950 г. – вышло второе польское издание. Польское издательство «Военная печать» в аннотации к книге писало: «Книга Волкова технически точно и одновременно популярно и занимательно разбирает историю развития, современное состояние и применение военной авиации… Хороший подбор рисунков, большое количество фотографий вместе с выдающимся популяризаторским талантом автора дают в результате ценную и интересную книгу о военной авиации»[3]. В 1951 г. А.М. Волков обратился к директору Детгиза К.Ф. Пискунову с предложением дополнить и переиздать ставшую популярной книгу (выдержала 6 изданий за границей), однако этот замысел не был осуществлен, и с тех пор эта книга стала библиографической редкостью.

В 1944 г. в журнале «Знамя» была опубликована статья А.М. Волкова «Англо-американо-германская война в воздухе», которая была одобрена редактором журнала Всеволодом Вишневским. «Принятие моей статьи в «Знамя» и предложение сотрудничать – большое для меня достижение, хотя не совсем по той линии, по какой хотелось бы. А в общем, это мой первый выход в «большую» литературу, к взрослому читателю»[4], – писал А.М. Волков.

Интерес к военной тематике выразился также в упорной работе А.М. Волкова вместе с полковником Н.Н. Никифоровым над энциклопедией военных знаний для детей «Моя военная книга» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Однако эта работа не получила поддержки, но когда в Военном издательстве понадобился литературный редактор для книги «Артиллерия», то Н.Н. Никифоров, один из соавторов этой книги, порекомендовал А.М. Волкова. В 1951–1953 гг. А.М. Волков осуществлял литературное редактирование коллективного труда «Артиллерия» под общей редакцией маршала артиллерии М.Н. Чистякова, причем главы «Как артиллерия помогает войскам в бою» (кроме раздела «Артиллерия помогает прорвать укрепленный район», написанного Н.Н. Никифоровым) и «Советская артиллерия в решающих сражениях Великой Отечественной войны», приписанные полковнику Галиенко, в действительности принадлежат перу А.М. Волкова (о чем свидетельствуют сохранившиеся черновики).

В начале 1950-х гг. А.М. Волков задумал написать целую эпопею о русской и советской авиации под названием «Четыре поколения» с привлечением к совместной работе своего брата Анатолия, подполковника авиации. Однако ему не удалось увлечь брата, хотя сам А.М. Волков довольно долго «болел» этой темой, продумал некоторые ситуации и даже написал первые главы первой книги. Таким образом, история авиации была одним из серьезных увлечений А.М. Волкова как свидетеля рождения и развития авиационной техники на протяжении длительного периода времени.

14.2. Научно-познавательные книги А.М. Волкова для будущих космонавтов и путешественников

Давний интерес А.М. Волкова к астрономии и географии, берущий начало от детских игр с Ником Петровским, побуждал его к постоянному пополнению своих знаний в этой области. Как мы помним, еще перед войной в 1941 г. он предлагал Детиздату написать работы по астрономической тематике. 18 апреля 1950 г. с Детгизом был подписан издательский договор на научно-художественную книгу «Земля и небо» (в объеме 4 авт. л., по 1 500 р. за лист). В 1956 г. А.М. Волковым была подготовлена рукопись «Земля и небо», о которой научный сотрудник

Института философии Академии наук СССР А. Арсеньев писал: «Книга может быть очень полезной, особенно в свете современных задач естественно-научной и атеистической пропаганды, желательно ее скорейшее издание»[5]. В январе 1956 г. был подписан издательский договор с Детгизом на книгу «Земля и небо» (в объеме 7 авторских листов по 3000 р. за лист). В книге предусматривались цветные иллюстрации, которые печатались в 5, 6 и 7 красок. «У нас такой книги еще не было! – сказала А.М. Волкову художественный редактор книги Г.С. Вебер[6].

В 1957 г. эта книга с подзаголовком «Занимательные рассказы по географии и астрономии» с иллюстрациями Б.П. Кыштымова[7] тиражом 115 000 экз. увидела свет[8]. Научным редактором книги был кандидат философских наук А. Арсеньев. Книга представляет собой краткую астрономическую энциклопедию, содержащую 42 статьи и более 100 красочных иллюстраций.

«Чем хороша книга Александра Волкова? Прежде всего простотой и ясностью языка, доходчивостью изложения… И хотя издательство адресует книгу Волкова школьникам младшего и среднего возраста, она одинаково приемлема и интересна также и для взрослых, может сослужить хорошую службу тем, кто выступает с лекциями на научно-атеистические темы. Следует заметить, что книги, рассказывающие о строении Вселенной, о природе небесных тел выпускались и раньше, но настоящий сборник рассказов во многом отличен от предыдущих изданий оригинальностью изложения материала. Надо полагать, что книга А. Волкова сыграет значительную роль в атеистическом воспитании и завоюет большие симпатии у читателей», – писала член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний Г. Шмакова из г. Кунгура[9].

И.А. Рахтанов писал об этой книге: «Книга писателя-коммуниста Александра Волкова имеет глубокую антирелигиозную направленность. Эта книга мировоззренческая в лучшем смысле этого слова, она разбивает поповские сказки о сотворении мира, она ясно показывает ту жестокость, с какой церковь всегда преследовала свободную мысль и тех героев науки, которые осмеливались рисовать картину мира, противоречащую утверждениям библии. Но, помимо этого, она в интересной доходчивой форме рассказывает юным читателям об истории географических открытий, о Земле как планете, о Луне, о Солнечной системе, о необъятном звездном мире…»[10]

Актуальность такой книги для детей в эпоху начинающегося освоения космоса была несомненна. В октябре 1957 г. в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли. По этому поводу А.М. Волков писал: «Величайшее достижение советской науки! Фантастические выдумки астрономических романов становятся явью! Я верю, что через год-два, а может быть и через несколько месяцев я, сидя у телевизора, буду смотреть, как ползет первая советская танкетка по поверхности Луны… Необычайно! А ведь в детстве я сидел в крестьянской избе при свете дымного жировика – в ту пору, 60 лет назад, Секисовка еще не знала керосиновой лампы… И вот начинается эпоха межпланетных сообщений. Поразительное время, когда техника движется с колоссальным ускорением»[11].

А в январе 1959 г. А.М. Волков радовался запуску первой космической ракеты: «Совершилось величайшее научное событие века! Запущена первая советская космическая ракета к Луне! Итак, свершилось! Сместились сроки, время течет с поразительной, непостижимой быстротой… То, что еще 2–3 года назад намечалось через 20–30 лет, происходит сегодня. И не будет ничего удивительного, если через год-другой нога советского человека ступит на лунную почву, и в этом же пятилетии мы услышим об экспедиции на Марс. Какой шум идет сейчас по миру! Как себя чувствуют господа Эйзенхауэр и Даллес? Советский флаг летит к Луне… Белый дом отказался комментировать факт. Еще бы!»[12] Работая над рукописями, А.М. Волков неустанно каждые полчаса слушал сообщения ТАСС, вклеивал в дневник публикуемые сообщения.

Искренне радуясь успехам советской науки, писатель видел свою задачу в популяризации передовых достижений науки и техники. Таким образом, книга А.М. Волкова «Земля и небо» стала первой ступенькой для детей к открываемому человеком космосу.

Несмотря на приличную стоимость, книгой интересовались и разыскивали. Так, сам А.М. Волков делился своими впечатлениями: «Земля и небо» встречает всеобщее одобрение. Сегодня видел пачку книг на столике уличного киоска, но в тот момент никто не покупал. А в книжной лавке писателей, стоя в верхнем этаже, я слышал как ее спрашивали внизу и очень хвалили»[13]. Книга довольно быстро разошлась в Москве и в стране.

К Александру Мелентьевичу стали поступать отклики на книгу. Вот что писали в мае 1958 г. 11 участников читательской конференции – учащиеся 5–6-х классов школы им. А.С. Пушкина станции Белореченской Краснодарского края: «Мы хотим вам сказать о том, дорогая редакция, что книга А.М. Волкова – замечательная книга. Как в ней все интересно описано: и о небе, и о полете на Луну, о Солнце, планетах, кометах. Обо всем так просто и ясно, как будто это всегда было известно людям, и не верится, что ученым так много пришлось бороться с разными церковниками за свои научные предположения. Книга хорошо оформлена, напечатана на хорошей бумаге, крупным четким шрифтом. В общем, мы ее полюбили и не только прочитали сами, но каждый раз, когда приносили домой, ею интересовались наши родители и тоже читали до конца. Как хорошо было бы, если побольше таких понятных книг издавалось для нас по разным научным вопросам. Вот жаль только, что мы ничего не знаем об авторе книги Александре Волкове. Он, наверное, сам астроном, но он и хороший писатель, раз сумел так хорошо рассказать об этой науке. Мы просим вас познакомить автора книги «Земля и небо» с нашим письмом и попросить его сообщить нам о себе: кто он, что еще думает интересного для нас написать»[14].

В ответном письме от 13 мая 1958 г. А.М. Волков рассказал школьникам о своих книгах и замыслах, а на вопрос – кто он? – ответил: «Вы, быть может, разочаруетесь, узнав, что я – не астроном, но это так, хотя я еще в детстве полюбил эту замечательную науку и много ею занимался… Дело в том, что по своей профессии я – педагог. Воспитанию детей и юношества я отдал 46 лет своей жизни, и за эти годы мне приходилось преподавать в школе и историю, и математику, и физику, и астрономию, и я основательно ознакомился с этими науками»[15].

В 1958 г. книга «Земля и небо» получила высокую оценку на конкурсе на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста, объявленном Министерством просвещения РСФСР. Среди рассмотренных жюри конкурса 219 рукописей и книг три первые премии (по 15 тыс. р.) были присуждены А. Аграновскому за рукопись «Репортаж из будущего», К. Гладкову за рукопись «Энергия атома» и И. Халифману за рукопись «Пароль скрещенных антенн»; вторые премии (по 10 тыс. р.) были присуждены А.М. Волкову за книгу «Земля и небо», Г. Кублицкому за рукопись «Фритьоф Нансен», Д. Данину за книгу «Добрый атом», В. Овчинникову за книгу «Путешествие в Тибет», Г. Анфилову за книгу «Что такое полупроводник»; третьей премии (по 5 тыс. р.) были удостоены Н. Кобринский, В. Пекелис, З. Перля, В. Попов, И. Вольпер и др.

После запуска искусственных спутников Земли и первого в истории полета человека в космос А.М. Волков переработал и дополнил книгу. Воодушевленный достижениями СССР в космосе, он писал: «Не отрываясь, слушали сообщения ТАСС о полете Гагарина над Африкой и его телеграмме из космоса, о включении тормозного устройства и, наконец, о том, что первый космонавт благополучно приземлился. Имя космонавта Гагарина войдет в века наряду с величайшими людьми человечества»[16]. В начале мая 1961 г. состоялась встреча московских писателей с Юрием Гагариным. «Собрание прошло интересно, хорошо говорил Гагарин. Между прочим он

сказал, что во время приземления температура наружной оболочки кабины доходила до 10–11 тысяч градусов, а в кабине было 20 °С. В конце на сцену стали выносить пачки книг, подаренных писателями (штук 70–80). Гагарин дал необдуманное, по-моему, обещание все их прочитать (смех в зале). Я свою книгу не дал, так как принял решение поднести ее лично… Гагарин сидел во главе стола, я подошел к нему, поздравил с полетом, подал книгу со словами: «Эта книга имеет непосредственное отношение к вашему путешествию». Мы обменялись рукопожатием, и я ушел, не желая быть навязчивым. Вот так это было»[17].

Книга А.М. Волкова «Земля и небо» выдержала в СССР 4 издания (в 1960 г. вышло 2-е дополненное издание для нерусских школ в серии «Школьная библиотека» (20 000 экз.); в 1972 г. – 3-е издание, исправленное и дополненное (100 000 экз.); в 1974 г. – 4-е издание (100 000 экз.). Эта книга была включена в список рекомендуемой для чтения литературы учащимся 5–8 классов средней школы.

Познавательная ценность книги А.М. Волкова была высоко оценена в СССР и за рубежом. В 1958 г. к А.М. Волкову обратились из польского государственного детского издательства «Nasza Księcarnia»: «Учитывая положительные качества этой книги, как в отношении содержания, так и аттрактивной формы, мы хотели бы дать ее нашей молодежи, которая в эпоху спутников Земли все больше интересуется вопросами астрономии и астронавтики»[18]. В 1959 г. книга была опубликована в Болгарии (перевод Параскевы Нинковой) тиражом 5 000 экз.; в 1960 г. – в Польше (перевод директора Варшавской астрономической обсерватории, доктора, профессора Владимира Зонна, 10 260 экз.), в Латвии (20 000 экз.); в 1961 г. книга была переведена на хинди, английский, французский, чувашский (перевод Л. Аченосовой, 3 000 экз.), украинский (перевод В. Данилейко, 16 000 экз.), казахский (перевод Е. Садыкова, А. Мустафиной, 8 000 экз.), молдавский (перевод Н. Продана, 6 500 экз.), литовский (перевод А. Андренаса, 8 000 экз.); в 1962 г. – книга была переведена на бенгали (4 000 экз.); в 1963 г. – на словацкий (Чехословакия, 4 000 экз.); в 1964 г. – на туркменский язык (перевод С. Сейитмурадова, 4 000 экз.); в 1967 г. – на вьетнамский язык; в 1969 г. – на арабский язык; в 1971 г. – второе издание на молдавском языке (перевод Н. Продана, 10 000 экз.). Кроме того, книга в 1963–1975 гг. 6 раз издавалась в Индии на языке телугу. В связи с этим А.М. Волков писал в феврале 1975 г.: «Интересные и приятные новости! Мне позвонил из «Прогресса» редактор отдела массово-политической литературы Виктор Андреевич Ильин и сообщил, что в Индии моя книга «Земля и небо» была издана на языке телугу 6 раз! На языке телугу (иначе андхра) в Южной Индии говорят более 30 млн. человек (это старые данные 1956 г., теперь, конечно, их стало больше). Естественно, что и спрос на книгу оказался очень большой. Сейчас индийцы просят последнее издание «Земли и неба». Итак, телугу – 32-й язык, на котором напечатаны мои книги (по моим, вероятно, неполным данным), считая в том числе и русский»[19]. Таким образом, книга А.М. Волкова «Земля и небо» выдержала 27 изданий в СССР и во многих странах мира.

В сентябре 1960 г. вышла в свет повесть А.М. Волкова о покорителях водной стихии «След за кормой» с иллюстрациями В.С. Вильнера (редактор М. Брусиловская) тиражом 30 000 экз. Эта книга появилась при работе автора над другой книгой под условным названием «Вода и ветер – слуги человека», издательский договор на которую был заключен с Детгизом 26 мая 1956 г. В 1958 г. книга была переименована автором и получила название «Из тьмы веков». Рецензируя эту рукопись, кандидат исторических наук В.А. Галкин писал в 1958 г.: «Труд А.М. Волкова «Из тьмы веков», содержащий три рассказа о покорителях водной стихии, является весьма своеобразным научно-повествовательным литературным произведением. Три отдельных рассказа «Пятнадцать тысяч лет назад», «Первый корабль», «На крыльях ветра» – органически свя-

заны воедино четко обозначающейся целью: в живой форме исторического повествования изложить историю освоения человеком водной стихии и первого корабля, начиная от первобытного плота, кончая парусным, управляемым лавированием кораблем.

Образность, яркость языка, занимательность сюжетной линии рассказов, доступность преподносимого научного материала, все это, несомненно, делает произведение А.М. Волкова интересным, содержательным, имеющим большое познавательное и воспитательное значение для подрастающего поколения.

Следует отметить также и то, что подобная форма литературного произведения, активно воздействующая на воспитание детей, к сожалению, еще очень редко встречается в нашей советской литературе, хотя нашла уже положительное к себе отношение со стороны читателей. Для примера достаточно указать на книгу того же А.М. Волкова «Земля и небо», изданную Детгизом в 1957 г. Стремление автора рецензируемого произведения завершить начатый им еще в 1957 г. рассказ детям о завоевании человеком природных стихий: земли, неба и, наконец, воды – не только обоснованно, но и заслуживает одобрения и всяческой поддержки»[20].

Еще в июне 1956 г. началась работа над повестью «Вода и ветер», которая потом меняла названия – «Во тьме веков», «Голубые дороги», а уже затем она стала называться «След за кормой». Так рождалась книга, объединившая историю и технические изобретения в увлекательное повествование, которое начинается 15 тысяч лет назад. В марте 1958 г. А.М. Волков писал: «С утра поработал хорошо. Балмур неожиданно выкинул чудесную штуку: убил предателя и спас вождей восстания. Молодец! Схема рассказа четкая и логичная, очень интересная, ясно вся стоит теперь передо мной. Демарат тоже выйдет органично: он везет заговорщикам оружие. Здесь сюжет закручивается тугим узлом. Может быть, назвать книгу «Дети воды»?»[21] Наконец, в апреле 1960 г. он приступил к правке гранок повести. «Много раз уже печатались мои книги, и все таки получение гранок представляет волнующий момент. Гранки – это тот рубеж, который отделяет рукопись от книги. До этого рукопись, будь она даже напечатана на машинке – только рукопись, а гранки, привезенные из типографии – это уже книга!»[22]

Повесть «След за кормой» увидела свет в 1960 г. в издательстве Детгиз (ленинградский художник В.С. Вильнер, ответственный редактор М.С. Брусиловская, тираж 30 тыс. экз.) и 9 сентября А.М. Волков получил авторские экземпляры. В заключение автор говорит о творческом взлете изобретательской мысли: «Все, что когда-либо было открыто или изобретено одним человеком, а потом забыто, рано или поздно открывают или изобретают другие. Наука не знает невозвратимых потерь»[23].

Оставшиеся материалы, не вошедшие в эту книгу (об океане и его обитателях, о гидроэлектростанциях, о ветряных двигателях и др.), А.М. Волков предполагал использовать в книге «Вода и ветер», однако такая книга не состоялась.

В мае 1971 г. писатель стал работать над новой главой для книги «След за кормой», посвященной первопроходцам северных морей – викингам. В связи с этим он писал: «Сегодня перечитал «След за кормой», произвел кой-какую правку. Читал с интересом, так как кое-что позабыл. Здорово сделана вещь, и надо новую повесть сделать на том же уровне. Начал составлять план «Виланда» (может быть, еще и переделаю заглавие и дам что-нибудь вроде «Приключений Сигурда Роарсона» по имени мальчика, который, видимо, будет главным героем). Кое-какие приключения Сигурда я уже придумал. И по мере работы придут в голову и другие… Уже придумал: дочь богача, взаимная любовь, бегство в Винланд… Есть сюжет!»[24] В процессе работы маленький герой повести получил имя Роара (Рори) Эйлифсона и получил собственную судьбу. Благодаря «Книге для чтения по истории средних веков» под редакцией профессора

Виноградова в 4 томах, дореволюционному изданию «Народы мира» и другой литературе в месячный срок были написаны 86 страниц новой главы. «Рори Эйлифсон» заслуженно получил восторженную рецензию от кандидата исторических наук В. Галкина.

В 1972 г. вышло второе, дополненное издание повести «След за кормой» тиражом 100 000 экз. Эта книга стала одной из любимых книг советских детей.

В 1965 г. А.М. Волковым была написана брошюра «Астрономия – древнейшая из наук» под редакцией доктора физико-математических наук, профессора К.Л. Куликова с иллюстрациями художника Н. Васильева (тираж 10 500 экз.). В 1966 г. Детгизом был опубликован сборник «Большой дом человечества» под общей редакцией О.Н. Писаржевского (тираж 60 000 экз.), куда вошли астрономические очерки А.М. Волкова «Наша планета», «Как люди ведут счет времени», «На чем держится Земля?», «Луна», «Солнце», «Семья Солнца», «Звездный мир», оформленные в специальный раздел «Астрономия».

Наряду с крупными изданиями А.М. Волков писал много небольших статей на естественнонаучные темы для периодических изданий «Пионерской правды» («Механический математик», 1940; календарь для детей «Круглый год» на 1959 г. («Год, месяц, сутки», «Атомный ледокол «Ленин», «Как человек изобрел лодку», «Первые советские искусственные спутники Земли»); календарь для детей «Круглый год» на 1960 г. («Путешествие Пети Иванова на внеземную станцию», «Как люди научились летать»); «Календарь школьника» на 1960–1968 гг. («Солнечная система», «Меркурий», «Венера», «Марс», «Пояс астероидов», «Небесные странники» и др.); журнала «Смена» («Оружие формул», 1941); журнала «Наука и жизнь» («Числовые суеверия», 1964; «Классики и математики», 1969; «Арифметические действия древних римлян», 1970; «Как вычислить объем ада?») и др.

Также А.М. Волков продолжал заниматься рецензированием. Например, в мае 1955 г. была написана положительная рецензия на главу «О тетради в клеточку и о том, что в клеточках» из книги М. Ильина «Что окружает нас», а в январе 1958 г. – отрицательная рецензия на книгу Д.А. Тарджеманова «Рассказы о Лобачевском», содержавшую многочисленные неточности и ошибки.

Последняя книга этой тематики под названием «В поисках правды» увидела свет уже после кончины А.М. Волкова в 1980 г. В процессе работы над ней в 1975 г. он писал: «Наконец-то я взялся за своих «Искателей правды». Написал около семи страниц рукописных, и как будто вышло ничего. Мне кажется, я угадал тон будущей книги – это будет нечто вроде «Земли и неба», только попроще, и отдельные главы будут привязаны к тому или иному деятелю астрономии. Но в каждой главе должна быть обрисована эпоха и состояние астрономической науки в эту эпоху. В первой главе появятся Пифагор, Аристотель и, конечно, Аристарх Самосский»[25]. Над этой книгой он работал до последних дней своей жизни.

В послесловии к ней 86-летний писатель с оптимизмом писал: «Мы с вами прошли по длинному пути от сказочного Фаэтона и древнего философа Аристотеля до нашего современника, великого Циолковского, отца космонавтики.

В трудах и усилиях, в непрестанной борьбе с косностью и предубеждениями рождалась наука. Какие только преграды не ставило перед ясной научной мыслью воинствующее невежество! Сколько смелых проповедников нового, изнемогая в неравном споре с врагами прогресса, не склонялись перед ними, а шли за свою правду на муки, на смерть!

И в этом извечном споре каждое поражение поборников науки оказывалось временным, а каждый их успех рано или поздно приносил обильные плоды. Ведь на дороге прогресса надолго задержать человечество невозможно!»[26]

В этой книге использовались иллюстрации из фондов музея книги и Всесоюзной государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Оформление и макет книги создан художником В.Л. Освером, ответственный редактор книги – М.С. Брусиловская (тираж 100 000 экз.).

Таким образом, в создании произведений научно-познавательного жанра сочетались качества А.М. Волкова как математика, астронома, географа, писателя и педагога. Высшее физико-математическое образование А.М. Волкова и любовь к точным наукам, помноженные на простоту и ясность изложения трудного материала, позволили ему создавать оригинальные по построению, понятные читателю любого возраста научно-познавательные произведения, популяризирующие математику, географию, астрономию и другие науки. Наиболее популярные из них «Самолеты на войне» и «Земля и небо» выдержали соответственно 7 и 27 изданий в СССР и в мире.

Следует особо указать на умение А.М. Волкова почувствовать приоритеты в выборе тем для творчества, учесть потребности детей в век технического прогресса в приобретении научных знаний о космосе, астрономии, математике и др. Научно-познавательные произведения писателя стали для многих детей в разных странах первыми ступеньками в мир науки и техники, определив их профессиональную направленность.

14.3. Произведения А.М. Волкова о рыбной ловле (1950 – 1960 гг.)

Страсть к рыбной ловле была присуща А.М. Волкову всю его долгую жизнь: с раннего детства после первой выловленной рыбешки, вызвавшей его восторг, до преклонного возраста, когда ему было за 80 лет. Он даже вел специальный рыболовный дневник, куда заносил наиболее интересные рыболовные приключения.

В годы Великой Отечественной войны, находясь в Алма-Ате в эвакуации, рыбная ловля для семьи Волковых была одним из средств продовольственной поддержки. Александр Мелентьевич описывает одну из рыбалок 1943 г.: «С вечерним поездом поехали на Комсомольское озеро, в 9 часов сошли на 71-м разъезде и пошли по ночной степи. Небо было покрыто тучами, блестели зарницы. Когда дошли до мельницы, начал капать дождик, невдалеке загремел гром. Попросились к колхозникам и провели ночь в шалаше неплохо. 22 и 23 июля провели чудесные дни на озере. Каждый день ели замечательную уху из окуней, жирную, наваристую. Сазанов ловили плохо, оказалось, наши снасти неотрегулированы, закидывали мы слишком близко… Вечером третьего дня нашей рыбалки весело ловил сазанчиков, поймал больше 15, правда, небольших, но их ловить весьма приятно – так они сильны и упористы. Домой вернулись ночью около часу»[27].

В 1948 г. в компании писателей – охотников и рыболовов (Б. Лавренев, В. Архангельский, литературовед Реформатский и др.) – А.М. Волков совершил поездку в Рязанскую область. Об этой поездке В. Архангельский впоследствии написал рассказ «Утро на озере» для альманаха «Рыболов-спортсмен», где «вывел» Волкова под именем старого профессора Александра Мелентьевича. Это единственное художественное произведение, где А.М. Волков является одним из действующих лиц.

Что касается В. Архангельского, то он вместе с Е.И. Ермаковым с 1948 г. был инструктором по спорту в рыболовной секции Московского отдела Союза советских писателей. Тогда-то и началась литературная деятельность В. Архангельского – с рыболовных рассказов и очерков, помещаемых в альманахах.

В 1950 г. по настоянию Архангельского А.М. Волков написал первый рыболовный рассказ «Лопатинский залив», переработав его из главы романа «Искатели правды», над которым он работал еще до войны. Этот рассказ был напечатан в альманахе «Рыболов-спортсмен». В 1951 г. он сдал в альманах рассказы и очерки «Зеленушки», «Уженье на Буже», «Два рассказа о сомах», «Редчайший случай». Начиная со второго выпуска А.М. Волков основательно включился в работу над этим альманахом на целый ряд лет, в частности, им прорецензирован весь материал третьего выпуска. В 1952 г. вышли в печати рассказы «Лопатинский залив», «На р. Буже».

В том же году писатель заключил издательский договор с издательством «Физкультура и спорт» (4 авторских листа) на брошюру «Рыбная ловля удочкой». В 1952 г. в этом издательстве вышли заметки рыболова «Как ловить рыбу удочкой». В книжке были собраны полезные советы для начинающих рыболовов: как оснастить удочку, каким снаряжением должен запастись удильщик, на какие насадки и где ловить различную рыбу в то или иное время года. Наряду с практическими советами автор ярко описывает романтику рыбалки: «А ночью под ясным небом у жаркого костра, близ котелка с наваристой ухой, как хорошо коротать время в кругу веселых товарищей, рьяных любителей рыбалки. Бодрящий свежий воздух легко вливается в грудь, ухо чутко ловит далекие ночные шумы, и новыми силами наполняется тело, а душа отдыхает от повседневных трудов и забот.

Сколько здоровья дает человеку рыбалка, как много прививает полезных навыков! Рыбная ловля приучает спортсмена с самыми скромными подручными средствами уютно устраиваться среди природы. Многоверстная гребля на лодке наливает силой мускулы, длинные пешие переходы с тяжелым грузом за спиной развивают выносливость, учат ориентироваться в незнакомой местности. Удильщику случается и через реку перебраться вплавь, и нырнуть на дно за зацепившимся крючком. Рыбная ловля дает прекрасную закалку молодежи»[28].

В 1952 г. А.М. Волков редактировал книгу М.А. Заборского[29] «С удочкой!», которая вышла в печати под названием «Советы молодому рыболову». В 1953 г. гонорар за «Беседы об уженьи рыбы» составил 3 407 р., а в 1954 г. вышел рассказ «Уженье рыбы на Кавказском побережье». В 1960 г. в сборнике «Избранное рыболова-спортсмена» были перепечатаны произведения А.М. Волкова «Лопатинский залив» и «На реке Буже».

Много времени А.М. Волков уделял рецензированию книг, посвященных рыболовной тематике. Так, в 1955 г. он как специалист дал рекомендации писателю В. Цикунову для доработки его книги «Ловля рыбы на спиннинг».

В 1965 г. президиум Федерации спортивного рыболовства СССР за труды А.М. Волкова в области популяризации спортивного рыболовства вручил ему значок «Рыболов-спортсмен СССР».

Библиографические ссылки и примечания

1. Андреев Н. «Самолеты на войне» // Пионер. 1946. № 8–9. С. 40.
2. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 6. Л. 31.
3. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 3. 1946–1950 гг.
4. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 6. Л. 10.
5. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 4. 1951–1956 гг.
6. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 9. Л. 122.
7. Московский художник Борис Павлович Кыштымов иллюстрировал также раздел «Астрономия», написанный А.М. Волковым для энциклопедии «Большой дом человечества» в 1963 г.

8. Авторский гонорар за книгу «Земля и небо» составил 26 989 р.
9. Шмакова Г. Ответы на загадки Вселенной // Звезда (Пермь). 1959. 6 мая.
10. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 8. Окт. 1961 г. – дек. 1962 г.
11. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 28–29.
12. Там же. Кн. 11. Л. 67–69.
13. Там же. Кн. 10. Л. 12.
14. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 5. 1956–1958 гг.
15. Там же.
16. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 12. Л. 157.
17. Там же. Л. 163–165. На подаренной Ю.А. Гагарину книге А.М. Волков написал: «Первому человеку, поднявшемуся с земли в небо, с восхищением от автора».
18. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 5.
19. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 24. Л. 148.
20. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 5.
21. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 10. Л. 113.
22. Там же. Кн. 12. Л. 53.
23. Волков А. След за кормой. М., 1960. С. 140.
24. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 21. Л. 97.
25. Там же. Кн. 24. Л. 149.
26. Волков А.М. В поисках правды. М., 1980. С. 159.
27. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 5. Л. 31–32.
28. Волков А. Как ловить рыбу удочкой. Заметки рыболова. М., 1952. С. 4.
29. Это сын Александра Заборского, известного в начале XX в. педагога-словесника, автора дореволюционных учебников по словесности.

Глава 15
А.М. Волков как переводчик Ж. Верна (1939–1958 гг.)

Я занялся переводом Жюля Верна только
из любви к творчеству этого великого
фантаста… За достоинства переводов
ручается мое литературное имя.
А.М. Волков

Жюль Верн был спутником жизни Александра Волкова с малых лет до глубокой старости. Он оказал решающее влияние на развитие воображения, формирование широкого кругозора будущего детского писателя, заинтересовав его не только занимательными сюжетами и яркими образами героев, но и оригинальными техническими изобретениями, точнейшими описаниями разных стран света, геологическими, астрономическими и другими знаниями. Энциклопедизм Ж. Верна стал для него образцом для подражания, которому он старался следовать (он даже выучил французский язык, чтобы «разговаривать» с кумиром на его родном языке). «Сто томов произведений Жюля Верна – колоссальный памятник материальной и духовной культуры XIX века. Трудно назвать такую отрасль науки или техники, проблемы которой не были бы затронуты в романах непревзойденного фантаста. Физика, химия, баллистика, астрономия, геодезия, биология, электротехника и радиотехника, навигация на море и в воздухе…»[1]

Но А.М. Волков был не только знатоком и страстным почитателем творчества Ж. Верна, но и его неутомимым популяризатором. «Вообще, я поставил своей целью познакомить советского читателя с малоизвестными или совсем неизвестными в СССР произведениями великого французского писателя»[2]. Для этого он собирал французские издания Ж. Верна, а также обращался во Всесоюзное объединение «Международная книга» с просьбой о том, чтобы выписали из Франции некоторые посмертные романы писателя.

После выхода в свет в 1939 г. в журнале «Пионер» сокращенного перевода А.М. Волкова романа Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» (с предисловием А. Ивича и рисунками П. Митурича) последовал длительный период «затишья».

В 1945 г. А.М. Волков с увлечением корректировал для Детгиза переведенный еще в 1941 г. роман Ж. Верна «Родное знамя». Работа над романом отразила глубоко личное отношение А.М. Волкова к Ж. Верну. Превознося положительные качества французского романиста, он иногда позволял себе отметить и другое: «Ужасно старик размазывал: теперь редакторы выбросили бы половину»)[3]. Это дружеское ворчание было выражением искренней привязанности и прощения великому писателю за увлечение длинными описаниями. Однако этот роман Ж. Верна не был опубликован в 1945 г., так как его тематика была связана с вопросом об атомной бомбе (одним из многочисленных предвидений Ж. Верна!).

Пропагандируя роман Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака», А.М. Волков писал в 1950 г. в Детгиз: «Отдельным изданием роман не был напечатан. А между тем он заслуживает большого внимания – именно в наше время, когда англо-саксонские импе-

риалисты, готовя новую мировую бойню, раскидывают свои военные базы по всему земному шару.

В деле разоблачения экспансионистской и расистской идеологии англо-американских поджигателей войны очень важно свидетельство такого писателя, как Жюль Верн – любимый писатель юношества всех стран.

Интересен роман и в другом отношении. Обычно думают, что Жюль Верн не был знаком с проблемами радио. «Приключения Барсака» опровергают это мнение. Жюль Верн не только знал об опытах телеграфирования без проводов, но и со свойственной ему широтой научного предвидения сделал далеко идущие выводы. В его романе мы встречаемся с широко развернутой системой телемеханических устройств. Я считаю, что Детгизу следует издать этот весьма интересный и актуальный роман Ж. Верна»[4].

Только спустя пять лет этот роман вышел отдельной книгой в Красноярском книжном издательстве с рисунками В. Федотова (тираж 75 000 экз.). В связи с этим 12 апреля 1955 г. А.М. Волков писал руководству Красноярского книжного издательства: «Дорогие товарищи! Мне стало известно, что Вами издан роман Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» в моем переводе. Хочу рассказать Вам историю появления этого перевода в журнале «Пионер».

Я – большой знаток и ценитель творчества Жюля Верна, произведения которого впервые прочел около шестидесяти лет назад. Я являюсь обладателем большого количества книг Ж. Верна в оригинале, на французском языке (не желая хвалиться, скажу все же, что у меня их значительно больше, чем во Всесоюзной библиотеке им. Ленина). Среди них есть такие уникальные, как «Барсак». Эту книгу я купил в букинистическом магазине в Москве в 1938 г. В России и в Советском Союзе она была совершенно неизвестна, так как во Франции ее издали только в 1919 г. Это посмертное произведение Ж. Верна. Желая ознакомить советского читателя с этим прекрасным романом (который, к моему удовольствию, оценили и Вы), я предложил сделать его перевод для журнала «Пионер». Это предложение было принято, и роман появился на свет на русском языке.

В журнале это не указано, но перевод является значительным сокращением. В оригинале роман занимает примерно 21 печатный лист, а в моем переводе получилось 10,34 авт. л. Книгу в Вашем издании я видел, оформление мне понравилось, рисунки т. Федотова очень удачны. Но почему Вы выпустили ее без переплета? Итак, книга сокращена наполовину – этого требовали условия помещения в не очень объемистом журнале. Я бы не сказал, что книга от сокращения очень пострадала: я провел над нею большую редакторскую работу, выжал «воду», убрал некоторые второстепенные персонажи и выбросил незначительные сцены, самый язык сделал более сжатым и энергичным.

И все же для отдельного издания следовало бы кое-что восстановить. Но тут винить некого. И Вы не знали, что на свете еще существует А. Волков, и что можно его разыскать, и я не предполагал о Вашем намерении издать «Барсака». Но, если Вы решите переиздать книгу через год-другой, учтите мое замечание.

Несколько слов о себе. Я – не профессонал-переводчик. Мне принадлежит широкоизвестная сказка «Волшебник Изумрудного города» (вышла тиражом в 227 тыс. экз. тремя изданиями в 1939–40 гг.). Во время только что прошедшей «Недели детской книги» в Москве меня осаждали расспросами и библиотекари, и юные читатели – когда будет переиздан «Волшебник»? Ведь то, что было до войны, зачитано до лохмотьев, книжка пользовалась огромным спросом. Но планы Детгиза крайне загружены, а в областные издательства я с предложениями не обращался.

Мною написаны исторические романы «Чудесный шар», «Два брата», «Зодчие» и ряд других книг. Все написанные мною книги переведены за границей, в странах народной демократии. Литературной работы мне, как говорится, хватит по горло, а переводами я занимаюсь только из любви к творчеству Ж. Верна. У меня и сейчас лежит перевод малоизвестного у нас романа Ж. Верна «Лицом к знамени». В дореволюционное время он издавался под заглавием «Родное знамя». Роман мною был переведен в 1941 г. для журнала «Вокруг света», но наступила война, журнал закрылся, а после войны совершенно изменил свой характер. Занятый работой над своими книгами, я никуда больше этот перевод не предлагал. Если он Вас заинтересует – вышлю с удовольствием. Кстати, он тоже несколько сокращен по требованию журнала – с 10 л. до 7 л. И буквально на днях я перевел не издававшийся в Советском Союзе рассказ Ж. Верна «В 2889 году» («День американского журналиста»). Рассказ мне понравился тем, что он представляет острый политический памфлет, весьма актуальный именно в наши дни.

Я Вам предлагаю, дорогие товарищи, издать такую жюльверновскую книгу: «Лицом к знамени», «В 2889 году», «Мошенничество» (это сатирическая повесть об американских нравах, написанная Ж. Верном в 1863 г. после его поездки в Америку). Получится книга, объемом примерно такая же, как «Барсак». В том, что она разойдется, беспокоиться не придется, издательство в убытке не будет. «Мошенничество» я для Вас быстро переведу, это повестушка на 2 печатных листа. Мне кажется, мы могли бы вместе с Вами сделать многое для распространения малоизвестных или совсем неизвестных романов великого фантаста, и это гораздо лучше, чем без конца переиздавать «Таинственный остров»… В высоком качестве моих переводов Вы, по-моему, убедились»[5].

«Охота» за жюльверновскими изданиями была постоянной. 3 октября 1956 г. А.М. Волков записал в своем дневнике: «Сегодня у меня день большой удачи! Я пошел в банк и зашел в магазин иностранной книги на ул. Герцена – без особых, впрочем, надежд, так как в последнее время Жюль Верн на французском языке совсем перестал появляться. И вдруг мое появление произвело неожиданный эффект – продавец Екатерина Григорьевна потащила меня наверх, в склад, и я был ослеплен открывшимся предо мной богатством: несколько десятков томов Ж. Верна в великолепной сохранности, сверкающие золотом переплетов и обрезов!

Я, конечно, пришел в восхищение, начал пересматривать и еще более восхитился, обнаружив доселе недосягаемого «Джонатана», никогда не издававшегося на русском языке. Я заглянул в магазин по пути в кукольный театр, поэтому взял пока 2 тома: «Джонатана» и «Путешествие стипендиатов» и обещал забрать остальные вечером или завтра утром. Но, выйдя из магазина, я быстро изменил намерения: так было велико мое нетерпение забрать эти сокровища. Я пошел домой, по пути снял в сберкассе деньги, дома разобрался в том, какие романы не нужно менять из-за неважной сохранности, и меньше чем через час уже снова был в магазине.

Всего я купил сегодня 14 новых романов: кроме «Джонатана» – «Ледяной сфинкс», «Безымянное семейство», «Нашествие моря», «Маяк на краю света» и др. Кроме того – 2 тома «Истории путешествий». 13 томов взял на замену. В общем, потратил 840 руб. и ничуть не жалею. Впрочем, часть этих денег верну, продав дубликаты. Теперь у меня около 75 % всего Ж. Верна и нет, примерно, 16 томов»[6]. А в 1960 г. ему удалось приобрести в букинистическом магазине на ул. Герцена 20 томов Ж. Верна на французском языке «в блестящей сохранности». «К сожалению, все эти книги пойдут на замену, ни одного нового романа для пополнения собрания купить не удалось»[7].

В 1956 г. А.М. Волков договорился о полном варианте романа Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» в издательстве «Московский рабочий» и принялся за срочную работу. «Усердно работал весь день, перевел первую главу «Барсака»; вернее «доперевел», но, пожалуй, нового текста раза в полтора больше старого. Сделано много – 25 страниц французского текста, но, жалея русские экземпляры, я принял слишком сложную систему обозначений, в которой машинистки, пожалуй, не разберутся. Но работа предстоит адова, я, оказывается, сокращал старика на совесть! Работал с большим увлечением, люблю я переводить!.. Я живу странной жизнью среди двух миров. В большом мире происходят большие и трагические события – бомбардировки, разрывы дипломатических отношений, ультиматумы… И вот, оторвавшись от прослушивания «Последних известий», передающихся сейчас по много раз в день, я погружаюсь в маленький мирок экспедиции Барсака, медленно продвигающейся по африканским дебрям, я живу мельчайшими событиями этого микрокосма, смеюсь над чудачествами Сен-Берена, над перепалками Барсака и Бодрьера… Перевод идет быстро. Вчера я уже перевалил за первую сотню страниц»[8].

В 1957 г. в журнале «Вокруг света» был издан переведенный А.М. Волковым рассказ Ж. Верна «Обезьяний генерал» («Хиль Бралтар»), а в 1958 г. сокращенный перевод романа Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» (рисунки В. Колтунова) вышел в Издательстве географической литературы (тираж 350 000 экз.). После выхода романа А.М. Волков писал директору Государственного издательства Географической литературы П.Н. Бурлаке 11 июня 1958 г.: «Я очень сожалею, что ваше издательство выпустило роман Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» в моем переводе, не поставив меня предварительно об этом в известность. Перевод, который Вы напечатали, был сделан мною впервые на русский язык для журнала «Пионер» 20 лет назад. Перевод этот сокращенный, так как объем журнала не позволял поместить роман полностью. В 1956–57 гг. я сделал для издательства «Московский рабочий» полный перевод романа «Экспедиция Барсака», значительно отредактировав прежний текст. Эти редакционные улучшения можно было внести и в ваше издание.

В конце июня или начале июля в издательстве «Московский рабочий» выйдет однотомник романов Ж. Верна в моих переводах, куда кроме «Экспедиции Барсака» входит роман «Дунайский лоцман», прежде изданный на русском языке всего один раз в 1908 г. маленьким тиражом и ныне представляющий большую библиографическую редкость.

Оба издания «Экспедиции Барсака» выходят почти одновременно, и читатели могут предъявить Вам претензию за то, что в Вашем издании не указано, что перевод сокращенный. Не берясь советовать, думаю, что Вам, может быть, стоит указать на это в еще не напечатанной части тиража.

Я изучаю творчество Ж. Верна очень давно, десятки лет собираю его произведения в оригинале и у меня есть почти полное собрание его романов на французском языке. У меня имеются все посмертные издания романов Ж. Верна и среди них такие, которые совсем не издавались на русском языке или издавались до Октябрьской революции маленькими тиражами и совсем неизвестны русскому советскому читателю. Я могу сделать для Вашего издательства переводы этих романов. Перечисленные ниже романы вполне подходят к профилю Вашего издательства, т.к. носят ярко выраженный географический характер.

1. «Найденыш с погибшей «Цинтии». Этот роман написан Ж. Верном в сотрудничестве с французским писателем Андре Лори в 1885 г., на русском языке никогда не издавался.

2. «Агентство Томсон и К°» – посмертный роман, изданный в 1907 г. На русском языке издан И.Д. Сытиным в 1908 г. небольшим тиражом.

3. «Нашествие моря» – посмертный роман, изданный в 1905 г. в советское время не издавался.

4. «Секрет Вильгельма Шторица» – издан во Франции в 1910 г., на русском языке не издавался. Этот роман уже переведен мною на русский язык впервые под заглавием «Проклятая тайна» и может быть представлен Вашему издательству немедленно, так что его издание можно осуществить быстро»[9].

Роман «Дунайский лоцман» Ж. Верна привлек и удивил А.М. Волкова не только свойственной фантасту познавательностью и превосходно построенным сюжетом, но и чрезвычайной актуальностью. В сентябре того же 1958 г. в издательстве «Московский рабочий» вышел в свет однотомник романов Ж. Верна в переводах А.М. Волкова «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» и «Дунайский лоцман»[10] (иллюстрации Н. Кривова и М. Рабиновича) тиражом 200 000 экз., а в 1960 г. в Башкирском книжном издательстве был опубликован полный перевод романа Ж. Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» тиражом 30 000 экз.

Перевод А.М. Волкова в однотомнике Ж. Верна вызвал отрицательную рецензию Н. Гнединой (М. Надеждиной). Подчеркивая, что Н. Гнединой обнаружено лишь около 20 ошибок и неудачных мест на 700 страниц книги, А.М. Волков писал: «Глубоко несправедливая рецензия т. Гнединой проникнута духом цеховщины и недоброжелательства. Немногие ошибки переводчика А. Волкова раздуты до невероятия, небольшое их количество переведено в большое качество, если позволительно так выразиться. Переводы опорочены совершенно незаслуженно. Очень жаль, что работник советской литературы стал на такой не товарищеский путь при оценке работы другого литератора. Многие советы и замечания т. Гнединой заставляют сомневаться в ее квалификации как переводчика, по-видимому, она отстала от современных установок в этом деле.

На мысль невольно приходит сравнение рецензии Н. Гнединой с рецензией Н. Белинович на мой перевод романа «Дунайский лоцман». Н. Белинович, прекрасный знаток французского языка, на котором она говорит с детства, писательница, автор популярных детских книг, но не член секции переводчиков и, следовательно, литератор, не зараженный цеховым высокомерием, дала об этом переводе блестящий отзыв, строки которого не буду здесь цитировать. А Н. Белинович нашла в «Дунайском лоцмане», пожалуй, больше ошибок и неудачных мест, чем Н. Гнедина.

Но Н. Белинович «из-за деревьев увидела лес», она подошла к вопросу принципиально, по-товарищески, думая лишь о пользе дела. Она без язвительных тирад указала переводчику А. Волкову на его ошибки, и он принял ее указания, как принял и указания Н. Гнединой, хотя и пропитанные ядом недоброжелательства – конечно, лишь те указания, которые являются верными и улучшающими текст книги»[11].

В 1958 г. А.М. Волков предлагал Детгизу обработку книги французского писателя М. Гешо «Лис Ловкач и Волк Обжора», а в 1959 г. перевод и издание двух посмертных романов Ж. Верна «Проклятая тайна» и «Потерпевшие крушение на «Джонатане», однако эти предложения не были приняты.

Сохранилось также обращение А.М. Волкова в 1958 г. в Московский театр сатиры к главному режиссеру театра, заслуженному артисту РСФСР В.Н. Плучеку с предложением повести «Клуб шутников», написанной по мотивам произведения американского писателя Э. Гамильтона «Звездный гость», как основы для сатирической комедии. В ответе В.Н. Плучек охарактеризовал А.М. Волкова как потенциального автора театра сатиры, но от предложенной вещи отказался в связи с проблемами редактирования.

В ответ на предложение издать роман Ж. Верна «Необычайные приключения экспедиции Барсака» главный редактор узбекского издательства «Ёш гвардия» Суннатулла Анарбаев сообщил в 1962 г., что Министерство культуры Узбекистана запрещает издавать иностранную литературу на русском языке.

В 1962 г. был опубликован рассказ-шутка Ж. Верна «Десять часов на охоте» в переводе А.М. Волкова в альманахе «Охотничьи просторы» (№ 16).

С предложением о сотрудничестве А.М. Волков обратился в 1963 г. к известному переводчику и литературоведу Евгению Павловичу Брандису[12]: «Как и Вы, я очень интересуюсь творчеством великого фантаста. Я много лет собираю его произведения в оригинале и думаю, что мое собрание романов Жюля Верна на французском языке, возможно, единственное в стране. Во всяком случае оно намного полнее того, что имеется в Ленинской библиотеке и Государственной библиотеке иностранной литературы. У меня нет только 3–4 его вещей. Посмертные романы, начиная с «Дунайского лоцмана» и «Барсака» у меня есть все.

И вот какое у меня к Вам, Евгений Павлович, предложение. Может быть, оно Вас удивит, а может быть и нет. Я предлагаю Вам сотрудничество в создании однотомника Жюля Верна, который включил бы в себя романы «Секрет Вильгельма Шторица» и «Потерпевшие крушение на «Джонатане».

«Секрет Вильгельма Шторица» был издан в приложении к журналу «Вокруг света» в 1917 году (под заглавием «Проклятая тайна»), но это – такая библиографическая редкость, что я ни разу не встречал ее. Несколько лет назад я перевел «Шторица» на русский язык. Роман «Потерпевшие крушение на «Джонатане» никогда не переводился на русский язык.

И вот что получается. «Шторица» я предлагал нескольким издательствам. Областные и хотели бы издать эту вещь, но им запрещают это делать. А центральные здесь, в Москве, не берутся за это. «Джонатана» я тоже предлагал нескольким издательствам, тот же результат… Как видно, в Ленинграде более «чутко и дружелюбно» относятся к Ж. Верну! И, может быть, Вы смогли бы договориться о выпуске однотомника из этих двух посмертных романов Ж. Верна, совершенно не известных советскому читателю.

Вы пишете, что могли бы прислать мне второе издание вашего «Жюля Верна». Буду очень рад его получить. Первое издание стоит у меня в шкафу рядом с моей «жюльвернианой», как ценный справочник. Я нашел в Вашей книге очень много интересного для себя»[13].

Оказалось, что «Джонатан» был уже переведен в Ленинграде по просьбе Е.П. Брадиса, но также не нашел заинтересованного издательства. «Если представится случай, я охотно взялся бы вместе с Вами за подготовку нового однотомника Жюля Верна… Судя по всему, у нас с Вами много общих интересов», – отвечал в конце октября 1963 г. Е.П. Брадис А.М. Волкову[14]. Несмотря на то, что очередное обращение их в Детгиз осталось без ответа, они на протяжении многих лет продолжали сотрудничать.

Желая пополнить свое собрание сочинений Ж. Верна на французском языке (у него недоставало 6 книг из 65), А.М. Волков в апреле 1964 г. обратился с просьбой о содействии к директору объединения «Международная книга» И.Г. Казеннову, однако эта попытка не увенчалась успехом.

Примечательно, что идеи, высказанные Ж. Верном, находили продолжение даже в волшебных сказках А.М. Волкова. Так, в «Тайне заброшенного замка» для героя Фреда Каннинга он позаимствовал способ производства динамита из «Таинственного острова» Ж. Верна. «Фред, без сомнения, читал этот популярный роман, и я об этом скажу. Но Фред в несколько раз увеличит взрывную силу динамита какой-то секретной присадкой, которую он изобрел сам»[15].

Таким образом, восхищение оригинальностью мысли и технической новизной проектов французского романиста были тем неисчерпаемым багажом, который стимулировал творчество детского сказочника. Характерными чертами А.М. Волкова как переводчика была исключительная добросовестность, усиленное внимание к слову и тексту оригинала, большое трудолюбие, а подспорьем в этой работе ему служили уникальная французская Жюльверниана, справочные издания и географические атласы, которые он многие годы собирал для своей библиотеки.

Библиографические ссылки и примечания

1. Волков А.М. Поздние романы Ж. Верна (послесловие) // Верн Ж. Дунайский лоцман. Необыкновенные приключения экспедиции Барсака. М., 1958. С. 549.
2. Архив А.М. Волкова Литературные документы. Т. 5. 1956–1958 гг.
3. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 6. Л. 161.
4. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Том дополнительный. 1918–1960 гг.
5. Там же.
6. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 9. Л. 104–106.
7. Там же. Кн. 12. Л. 57.
8. Там же. Кн. 9. Л. 113, 115.
9. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Том дополнительный.
10. Положительный отзыв на перевод «Дунайского лоцмана» был дан 25 октября 1956 г. Надеждой Белинович // Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 5.
11. Там же. Т. 5. 1956–1958 гг.
12. См. более полную переписку с Е.П. Брандисом в приложении 1.
13. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 9. Янв. – дек. 1963 г.
14. Там же.
15. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 19. Л. 109–110.

Глава 16
Юбилеи писателя как подведение творческих итогов

Сегодня мне пошел семидесятый год.
Эх, Санька Волков, девичий пастух,
вот ты давно в том возрасте, который
принято называть «преклонным», а
сердце с этим не мирится…
А.М. Волков

7 декабря 1961 г. в Малом зале Центрального дома литераторов в Москве состоялся творческий вечер, посвященный 70-летию со дня рождения Александра Мелентьевича Волкова. Большой обстоятельный доклад о творчестве А.М. Волкова сделал на творческом вечере писатель И.А. Рахтанов, который сказал: «…Пожалуй, самая драгоценная черта многогранного таланта Александра Мелентьевича – богатство его диапазона. В самом деле: сказка, историческая повесть или роман, научно-художественные книги, пьесы, переводы романов Жюля Верна… и всегда, во всех вещах высокий профессионализм в самом подлинном значении этого понятия. Нет, Маршак не ошибался, когда в первом же письме написал молодому доценту математики: «Вы окажетесь полезным и ценным человеком для нашей детской литературы»[1].

На вечере были прочитаны десятки телеграмм с поздравлениями. В телеграмме Правления Союза писателей РСФСР говорилось: «Сердечно поздравляем Вас, дорогой Александр Мелентьевич, талантливого советского прозаика, со славным семидесятилетием, желаем крепкого здоровья, неустанного успешного творческого труда»[2]. В своем поздравлении Лев Кассиль писал: «Дорогой и глубокоуважаемый Александр Мелентьевич! Поздравляю с семидесятилетием. Очень ценю Ваш точный и разнообразный дар, принесший столько радости и пользы нашим детям, путешествовали ли они с Вашими книгами по Изумрудному городу или по «Земле и небу», так талантливо и широко раскрытым перед ними Вашим талантом, Вашими знаниями».

Пришли поздравления юбиляру от бюро секции детских и юношеских писателей президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР, редакции детской литературы издательства «Советская Россия», редакции студии «Диафильм», детгизовцев, ректора Института цветных металлов и золота Т. Глека, профессора Полькина, С.В. Михалкова, Э.Г. Шпет, Е.Н. Пермитина и др. С приветствиями выступили Д. Еремин, Б. Могилевский, С. Пономарева, А. Шманкевич и др. Гости с интересом рассматривали стенды, где были выставлены книги Волкова, их переводы на иностранные языки, театральные афиши, извещавшие о постановке пьес писателя. Сердечная обстановка вечера тронула А.М. Волкова, поблагодарившего гостей за теплые приветствия и пожелания.

В газете «Московский литератор» был опубликован поздравительный адрес А.М. Волкову, в котором говорилось: «Вот уже полвека Вы, Александр Мелентьевич, трудитесь на благородном поприще воспитания детей и юношества. Вы воспитываете их не только в стенах школ и институтов в качестве великолепного педагога-математика, но и как талантливый писатель. Вы горячо любимы всеми за Ваши книги, изданные огромными тиражами в нашей стране и далеко за ее

пределами. Творчество Ваше, дорогой Александр Мелентьевич, разнообразно и многогранно. Одной из самых популярных книг для ребят является Ваша переработка сказки американского писателя Френка Баума «Волшебник Изумрудного города». Книга эта переосмыслена и дополнена с присущей Вам талантливостью. Не меньшей популярностью пользуются и те Ваши произведения, в которых Вы сочетаете труд ученого и литератора. Это – «Бойцы-невидимки», «Самолеты на войне», «След за кормой». Особо отличается книга «Земля и небо». Недаром Вы трижды удостаивались премий на конкурсах по детской литературе. Надо отдать Вам должное и как переводчику, познакомившему нас с двумя романами Жюля Верна: «Дунайский лоцман» и «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака». Желаем Вам и впредь, дорогой Александр Мелентьевич, сил, бодрости и большого творчества на благо советской литературы!»[3]

Поздравили А.М. Волкова, назвав его «волшебником изумрудного слова», точного емкого русского слова А. Иванов и М. Фарутин[4]. Последний писал: «Я смотрю на Александра Мелентьевича – это математик. Но я же знаю его и другим. Это писатель и отличный рыболов, исключительный энтузиаст и мечтатель, громадный опыт и юношеская душа, это эрудит. Сколькими языками он владеет? Не знаю, по крайней мере пятью. В сутках 24 часа. Работа над книгами, работы по математике, лекции студентам, поездки по стране… и все одновременно, и все сразу, и все глубоко. Чудеса? Нет, это под силу многим. Но в сутках 24 часа. Вы скажете: талант, талант, талант, да, но труд, труд, труд»[5].

А в 1966 г. в честь 75-летия со дня рождения А.М. Волкова вышел в свет однотомник, включавший его произведения «Зодчие» и «Скитания». Появилось в печати несколько публикаций, посвященных 75-летию писателя, в Москве и Усть-Каменогорске. Также в 1966 г. Комитет по печати при Совете Министров РСФСР и Союз художников РСФСР за вклад в развитие советской детской литературы и за участие в 1-й Всероссийской выставке детской книги наградил А.М. Волкова медалью выставки.

Свидетельством растущей популярности писателя стало его ежегодное участие в Неделе детской книги. Так, вспоминая открытие Недели детской книги 24 марта 1968 г. в зале им. П.И. Чайковского, А.М. Волков писал: «После вступительного слова Кассиль начал представлять писателей. Хлопали представленным, я бы сказал, «средне», без особого пыла. Но едва Кассиль произнес слова: «Автор «Волшебника Изумрудного города», – и еще не успел назвать мою фамилию, как зал дружно «ахнул», как выразилась Муся, наблюдавшая все это по телевизору. И раздались горячие аплодисменты, которые продолжались гораздо дольше, чем это имело место во всех других случаях. Кассиль несколько удивленно обернулся ко мне (наверно, его поразила длительность аплодисментов), а я стоял, пытаясь изобразить на лице приветливую улыбку (это у меня всегда плохо выходит!). Да, это должно многим открыть глаза на истинную ценность моих книг…

Были в тот день и другие факты, говорящие о том, что полоса непризнания меня моими коллегами уходит в прошлое. В фойе ко мне подошла Агния Барто и очень любезно поздоровалась за руку. А ведь она «не узнавала» меня в течение многих лет. Лагин принялся рассказывать о том, как он при помощи моей книги приучил к чтению свою дочь (это было вскоре после войны). Начал читать ей «Волшебника», а потом бросил, и это вынудило ее дочитывать книгу самостоятельно. Так она приохотилась к чтению. Тоже он мог бы рассказать об этом пораньше. Может быть, это с моей стороны мелочность, но ведь вся жизнь складывается из мелочей…

Концерт я слушать не стал, но в фойе меня одолели мальчишки и девчонки, собиратели автографов. Пришлось расписаться раз полтораста, а потом я взбунтовался и ушел. Этому потоку не виделось конца, а самочувствие у меня было неважное»[6].

В апреле 1970 г. за плодотворную работу детский писатель А.М. Волков был награжден юбилейной медалью в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Через год, в 1971 г., за активную литературную работу и в связи с 80-летием он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, а 10 января 1973 г. в Центральном доме литераторов им. А.А. Фадеева прошел утренник для дошкольников и школьников младшего возраста «В гостях у волшебника», посвященный 80-летию со дня рождения А.М. Волкова.

Вспоминая об этом событии, А.М. Волков писал: «Собрание вел Юрий Яковлев, он же сказал вступительное слово в шутливой форме, где чаще всего повторялось слово «волшебник». Яковлев перечислил заглавия многих моих книг, упирая на то, что даже они звучат по-волшебному. От Союза писателей меня приветствовал Анатолий Алексин. Представительница Дома детской книги зачитала выдержки из нескольких писем с отзывами о моих книгах. И там были отзывы о «Царьградской пленнице» совершенно восторженные, говорилось об огромном успехе этой книги у юных читателей. Почитать бы их желчному «критику» Барской, которая назвала в журнале «Детская литература» эту повесть скучной. Представительница Дома детской книги говорила мне, что я должен написать еще несколько книг по астрономии, так как мою «Землю и небо» очень любят ребята. Пионеры из Государственной республиканской библиотеки РСФСР наградили меня «Орденом Солнца», при котором на длинном свитке был такой диплом: «Внимание! Внимание! Награждается очень хороший, очень веселый, очень любимый наш писатель Александр Мелентьевич Волков. Мы награждаем писателя Волкова орденом, о котором никто никогда не слышал. За то, что книжки у Вас добрые, герои в этих книжках – смелые. За то, что всегда в Ваших книжках много веселого солнышка, мы вручаем Вам наш собственный «Орден Солнца». Живите долго. Пишите много. А мы будем читать и радоваться. От имени всех ребят Юля Плискина, 120-я школа, 5 «Б» класс, Миша Баранов, 4-я школа, 5 «Б» класс, Ира Скрипниченко, 638-я школа, 2 «А» класс, Костя Михайловский, 120-я школа, 3 «А» класс». И я надел большой фанерный круг с изображением улыбающегося солнышка с длинной голубой лентой»[7].

Затем выступали художники Л.В. Владимирский и Л. Токмаков, ученики А.М. Волкова – ветеран Великой Отечественной войны Николай Горин, А.Г. Скороходова (Антонина Медведева). Потом на сцене появился Дин Гиор (только без бороды!), приветствовал писателя и вручил афишу 500-го спектакля «Волшебник Изумрудного города», который состоялся 7 января 1973 г. А потом А.М. Волков раздал много десятков автографов, в том числе двум сирийским девочкам Иман и Амаль.

Поздравление с 80-летием пришло от Восточно-Казахстанского областного и Усть-Каменогорского городского комитетов Коммунистической партии Казахстана, Советов депутатов трудящихся, от трудящихся города и области: «Мы высоко ценим Ваш вклад в дело воспитания подрастающего поколения в духе любви и преданности своей Родине, так как Ваши произведения учат детей самому главному в жизни: быть честными и добрыми, скромными и мужественными. И хочется от всего сердца поблагодарить Вас за это. Ваши книги будут жить долго и переиздаваться много раз. Ими, как и прежде, будет зачитываться детвора. Волшебное перо Ваше принесет еще много радостных и счастливых минут не одному поколению юных читателей» (4 июня 1971 г.)[8].

В 1972 г. писатель был награжден дипломом 2-й Всероссийской книжной выставки.

А 3 августа 1973 г. А.М. Волков праздновал необычный юбилей – 30 000 прожитых им суток. «30 000… Сколько раз в эти дни смерть стояла у меня за плечами, но всегда проходила мимо, устремляясь к другим жертвам. Ведь я жил в такую бурную эпоху. Первая мировая война, гражданская, культ личности Сталина – страшное время, сгубившее сотни тысяч, а может быть

и миллионы, невинных жизней, вторая мировая война… Через все многочисленные сциллы и харибды я прошел невредимо, меня провела через них моя благодетельница-судьба, чаще всего даже помимо моей воли. И вот наступил этот странный «математический» юбилей. Я рассказал о нем домашним, и они, смеясь, поздравили меня.

Прожито много. Много и сделано, хотя, конечно, я мог сделать гораздо больше. Ведь в моей жизни были длинные периоды, когда я совершенно ничего не делал, если не считать выполнения своих прямых обязанностей, а они, как правило, требовали от меня не так уж много сил. Оглядываясь назад, я вижу в своей жизни четыре «активные» пятилетки. Да, как это ни странно, но в моей жизни тоже были пятилетки, только перемежаемые длинными периодами бездействия. Перечислю их.

Первая: 1899–1904 годы. За эти годы я прошел курс трехклассного городского училища. По правилам на прохождение его полагалось шесть лет, но я был принят сразу во второе отделение 1-го класса и год сэкономил. Не слишком высокое образование давало «трехклассное городское», но оно было первой и необходимой ступенью для дальнейшего восхождения вверх. И надо отметить, что в то дореволюционное время курс этого низшего учебного заведения удавалось закончить лишь одному из многих сотен ребят бедных сословий, а ведь эти сословия составляли огромное большинство населения царской России. Эта пятилетка открыла мне путь в учителя (начальной школы) и на государственную службу. За ней последовал вынужденный двухлетний перерыв: мне было всего 13 лет, а в подготовительный класс учительской гимназии принимали лишь с 15-ти.

Вторая: 1906–1910 и 1916–1917 годы. Она распадается на два периода. В 1906–1907 годах я прошел повторительный курс в последнем, шестом отделении Усть-Каменогорского городского училища: это требовалось, чтобы быть допущенным к экзаменам в учительский институт. В августе 1907 года я блестяще выдержал эти экзамены и среди 150 абитуриентов, для которых было всего 25 мест, был принят первым с круглой пятеркой по всем предметам. Получил великолепную по тем временам стипендию 200 рублей в год и место в общежитии. А моими конкурентами были в большинстве сельские учителя, съехавшиеся со всей России. 1907–1910 годы – трехлетний курс учительского института; его диплом давал право преподавать все предметы в городских и высших начальных училищах, в младших классах гимназии и реального училища.

Далее – несколько лет преподавания в городском и высшем начальном училище, с 1913/14 учебного года на родине, в Усть-Каменогорске.

Причин задержки в продвижении вперед было много: тут и мировая война, заставлявшая держаться за свое место, и начинавшаяся разруха и дороговизна жизни, но самое главное – довольство своим положением, своей судьбой. Это довольство разбила Галюсенька, она заставляла меня снова смотреть вперед, и всем, чего я достиг в жизни, я обязан только ей, моей бесценной подруге и вдохновительнице.

В 1916/17 учебном году я, несмотря на школьную нагрузку и большое количество частных уроков, подготовился к экзамену на аттестат зрелости. За 8–9 месяцев я изучил латинский, французский и немецкий языки, повторил все предметы и весной 1917 года, уже после революции, сдал экзамены в Семипалатинской мужской гимназии и получил аттестат, открывший мне дорогу в высшее учебное заведение. А потом… потом гражданская война, разруха, девальвация и с ней гибель всех сбережений, накопленных годами нелегкого труда и тысячами часов репетиторства богатых лентяев.

Только тогда, когда положение в стране начало налаживаться, когда появились твердые деньги, смогли мы с Галюсенькой вырваться из Усть-Каменогорска и началась моя третья пяти-

летка: 1926–1931 годы. В эту пятилетку – решающую! – я сделал гигантский прыжок вверх: из учителя и заведующего начальной школой (4-леткой) я стал доцентом столичного вуза. И в течение этих пяти лет окончил экстерном два высших учебных заведения – Ярославский педагогический институт (по физико-математическому факультету) и Московский государственный университет (по математическому факультету). И эти годы я работал, имел большую учебную нагрузку и нес административные обязанности (заведующий школой 9-леткой, заведующий учебной частью рабфака). С 1 августа 1931 года я стал доцентом по кафедре высшей математики Московского института цветных металлов и золота, где и проработал 25 лет вплоть до выхода на пенсию. Так закончилась эта знаменательная пятилетка.

И далее – снова самоуспокоенность, удовлетворение достигнутым. Я, как говорится, «почил на лаврах», и это продолжалось целых 5 лет. Но предстояла четвертая пятилетка: 1936–1941 годы. В эту пятилетку мне суждено было выпустить первые мои книги и сделаться членом Союза советских писателей. Тяга к писательству у меня была с детства. В тринадцать лет я начал писать первый свой роман – робинзонаду – и первой главой исписал целую ученическую тетрадь. Дальше дело не пошло. В юности писал стихи. В 1917 году много работал в газете в самых разнообразных жанрах. Потом были пьесы, которые любителями ставились в театрах.

Но все это было, так сказать, самодеятельностью, а до серьезных занятий литературой было еще далеко. Они начались в 1936 году, в первом году моей четвертой пятилетки. Я стал работать над исторической повестью «Чудесный шар», замысел которой родился в начале 30-х годов. Почти одновременно я переработал сказку американского писателя Френка Баума, которой дал название «Волшебник Изумрудного города». И в эти же годы перевел (в сокращении) посмертный роман Жюля Верна «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака».

Мне повезло: все три вещи довольно быстро увидели свет. «Барсак» был напечатан в журнале «Пионер» в 1939 году, «Волшебник» и «Чудесный шар» появились в Детгизе соответственно в 1939 и 1940 годах. Такая продукция придала мне смелость подать заявление о приеме в ССП. Заявление неожиданно быстро прошло по всем каналам, и в январе 1941 года в возрасте без малого 50 лет я стал членом Союза советских писателей. Это случилось вовремя: через полгода разразилась война, и все такие дела заглохли надолго…

О дальнейшем распространяться не буду: моя деятельность, как писателя, зафиксирована в отделе кадров ССП. Скажу лишь, что число изданий моих книг перевалило за сотню, и они переведены на 30 языков народов наших республик и зарубежных стран. Их общий тираж исчисляется многими миллионами»[9].

В первой поздравительной телеграмме, пришедшей 6 июня 1976 г. на имя А.М. Волкова писали: «Дорогой Александр Мелентьевич! Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе горячо поздравляют Вас, ветерана нашей детской литературы, со славным 85-летием. Миллионы ребят знают и очень любят Ваши замечательные повести, сказки, пьесы, идущие с успехом на сценах взрослых и детских театров страны. Ваши произведения учат юных граждан добру, благородству, мужеству. Особой популярностью пользуются Ваши книги «Волшебник Изумрудного города», «Семь подземных королей», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Искренно желаем Вам, Александр Мелентьевич, здоровья, новых творческих радостей»[10]. Подобные телеграммы он получил от секретариата правления Союза писателей РСФСР, а также от секретариата правления Московской писательской организации, подписанной М. Лукониным, А. Рекемчуком, М. Прилежаевой и В. Разумневичем.

Одним из подарков к 85-летию писателя было необычное письмо Михайловой Светланы из Балаково Саратовской области: «Дорогой, милый сказочник, здравствуйте! Мне девятнадцать

лет, я учусь на третьем курсе политехнического института. Несколько лет назад, когда я прочитала Вашу трилогию о Волшебной стране, я написала Вам просьбу продолжить эти замечательные сказки. Такими любимыми и близкими стали для меня Ваши герои. Вы, наверное, получаете тысячи писем с такими просьбами, со словами благодарности и любви. Тогда я думала, что Вы очень-очень молодой писатель. Почему? Тогда я еще этого не понимала. А сейчас я гляжу на Ваши сказки другими глазами. Мир детства, он никогда не стареет. Ваши герои будут жить вечно, как и Маленький принц Экзюпери, как музыка Бетховена, как Джоконда да Винчи. В наш стремительный век скоростей люди рано прощаются с детством, вечно спешат. И от того, какой запас сказок они унесут из детства, может быть, зависит насколько они будут добры, честны, справедливы… Добрый сказочник, огромное Вам спасибо за Ваши изумительные сказки, за Вашу неиссякаемую доброту и юность, которые Вы дарите людям»[11]. Это письмо как одно из самых ценных было вклеено А.М. Волковым в свой дневник.

14 июня 1976 г. он писал в дневнике: «Вот и начался 86-й год моей жизни. 85-й был для меня тяжелым, принес болезни, операцию… Каким-то окажется 86-й? Отметить мой день пришли родные и друзья. Днем приходил Володя Архангельский. Вечером были М. Прилежаева, И. Стрелкова, А. Аренштейн, И. Токмакова, Л. Владимирский, С. Пономарева, И. Прусаков, В. Морозова, Адик с Тамарой и Павликом, Женя Гришин, Тося с Маргаритой. Было сказано много хвалебных речей»[12].

А через несколько дней писателю, отдыхавшему на даче под Москвой, дети преподнесли еще один подарок. «Сегодня в 16 ч пришли за мной девочки с дачи № 11 по Зеленой зоне и пригласили на самодеятельный спектакль «Волшебник Изумрудного города». «Представление» происходило во дворе на площадке, отгороженной от публики одеялами. Два действия, разделенные пятиминутным антрактом, заняли максимум 20 минут. Все сцены происходили очень быстро, реплики были крайне лаконичны без излишнего многословия. Грима не было, только Лев носил на лице маску. Весь реквизит – кресло, на котором по надобности сидели то Гудвин (мальчик лет 10), то Гингема. Да – еще были башмачки, оклеенные серебряной бумагой. Несмотря на примитивность, спектакль произвел хорошее впечатление. Зрители – папы и мамы артистов – хлопали.

После спектакля попросили выступить меня. Я говорил минут 15, рассказал о своей литературной деятельности, об истории сказочного цикла, о планах на будущее»[13].

Несмотря на свои 80 с лишним лет А.М. Волков с удовольствием играл в городки вместе со своими внуками Калей, Женей и Сашей. «С утра встал весь разбитый, но когда Каля в 4 часа позвала играть в городки, я пошел. И удивительное дело – играл я сегодня очень хорошо, мои палки по большей части попадали в цель. Получалось даже так, что я тремя рядовыми битами вышиб 11 рюх. Сначала одной палкой выбил 4 рюхи, остаток от «колбасы», которую зажгла Каля. Второй палкой я выбил 4 рюхи из «змеи», которую опять же зажгла Каля. А третьей палкой я зажег с дальней «самолет» и выбил 3 городка. Я пишу об этом так подробно, чтобы показать, что «есть еще порох в пороховницах, не иссякла казацкая сила». Свои «подвиги» я совершал на глазах многочисленной публики»[14]. Недюжинное здоровье писателя было залогом его плодотворного творческого долголетия.

Одной из характерных черт писателя А.М. Волкова была его общественная активность. На протяжении многих десятилетий он принимал участие в Неделе детской книги, много и охотно выступал перед детьми с чтением своих сказок в библиотеках, школах, летних лагерях. Даже в преклонном возрасте, когда ему было уже 82 года, он никогда не отказывался от встреч с детской аудиторией. Эти встречи давали ему мощный творческий заряд, были той небольшой

толикой славы и признания, за которую он был благодарен своим многочисленным маленьким почитателям.

Библиографические ссылки и примечания

1. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 8. Окт. 1961 г. – дек. 1962 г.
2. Там же.
3. Наши юбиляры // Московский литератор. 1961. 19 июня.
4. Иванов А., Фарутин М. Изумрудное слово // Литература и жизнь. 1961. 25 июня.
5. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 12. Янв.–нояб. 1965 г.
6. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 17. Л. 128–130.
7. Там же. Кн. 22. Л. 208–211. См. статью Дворецкого В. Кавалер ордена Солнца // Ленинское знамя. 1973. 18 февр.
8. ГАВКО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 212. Л. 11.
9. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 23. Л. 66–75.
10. Там же. Кн. 25. Л. 42.
11. Там же. Л. 84 а.
12. Там же. Л. 47.
13. Там же. Л. 51–52.
14. Там же. Кн. 19. Л. 99–100.

Заключение

Истоки литературного творчества Александра Мелентьевича Волкова берут свое начало в его природных дарованиях, помноженных на неуемную тягу к познанию, к чтению, которое, как дыхание, было присуще ему всю жизнь. Подтверждая это, в одном из писем в июне 1967 г. он писал: «По воспитанию и образованию я самоучка (даже экзамены за педагогический институт и университет я сдал экстерном). Воспитала меня русская и мировая классика. Я очень много читал и читаю. Мои любимые писатели Тургенев, Достоевский, Чехов, Л. Толстой, Лесков. Из иностранных классиков я высоко ценю Диккенса, Марка Твена, Гюго, Бальзака. В смысле традиций мне, пожалуй, ближе всего именно Диккенс и Марк Твен, в какой-то степени их влияние чувствуется в моих книгах»[1]. Отвечая на вопросы анкеты газеты «Пионерская правда», он писал: «Люблю классиков. Меня восхищают строки Пушкина «Для берегов отчизны дальней ты покидала край родной…», «В степи мирской, печальной и безбрежной таинственно пробились три ключа…». Люблю Лермонтова – «Белеет парус одинокий», «Волны и люди», «Выхожу один я на дорогу». Люблю многие стихи Некрасова и Никитина – долго бы было все перечислять…»[2]

Фундаментальное педагогическое образование, скрупулезное знание произведений многих русских и зарубежных писателей, энциклопедические знания по разным отраслям науки и техники, неистощимая творческая фантазия и огромное трудолюбие стали солидным фундаментом для его собственного литературного творчества. Говоря о профессиональном выборе, А.М. Волков писал: «Сын бедных родителей, я мог в те далекие времена избрать только один путь – учительский. И я в этом не раскаиваюсь. Моя почти полувековая педагогическая деятельность дала мне прекрасное знание юных читателей всех возрастов – от дошкольника до студента. Да и вообще учительская работа мне по душе больше, чем какая-либо другая»[3].

Раскрывая эту тему, Б. Бегак писал: «Александр Волков делал все только на отлично. Он не остановился в накоплении знаний, став взрослым человеком и педагогом. Непрерывно росло и углублялось его постижение любимых математических наук, астрономии, физики, не менее любимой истории, иностранных языков, всего того, что он когда-либо преподавал, что взрыхлилось в конце концов богатейшим полем для расцвета его исторических романов, научно-художественных книг, затейливых сказок, которым нет конца… Александру Мелентьевичу не раз задавали вопрос, почему столь разнообразны предметы его книг? Почему в них оживает то волшебная, сказочная страна, то древняя Русь, то Средневековье, то подвиги первых мореходов? Как у него получается, что с зодчим он зодчий, с изобретателем – изобретатель, с ратным человеком – храбрый лучник или пушкарь, с философом или астрономом – самоотверженный борец против мракобесия церковников? Писатель, улыбаясь, отвечает, что, вероятно, всему виной школа. Преподавал он в свое время и математику, и физику, и историю и убедился: кровно заинтересовать ребят можно каждым предметом, если сделать его по-настоящему увлекательным. Вот он и пустился на поиски такой увлекательности. Разумеется, от урока до повести или сказки – дистанция огромного размера, но одно здесь верно – литературное дарование Александра Волкова сродни его педагогическому таланту. И тут, и там одна цель – увлечь детей жаждой познания, помочь их умственному и нравственному росту… И так отрадно отметить сегодня, что в его лице, в его книгах возникает перед нами драгоценное для нашей детской литературы единство писателя и педагога!»[4]

Как истинный педагог, глубоко понимающий душу ребенка, он отдавал все силы своего таланта детям. Именно для детей он писал ясным и простым языком, выражавшим ясность мысли самого автора – и его произведения были понятны каждому юному читателю.

Другой характерной особенностью творчества детского писателя А.М. Волкова было отличное знание предмета описания (мы знаем, какая целенаправленная, долгая и кропотливая работа предшествовала написанию его книг, как много привлекалось разнообразных источников, словарей, энциклопедий). А в результате на глазах юных читателей «оживала» эпоха и ее современники, совершалась посадка на Луну и полет к далекому Марсу, анализировался разбор полетов советских военных истребителей, строился великолепный православный храм…

Несомненной заслугой автора является достигаемый им «эффект присутствия», особенно в исторических произведениях и в сказках. Автор сам относился к своим героям, как к живым людям – и потому литература, по его мнению, являлась неотъемлемой частью реальной жизни. В связи с этим А.М. Волков писал: «С героями по-настоящему занимательной книги читатель роднится, он верит в них, они становятся его друзьями, и часто они в его воображении живее иных живых. «Скажу о себе. Для меня Дон-Кихот, Робинзон Крузо, мушкетеры Дюма, барон Мюнхгаузен, капитан Немо, кузнец Вакула, Тарас Бульба – это подлинно существовавшие люди, их удачам, их счастью я сочувствую, жалею о их бедах. И когда я сам пишу книгу, ее герои также становятся моими друзьями, если они «хорошие» и врагами, если «плохие». (Кстати, Вы ведь знаете, что дети не признают полутонов. Если они не могут разобраться в нравственном облике героя, они без обиняков спрашивают у взрослых: «А он хороший или плохой?» И ответ требуют категорический!)

Может быть, от этой моей черты мои книги выглядят убедительно. Итак, вот, по-моему, что главное в книге. Автор должен всерьез относиться к ней, верить в то, что он пишет, тогда и читатель поверит. А ремесленник с холодным сердцем, конъюнктурщик, быстро кропающий свои «опусы», конечно, никогда не добьется подлинного успеха, не покорит сердца юных читателей (да и взрослых тоже)»[5].

По прочтении настоящей книги мы убедились в разноплановости индивидуальной тематики А.М. Волкова, как она тесно связана с последними научными достижениями в разных отраслях знаний. Сам Александр Мелентьевич уверял, что и разнообразию тематики своих книг, и искусству оживлять эпоху он обязан тем, что всю жизнь оставался учителем. «Учителем, который заботился о том, чтобы учение для школьника было не только обязанностью, но и радостью, и душевной потребностью. Писатель Волков учил художественным словом. До тонкости узучая предмет рассказа, увлекаясь им сам, он увлекал и читателя»[6].

С поразительной чуткостью А.М. Волков относился к детским персонажам своих произведений, внимательно прослеживая их развитие. Образ, характер, поведение, язык юного героя были настолько точны и понятны читателям, что некоторые из них обращались к автору за адресами героев, принимая их за настоящих, живых подростков. Дар детского писателя А.М. Волкова как педагога был отмечен Борисом Бегаком, написавшем такие строки: «Педагог по призванию, по духу, по опыту, Волков в совершенстве постиг интересы детского читателя. В непрерывном напряжении держит он школьника – порою маленького, порою старшего – заставляя его сосредоточиваться не только на движении сюжета, но и на подробностях действия, на характерах, поступках и речах каждого персонажа, на обстановке и пейзаже, неразрывных с действием. Писатель незаметно воспитывает в детях то, чего им так не хватает – культуру чтения! Безошибочная ориентация на юного читателя – в каждой строке Волкова: в его шутке и юморе, в его раздумьях и фантазии, в его горячей любви и справедли-

вой ненависти»[7]. Не потому ли он так хорошо понимал и описывал детей, что сам не растерял те удивительные качества детства, которые делают мир более красочным, людей более добрыми и счастливыми, труд самой большой потребностью человека.

Как показали многочисленные отзывы читателей, у автора была «своя» аудитория столь большого возрастного диапазона (от бабушек и дедушек до их внуков), что А.М. Волкова можно смело назвать семейным писателем. Он был (и является) горячо любимым всеми членами миллионов семей во всем мире. Он любил жизнь, любил работу, любил людей, смотрел на них с широтой и благожелательностью и щедро дарил им свои книги. Лучшими человеческими качествами А.М. Волков считал способность к самопожертвованию, дружбу, твердость в беде и мягкий юмор. «У него были веселые глаза, которые он умел по-особенному, по-своему ласково прищуривать. В его взгляде была удивительная доброта, которая располагала к доверию и откровенности», – вспоминала Ирина Токмакова[8]. По ее мнению, детский писатель А.М. Волков был правдивым, искренним и очень доброжелательным воспитателем юной души.

Всю эту большую разновозрастную читательскую аудиторию объединяло многое: сознание ответственности за хорошее воспитание детей, стремление сделать книгу верным спутником и помощником в жизни, истинное удовольствие от общения с книгой, потребность в сопереживании, любовь к своей родине, к своей семье, тяга к приключениям, вера в победу добра, в крепкую дружбу – и все это они находили в книгах А.М. Волкова. Все эти простые человеческие качества, далекие от идеологии и политики, были той основой российского менталитета, которая оставалась незыблемой в любые исторические времена, при любых социальных катаклизмах. И это, видимо, один из ответов на вопрос об актуальности изучения литературного творчества А.М. Волкова.

Присущая автору природная интеллигентность нашла свое выражение в его произведениях, проникнутых глубокой внутренней культурой, доверием и уважением к читателю, как близкому другу, с которым можно поделиться самым сокровенным. Это благорасположение автора чувствует каждый читающий и в свою очередь проникается уважением к почтенному повествователю. Так закладывается прочный фундамент дружеской симпатии и дружелюбной ауры, формирующий культуру чтения юного читателя.

Творческая индивидуальность такого мастера детской литературы пронизана, как красной нитью, глубоким педагогическим талантом, а в сочетании с его профессиональными специальными знаниями и любовью к творчеству составила поразительно плодотворный креативный комплекс, позволивший оставить свой неповторимый след в советской детской литературе, начиная с 1930-х гг. Но и сегодня на книжных полках магазинов, заваленных книгами о Гарри Потере и других новых героях, можно без труда найти замечательные сказки А.М. Волкова и в суперизданиях и скромными отдельными книжками разных размеров с иллюстрациями разных художников. Они по-прежнему пользуются спросом, их с удовольствием читают юные граждане в XXI в.

Детская литература, тесно связанная с общим литературным процессом, проходит свой путь развития. Специфика развития советской детской литературы в связи с этим основана на развитии видового многообразия и представлена в 1930–1980 гг. интенсивным развитием научно-познавательной, этической и развлекательной литературы. На примере видового анализа творчества детского писателя А.М. Волкова мы можем проследить его вклад в развитие советской детской литературы. Как видим, если 1930–40-е гг. характеризуются некоторым преобладанием произведений военной тематики и появлением первой книги сказок, то 1950-е – начало 1980-х гг. показывают явное преобладание этической (в частности сказочно-фантастической) и науч-

но-познавательной литературы, а также наличие художественно-исторической и переводной (произведений Ж. Верна) литературы. Таким образом, широкий диапазон литературного творчества А.М. Волкова отвечал веяниям времени и способствовал становлению молодой советской детской литературы.

Атрибутивной оценкой творческой продуктивности писателя с достаточной долей объективности можно считать количественный уровень его публикаций. А.М. Волковым было написано всего 19 книг для детей, а также много научно-познавательных очерков. Наряду с этим им были переведены на русский язык и опубликованы два романа Ж. Верна, которые до сих пор издаются в его переводе.

Подводя итоги, можно констатировать, что прослеженная нами авторская, редакционная и издательская история произведений А.М. Волкова, приведенные факты биографии, подтвержденные многочисленными и разнообразными источниками, а также важные экспертные и атрибутивные оценки творческого наследия А.М. Волкова убеждают в том, что его произведениями внесен значительный вклад в развитие и становление советской (российской) детской литературы. Именно писатель-педагог является базисной фигурой советской детской литературы.

На склоне лет Александр Мелентьевич писал: «Как обидно коротка жизнь! Звездой падучей на вечернем небосклоне пролетает она, и быстро исчезает огнистый след… Но что же? Это извечный закон всего рожденного и жалобами ему не поможешь. Надо бороться до последнего вздоха, и каждый прожитый день провожать не словами: «Вот еще одним днем ближе к смерти», а утверждением: «Вот еще один день отвоеван у жизни!»[9] Он надеялся, что будет держать перо в руках до последнего дыхания. Последняя запись в дневнике от 20 апреля 1977 г. сделана уже неверной рукой тяжело страдающего, больного человека. Он тихо скончался 3 июля 1977 г., прожив 86 полных лет. В вышедших некрологах и телеграммах была отдана последняя дань уважения любимому писателю-сказочнику. А.М. Волков похоронен на Кунцевском кладбище в Москве: на его памятнике рядом с профилем писателя лаконичная надпись курсивом «А. Волков». Около памятника посажены любимые Александром Мелентьевичем разноцветные астры.

А творческое наследие писателя А.М. Волкова по-прежнему востребовано. К 100-летию со дня рождения А.М. Волкова в 1991 г. на его родине в г. Усть-Каменогорске были проведены городские праздничные мероприятия. По радио прозвучал очерк А.С. Розанова «Дорога в город Изумрудный», посвященный А.М. Волкову. А в городе для детей прошли утренник, театрализованное музыкальное представление «Изумрудная сказка», игровые программы в городских парках, встречи с писателями А.С. Розановым и С.Е. Черных. В настоящее время в Усть-Каменогорске работой по созданию детского музея А.М. Волкова руководит Татьяна Николаевна Карпович.

5 ноября 2002 г. в Томском государственном педагогическом университете был открыт детский музей «Волшебная страна» имени А.М. Волкова. Благодаря всемерному содействию внучки писателя Калерии Вивиановны Волковой музею были переданы в дар предметы из рабочего кабинета Александра Мелентьевича – большой письменный стол, рабочее кресло, пишущая машинка, письменный прибор из натурального камня, тумбочка, личные вещи писателя, а также многочисленные издания сказок и других произведений писателя на 20 языках народов мира – более 100 книг (всего же коллекция детского писателя насчитывает около 2 000 экспонатов). Томский государственный педагогический университет выражает искреннюю признательность и сердечную благодарность уважаемой Калерии Вивиановне Волковой за неоценимый подарок. Ее имя навечно вписано в Почетную книгу дарителей музея сказочника А.М. Волкова. В музее

работает «Сказочная школа» для первоклассников и проводятся многочисленные интерактивные программы и экскурсии.

Между тем в настоящее время имеется ряд авторов, которые пытаются писать продолжение историй о Волшебной стране. К ним относится, во-первых, сам «придворный художник Изумрудного города» Л.В. Владимирский, написавший сказки «Буратино в Изумрудном городе» и «Буратино ищет клад»; во-вторых, С.С. Сухинов, опубликовавший с 1998 по 2001 г. 19 новых книг о приключениях героев сказки «Волшебник Изумрудного города»; в-третьих, Юрий Кузнецов, написавший книги «Изумрудный дождь» (1992), «Возвращение Арахны», «Пленники кораллового рифа» (2001). Эти публикации напоминают скорее авантюрные фэнтези, использующие образы знаменитых сказочных героев, созданных Ф. Баумом и А. Волковым.

В настоящее время потребность в сказке становится особенно существенной в связи с тем, что современный ребенок воспринимает непрерывно увеличивающийся поток информации, с которым часто не может справиться. Своеобразным спасительным щитом от переутомления и нервозности для него становится простая, умная и добрая сказка. Эта вечная «служба» сказки является непременным компонентом детства. Таким образом, рассматривая детскую литературу как социокультурное явление, оказывающее важное влияние на развитие детской субкультуры (или культуры детства), мы полагаем, что творческое наследие детского писателя Александра Мелентьевича Волкова является одним из значимых достижений российской детской литературы 1930–70-х гг. Что же касается сказочного наследия писателя, то оно продолжает и сегодня играть активную роль в формировании детской субкультуры.

Библиографические ссылки и примечания

1. Архив А.М. Волкова. Литературные документы Т. 15. Февр. – нояб. 1967 г.
2. Там же. Т. 17. Февр. – март 1968 г.
3. Там же.
4. Бегак Б. Дорога к волшебству // Учительская газета. 1976. 12 июня.
5. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 17. Февр. – март 1968 г.
6. Бегак Б. Об авторе этой книги (предисловие) // Волков А. Зодчие. М., 1986. С. 4–5.
7. Бегак Б. Дорога к волшебству // Учительская газета. 1976. 12 июня.
8. Токмакова И. Об авторе и его книгах (предисловие) // Волков А. Два брата. М., 1981. С. 5–7.
9. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 11. Л. 79.

Приложения

Приложение 1

Заметки о деятельности Московской писательской организации в 1950–70-е годы

Писатель А.М. Волков стремился к активному участию в общественной деятельности Союза писателей СССР, в частности его Московской писательской организации. Это было время укрепления идеологических позиций в партийных организациях страны. В письме ЦК КПСС «Об усилении партработы в партийных организациях и о пресечении антисоветских вылазок» от 19 декабря 1956 г. говорилось об активизации антисоветских элементов в стране в связи с обострением международного положения. Эти проблемы в области литературы были рассмотрены на совещании в ЦК КПСС в декабре 1956 г., а 7 января 1957 г. донесены до сведения членов Московской организации писателей. На этом совещании присутствовал А.М. Волков, оставивший в дневнике краткие записи выступлений участников. Эти речи были услышаны из первых уст и записаны во время выступлений ораторов и потому являются ценными источниками по истории советской литературы, так как далеко не всё, что произносилось на таких совещаниях, попадало на первые полосы газет. Несмотря на то, что записи краткие, они достоверны и помогают воссоздать обстановку в Московской писательской организации в середине 1950-х гг. Совещание, на котором присутствовали секретари ЦК КПСС Шепилов, Поспелов, Фурцева, Брежнев, началось с выступления Суркова: «Я выступил первым. Я поднял ряд вопросов, возникших после XX съезда КПСС и обсуждавшихся писателями на различных собраниях и при встречах и говорил о значительных нотках нервозности и односторонней критики. Конечно, большинство организации настроено в здоровом духе, но есть целый ряд явлений, мимо которых нельзя проходить.

В основном все эти явления связаны с ликвидацией культа личности. Нарушения социалистической законности при Ежове и Берия больно ударили по литературным кадрам. Многие писатели пострадали и даже погибли. За ряд лет, предшествовавших 1953 году, целый ряд имен стали для нас запретными, анонимными. Их книги были изъяты из обращения, а имена их выпали из истории советской литературы. И эти последствия культа личности надо ликвидировать, живых надо возвратить и дать им возможность работать, а мертвых реабилитировать. Заслуживающие этого книги надо переиздать, а имена восстановить в истории литературы.

Очень важным последствием культа личности Сталина является перекашивание живого исторического процесса в книгах – и это надо пересмотреть.

Большинство литераторов после XX съезда КПСС согласны, что руководство партии литературой прогрессивно и закономерно, и лишь немногие выступают против этого. Конечно, в этом деле были и недочеты; по линии партийного руководства, по линии СП были случаи администрирования, мелкого опекунства и всякие иные недостатки. Появились такие моменты, на которых мы должны остановить свое внимание и внимание партии. Амплитуда разных колебаний и мнений очень велика, от романа Бека («Жизнь Бережкова») и ненапечатанного романа Пастернака «Доктор Живаго» до «Трудной весны» Овечкина. Пастернак в своем романе дает враждебное изображение Октябрьской революции, а «Трудная весна» – глубокое и критическое изображение развития жизни на селе с ясным желанием укрепить наш строй. Интересно, что в окололитературной среде вращались подпольно рукописные произведения видных и невидных писателей, дающие перекошенное изображение действительности.

Сенсационное обсуждение романа Дудинцева «Не хлебом единым» стараются представить как важное событие литературной жизни Москвы. Я считаю, что редакция «Нового мира», начи-

ная с публикации пьесы Назыма Хикмета «А был ли Иван Иванович?», давала произведения, где явления нашей действительности изображаются под определенным углом зрения – выпячиваются недостатки. Сюда относится пьеса Назыма, роман Дудинцева, рассказ Гранина «Собственное мнение», завершающий год роман Кабо и некоторые материалы критики и публицистики.

Симонову, редактору «Нового мира», но и одному из секретарей правления СП, по-моему, проводить такие разноречия бесчестно. Следует договориться о принципиальной, партийной основе работы. Симонов на большом беспартийном собрании заведующих кафедрами литературы в МГУ прямо и открыто критиковал решение ЦК по идеологическим вопросам – он, как коммунист, не имел права этого делать по уставу партии, он должен был поставить вопрос в партийном порядке».

Кожевников: «У некоторых из наших писателей испортилось настроение. Распространяется копание в ранах нашего общества. Доказательства: рассказ «Собственное мнение», статья в «Вопросах философии» о необходимости освободить литературу от партийного руководства. Нельзя допустить критику в отношении этого принципа».

В. Смирнов: «Необходимо уточнить решения партии по идеологическим вопросам. Надо созвать пленум правления СП и там обсудить все эти вопросы. Клеветнические произведения Дудинцева и Гранина, ненапечатанная пьеса Дубова – это мелкобуржуазная реакция на решения XX съезда КПСС. Обсуждение романа Дудинцева было организовано плохо, не выступили некоторые товарищи, которым следовало это сделать (Чаковский и др.)». У него, Смирнова, нет сработанности с Симоновым, в частности, имеются разногласия по подбору кадров в аппарате и т.д. Симонов после возвращения из отпуска уделяет мало внимания работе в Союзе.

Симонов признает, что неправильно выступил на собрании преподавателей литературы в МГУ. Считает, что в романе Дудинцева все же больше хорошего, чем плохого. Ничего страшного не было допущено и при обсуждении его, там было больше писателей, чем посторонних. Линия «Нового мира», по его мнению, правильная, так как надо больше говорить о недостатках.

Атаров, редактор журнала «Москва», говорит, что не надо поддаваться панике, которую он услышал в выступлении Кожевникова. Не следует допускать и лакировки. Все вопросы надо обсудить в Союзе писателей, где пленум не собирают долго. Считает, что неправильно была напечатана и перепечатана статья художника Соколова-Скаля о состоянии искусства. Роман Дудинцева имеет серьезные недостатки, в нем допущена диспропорция между плохим и хорошим. На обсуждении романа получилась галерка, мешавшая свободному обсуждению. Этот роман все же следует обсудить в более спокойной обстановке и взять на вооружение.

Прокофьев (Ленинград) считает выступление Симонова в МГУ неправильным. Пленум созвать необходимо. В Ленинграде настроения вообще здоровые, но есть и неправильные выступления. О. Берггольц и Кетлинская выступали против постановлений ЦК о литературе и за отмену всякой редактуры в журналах и издательствах (!!) Этих фрондеров подогревают из Москвы, они ездят советоваться с Симоновым и Паустовским (смех в зале).

(Сурков: «Симонов это, между прочим, отрицал!» – шум и смех в зале.)

Чаковский: «Есть писатели, которые называют редакторов защитниками читателя от всего нового и свежего. Но оснований для паники нет, однако следует говорить о недостатках нашей печати и радио, сводящих иногда на нет все наши достижения и все хорошее бездушной подачей материалов (возглас в зале: «Правильно!»).

Орлов (редакция газеты «Советская культура») говорил, в основном, о романе Дудинцева. «Он, Дудинцев, воспользовался историей двух неудачников-изобретателей и изложил ее в троцкистском духе».

Друзин. Ему пришлось слышать выступление О. Берггольц, которая издевательски трактовала постановление ЦК, и никто не протестовал, не выступал против. «Отношение Симонова к роману Дудинцева неправильное. Также неправильно передана речь Славина в газете «Московский литератор». Славин считал, что писателей надо награждать орденами после обсуждения в секциях, и, таким образом, вмешался в прерогативы правительства».

Полевой. На его докладе в Пекинском университете ему было подано больше 200 записок с вопросами о том, почему советская литература не защищается от яростных нападок Запада. «Надо признать, что мы, действительно, несколько растерялись и отвечаем на критику вяло, несерьезно, как-то «мелкокалиберно». Он критикует речь Шолохова на II съезде СП и доклад Суркова, который называет бесцветным и малосодержательным (смех в зале, возгласы: «Правильно!») Сурков: «Я сам согласен, что в этом есть доля истины». (Смех усиливается.) Полевой далее говорит: «Нам следует переходить к активной работе и не забывать, что события в Польше и Венгрии тоже начались с выступлений против партийного руководства литературой» (протесты в зале).

Марков (секретарь правления СП) считает, что следовало бы создать организацию писателей Российской Федерации. (Эту мысль высказывал и Сурков, но ее горячо оспаривал Полевой, считавший, что такая организация оторвет от работы еще одну группу активных писателей.) «После XX съезда КПСС поднялась какая-то муть. К ней относятся и постоянные выступления Бека против редакторов – за «литературу без редактора». Московские секции постоянно вмешиваются в общесоюзную работу и пытаются руководить ею, навязывают свои взгляды». Категорически выступает против симоновского тезиса об изображении недостатков; надо утверждать, а не разрушать. «Симонов неправильно выступил в вопросе о двух редакциях фадеевского романа «Молодая гвардия».

Червоненко (секретарь ЦК КПУ) говорит, что писатели не отмобилизованы, как требует современное положение общества. «Странно, что Симонов выступал с ревизией основных положений в МГУ и безоговорочно защищает роман Дудинцева. А ведь он секретарь правления СП и более того – член Ревизионной комиссии КПСС. При таких настроениях в писательской среде может образоваться «болото». Рассказывает о положении дел на Украине. Там тоже есть проявления буржуазного национализма. «Надо реабилитировать неправильно репрессированных, но к их произведениям надо относиться, как и к произведениям других писателей и для переиздания выбирать хорошие. Надо крепить дружбу Украины и России».

Симонов говорит, что постановления ЦК 1946 и 1948 гг. о литературе до некоторой степени противоречат решениям XX съезда. В решениях о журналах «Звезда» и «Ленинград» нет речи о показе трудностей, а сейчас нужно это делать. Заявляет: «Надо иногда давать рвотное народу» (!!) Повторяет, что линия «Нового мира» правильная, но после выслушанной здесь критики у него появились сомнения относительно рассказа «Собственное мнение». Признает, что между секретарями правления СП нет делового контакта. Пленум нужно созвать.

Попов (секретарь Ленинградского обкома КПСС): «В общем ленинградская организация здорова, но есть и недостатки, о которых уже говорил Прокофьев». Он подтверждает это другими фактами; читает выдержки из неопубликованных статей Анатолия Горелова, который был неправильно репрессирован, но у него заметны рецидивы троцкистских взглядов. «Рвотного» в литературе народу не надо давать. Роман Дудинцева неправильно воспринимается молодежью. Так, ленинградские студенты писали в МГУ: «Начинайте борьбу против Дроздовых, а мы вас поддержим!» С такими представителями ложных взглядов, как Берггольц и Кетлинская, надо вести серьезную идейную борьбу».

Бровка (Белоруссия): «Общее настроение белорусской организации здоровое, но было неправильное выступление Пестрака. Правление СП и секретариат работают неслаженно. Газета «Московский литератор» мало напоминает партийный орган».

Поликарпов (заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК): «Не следует впадать в панику, но с нездоровыми настроениями следует бороться. У нас раздаются голоса о том, что якобы создался новый класс, что руководители оторвались от народа. Впервые об этом поднялась речь в пьесе Зорина «Гости» и она была повторена в другой пьесе. Симонов ведет линию на вскрытие недостатков. Даже у хорошего писателя Тендрякова проводится мысль, что хороший человек, попав на крупный пост, портится. Критик Каменский, говоря об искусстве, неправильно принизил и исказил роль Бродского. Не надо забывать о том, что Бродский первым из художников взялся за советскую тему и сделал очень много. Произведения о недостатках появляются не только в «Новом мире», но и в других журналах». Критикует Симонова за выступление в МГУ. «И это не сгоряча, так как Симонов хорошо обдумывает свои выступления, значит, должен отвечать за них. У него не бывает таких «срывов», как у Суркова или Смирнова. И это тем серьезнее, что у Симонова перед этим был проблемный разговор в ЦК, а он идейные споры в партийной среде вынес на беспартийную аудиторию. Хотел заработать себе дешевый авторитет и поступился престижем партии. Редакторы иногда не ведут себя принципиально и уклоняются от ответственности в решении серьезных вопросов.

«Московский литератор» фальсифицировал выступление Паустовского на обсуждении «Не хлебом единым» с нехорошим политическим душком. Паустовский сказал, что «народ сметет Дроздовых», а газета придала этому совсем другой смысл, напечатав: «...народ под руководством компартии сметет Дроздовых». (Сурков говорит о порочной практике правки стенограмм: «Иной наговорит такого, сорвет аплодисменты, а потом у него, смотришь в стенограмме, все гладко и чисто. Стенограммы можно править только стилистически, а вставка слов «под руководством компартии» – это уже не стилистика, а политика»). Надо укрепить редакции журналов и «Литературной газеты».

Корнейчук: «Надо широко бороться с нигилизмом в оценках нашего развития. За границей и даже в странах народной демократии идут яростные нападки на советскую литературу и делаются попытки внести разложение в среду советских писателей. Делаются заявления, что после Горького и Маяковского у нас не было писателей, о которых стоило бы говорить; на самом же деле у нас есть много хороших крупных писателей». Обращаясь к Симонову, Корнейчук говорит: «Вы принесли сюда нездоровую позицию. С Дудинцевым надо было говорить до напечатания романа и указать его недостатки. Ведь известно, что советское правительство всегда боролось и борется с бюрократизмом. А у вас «Новый мир» открыл дверь «черным лакировщикам» нашей жизни». Нужно новое постановление ЦК о литературе, но и старое еще остается в силе. Пленум созвать необходимо».

Кочетов полемизирует с Симоновым по поводу его оценки второго варианта «Молодой гвардии». Раньше, когда этот вариант появился, Симонов его восхвалял, а сейчас говорит, что он хуже. Статью его о двух вариантах «Молодой гвардии» назвал непартийной. «Обсуждение романа Дудинцева в ЦДЛ было организовано плохо. Не было серьезного и делового творческого разговора. Главным недостатком романа Дудинцева является то, что автор не видит, что у нас главной организующей силой в стране является партия – она в романе отсутствует. ЦК должен помочь Союзу писателей наладить его работу.

Тихонов обеспокоен положением в СП, особенно после обсуждения среднего по своим достоинствам романа Дудинцева. Там писатели не могли откровенно выражать свое мнение, так

как слышались даже угрозы: «Пусть только кто-нибудь посмеет выступить против». Обсуждает выступление Паустовского. «Нам, сторонникам мира, сейчас страшно трудно работать за рубежом. Достижения советской власти приходится защищать со всех сторон и от всевозможных точек зрения. Огромная и беспрерывная пропаганда против нас повела к тому, что сейчас у многих зарубежных писателей «мозги набекрень» и они не могут разобраться и увидеть истину. Именно теперь в нашем здании не должно быть трещин. Мы должны серьезно подготовить III пленум правления СП».

Шепилов: «Выступления представителей ЦК на этом совещании нельзя рассматривать, как директивы, я должен об этом предупредить. Мы переживаем трудную полосу нашего развития. Международная обстановка очень сложная. Сейчас не надо торопиться с оценками, но в умах многих появилась путаница. Ее деликатно надо разъяснять путаникам. У нас создано новое общество. Мир социализма велик и силен, а с другой стороны идет «гнилостный распад капитализма» (Ленин). Бывают у капитализма частичные успехи и частичное процветание, но в целом он катится вниз. Выражением «предсмертного неистовства капитализма» (Ленин) является яростная пропаганда в печати, по радио, через подпольную литературу и даже заговоры. Кто думает, что нам нужно мещанское, слабенькое сосуществование, тот жестоко ошибается. Капитализм сейчас старается осуществить идеологическую интервенцию, старается опорочить социалистические принципы и социалистическую мораль. Например, Даллес сказал: «Нам нужно расколоть монолитность социалистического мира». Для этого они используют всё, в том числе и нашу критику и самокритику. Они много говорят о перерождении нашей системы (это троцкистские лозунги). Этому способствуют и установки югославских товарищей, в особенности выступление Карделя, который резко извратил сущность нашей социалистической системы. В Польше некоторые литераторы тоже кричали о перерождении нашей системы и даже договорились до того, что Октябрьская революция сделана как-то не так.

Мы идем ленинским путем и ликвидируем последствия культа личности, перед нами раскрываются широкие перспективы. С 1953 года осуществлено много мероприятий в промышленности, сельском хозяйстве, науке. Но эти достижения плохо показываются нашему народу и остальному миру. Главная задача советских писателей – показать величие нашего труда. На нас смотрят со всех сторон, нам верят, надо, чтобы и дальше продолжали верить». Он критикует идею национального коммунизма югославов, которой пользуются враги для своих целей.

«О романе Дудинцева «Не хлебом единым». Я не хочу давать ему категорическую оценку, это должны сделать сами мастера литературы. Но в нем заложены некоторые тенденции. У нас огромные достижения в технике, даже атомной, а там два крота на Арбате пытаются бороться с общественным злом, и один из них гибнет, а другой кое-как пробивается, но в конце романа создается впечатление, что стена все же осталась. Философия этого романа порочна и вызывает тревогу. Но не надо запретительства, это только наденет венец страдальца на голову автора. Надо разъяснять ошибки и недостатки романа.

ЦК должен помочь Союзу писателей преодолеть недостатки. Но возникает вопрос – как же быть с критикой недостатков в нашей жизни, ведь они есть. Критиковать, конечно, надо, но на правильной основе, помогая строить, а не расшатывать. Кто принимает мутную пену на поверхности потока за самый поток, тот ошибается. Нельзя оплевывать генеральную линию партии. А такие взгляды есть в рассказе «Собственное мнение», в стихотворении Асеева, в стихотворении Бор. Слуцкого, оканчивающемся словами: «Таких, как я, хозяева не любят». Нельзя под видом критики культа личности опорочивать всю нашу систему.

Надо думать о молодежи, которая не все понимает правильно, а мы ее не воспитаем, как следует, если будем допускать безудержное критиканство, способствующее развитию нигилизма, и поощрять тотальное обличительство. Мне говорили, что иногда на писательских собраниях труднее говорить о хорошем, чем о плохом. Но надо набраться для этого смелости и не бояться обвинений в лакировке.

Я считаю хорошими такие книги, как «Искатели» Гранина и повести Овечкина, но категорически возражаю против романа Пастернака «Доктор Живаго».

В работе Союза писателей нельзя идти путем администрирования и приклеивать ярлыки. Надо действовать силой убеждения. Легко выносить осуждающие постановления, но надо воспитывать. Нельзя проводить мелочную опеку, но и нельзя говорить о том, что вообще руководство партии не нужно. Ленин был за такое партийное руководство литературой. Здесь много говорили о решениях 1946 и 1948 гг., они сделали большое и важное дело, их основа правильна и теперь. Нельзя проводить примирительную политику в идеологической работе, надо проводить наступление.

Народ и партия относятся к писателям и литературе с глубоким уважением и надеются, что они сами между собой уладят свои разногласия.

Поспелов, секретарь ЦК КПСС: «Симонов утверждает, что главный пафос нашей литературы должен быть направлен на обличение недостатков – это неверно. Я присоединяюсь к выступлению Шепилова... Идеологи за рубежом питают идиотскую надежду, что наш народ откажется от построения социализма. Это показывают, между прочим, события в Венгрии.

В литературе могут быть две линии – отрицания и утверждения. Вторая линия – наша партийно-философская линия. Все чернить неправильно. Симонов неправ, когда говорит, что литература – это рвотное. Это – огромное воспитательное средство. Роман Дудинцева в основе неверен. Паустовский, логически продолжая его линию, заявил, что народ сметет Дроздовых. За границей превозносят роман Дудинцева, буржуазная газета «Франс стар», расхваливая его, написала, что он вызвал огромное возбуждение в Советском Союзе. Дудинцеву нужно призадуматься, когда его хвалят враги. Еще Ленин говорил в таких случаях: «Смотрите, кому это выгодно».

Дубинка в руководстве не нужна, но некоторые хотят, чтобы литература была серной кислотой, разъедающей фундамент нашего строя. Этого не должно быть. Литература должна помогать нашей партии проводить широкое наступление на всех фронтах».

В заключительном слове Брежнев сказал: «Меня радует, что большинство выступавших высказывало правильную точку зрения – за ленинские принципы развития литературы. Наш «идейный порох» мы должны держать сухим. Мы уверены, что писатели сами разберутся в своих недостатках и разногласиях»[1]. Затем Сурков ответил на вопросы о пенсиях, которые должны быть одинаковыми для писателей, художников и композиторов и достигать «докторского» потолка, а также на другие вопросы.

Таким образом, приведенные материалы рисуют конкретную картину умонастроений в Союзе советских писателей в середине 1950-х гг., дающую возможность анализировать развитие деидеологизации в литературном цехе страны.

В дневнике А.М. Волкова от 11 июня 1957 г. осталось интересное описание одного из общих собраний Московской писательской организации, проходившего в Доме киноактера. «Об итогах III пленума правления ССП делал доклад К.А. Федин. Не буду его излагать, о нем скажут в «Литературной газете», а я отмечу некоторые места из выступлений, которые, конечно, не попадут в отчет.

Первым выступал Г. Марков; он цитировал выдержки из зарубежных капиталистических газет, где поднимают на щит роман Дудинцева и придают ему значение большого антисоветского выступления.

С. Михалков говорил о важности приключенческой литературы. «Будет издаваться журнал «Мир приключений», а осенью состоится совещание по вопросам приключенческой и научно-фантастической литературы».

Казакевич выступил с покаянным заявлением, отмежевался от яшинских «Рычагов» и обещался делом показать, что он отходит от всякой групповщины.

И. Макарьев дополнил сведения о реакции буржуазной прессы на роман Дудинцева и сообщил, что американские кинокомпании уже выпустили по роману фильмы: «Лопаткин борется с Кремлем» (!), «Профессор Бусько» и еще один (я плохо расслышал название). Он очень здорово «крыл» Дудинцева.

А. Софронов, сопровождавший Ворошилова в его поездке по Востоку, рассказал то, о чем молчат наши газеты. Оказывается, в Китае за самолетом Ворошилова охотились чанкайшистские истребители, а в Индонезии готовилась целая засада. Накануне проезда Ворошилова там был кровопролитный бой и истребили банду, а потом поезд Ворошилова сопровождали танки и самолеты. Оказывается, поездки за границу наших руководителей не такое уж милое и безобидное занятие, а сопряжены с большой опасностью.

С.С. Смирнов рассказал про свою работу о защите Брестской крепости. Он хвалил талант Дудинцева, пытался анализировать причины срыва и всячески уговаривал Дудинцева, видимо, присутствовавшего в зале, покаяться, но это осталось гласом вопиющего в пустыне. Между прочим, Смирнов передал приглашение первого секретаря Орловской области к писателям приезжать к ним в область, так как у них там много интересного, что стоит описать, а обком всячески пойдет писателям навстречу.

Оригинальным было выступление Тих. Семушкина. Он заявил, что от покаяний (а к покаяниям Казакевича письменно присоединились члены редколлегии «Литературная Москва» Марг. Алигер и А. Бек) мало толку, так как покаявшиеся опять берутся за то же. «Пусть лучше они каются перед самими собой, а потом доказывают свое покаяние делами». Семушкин приветствовал образование Союза писателей Российской Федерации, так как на писателей, живущих в областях РСФСР, не обращается никакого внимания. Он особенно жестко критиковал работу приемной комиссии… Семушкин внес хорошее предложение исключить из ССП переводчиков, которых в одной Москве несколько сот и которые давят на ССП своим весом. Пусть бы они, подобно кинематографистам, образовали свой союз. Понятно, это внесло недовольство в среду переводчиков, которых немало было в зале, и в президиум полетели записки. Долматовский их успокоил: никто не собирается в правлении поднимать этот вопрос. А жалко!

Н. Лесючевский критиковал Симонова за двуличие: «Это Симонов подвинул Дудинцева на то, чтобы не перерабатывать «Не хлебом единым», а Дудинцев, сдавший сначала рукопись «Советскому писателю», соглашался с критикой и хотел вещь доработать. А потом пришел и взял, так как «Новый мир» решил печатать роман, как есть».

Драматург Ю. Чапурин (член правления Московского отделения ССП) сообщил, что вопрос о пенсионном обеспечении писателей близится к концу, он уже передан в Совет Министров СССР. Чапурин говорил о встречах писателей с руководителями партии и правительства. Беседа с Н.С. Хрущевым внесла ясность в положение, так как Хрущев назвал писателей первыми помощниками партии в проведении ее решений. Это положит конец взглядам на писателей, как миллионщиков, как на людей за голубым забором (Вирта!). Были в больших инстанциях разговоры о

снижении писателям гонорара, и приходилось давать объяснения о жизни и быте писателей. На одном из таких совещаний бывший работник ЦК Иванов дал справку, что средний заработок писателя 2 000 руб. в месяц (даже это, по-моему, преувеличение), и вопрос был снят с повестки.

Видимо, выходит какой-то новый закон об авторском праве драматургов (ведь они иногда получали огромные суммы!), которым Чапурин недоволен и говорит, что он не улучшит положения, и надо было посоветоваться с драматургами.

Чапурин рассказывает, что когда он остро покритиковал неудачную пьесу Н. Погодина «Мы втроем поехали на целину», то Погодин его люто возненавидел и вышел, по-видимому, на бюро драматургической секции. Чапурин призывал Погодина забыть обиду и снова приступить к работе.

После собрания показывали документальные фильмы «Пребывание Ворошилова в Китае» и «Австрийский балет на льду»[2]. Судя по этому материалу, разногласия среди литераторов не были сняты и процессы деидеологизации продолжали свое развитие.

А в декабре 1958 г. А.М. Волков участвовал в работе 1-го Учредительного съезда писателей РСФСР, который было разрешено провести в Кремле. «Я ходил по залам Большого Кремлевского дворца, побывал в Грановитой палате. Какая там масса картин религиозного содержания на библейские и евангельские мотивы (например, история Иосифа во многих картинах), портретов русских великих князей и царей, иконы евангелистов и святых. Все это расположено в хаотическом беспорядке, без всякой хронологической и логической последовательности. Множество живописцев Палеха, заново расписавших палату в 1882 году по повелению Александра III, не ахти как велико: лица всех святых, библейских персонажей, князей и т.д. – все похожи, как две капли воды… Съезд начался с опозданием в несколько минут против назначенного срока – 15.00. Л. Соболев прочел интересный, необычного характера доклад с очень образным концом, где сравнил будущий Союз писателей РСФСР с кораблем, отправляющимся в дальнее плавание»[3].

В этом докладе Л. Соболев заявил о возрастании значения создания литературы для детей и юношества, а величайшей задачей он считал пробуждение в детском сознании первой мысли о том, что труд является основой жизни, ее смыслом и созидателем. «Функции литературы для маленьких нельзя ограничивать задачей познавательности, на чем настаивают некоторые педагоги. Это понимание слишком узко. Педагогичность этой литературы надо понимать в самом высоком смысле этого слова и никак нельзя соглашаться ни с теми, кто считает, что ребенок ничего не сможет понять в значительных явлениях жизни, ни с теми, кто требует, чтобы книжка выполняла подсобную, чисто учебную роль. Она должна учить жизни – вот главное, а как этого достигнуть, это дело мастерства и знаний самих писателей»[4].

Вместе с тем в докладе было обращено внимание на качество приключенческой литературы, которую необходимо освободить от «ремесленных подделок» и значительно расширить тематический диапазон, приблизив его к реальной социалистической действительности. Наряду с этим с высокой трибуны съезда было заявлено о необходимости развития детской фантазии как неотъемлемой составляющей формирования будущего строителя коммунизма.

О дальнейшем развитии советской литературы рассказывает дневниковая запись А.М. Волкова от 18 марта 1963 г., в которой он делится впечатлениями о собрании писательского актива в Московском горкоме партии (причем это в большинстве своем неопубликованные в прессе материалы): «Первым выступал А. Чаковский. Он говорил о том, что мы стали рассматривать период культа личности только как время ошибок и преступлений, а это неверно. Нельзя отрицать, что к нам проникла буржуазная идеология.

Сергей Васильев много говорил о «молодых». «В потачках им виноват и Ст. Щипачев. «Молодые» захваливают друг друга. Евг. Евтушенко и Андрей Вознесенский – «великие, гениальные» поэты. Под общий смех цитирует Вознесенского: «И писсуар глядит на вас, как мраморный богини глаз…» (!!). Молодежь с презрением относится к Д. Бедному, а у него есть чему поучиться».

Юрий Жуков говорил о том, что к нам проникает много врагов, ловких, беспринципных. «В прошлом году хорошо приняли внучку Л. Андреева, а она выпустила клеветническую книгу о нас. Ее по Москве водил Вознесенский, познакомил с Б. Ахмадуллиной, которая читала стихи, посвященные памяти Пастернака, с Неизвестным. В этом интимном кружке Вознесенский заявлял: «Сегодня мы свободны в Москве» (!) Жуков огласил отрывки из автобиографии Евтушенко, которая печатается во французском журнале «Expresse». «Сейчас за границей это сенсация № 1! Евтушенко изображает себя мучеником, описывает, как он боролся с «догматиками», защищал Дудинцева и т.д. (возмущение в зале). За этой вещью гоняются, как за «Доктором Живаго». Молодые писатели, выезжая за границу, нарушают государственную монополию печати, дают печатать свои произведения кому попало. С этим надо покончить. Евтушенко и Вознесенский – хорошие люди, но плохо воспитаны, их надо лечить».

Егорычев: «Если не сам Евтушенко писал эту биографию, почему он не открещивается от того, что ему приписывают? Евтушенко давал интервью в Лондоне. Его спросили: «Изменится ли ваше положение от того, что вас избрали членом правления МПО (Московской писательской организации)? Ответ: «Я думаю, что изменится положение в МПО» (!) (громовой хохот зала). Почему отсиживаются, не выступают писатели, которых здесь критикуют? (Голоса: «Это не тот зал!») Здесь ли Огнев (критик), Евтушенко, Вознесенский?» («Их нет, Вознесенский показался было, но ушел»).

В президиум поступает записка: «Почему отмалчивается Твардовский? Ведь это он печатает Вознесенского, Яшина и других?» Ответ: «Твардовского здесь нет».

Аркадий Васильев: «Совещание в Кремле явилось уничтожением девиации нашего компаса… У нас никого не прорабатывали». (Громкие возгласы с места: «Прорабатывали! Да еще как!») Страсти накаляются. Кричали Василий Смирнов и еще несколько писателей. Васильев отвечает: «А почему вы не ходили на собрания, не принимали участия в работе МПО?» Снова дикие выкрики с мест: «Давно такого не слыхал!» и т.п. Одни аплодируют словам Васильева, другие репликам Смирнова. Васильев продолжает: «У нас создались враждебные группировки, пора прекратить эту холодную войну». Говорит о людях, которые уже не пишут по 20–25 лет, заняты только «литературной борьбой» и мешают другим (бурные аплодисменты). «Надо прекратить прием в ССП по одной тощенькой книжечке и принять меры в отношении неработающих». Говорят об объединении всех творческих союзов. «Я не знаю, хорошо это или плохо, но если бы это избавило нас от баласта, то было бы хорошо». Говорит о «молодых». Аксенова критиковали за недостойное поведение за рубежом, а он на другой же день оказался в Аргентине. «Молодые», вроде пьяницы и скандалиста Федькина, ходят на собрания, голосуют, а вот Твардовский и Василий Смирнов не бывают на собраниях.

Ю. Семенов говорил громко и возбужденно, но невнятно, я его выступление не записывал.

Степ. Щипачев говорил, как всегда, елейно, в духе самооправданий. «Я руководил МПО 3½ года, но не рвался на эту должность. Кое-кто в зале хочет моей крови» (смех). Опять выкрики в зале, обстановка снова накаляется. «Не в порядке оправдания скажу, что не рожден организатором, а этот талант в наше время выше многих других. За наши дела отвечаю не только я, но и президиум и правление МПО, секретариаты РСФСР и СССР и все присутствующие в зале.

Мы критикуем самих себя. Я 44 года в партии и, поверьте моим сединам, никогда не кривил душой, если что делал, то с убеждением, что это нужно для партии и народа. В годы Сталина я избирался членом парткома, докладывал о многих персональных делах, напр., Ел. Успевич и других, но смело могу смотреть всем в глаза. После моих выступлений меня обвиняли, что я защищаю врагов народа. Все это говорю не для того, чтобы сказать: вот какой я хороший! Критика в мой адрес во многом справедлива, правильно указывали на мою нетребовательность. Но идея мирного сосуществования идеологий не имела места в нашей организации».

Говорит о том, как правление выискивало таланты, помогало подниматься молодым, а многие из них потом зазнались. «Б. Ахмадуллину кто-то из молодых критиков сравнивал с Лермонтовым (!), Вознесенский заявлял, что не думает критиковать себя. Им не хватает скромности. Кочетов в «Литературной газете» обвиняет нас в организации рецензирования и вульгарном замалчивании (голоса из зала: «Правильно!»), а у нас и органа-то печатного нет (смех).

Мы собирали пленум правления и там говорили не о малом числе избранных, а о многих (выкрики: «Ложь!», «Правильно!» – общее волнение, недружелюбные возгласы). Наш доклад на пленуме был самым полным и добросовестным (в зале: «Позорный был доклад, позорный!» Продолжать мне говорить или кончить?»

Егорычев: «Даю вам еще две минуты».

Щипачев говорит об Эренбурге: «В его мемуарах много субъективного, не отвечающего исторической правде, но мы помним Эренбурга грозных военных лет, статей которого мы все ждали. Я ушел с поста председателя, но буду вести общественную работу. Желаю нашей организации больших творческих успехов (бурные продолжительные аплодисменты).

Егорычев: «Хотя вы и горячо аплодировали С.П. Щипачеву, но мы во многом не согласны с его выступлением (опять бурные аплодисменты!) Вас, Степан Петрович, справедливо критиковали, об этом и надо было говорить, а вы вместо серьезной партийной оценки принялись обстреливать Кочетова (а еще раньше напустились на Грибачева!). Их поддерживал ЦК, а вы на них напустились. Вы опять взяли под защиту Эренбурга (с места: «Позор, позор для коммуниста!») Вы восхваляли Евтушенко и Вознесенского, вы расходитесь с партийной позицией, и президиум горкома с вашим выступлением не согласен. Вы многое не додумали (возгласы: «Позор, позор!»), а ведь Никита Сергеевич вам лично говорил, что не туда ведете МПО».

Оглашает записку: «Только ли по болезни ушел Щипачев?» – «Ну, мы согласились с его мотивировкой, но если бы он сам не ушел, ему предложили бы уйти» (смех в зале).

А. Сурков: «Моя фамилия не упоминается в материалах совещания, но я решил выступить. Групповщина у нас есть, мы не встали у знамени в очень серьезное время. Произведение Солженицына хорошее, но это не то знамя, под которым надо собирать людей… Эренбург смотрит на время, а видит только себя (смех в зале, аплодисменты). Он смотрит в реку времени, как в зеркало, и любуется собой. Его мемуары требуют серьезного анализа и критики». Отвечает на выступление Жукова. «Биографию для «Экспресса» пишет сам Евтушенко (возмущение в зале). «Молодые», уезжая за границу, не считаются ни с какими нормами и положениями». Пытается объяснить, почему с молодыми создалось такое положение: «Мы на них сначала слишком навалились и сделали из них «мучеников». Реакционные и даже прогрессивные органы печати и издательства за рубежом стали делать им соблазнительные предложения через наши головы. А когда мы стали выправлять ошибку, мы чересчур качнулись в другую сторону». Высказывает обиду на «молодых», кто-то из них бросил ему на партсобрании реплику: «Все равно умрешь!» «Французские товарищи из ЦК КПФ тоже приложили руку к раздуванию «гениев»: приглашали к себе Евтушенко и Вознесенского, а Шолохова не догадались пригласить!

«Молодых» не столько надо обвинять, сколько работать с ними. Не надо раздувать центробежные силы в нашем коллективе, а действовать в пользу центростремительности».

К. Финн: «Я часто бываю за рубежом, там много говорят о мирном сосуществании идеологий, но пойти на это – предательство. Я удивляюсь, почему Евтушенко и Вознесенский ведут себя еще сравнительно скромно, я ожидал от них большего! Ведь у нас говорят о том, что только с них началась поэзия!! О Маяковском и даже о Пушкине никогда такого не говорили. Один студент на телевидении назвал Вознесенского величайшим поэтом. Мы в молодости не так вели себя, по-другому относились к Родине и партии. Надо глубоко разобрать то, что пишет Евтушенко, как он ведет себя перед лицом врага и спасать его». Говорит о нашем новаторстве, доказывает, что Ремарк и Хемингуэй – не новаторы, они в обороне.

Сергей Смирнов (поэт): «Наши руководители не были подготовлены к встрече в Кремле. Мальцев даже не знал, как наши писатели ведут себя за границей, и Щипачев не знал. Там выступали молодые и горластые (Рождественский, Аксенов, Вознесенский), и если бы не реплика Василия Смирнова и сдержанное слово Кочетова, то нам было бы стыдно. Как создается слава? Эренбург восхваляет Слуцкого, ставит его вровень с Н.А. Некрасовым. Асеев поет дифирамбы Вознесенскому, восхваляет «треугольную грушу», а если его кто критикует, Асеев говорит, что также поступали с Маяковским». Он читает письмо сахалинского читателя, возмущенного «творениями» Вознесенского: «Не понимаю, почему Асеев рядит этих худосочных мальцов в широчайшие штаны Маяковского». Он возмущен замалчиванием Д. Бедного, о котором в 9-м томе «Вс. истории» сказано всего две строчки. Говорит о том, что у нас есть вульгарное замалчивание. «Забыли о Литературном институте, а многие из сидящих здесь вышли оттуда. Сейчас его хотят закрыть, превратить в вечерний, а там учится 200 студентов 45 национальностей». Удивляется, почему «Знамя» и «Юность» печатают формалистические опусы (бурные аплодисменты).

Елизар Мальцев: «Я только тогда узнал, что такое партийный работник, когда стал секретарем парткома, да еще у писателей!» Говорит о том, сколько призведений выпустили московские писатели («Это мы знаем!») Признает недостатки, например, в части приема в ССП, но партком разберется и наведет порядок. Есть в организации недостатки морального порядка, иные выступают с пошлыми произведениями, есть уроды, потерявшие честь и совесть, отдающие произведения врагу... Но не эти явления определяют сущность МПО, в целом коллектив здоровый».

Ирина Левченко (говорила очень горячо, иногда со слезами): «Я не хотела выступать, но должна говорить, как коммунист. Вознесенский и Евтушенко творят такие вещи, а мы должны их мягко перевоспитывать! Чем крепче мы по ним ударим, тем будет лучше. Никита Сергеевич не очень мягко с ними разговаривал. Секретарь нашей партийной организации Мальцев выступал, точно с неба свалился: «У нас все хорошо, все благополучно!» – а это вовсе не так. Мой отец, замнаркома путей сообщения, погиб в 37-м году. Борьба с культом личности не должна превращаться в моду, а она у нас даже переходит в борьбу против советской власти. Советская власть была у нас даже в самые тяжелые времена. Нас воспитывали как нужно, и мы, «осколки культа», первыми пошли на войну. Я могу поклониться писателям, писавшим о гражданской войне, они много дали нашему поколению! (аплодисменты) Меня волнует военная тема в литературе. Прекрасные книги о войне написаны Симоновым, Соболевым, Казакевичем. Но сейчас появляются страшные вещи под видом того, что можно, наконец, «говорить правду о войне» – пишется о бессмысленных боях, о напрасных жертвах и прочие «вопли и сопли». Тот – трус, тот – дезертир, но кто же тогда выиграл войну? Немецкий генерал Гальдер на 14-й день войны написал в дневнике: «Я еще не видел такого мужества, как у русских, мы проиграли войну» (!)

Такая литература деморализует людей. У нас много говорят о консолидации – не оттуда ли пошло и сосуществование идеологий? Что нам консолидироваться – ведь мы все равны, у нас одна жизнь».

В. Тевекелян не согласен со Щипачевым и Мальцевым, что все у нас хорошо. «Почему Мальцев не признает вину в раздувании групповщины, выступая перед активом МПО? У нас сталкивали среднее и старшее поколение писателей с молодежью. Вы, Степан Петрович, перегнули палку, захваливая «молодых», и оказали им медвежью услугу. В вашей честности я не сомневаюсь, я сам уговаривал вас возглавить МПО, но оказывается, одной честности мало, чтобы быть хорошим политиком». Одобряет выступление Левченко. «Если кому-нибудь надо дать по зубам, то и следует это делать! Удивляет рассказ Солженицына «Матренин двор». Неужели за все годы советской власти не изменилась психология крестьянина? Не на таких произведениях надо воспитывать читателя. Еще о замалчивании – было! О маленькой книжке скандального характера 18–20 рецензий, ей создавалась слава, а о хороших книгах ничего не писалось».

В заключительном слове секретарь горкома Романов сказал: «Я пытался обобщить, за что критиковали МПО. Больше всего говорили о политическом воспитании и его недостатках. Так, Вознесенский на собрании в Кремле объявил себя преемником Маяковского и сказал: «Горжусь тем, что я – не коммунист». А Никита Сергеевич сказал: «А я всю жизнь коммунист и горжусь этим, а вы и ногтя Маяковского не стоите!» Появляются у нас такие «принцы» и думают, что они бог весть кто, а на деле они просто глупы и невоспитаны.

Некоторые здесь выступали с групповых позиций. Я не понимаю вашего спокойствия, Степан Петрович! Вашей организации предъявляют политические обвинения, а вы все сводите к отдельным моментам. А вас, Мальцев, буквально вытянули на трибуну, и вы утверждаете, что о вашей организации не упоминали в докладе. Да весь доклад был о МПО! Вы же ни одного живого слова не сказали (аплодисменты). Позорно! Правильно Сурков сказал. Что с человека с партийным билетом больше спросится. Сейчас готовится Пленум ЦК по идеологическим вопросам, очень серьезное мероприятие, какого давно уже у нас не было. Это будет проверка каждого коммуниста. Лучшая подготовка к пленуму – конкретные дела московских писателей, их произведения».

Егорычев: «Здесь у нас был откровенный разговор, но он должен остаться между нами. Не нужно давать лишнего материала для кривотолков по нашему адресу».

Было принято решение направить приветствие в ЦК: «У советских художников одна забота – идти вместе с партией. Должна проявляться боевая партийность, непримиримое отношение к чуждым идеям. Мы будем последовательны в этой борьбе. Призыв к мирному сосуществованию идеологий – призыв к капитуляции. Надо изжить вредные шатания… В основу произведений надо брать борьбу за все лучшее, передовое. Надо укреплять дружбу народов нашей страны. В работе МПО много существенных недостатков, главный – отсутствие воспитательной работы. Все силы литературы должны сплотиться для обшей борьбы. Нужно создавать правдивые реалистические произведения, проникнутые идеалами коммунизма»[5].

1960-е гг. характеризуются дальнейшим развитием интернациональной советской детской литературы. В мае 1967 г. на IV съезде писателей СССР в докладе С.В. Михалкова «Высокое назначение детской литературы» прозвучали вдохновенные слова о книгах, воспитывающих патриотизм, интернационализм, любовь к учебе и труду, уважение к старшим, заботу о младших. Останавливаясь на развитии литературных жанров, докладчик сказал: «Время меняет лицо жанров. И даже такого, казалось бы традиционного, как сказка. В самом деле, то, что представлялось невообразимо фантастичным ребенку не только прошлого века, но даже наших тридца-

тых годов, то уже выглядит банальной обыденностью для сегодняшнего маленького любителя сказок. Но и по сию пору остается мудрым пушкинский девиз: «Сказка – ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Верные этому девизу, дают уроки нашим добрым молодцам и молодицам сказочники новой формации, столь непохожие на знаменитую Арину Родионовну, – Николай Носов, Евгений Пермяк, Виктор Важдаев, Оксана Иваненко с Украины, Юлий Ванаг из Латвии, Рахиль Баумволь, Александр Волков, Виталий Губарев, Анатолий Митяев»[6].

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской детской литературы», опубликованном в газете «Правда» 8 марта 1969 г., констатировалось, что в стране создана высокохудожественная многонациональная литература для детей, активно способствующая коммунистическому воспитанию подрастающего поколения. От М. Горького и В. Маяковского эстафету подхватили лауреат Ленинской премии С. Маршак, лауреат Ленинской премии, доктор филологических наук, почетный доктор Оксфордского университета К. Чуковский, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, лауреат Государственных премий СССР, секретарь правления Союза писателей СССР, руководитель Московской писательской организации и Всесоюзного совета по детской литературе С. Михалков, лауреат Государственной премии СССР, секретарь правления Союза писателей РСФСР, президент Международной ассоциации деятелей культуры и искусства для детей при Союзе советских обществ дружбы А. Барто, лауреат Государственной премии Н. Носов. Не случайно детская литература была названа А. Горьким «великой державой», а иностранные гости называли Советский Союз «страной знаменитых детских писателей».

В числе испытанных мастеров детской и юношеской литературы были названы А. Кальма, Ю. Сотник, Л. Воронкова, В. Беляев, Е. Пермяк, Н. Кончаловская, А. Некрасов, С. Георгиевская, А. Шманкевич, Н. Томан, М. Ефетов, Е. Рысс, Б. Заходер, О. Высотская, Б. Могилевский, Е. Благинина, В. Важдаев, А. Волков, И. Рахтанов, А. Дорохов, В. Губарев, А. Кардашова, В. Жак.

Однако в публикациях указывалось, что спрос на детскую литературу удовлетворяется еще далеко не полностью. Недостаточно создается и выпускается высокоталантливых произведений о героическом пути советского народа, о Коммунистической партии, о комсомоле. Требует всемерного улучшения художественное и полиграфическое исполнение детских книг. Одной из важнейших задач является создание произведений о жизни и деятельности В.И. Ленина. Особое внимание следует уделять изданию литературы для дошкольного и младшего школьного возраста.

Для более глубокой разработки вопросов теории, истории и критики советской детской литературы ежемесячник Российской Федерации «Детская литература» был преобразован в орган Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР, Комитета по печати при Совете Министров СССР и Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. ЦК КПСС и Совет Министров постановили учредить с 1970 г. дополнительно к существующим премиям одну Ленинскую и одну Государственную премии СССР за особо выдающиеся и высокоидейные произведения литературы и искусства для детей. В 1969 г. Советом Министров РСФСР учреждена ежегодная Государственная премия РСФСР имени Н.К. Крупской[7].

7 апреля 1969 г. отмечалось 25-летие всесоюзной Недели детской книги. В связи с юбилеем ордена Трудового Красного Знамени были вручены издательствам «Молодая гвардия» и «Детская литература». 3,5 млрд книг выпущено за 50 лет Советской власти для детей. Каждый год примерно 100 издательств страны выпускают более 200 млн детских книг на 70 языках. Тиражи книг детских поэтов достигают уже у каждого астрономической цифры – от 65 до

80 млн экз. ...Можно поручиться, что в СССР нет ни одной детской книги, которая бы отравляла сознание ребенка человеконенавистническими представлениями, оскверняла бы его чистое и чуткое сердце дурными чувствами, призывала бы к стяжательству, возбуждала бы неприязнь к людям других народов, порождала бы жажду личной наживы и насилия над человеческой личностью. Советской детской литературе всегда было чуждо и ненавистно все, что тревожит педагогов, воспитателей, родителей на Западе и за океаном. Детская литература в СССР давно уже стала явлением совершенно особым в мировой литературе. Она признана одной из ярчайших и типических примет новой, социалистической эпохи. Главным образом дети веками получали для чтения либо примитивно развлекательные, либо лишь те, что составляли определенное исключение, привносимое творениями мировой литературы. В Советской стране после Октябрьской революции возникла большая и подлинно художественная детская литература как принципиально новое и замечательное явление, как неотъемлемая часть большой советской литературы[8].

Однако и в начале 1970-х гг. критическое литературоведение в СССР было развито слабо. Это в очередной раз отмечалось на пленуме Совета по детской и юношеской литературе Союза советских писателей в январе 1971 г., обсуждавшего вопрос о состоянии современной критики детской литературы. Выступавший писатель В. Николаев говорил о почти абсолютном замалчивании критикой произведений детской литературы и, в частности, им было сказано и о А.М. Волкове: «Свой сказочный мир создал старейший наш писатель Александр Мелентьевич Волков. Написал он и целую серию исторических повестей и романов для детей и юношества. Но критика упорно всего этого не замечает»[9].

Таким образом, дневниковые записи А.М. Волкова являются важным дополнительным источником для изучения развития советской литературы в 1950–70-е гг.

Библиографические ссылки и примечания

1. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 9. Л. 140–160.
2. Там же. Л. 206–210.
3. Там же. Кн. 11. Л. 46–47.
4. Литературная газета. 1958. 8 дек.
5. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 14. С. 12–38.
6. Михалков С.В. Великая детская держава // Комсомольская правда. 1967. 24 мая.
7. С детства – на всю жизнь // Литературная Россия. 1969. 11 апр.
8. Кассиль Л. С детства – на всю жизнь // Там же.
9. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 21. Л. 26.

Приложение 2

Из переписки А.М. Волкова с литературоведом и писателем Е.П. Брандисом[1]

Описывая первую встречу с Евгением Павловичем Брандисом, состоявшуюся 8 апреля 1964 г., А.М. Волков вспоминал: «Часа 2½ мы с ним беседовали (а также немного выпили под закуску из жареной рыбы нашего улова) очень интересно. Он – очень культурный человек, читал историю западной литературы (имеет звание доцента), но потерял работу в 1952 г. в период культа, и, чтобы не оставить Ленинград, занялся литературной деятельностью. Во время блокады потерял мать, самого вывезли в начале 1942 г.

Мы говорили о моих книгах, он удивлялся разнообразию жанров, говорил, что некоторые из них он видел, но не считал моими (Волковых-то много!). Я показывал ему переводы моих книг на другие языки и подарил «Скитания», «Самолеты на войне» (он занимается вопросами авиации) и «Путешественников». Он тоже привез мне свою книгу об Ив. Ефремове «Через горы времени», написанную им в сотрудничестве с В. Дмитревским.

Говорили о желательности выпустить однотомник Ж. Верна – «Проклятая тайна» и «Потерпевшие крушение на «Джонатане», но сделать это теперь нелегко. Брандис восхищался моим собранием романов Ж. Верна. «Джонатана» нет ни у кого в Москве (а у меня 2 экз.!), «Барсака» тоже нигде нет, он выписывал из Парижа... Говорили о его книге «Ж. Верн». Я указал ему на некоторые неточности, и он взял их себе на заметку на случай переиздания книги. Вообще, я доволен личным знакомством с Брандисом, хотя представлял себе его более солидным, более пожилым и авторитетным (ему 47 лет)»[2].

Письмо от 9 мая 1964 г.: «Дорогой Александр Мелентьевич! Извините меня великодушно за долгое молчание. Это вызвано экстраординарными обстоятельствами: куча мелких неотложных дел, накопившихся за последние два месяца, пока я доканчивал учпедгизовскую книгу, и... неожиданная придирчивая рецензия, которая потребовала срочного пересмотра всей будущей книги, чтобы она не вылетела из плана. Вчера вечером отправил последний пакет с исправлениями и допечатками измененных страниц и, прежде чем засесть за указатели (имен, названий и т.д.), спешу снять с души самые большие грехи. Сегодня должен написать 21 письмо. Это идет под № 1.

Личное знакомство с Вами и с Г.М. Кимом – самые яркие московские впечатления. Благодарю Вас за гостеприимство и за первомайские поздравления...

На днях на очередном заседании нашей ленинградской Комиссии научной фантастики и научно-художественной литературы О.Ф. Хузе (методист Дома детской книги) сделала сообщение о читаемости научно-художественных и популярных книг. Я.И. Перельман по-прежнему остается самым читаемым автором. За ним идут книги Н.М. Верзилина и Ваша «Земля и небо» – по общему признанию – одна из лучших книг в этом жанре за всю историю существования этого вида литературы.

В самые ближайшие дни вышлю Вам, как мы условились, «Жюля Верна» для издательства. Помните, мы говорили с Вами, что Вы предложите его, когда будете в издательстве, для перевода на французский язык? А вдруг они и в самом деле заинтересуются – ведь во Франции такой подробной монографии нет, да и освещение, как мне кажется, более научное, чем у них... Когда будет время, напишите – Ваши письма меня радуют. С дружескими чувствами и приветом милой хозяйке Вашего дома, накормившей меня вкуснейшей рыбой, Ваш Е. Брандис»[3].

В ответном письме от 27 мая 1964 г. А.М. Волков писал: «Дорогой Евгений Павлович! Вашу книгу в издательство «Прогресс» (бывшая «Иностранная литература») сдал. Я вел переговоры с главным редактором Владимиром Николаевичем Павловым, который согласился отдать Вашу работу на просмотр своим рецензентам. Теперь Вы можете связываться с ним непосредственно.

Передавая книгу, я сказал, что в ней есть некоторые недочеты и погрешности, которые будут автором (т.е. Вами) исправлены, если она будет принята к печати. А я, читая ее в последние дни, действительно, нашел в ней недочеты и один весьма серьезный. Удивляюсь, как он мог проскочить.

У Вас Жюль Верн летом 1905 года (стр. 100–101) принимал д'Амичиса, водил его по городу, показывал достопримечательности и т.д. Уже не говоря о том, что в последние годы жизни Ж. Верн был почти слеп и не мог ходить, он умер в марте 1905 года!!

Если преподнести такое французам, за это будут основательно греть! Нашел я и кое-что другое.

У Вас на стр. 132 говорится, что мощность электрических машин в прошлом веке измерялась карселями. Поскольку Вы сами пишете в примечании на стр. 324, что карсель – единица силы света, то я очень сомневаюсь, чтобы мощность можно было измерять карселями. Другое дело, что машина могла питать определенное количество лампочек. Во всяком случае, уточните этот вопрос с физиками.

Роман Буссенара, о котором у Вас идет речь на стр. 87, называется не «Горбун», а ласкательно «Горбунок». Под таким названием он был впервые напечатан в журнале «Вокруг света» в 1903 году (у меня он есть), а позднее вошел в сойкинское собрание сочинений…

Я и еще буду читать Вашу книгу и, если найду какие-нибудь грехи, то спуску Вам не дам! Я хочу, чтобы книга о нашем любимом писателе была безукоризненной… С товарищеским приветом, А. Волков»[4].

Письмо Е.П. Брандиса от 31 мая 1964 г.: «Благодарю Вас за письмо и критику «Жюля Верна», а также за то, что Вы передали книгу в «Прогресс». Ругаю себя за то, что после двух корректур проскочила досадная опечатка: 1905 вместо 1895, когда действительно Жюля Верна посетил Де Амичис. (Удивительно, что Вы первый заметили эту и другие отмеченные Вами ошибки!) В остальных ошибках я повинен больше – тут не отговоришься опечатками. Если бы дело дошло до французского перевода, разумеется, я их исправил бы (что не так трудно сделать). Но при всех замеченных Вами погрешностях (допускаю, что их еще больше и буду признателен за все указания), все же, берусь это утверждать, мой «Жюль Верн» – самая полная из имеющихся монографий, включая и все французские.

Вашего «Джордано Бруно», то бишь «Скитания», прочел с величайшим интересом и радостью за Вас. Книга была бы просто великолепной, если бы в последних главах, где действительно начинаются скитания, Вы не перешли на конспективное изложение. По материалу требовался второй том. По-видимому, Вы решили ограничиться молодыми годами Бруно, чтобы не усложнять изложение, ибо там, где пришлось бы говорить о его философских и научных трудах, потребовались бы разные оговорки и трудные для детей объяснения. Только не подумайте, ради бога, что во мне говорят какие-то специфические еврейско-националистические чувства. Я по природе своей интернационалист (по Ленину!) – и в этом смысле лишен всяких предрассудков.

Книга Ваша во многих отношениях великолепна, и я очень рад, что именно Вы ее написали. Как только будет просвет во времени, прочту другие Ваши романы, чтобы составить целостное

впечатление о Вашем творчестве. Ведь до сих пор, каюсь, знал Вас только как сказочника и автора научно-популярных книг, среди которых «Землю и небо» считаю настоящим шедевром.

Учпедгиз сдал мою книгу в производство. Обещают выпустить осенью. Сейчас переключился на «Марко Вовчок» – мое давнее стойкое увлечение. Должен написать для «Жизни замечательных людей», а потом на материале детства и юности – повесть для Детгиза (наполовину она сделана). С приветом и наилучшими пожеланиями, Е. Брандис»[5].

Письмо Е.П. Брандиса от 9 ноября 1964 г.: «Горизонт в отношении нашего с Вами совместного замысла начал проясняться. Дом детской книги обратился ко мне с просьбой посоветовать книги, которые стоило бы включить в новую подписку «Библиотеки приключений». Среди прочего я указал на возможность издания двух посмертных романов Ж. Верна в одном томе – «Секрет Вильгельма Шторица» и «Потерпевшие крушение на «Джонатане». Написал им и о готовых переводах – Вашем и В.И. Гинзбург. Как отнесутся они к этому, еще не знаю. Но было бы уместно повести артподготовку с Вашей стороны…

Написал за это время брошюру (вместе с Дмитриевским) «Мир будущего в научной фантастике» и продолжаю писать для «Жизни замечательных людей» книгу «Марко Вовчок». Прогнал гранки «От Эзопа до Джанни Родари». Обещали выпустить еще в этом году»[6].

Письмо Е.П. Брандиса от 22 ноября 1964 г.: «Составил заявку, вернее, рекомендацию для включения обоих романов Ж. Верна в «Юношескую библиотеку» Лениздата и завтра утром отнесу ее в издательство вместе с готовыми рукописями переводов.

Забыл сказать, что «Жюля Верна» мне вернули под тем предлогом, что «Международная книга» не берется обеспечить распространение»[7].

Письмо Е.П. Брандиса от 1 апреля 1965 г.: «Лениздат не оправдал наших ожиданий. Они вернули оба романа Ж. Верна, заявив, что они (романы) не имеют актуального значения и нет для издательства резона их печатать.

Посылаю Вам многострадальные воспоминания милого детства, пропущенные через литературоведческую мясорубку и именуемые «От Эзопа до Джанни Родари». Можно представить автору очень много упреков. Но при этом следует учитывать, что книга в таком роде – первая и главная ее цель чисто информационная, а не аналитическая. В общем, вопреки правилам, она не для литературоведов и «специалистов чистого профиля», а для рядовых читателей, т.е. для всех. Удалось это или нет, не знаю. Мне, конечно, судить трудно. Буду дожидаться откликов, если таковые воспоследуют»[8].

Письмо Е.П. Брандиса от 20 апреля 1969 г.: «Ваш подарок был мне вдвойне приятен по причине субъективной – «Царьградская пленница» прибыла в день моего рождения. Поздравляю Вас с выходом этой интересной и глубоко познавательной повести, читаю ее с большим удовольствием. Исторический колорит, дух эпохи, тончайший отбор лексических средств – все это, на мой непросвещенный взгляд, сделано с подлинным мастерством. И сюжет достаточно занимателен, чтобы держать юных читателей в напряжении.

Поражаюсь и восхищаюсь Вашей трудоспособностью. Вы – образец, достойный подражания! Вырезал из «Науки и жизни» Вашу интересную статью «Классики и арифметика». Когданибудь использую ее и сошлюсь на автора, если доживу до 3-го издания «Жюля Верна».

Хотелось бы увидеть собранной вместе и прочесть подряд Вашу многотомную сказочную эпопею. Мне думается, либо Детгиз, либо «Советская Россия» должны подарить ее читателям в полном виде. Космический сюжет украсит серию, приблизит ее к нашему времени.

Вышла моя многострадальная «Марко Вовчок»… Сейчас кончаю большую библиографическую работу – зарубежная фантастика XX века, отнявшая много сил и времени. Библиография –

моя страсть, но смог позволить себе эту роскошь только потому, что получил приличный гонорар за «Марко Вовчок». Ведь библиографический труд почти никак не оплачивается и только кретин (вроде меня) мог согласится на такой «подвиг». Зато благодарны будут любители научной фантастики, удалось разыскать несколько забытых книг и статей.

Теперь буду писать повесть о той же Марко Вовчок для Детгиза, после чего навсегда распрощаюсь с этой дамой. Впереди много замыслов, не знаю только, удастся ли их осуществить.

За последнее время опубликовал несколько статей: «Научная фантастика и моделирование мира будущего» («Нева», 1969, № 2), «Уэллс и научная фантастика» (сборник «О детской литературе», Л,, 1968, вып. 13), серия очерков «Забытые страницы Жюля Верна» («Мир приключений», М., 1968, вып. 14)... В печати еще две статьи – предисловие к сборнику зарубежной фантастики в издательстве «Мир» и статья, написанная совместно с В.И. Дмитревским «Учение Ленина и проблемы научно-фантастической литературы». Вот Вам полный отчет о моих «трудах и днях»[9].

Библиографические ссылки и примечания

1. Брандис Евгений Павлович, литературовед, писатель, автор произведений «Жюль Верн. Жизнь и творчество» (Л., 1963), «От Эзопа до Джанни Родари. Зарубежная литература в детском и юношеском чтении» (М., 1965), «Мир будущего в научной фантастике» (М., 1965, соавтор В. Дмитревский), «Зеркало тревог и сомнений. О современном состоянии и путях развития англо-американской научной фантастики» (М., 1967, соавтор В. Дмитревский), «Впередсмотрящий. Повесть о великом мечтателе» (М., 1976) и др.
2. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 14. Л. 156–158.
3. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 11. Апр.–дек. 1964 г.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. Т. 12. Янв.–нояб. 1965 г.
9. Там же. Т. 20. Март–май 1969 г.

Приложение 3

Из переписки А.М. Волкова с писателем Е.Н. Пермитиным

Письмо Е.Н. Пермитина от 14 ноября 1939 г.: «Мой добрый дорогой друг! Александр Мелентьевич! Спасибо за память обо мне и о семье моей. За мужество твое – спасибо! Несчастье мое – на многое мне, непроходимому оптимисту и романтику, открыло глаза. Хорошо ли это, не знаю. Сдается, с открытыми глазами жить будет труднее. Главное мое несчастье: я хорошо узнал людей и узнал их не с той стороны, с какой они представлялись мне до моей трагедии в жизни и в литературе – нет, а в той непроходимой пошлости, лживости и звериной жадности, которая ей-же-ей частенько заставляет меня согласиться с одним из определений человека Горьким, как «мерзкого мешка с кишками». Но не сетую, вынужденный перерыв в моей литературной деятельности сделал меня более чутким к чужим страданиям, заставил меня многое понять в жизни, в искусстве: не знаю, как бы без этого я мог расти как писатель. Как видишь, судьба заботится о своих избранных… Но достаточно о себе, прости мой всегдашний эгоцентризм.

Обидно, что «Воздухоплаватель» все еще не вышел. Не огорчайся: все приходит в свое время, для того, кто умеет ждать: будем ждать сорокового года. Я шесть лет работал над «Любовью», два года ждал выхода книги в свет, а по выходе – по выходе сам был лишен света: превратности судьбы. Но вспомни пути многих русских литераторов и не сетуй на юдоль выпавшую. Тюрьма еще больше сделала меня советским писателем.

Хорошо, что хоть ты среди наших милых мальчиков. Хочу верить, что ты до некоторой степени и моим крошкам заменишь меня. Да, дети наши становятся взрослыми, и обидно, что в этот ответственный переломный момент меня нет с ними. Но помоги им словом и лаской ты. О себе: работаю, думаю. Верю, что трудами докажу Коммунистической партии и советской власти свою любовь и преданность. Несчастье мое углубило, но не озлобило меня: его я воспринимаю как несчастье и только. Энергию мою, мое стремление к благу, к добру миллионов трудящихся ты знаешь, думаю, что это – верный залог и конца личных моих страданий. Буду работать. Сердечнейший привет Калерии Александровне и мальчикам. Целую крепко. Ваш Пермитин»[1].

Письмо Е.Н. Пермитина от 9 мая 1940 г.: «Мой дорогой Александр Мелентьевич! Спасибо за «Чудесный шар» и за письмо. И то, и другое для меня – большая радость. Книгу я уже прочел почти до середины. О достоинствах и недостатках ее мы так много говорили в свое время, что повторяться сейчас не стоит. Время не изменило моего взгляда: ты ведь знаешь, как строго я относился всегда к художественному произведению. Теперь же я особенно стал требовательным и к себе, и к другим. Все написанное мною мне не нравится не со стороны содержания, а по силе выражения и по форме. Нужно и должно делать ярче, впечатляемей, строже. В тюрьме я прочел шедевры мировой и русской литературы – это и повысило мои требования к самому себе и моим современникам. Никому, в том числе и себе, и тебе не могу делать скидки. Художественное произведение – книга, музыка, статуя – должно быть совершенно. Иначе как можно восторгаться!? Вообрази Венеру Милосскую с кривыми пальцами на ногах… Так что ты пойми меня, родной мой, и не обижайся на меня. Я знаю, что такое «первенец», пережил эту радость и не хотел бы омрачать ее тебе, но «Чудесный шар» – добросовестное открытие со стороны «исторических деталей», «запахов эпохи» и т.д. Это тоже его большое неоспоримое достоинство. Ряд персонажей намечен неплохо: Марков, комендант Рукавицын – это тоже очень, очень хорошо. В работе автора над ними не чувствуется усилий: они набросаны метко, они за-

поминаются, а это так важно. О недостатках не пишу, ты их, наверное, и сам теперь очень хорошо видишь, ведь прошло достаточно времени и ты за это время, бесспорно, вырос. Но говорю тебе искренне: я радуюсь твоему первенцу, счастлив, что он, наконец, увидел свет. Внешне книга выглядит неплохо, напрасно ты недоволен художником. Одним словом, друг мой, начало у тебя неплохое – работай дальше не на количество написанных повестей, не на их «толщину», а на качество. И верь мне, не общие фразы пишу я тебе, ведь я знаю многих моих сверстников: их погубило количество написанных книг и их толщина. Я бы мог тебе назвать десятки фамилий, начиная от Леонида Леонова[2] и Гладкова[3], кончая сибирским – Афанасием Коптеловым[4]. Не спеши, вынашивай замысел дальше, «пиши сердцем»: это дойдет и останется. Для этого нужна большая творческая взволнованность, а это не накатывает ежедневно: в этом я убежден твердо. Под подчеркнутым мною «это» я понимаю то подлинное, образцы чего нам оставили Толстые, Достоевские, Гоголи, Бальзаки… Перечти их. Передумай и перечувствуй, и даже у них, как масло от воды, отделяются страницы, написанные «головой» и «сердцем» – поэтическим сердцем… (под этим полагаю целый комплекс душевных чувств). Прости, родной, что я пишу тебе все это. Очевидно, я так натосковался по литературе, что рад первому случаю говорить о ней. Верь же мне, что я очень хочу твоего дальнейшего роста.

Милую тетю Калю поздравляю с мужем-писателем: не особо важное это кушанье: моя жена это хорошо знает. Но что же поделаешь, надо мириться и с этим горем, как говорится, бывает и хуже. Крепко жму ее добрую, сильную руку. Отсюда, из Павлодара вижу ее умную, снисходительную улыбку: «Дескать, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало». Но я уверен, что ты скоро, скоро заставишь ее поверить в себя всерьез: у тебя много душевного напора, энергии, а это очень важно.

Целую милого славного Адика, несравненного моего корреспондента. Если бы вы знали, как он умилил меня своим письмом. Не отвечать ему, а поехать бы на Наставнический, взметнуть его к потолку и поцеловать его в милые, славные губки захотелось мне. Виве – взрослому и серьезному – привет. Счастлив, что они дружат, как и их отцы, со своими земляками. Радуюсь тебе, что ты их видишь, вдыхаешь аромат их душ… Грущу по Москве, по подмосковным местам, вижу вашу дачу. Ну, родной мой, дорогой друг, целую тебя крепко-крепко, твой Е. Пермитин. (Приписки сбоку: «Мой дорогой друг, нелицеприятность в суждении об искусстве – самое, самое важное. «Чудесный шар» – интереснее многих книг, выпущенных Детиздатом – это его большое достоинство»; на другом листе: «Не поленись – напиши, кто, где и что написал о «Чудесном шаре». Его успех – твой успех – я восприму как большую личную радость: на свое мне уже нет возможности радоваться, а «Чудесный шар» мне так же близок, как милый приемный сын»; на следующем листе: «О себе не пишу, не интересно, да и нечего: я не живу, а существую. Для меня жить – это творить, а творить в моей обстановке трудно»)[5].

Письмо Е.Н. Пермитина от 19 ноября 1940 г.: «Очень радуюсь, что ты много и плодотворно работаешь, что затеял новый роман и «пестуешь» его. Тяжелое и сладостное это дело. В свое время и я растил одно за другим своих детишек – кривые, корявые – они казались мне прекрасными, единственными в своем роде. Возможно, что без подобных «заблуждений» невозможно и творчество, и важно только любить посаженное зерно всей душой… Я любил и младенчески чисто отдавался святому делу. Верю, что и ты живешь и трудишься не ради суетных и корыстных целей. С большой радостью пощупал бы я твое детище со всех сторон. Боюсь только, что притупился и глаз мой, и чутье. Три года вне литературы – большой срок. Я – спортсмен и знаю, что значит «выйти из формы». Моя теперешняя деятельность так же далека от литературы, как Павлодар от Москвы. Из писателей я ведь ни с кем не переписываюсь, кроме тебя… Я очень

взволнован болезнью Анастасии Ивановны, слабым здоровьем Юрика и неуспеваемостью Игоречка. От дум – седина пробивается, похудел очень (это ты, конечно, не скажешь нашим). Что делаю я? Работаю за свои 225 р. – 8 часов, не разгибая спины. После – готовлю себе незатейливое едово, после – читаю при свете коптилки, после – отдыхаю в холодной кровати, встаю – и по привычке больше сажусь за рукопись – перелистываю, исправляю, кое-что вписываю заново. И так всю неделю. А в воскресенье – до смертной усталости промышляю мясо. Теперь хожу за зайцами. Позавчера принес 4 и сегодня еще болят ноги от ноши. Вот моя жизнь»[6].

Письмо Е.Н. Пермитина от 29 декабря 1940 г.: «Только что по радио услышал в программе передач на сегодня – радио-композиция «Чудесный шар» – от души поздравляю. Радуюсь твоим успехам. Быть поставленным на сцене, звучать в эфире – это высшая награда. Очень хорошо и то, что «Волшебник Изумрудного города» выходит в школьной серии в таком большом тираже. Это сразу же даст большой читательский резонанс. Работать при таких успехах легко и радостно. Искренне, искренне радуюсь за тебя, мой друг.

...Умилила меня твоя помощница К.А., как я отчетливо вижу ее голову, склоненную над рукописью мужа! Поцелуй ее за меня. Это значит – она твердо поверила в тебя, а это так много, когда близкие люди подпирают нас своим плечом. О себе писать нечего. Главное – я здоров. Частые, еженедельные (не взирая на погоду) прогулки по 35-40 км. в погоне за куском мяса укрепили мои нервы, здоровье»[7].

Письмо Е.Н. Пермитина от 4 февраля 1941 г.: «Дорогой друг! Горячо и сердечно поздравляю тебя. Желаю с честью нести славное звание советского писателя. Честно и гордо. Я так понимаю твою радость, так ярко представил себе тебя вернувшегося домой ночью после заседания президиума, на котором тебя приняли в ряды Союза. Так читаю, что творилось в твоей душе. Еще раз поздравляю и желаю большой и радостной работы на почетнейшем поприще.

Излишне говорить тебе сейчас о трудностях этого пути, если идти по нему без покровителей и покровительниц, идти честно и гордо. На своей шкуре я прочувствовал это. И не желаю тебе испытаний, выпавших на мою долю. Я, тем не менее, снова и снова, скажу тебе: бери большой любовью, огромным трудом и честностью. Время не обманешь призрачным минутным успехом. Ты знаешь, как преуспевали в разные эпохи дутые мыльные пузыри литературы и как бесследно лопались они под давлением Леты. Только талант, труд и огромная фанатическая бескорыстная любовь к литературе Достоевских, Пушкиных, Короленко, Горьких выковала этих титанов. Следуй честным традициям русской литературы. Без тошноты я не могу думать о легионе около-литературной сволочи, пролезающих в литературу через заднее крыльцо, по телефонным звонкам и письмам: мерзко и гадко. Работай и дальше честно. Я уже телеграфировал К.А. о том, чтобы она высылала рукопись «Робинзонов». Я вырву время и внимательно просмотрю ее. Просмотрю, продумаю и напишу. Прямо и честно, как я всегда говорю о литературе – что она стоит и что, и как с нею нужно сделать»[8].

Письмо Е.Н. Пермитина от 18 февраля 1941 г.: «Сегодня, два часа тому назад, получил твое заказное письмо и рукопись «Алтайские робинзоны». В получасовой обеденный перерыв – не утерпел и начал читать (по старой привычке – с карандашом). ...Ночью, после вечерней служебной работы (сейчас мы работаем и вечерами – готовим отчет о зимних сессиях, рассылаем контрольные задания на II полугодие), я начну читать уже не с оглядкой и украдкой, а читать по-настоящему. Думаю, что ночи в 2–3 прочту. Тогда и напишу тебе свое впечатление от книги.

Сейчас я работаю над романом «Друзья». Книгу эту, начатую писать у Вас на даче, я наново переделываю. Написал уже ряд совершенно новых глав. ...Всю идею книги я поднимаю до апо-

феоза дружбе, до большой темы о советском патриотизме. Сами понимаете, что сделать все это – почтенная задача и работа большая. Но пишу я редко и мало. Восьмичасовой рабочий день утомляет меня. Мелкие заботы о куске насущном, об обеде, порою о стирке белья – тоже пожирают уйму времени. Вот почему работа движется медленно. Но некоторыми страницами книги я как будто доволен, хотя не уверен, что не переделаю их еще не раз. Выросла большая требовательность к себе за это время: много прочел в тюрьме хороших книг, многое передумал»[9].

Письмо Е.Н. Пермитина от 21 апреля 1941 г.: «Ты будешь удивлен этим моим письмом, но, прочтя его, думаю, что поймешь меня, глубоко продумаешь мое предложение и честно напишешь. Свой ответ на мое предложение – тебе, лично тебе. Слушай, я предлагаю тебе взять меня в секретари. Работу в педучилище я кончу, дирекция согласится на мой уход из заочного сектора. И буду работать над твоими рукописями, над твоими замыслами детских, юношеских-приключенческих книг. Ты их будешь печатать за твоей, конечно, подписью. Сам я вложу в эту работу всего себя, как я вообще делаю это на всякой работе, за которую берусь. На мысль эту меня натолкнула твоя необычайная плодовитость – это первое. Второе – необходимость не случайной, а регулярной и серьезной помощи тебе в твоей работе. «Токарь» у тебя в трех частях, «Алтайские робинзоны» тоже большая вещь, «Воздухоплаватель» тоже не мал, наверное, задумал уже что-нибудь новое. И все за такой короткий срок.

Работать же над ними с наскоку, бегло, править даже так, как я правил «Воздухоплавателя», я сейчас не имею физической возможности. Здоровье свое я сильно подорвал за эти годы. И 8-часовой служебный день меня так утомляет, что вечерами мне очень трудно и воспринимать и творчески мыслить. Мне нужно есть – т.е. заработать на хлеб. Ни слава, ни большие гонорары мне сейчас недоступны, да и не нужны. Я устал, но я хочу иметь дело с любимым, безгранично любимым делом. Ведь работали жена Дюма, на Бальзака – секретари, помогая им, чем они могли помочь. Я не льщу тебе, приводя эти примеры, но если я и ты спряжемся вместе – польза для советской юношеской литературы будет. А это – самое главное. Работали на пару Ильф и Петров… Мое положение заставляет меня несколько изменить условия соавторства. Итак, я хочу есть и я хочу работать над любимым делом. Дела нам хватит. Ты приедешь на лето ко мне и мы продумаем ряд сюжетов приключенческих книг. Сюжетов и у меня сколько угодно. Об этом ты можешь судить по «Когтям» и «Друзьям».

Материал у нас с тобой один – Алтай. Оба знаем Алтай. Книги должны пахнуть медом, цветами, травами. Мне кажется, этого можно достичь. Историческая тематика – и мне мила. Я люблю старую Русь, чувствую ее, думаю, что органически могу проникнуть в эту эпоху. Но не буду хвалить себя. Продумай все хорошо.

Теперь сторона юридическая: ты – автор, я – твой секретарь, технический, если угодно. Я согласен на все. Ты имеешь право иметь секретаря, которому ты доверяешь. Я – ссыльный, но ведь книги твои, твоя идеологическая и художественная установка. Я же помогаю тебе подбирать материал, систематизировать его по твоим установкам и т.п.

Я мог бы предложить тебе и соавторство, но ведь мне нечего будет есть, покуда мы закончим книгу и сдадим ее в печать – это первое, второе – вопрос с фамилией. Вопрос с вознаграждением реши сам. Но ведь хорошо сделанная книга при первом же переиздании окупит двухгодичный заработок секретаря.

Нужно ли делать из этого секрет? Думаю, что нет. Ты имеешь право, как это делает целый ряд писателей и драматургов, иметь секретаря. Я, как всякий гражданин, не лишенный ни права голоса, ни права на труд, могу предложить тебе свой технический труд над твоими книгами. Вот и все, что я хотел тебе написать. Отвечай немедля свое мнения, а если согласен – ус-

ловия. Я, с моими больными нервами, буду в выигрыше уже от того, что не буду иметь дела со службой, администрацией и т.д. Ты будешь иметь преданного литератора, грамотного секретаря»[10].

Письмо Е.Н. Пермитина от 24 апреля 1941 г.: «Бесконечно признателен Вам за Вашу посылку. Все так необычно для Павлодара: и колбаса, и сало, и сушки, всего так много и так кстати. Сегодня я ухожу с работы из педучилища, где проработал 16 месяцев: нельзя дальше жить на ставку, не обеспечивающую даже самый скромный прожиточный минимум. Самого, а ведь у меня семья.

Эти дни, остатки охотничьего сезона, думаю поохотиться – отдохнуть от страшной душевной и физической усталости. Отдохнуть, а если удастся и заработать на убитых утках, хотя бы на месяц скромного прожитка.

В декабре «Токаря» читаю ночами, после того, как голова немного посвежеет после дневной нагрузки. Многое – нравится, многое – длинно и скучно. Есть очень хорошие места: их я отмечаю с радостью – как свою удачу. Это место, где идет рассказ о слоне – «Спереди хвост и сзади хвост…» Это прекрасно. И там, где Петр сам берется за носилки – тоже превосходно. Может быть, самое действие нужно было выписать скульптурней. Но в одном месте глаза Петра сверкают очень, очень хорошо. Такие места – настоящие, по ним и нужно равняться»[11].

Письмо А.М. Волкова от 28 апреля 1941 г.: «Милый друг Ефим! Получил твое письмо и целых два дня над ним усиленно думал (вернее, думали мы вместе с К.А.). К сожалению, я должен отклонить твой проект по многим соображениям. На первый взгляд, он, правда, показался мне замечательным (кстати, очевидно, казался и тебе, когда ты писал свое письмо), но потом я нашел в нем много изъянов, о чем тебе откровенно пишу.

Первое и самое главное, слишком ты, друг мой, крупная величина в писательском мире, чтобы быть секретарем. Этому же никто не поверит. Будь я у тебя секретарем (я пишу без ложной скромности), дело было бы нормально, но ты у меня… «Злые языки страшнее пистолета», – сказал еще Грибоедов, и увы! – их много и до сих пор. Я знаю одного человека, который начнет распространять такие слухи: «Волков эксплуатирует Пермитина, пользуясь его безвыходным положением, он издает его произведения, выдавая их за свои!» Славы на этом деле не наживешь, а заработаешь судебный процесс… А когда мне будет плохо, это отразится немедленно и на тебе, т.к. ведь тогда с твоим «секретарством» будет покончено. Я ведь заглядываю вперед и беспокоюсь не только о себе, но и о тебе.

Я уже писал тебе, что намерен, по силе возможности, поддерживать тебя и твою семью, не требуя за это никаких возмещений. Моя цель – ты должен быть сохранен для советской литературы, поэтому и не надо рискованных комбинаций, хотя бы и имеющих внешне законный вид.

А потому, милый друг, надо еще потерпеть… Я понимаю твое тяжелое положение, но что ж поделаешь, если намеченный тобой выход не спасет тебя…

Другая сторона дела. Я ведь не обладаю «мощными финансами», как уже писал тебе. Зиму мы перебивались и сейчас только избавились от долгов, а ресурсов никаких нет. Зарабатываю я литературой 1000–1200 р. в месяц, т.к. с печатанием дела обстоят трудно. Такому секретарю, как ты, у меня совесть не позволила бы предложить меньше 600–700 р. в месяц, а взять их негде. Сорвать тебя с места, а потом оказаться перед тобой банкротом – на это я никогда не пойду, ты ведь достаточно знаешь меня. Что я хотел бы от тебя? Только воспользоваться твоей опытностью, получить от тебя указания и советы, наконец, редакторскую правку, какую производил Горький, над поступавшими к нему рукописями, и которая не роняет ни того, кто правит, ни

того, чья рукопись подвергается правке.

И за такую работу я намерен тебя компенсировать, т.к. знаю твое тяжелое положение и, надеюсь, что ты без ложного сомнения, это примешь, потом сочтемся!

Надо тебе сказать, что с литературными заработками очень и очень туго. Редактор «Токаря» Наумова опасно заболела (обострение туберкулеза) и на несколько месяцев выбыла из строя (а боюсь, может быть, и навсегда), а она продвигала книгу. Без нее дело станет.

Есть другие мелочишки, но они много не дадут. Сейчас срочно пишу небольшую книжку «Математика в военном деле», не знаю, как она мне удастся.

В общем-то я не падаю духом, дело направится, в этом я уверен, а тогда смогу помочь и тебе. Не обижайся на мое письмо, ведь мы с К.А. желаем тебе добра и много-много говорим о тебе каждый день!

Что же касается редактирования, если что сможешь сделать – помоги! Знаю, что тебе трудно, но выхода-то сейчас нет. Думаю, через год будет гораздо легче… «Токарь», надеюсь, не требует большой редакторской правки, над «Робинзонами» надо, конечно, посидеть побольше. Но если они выйдут в свет (а они должны выйти!), конечно, все твои труды будут компенсированы.

В первую очередь, я, конечно, жду твоих замечаний и советов по «Токарю», а над «Робинзонами» ты можешь работать не спеша, когда у тебя будет время и подходящее настроение.

Итак, будь здоров! Не впадай в отчаяние, тяжелое время пройдет. Материально – как только у меня улучшатся делишки – помогу! Морально – наше сочувствие и любовь всегда с тобой. Летом, если сумею вырваться – приеду. Крепко тебя обнимаю, от всех привет. Твой Волков»[12].

Последнее письмо Е.Н. Пермитина от 16 января 1945 г. с цензурным штампом: «Мой дорогой Ал. Мел.! Не дождусь часа, чтоб обнять тебя. Ты, только ты вытащил Юрика. Ты, только ты сможешь оказать помощь и мне. Юра – ребенок и многого не может в силу неопытности, незнания людей. Из телеграфного вызова Гослитиздата ничего не получается. Нужен письменный вызов с серьезной мотивировкой за печатью и с согласованием вызова в НКВД или НКГБ и с подписью начальника Московской областной милиции. Сделать же это Юрочка, очевидно, не сможет. Докучать же Чагину, хорошему человеку – стыдно. Да и устал он, наверное, от того, что вызов они начали не с того конца. Для Детиздата я имею новый роман «Мстители». Роман в 2 частях (1-я – ребята в гражд. войне; 2-я – они же взрослые в Великой Отеч.). Роман, думаю, будет достойный. Если бы ты при помощи Агнии Львовны и Виктора Борисовича Шкловского попробовали организовать письменный вызов через Детиздат и НКВД (эта последняя организация должна заверить вызов Детиздата и дать согласие на въезд в Москву). Ты – опытен, настойчив, авторитетен – ты можешь. За все, за все твои неоценимые услуги и помощь в жизни моей я отплачу всем, чем смогу. Сердечный привет Калерии Александровне от меня и Тасеньки. А может быть, в вызов Детиздата можно вписать и ее, как иждивенца, но это уже решите отдельно. Важно иметь настоящий вызов мне, а ее я уж как-нибудь достану сам. Напиши, как выглядит Юрочка. Он серьезно болен. И это нас убивает. А тут еще и хлопоты и беготня, и невроз в связи с вызовом меня. Вызов с санкцией НКВД или НКГБ Союза нужно составить в 2 экземплярах. Один отправить в Павлодар, облуправление, тов. Перевозчикову, другой – в Иртышск, мне. И тогда бы я очень скоро смог бы обнять тебя. Планов творческих у меня много, но осуществлять их здесь нельзя – нет ни книг, ни бумаги. Юрочка писал, что участие в моем вызове принимали Чагин, Шолохов и Соболев[13]. Если бы ты, запасшись напечатанным в 2 экземплярах Детиздата или Гослитиздата (Чагин тоже не откажет) съездил бы с ними лично к Мих. Алекс. Шолохову и вручил их ему, попросив при случае дать на подпись отв. лицу из Союза по НКВД или НКГБ. Начальник же областной милиции в подписи не откажет, т.к. площадь у меня в

Москве есть. Умоляю тебя сделать это. Не писал тебе так долго потому, что все думал: вот-вот увижу тебя живого – теплого в домашнем кругу за дружеским столом. Измучились мы окончательно, и измучились, и разорились: все продали за бесценок – овощи, топливо, корову. Деньги прошли, а мы все тут же. Я никак не думал, что дело с отъездом задержится. Устал от треволнений и нужды. Изболелся за Юру, за Игоречка, за Тасеньку. Ей необходима Москва и серьезное лечение. Здесь же она умрет. И подумай – каково мне...»[14]

Из дневника А.М. Волкова о последнем свидании с Е.Н. Пермитиным: «...Ефим заболел еще летом прошлого [1970] года, и, хотя позднее он пролежал в Кремлевской больнице 4 месяца, болезнь не определили, а это был рак желудка, и он прогрессировал. Ефим потерял килограммов 12 веса, выписали его около Нового года, и он лежит дома, слабеет, совершенно потерял аппетит. И вот я пришел к старому другу, которого знаю больше 60 лет, с которым наши пути то сходились, то расходились, и с 1945 года мы оба живем в Москве, много раз вместе рыбачили в Усолье... Он лежал в кабинете, где горел только ночник, и было полутемно. Да, очень изменился Ефим, этот жизнелюб, здоровяк, рыбак и охотник, неутомимый землепроходец! Бледный, исхудавший, с полузакрытыми глазами... И вот начался трудный разговор. Я, как мог, старался ободрить его, подавал надежду на скорое выздоровление, звал вместе ехать на рыбалку... Как тяжело говорить с обреченным человеком... Немного я рассказал о себе, с большой похвалой отозвался о его последней книге «Поэма о лесах», и он подарил мне ее в издании «Роман-газеты», сделал надпись. Ефим говорил о новых изданиях своей трилогии об Алексее Рокотове, о «лауреатском», особо шикарном, о выходе трилогии в новом издательстве «Наш современник»...

С большой горечью он вспоминал об аресте и годах ссылки, которые так много отняли у него. «Если бы разрешили описать все то, что было, это получилась бы мировая книга, но ведь не дадут...» – сказал Ефим. Повесть Солженицына он назвал детским лепетом. Когда я увидел, что разговор утомил Ефима, я с ним распрощался, пожелав ему скорого выздоровления... Как все это грустно! Человек был полон сил, творческих замыслов, и вот подкрался неуловимый враг, и все пошло прахом... И какой горькой иронией судьбы выглядит эта премия лауреата, полученная на пороге смерти...»[15]

18 апреля 1971 г. умер Е.Н. Пермитин. В дневнике от 22 апреля 1971 г. А.М. Волков писал: «Грустный день, грустные дела... Сегодня хоронили Ефима Пермитина. Уходят спутники, с которыми шагал по дороге жизни много-много лет... Траурный митинг состоялся в Центральном доме литераторов. Мне не удалось сказать слово об Ефиме – выступали «представители», то же самое было и на Новодевичьем кладбище. Погода была ужасная, холодный ветер, дождь, крупа... И вот все кончено, могильный холм прикрыт грудой венков. Юра пригласил меня на поминки. Народа там было много. Анастасия Ивановна в отчаянии, она горько рыдала: «Вот все вернулись, все приехали, а его нет...» Проклятая болезнь унесла его в расцвете сил и творческих возможностей... Думал ли я когда-нибудь, что мне придется хоронить его? Невыразимо грустно. И не только потому, что он очень помог мне во время моих первых шагов в литературе, а и потому, что рвутся связи, соединяющие меня с прошлым. Ведь он знал Петю, был его школьным товарищем, другом. Все меньше и меньше остается сверстников моих»[16].

В январе 1972 г. состоялось первое заседание Комиссии по литературному наследию Е.Н. Пермитина под председательством секретаря правления Союза писателей РСФСР В. Липатова. Комиссия приняла решение о мерах по пропаганде творчества Е.Н. Пермитина, изданию его произведений, книг воспоминаний о нем, архивных материалов, связанных с жиз-

нью и творчеством писателя. В ближайшее время планируется выход трилогии Е.Н. Пермитина – «Раннее утро», «Первая любовь», «Поэма о лесах», удостоенная в 1970 г. Государственной премии РСФСР им. М. Горького. В Усть-Каменогорске и Новосибирске в честь Е.Н. Пермитина названы улицы и установлены мемориальные доски. Решено ходатайствовать о присвоении имени Пермитина одному из сибирских заповедников.

Библиографические ссылки и примечания

1. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1. 1921–1940 гг.
2. Леонов Л.М., советский писатель, автор произведений «Барсуки» (1924), «Соть» (1930), «Дорога на океан» (1935), «Русский лес» (1953) и др.
3. Гладков Ф.В. (1883–1958), советский писатель, автор произведений «Цемент» (1925), «Энергия» (1938), «Клятва» (1944), «Повести о детстве» (1949) и др.
4. Коптелов А.Л. (1903–1990), автор трилогии «Большой зачин» (1963), «Возгорится пламя» (1966–1969), «Точка опоры» (1973–1977) и др.
5. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 1.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. Т. 2. 1941–1946 гг.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Соболев Л.С. (1898–1971), советский писатель, автор произведений «Капитальный ремонт» (1932), «Морская душа» (1942) и др.
14. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 2.
15. Там же. Дневник. Кн. 21. Л. 54–58.
16. Там же. Л. 82, 86.

Приложение 4

Из переписки А.М. Волкова с составителем словаря «Русских личных имен» Н.А. Петровским[1]

Из письма Н.А. Петровского от 26 февраля 1964 г. из Усть-Каменогорска: «Друже Саша! Давно я собираюсь тебе написать, но с этой правкой моего словаря столько работы, что я свою переписку с друзьями совсем запустил. Но сейчас решил оторваться от своей бесконечной работы.

Вчера я виделся с корреспондентом Розановым и мы долго разговаривали о тебе. Он очень интересуется твоей особой как детским писателем и как уроженцем Восточного Казахстана. Между прочим, он мне давно уже сказал, что ты как детский писатель пользуешься фавором. Так вот он решил познакомить восточноказахстанцев с твоей особой. Дело в том, что он как член Восточно-Казахстанского музея решил, что в этом музее должны быть все твои произведения, чтобы посетители музея могли познакомиться с твоим творчеством. Также хочет сделать телепередачу о твоем творчестве. Я очень рад, что ты все лезешь в гору»[2].

После смерти Н.А. Петровского в 1968 г. вопросом определения его наследия занимались А.М. Волков и Л.В. Успенский. В одном из писем последний писал: «Многоуважаемый Александр Мелентьевич! Начну с того, что Вашей открытки с извещением о кончине Никандра Александровича я, к сожалению, не получал. То, что Вы, невзирая на мое молчание, поставили мою подпись на обоих некрологах, прекрасно, и я Вам за это очень признателен: я высоко ценил Никандра Александровича и всячески старался помочь ему…

Я не знаю состава всего архива Н.А. Петровского. Он писал мне только о материалах для словаря фамилий. Он даже, как я уже Вам сообщал, прислал мне две, как говорят лексикографы, «буквы» – два рукописных перечня собранных фамилий на буквы «А» и «В»… Я начал с критического просмотра этих списков (в двух буквах ни много ни мало, а тысяч пять, если не больше), с сердитых поправок и протестов, но увлекся, стал сам искать верных этимологий, перепечатал с такими этимологиями (часто – тоже гадательными) почти половину «Списка», и прямо скажу, наткнулся на великое множество закономерностей и неожиданных явлений, никогда и никем не наблюденных и неописанных.

По материалам только двух этих букв можно было бы уже написать весьма любопытное исследование, а если изучить все буквы, то я представляю себе, сколько там удивительных явлений и опровергающих многие наши представления о «слове» и «имени» парадоксов…

Почему Альбер Доза давно уже выпустил отличный справочник по французским фамилиям, а из нас никто не может? Да, я бы сказал, что если, по беглому расчету, в двух буквах у Петровского собрано около 5 тысяч фамилий, то в наших значимых 29 их наберется у него же не меньше тысяч 40–50. Допустим, что из этой гигантской груды придется отчистить половину (50 %) плевел. Но даже оставшиеся 20–25 тысяч слов дадут книжку не менее солидную, чем «Словарь французских фамилий» А. Доза, и ее автору честь и место будет обеспечено в Далевских масштабах.

Мне до боли жалко, если этот огромный ворох неочищенного зерна даст возможность основательно доказать следующее положение: немалое число фамилий образовано от основ, не учтенных и не зарегистрированных в наших словарях, как общих, так и диалектических.

В то же время из фамилий, зная их характерные суффиксы, легко выделить эти, якобы несуществовавшие, основы. Так как они во всем подобны правильно построенным вариантам хоро-

шо известных нам слов, мы вправе предположить, что они и на самом деле существовали, но слишком короткое время, либо в слишком узком говоре – говоре села, деревни, починка. Вполне возможно, что лексикографы не смогли в свое время зафиксировать их в своих записях.

Мы можем вполне основательно (разумеется, не на слух, а после существенного лингвистического анализа и сличения) реконструировать эти тоже возможно и несуществующие реально слова и ввести их в общерусские лексические фонды»[3].

Библиографические ссылки и примечания

1. Петровский Никандр Александрович (1891–1968), педагог, врач, лексиколог. В 1930-е гг. он окончил литературно-лингвистическое отделение Ярославского государственного педагогического института, учился у известного слависта А.М. Селищева. В 1940 г. он окончил Ташкентский медицинский институт. Много лет отдал работе над словарем русских личных имен, собрал более 40 тысяч имен и фамилий (некоторые старинные имена находил для Н.А. Петровского и А.М. Волков). Его работой заинтересовались более 20 кафедр русского языка педагогических вузов страны, а также Болгарии, Польши и Югославии. В 1967 г. вышел в свет его «Словарь русских личных имен». После смерти Н.А. Петровского (08.01.1968) архив и его картотека были переданы на хранение в библиотеку Тираспольского педагогического института в 1968 г. и была создана комиссия из преподавателей этого института для определения дальнейшей судьбы его литературного наследия. О судьбе этого наследия были сделаны запросы в Тираспольский горком партии Л.В. Успенским и А.М. Волковым. Были предложены варианты хранения архива в Академии наук и в МГУ.
2. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 10. Дек. 1963 г. – апр. 1964 г.
3. Там же. Т. 17. Февр.–март 1968 г.

Приложение 5

Томские адресаты А.М. Волкова

Из письма доктора биологических наук, профессора Томского государственного педагогического университета Н.Ф. Тюменцева[1] от 28 октября 1968 г. : «Дорогой Александр Мелентьевич! Не знаю, догодался ли редактор томской молодежной газеты послать номер с Вашей статьей, но в таком случае не будет лишним еще один. Уж очень долго они собирались. После напряженных летних трудов – практик, экспедиций, конференций – я осел на зиму в городе. Начинаю сезон с отпуска. Начало его пробыл в Нарыме, в первых числах ноября собираюсь в Европу.

Ваша статья в институтской газете была тепло встречена общественностью. Вы попали в список выдающихся воспитанников нашего учебного заведения. Двух писателей дал Томский пединститут – Волкова и Стрехнина. Но второй – еще молодой человек, приезжал летом в Томск.

В Усть-Каменогорске оживленно проходило пятидесятилетие комсомола. Активность проявил А. Лях. Заставил меня выступить с воспоминаниями. Я написал в областную газету статью «Комиссары». Это воспоминания о Филиппове – комиссаре 529 полка, Данько и Никифоре Никифорове.

Лях собрал фотографии, письма, книги, статьи, научные труды устькаменогорцев – бывших воспитанников школ, устроили выставку.

Кинопленку, что я снимал в Москве Вас, он демонстрировал несколько раз на лекциях и беседах о А.М. Волкове. Я теперь жалею, что картина-то получилась уж очень короткометражная. Намереваюсь, если Вы не будете возражать, заснять Вас хотя бы метров на 30 или больше. Это будет в ноябре… Ваш бывший ученик Н. Тюменцев»[2].

Из письма М.И. Калугина[3] от 10 мая 1969 г.: «Уважаемый Александр Мелентьевич!.. Здесь, в Томске, оказывается еще есть Ваш ученик. Я об этом узнал из небольшой статейки, помещенной еще в прошлом году в нашей областной газете. Это Н.Ф. Тюменцев. Я с ним, правда, не встречаюсь, но мы друг друга немного знаем по совещаниям, по выступлениям в печати (когда я работал). Как-то имел по телефону деловой разговор с Николаем Федоровичем и во время разговора сказал: «Мы, Николай Федорович, ученики одного учителя». И когда он узнал от меня, что этот учитель – Вы, Александр Мелентьевич, то по тону голоса можно было заключить, что он заулыбался и после этого мы оба заговорили, как ученики об учителе, о котором у нас сохранились добрые воспоминания. Николай Федорович еще хорошо выглядит, крепок на ногах, бодр, деятелен (я его видел прошлым летом на совещании). Он моложе меня на 3 года.

Я посылаю Вам две вырезки из областной газеты, в одной из них написано о Вашей встрече с ним, в другой – о нем. Думаю, что этим доставлю Вам приятное. Из статьи, о которой я сказал, я узнал, что с Томском у Вас связаны воспоминания о годах учебы. Я тоже обязан Томску. В 1915–1917 гг. (три учебных года) я получал стипендию из канцелярии томского губернатора, когда я после высшего начального училища учился в Омском среднем сельскохозяйственном училище. Отслуживать стипендию мне не пришлось в Томской области, потому что заканчивал образование я в советском вузе на советской стипендии (хотя и та первая тоже, конечно, была народная, только распоряжался ею губернатор). А вот на старости судьба меня все-таки связала с Томском…

Томск, как и все наши города, сильно строится. Но вот природу не берегут. Например, берег Томи в Лагерном саду (этот сад при Вас, вероятно, имел такое же наименование) с каждым годом обваливается и сокращает площадь сада, а его не укрепляют. Рыбы в Томи и Оби стало

очень мало, и мы едим, главным образом, морскую рыбу, а из речной в магазинах только налим. Реки сильно обмелели. Принимаются меры к охране природы, но за это поздно взялись, и результаты пока незаметны.

Томская наука во многих ее областях имеет большие успехи. Много защищается диссертаций, количество ученых растет, и все же их недостаточно. Богатства Томской области огромны, не говоря уже о нефти и газе. Обская пойма и поймы других рек используются еще далеко не полно. Большое количество естественных сенокосов вследствие малой их доступности не убирается. Размеры животноводства можно увеличить во много раз»[4].

В ответном письме от 16 мая 1969 г. А.М. Волков писал: «Дорогой Михаил Иванович! С удовольствием прочитал Ваше письмо, которого пришлось ждать так долго! Я шлю Вам свою последнюю книгу, которая вышла в свет месяца два тому назад. Жду Вашего отзыва о ней и надеюсь, что книга Вам понравится, как понравилась некоторым товарищам, которые ее уже прочитали.

Я Вам очень благодарен за вырезки из газеты «Красное знамя», которые Вы мне прислали. Статью Колосова «Встреча» Н.Ф. Тюменцев мне не прислал и, таким образом, я только теперь ознакомился с ней. А для меня это важно, я собираю всю библиографию о себе, что удается достать, и если в дальнейшем Вы увидете что-нибудь этакое, обязательно присылайте мне! Критика детских писателей не балует, отзывы о наших произведениях в печати появляются очень редко. Очень печально то, что Вы пишите о разорении природы, об оскудении рек. Это, ведь, везде так, то же самое и у нас под Москвой и повсюду. Спохватятся люди, но как бы не было поздно. Пишите, жду! Крепко жму руку!»[5]

Интересное письмо о Томске написано колыванским знакомым А.М. Волкова, выпускником Томского государственного педагогического института В.С. Гордиенко (от 26 декабря 1968 г.), посетившего город, видимо, по просьбе писателя: «Дорогой Александр Мелентьевич! Тронут Вашим вниманием, разделяю Ваши теплые и милые сердцу чувства к родным местам дорогой юности. Моя Родина – Чимкент (Южный Казахстан), и хотя я с 1934 года в Сибири, сады и цветники Чимкента мне дороги!

Рад буду сделать для Вас все, что в моих силах, чтобы освежить воспоминания юности. Томск для меня также мил и дорог. Здесь я провел дорогие студенческие годы с 1937 по 1940 год, учась в пединституте. В 1967 году (через 30 лет после первого въезда в город) я посетил Томск. Я бродил по Томску, с ненасытной жаждой всматривался (и это даже не то слово – всем существом вбирал в себя) в здания разностильной архитектуры города и набережную р. Томи, и какой-то особенный воздух города»[6].

Библиографические ссылки и примечания

1. Тюменцев Николай Федорович (1902–1976), известный сибирский почвовед, воспитанник Усть-Каменогорского городского училища (1912–1917 гг.), в котором преподавал А.М. Волков. В 1936 г. окончил Томский государственный университет, участник Великой Отечественной войны, награжден многими боевыми и трудовыми орденами и медалями.
2. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 18. Апр. – сент. 1968 г.
3. Калугин Михаил Иванович, агроном, воспитанник Колыванского городского училища, в котором в 1910–1913 гг. преподавал А.М. Волков.
4. Архив А.М. Волкова. Литературные документы. Т. 20. Март – май 1969 г.
5. Там же.
6. Там же. Т. 19. Окт. 1968 г. – март 1969 г.

Приложение 6

Штрихи к портретам современников

В 1929 г., посещая Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, А.М. Волков случайно встретился с самой Надеждой Константиновной Крупской и помог ей спуститься по обледенелым ступеням. «Этот эпизод остался одним из приятных воспоминаний моей жизни. Отмечу, что Крупская оказалась гораздо выше ростом, чем я представлял ее по рисункам художников»[1].

В дневнике А.М. Волкова в ноябре 1940 г. зафиксирована интересная встреча в Московском институте цветных металлов и золота с М.И. Калининым. Он был встречен бурной овацией и выступал с большой речью об идейности человека и ее значении. «Очень интересная манера говорить – простая, интимная, очень тихая речь (даже некоторые слова ускользают от слуха, хотя перед ним стоял микрофон, а я сидел довольно близко)… Говорил он о том, что придется много воевать («Мы много воевали, а вам придется еще больше драться»). «Мы все, как один, пойдем в армию!» – закричали студенты. «Нет, уж вы лучше будьте инженерами!» – улыбаясь, сказал Михаил Иванович. Очень приятное впечатление оставил он о себе»[2].

В 1944 г. А.М. Волкову удалось побывать в Московском клубе писателей на встрече со знаменитым тогда человеком Николаем Александровичем Морозовым. Об этом человеке А.М. Волков писал: «Очень доволен, что сходил на этот вечер. Поднес Николаю Александровичу свою книгу «Бойцы-невидимки» и пожал ему руку. Я пожал руку, которая пожимала руку К. Маркса, Софьи Перовской… Живой кусок истории! Его посадили в тюрьму семьдесят лет назад, когда еще только родился Ленин, когда еще не родились многие теперешние старики. Осужденный на вечное заключение, Морозов просидел в тюрьмах 29 лет, вышел оттуда и с тех пор живет и работает почти сорок лет. Вот это человек! И он еще бодр и крепок, у него мало морщин, взгляд его жив и проворен за золотыми очками (он снимает их, когда читает). Только глуховат немного. Богатая память – читал наизусть много своих стихов и при этом заразительно смеется. Он рассказывал кое-что о своей революционной деятельности, как был за границей, как встречался с Карлом Марксом, как сидел в Шлиссельбурге, как спасал из тюрьмы свои рукописи. В честь его назвали Морозовией вновь открытую маленькую планету. Николай Александрович, юмористически поблескивая глазами, заявил: «Что мне теперь? У меня есть своя планета – Морозовия. После смерти житье мне обеспечено, отправлюсь прямо туда. И вас всех, товарищи, приглашаю! Общий хохот, аплодисменты. Удивительный старик…»[3]

В декабре 1945 г. А.М. Волков посетил писательский клуб, где выступал Ираклий Андронников. «Было чрезвычайно интересно. Он обладает изумительной способностью перевоплощения. Андронников изображал разных лиц, из них я хорошо знаю Шкловского. Передача была бесподобна. Улыбка, характерные жесты, интонации – все это было Шкловского. Закрыв глаза, можно было подумать, что слушаешь Шкловского. Бессвязность, перескакивание с предмета на предмет, афоризмы, любимые выражения («Это неправильно!»)… Публика хохотала от души, сам Виктор Борисович кисло улыбался. Способность перестраиваться у Андронникова удивительная. Из Шкловского он мгновенно становится Кирпотиным или другим писателем. Меняется не только голос, но и самое лицо, фигура, движения. Очень, очень был интересный вечер и публики недаром набилось множество»[4].

В 1972 г., отдыхая в Коктебеле, А.М. Волков посетил музей поэта Максимилиана Волошина и познакомился с его 85-летней вдовой, сохранившей наследие поэта в годы Великой

Отечественной войны. «По словам Марии Степановны ей приятно было встретиться с человеком своего времени, сверстником, понимающим ее с первого слова. Осматривали дом Волошина (очень поместительный), его библиотеку, акварели, побывали на вышке, откуда открывался чудесный вид на все стороны. В доме много фотографий Волошина и его скульптурных произведений. Посетители могут читать его стихи и статьи, отпечанные на машинке и переплетенные в несколько томов. Я прочитал пару стихотворений 19-го года и поразился, насколько сходны были в те годы наши взгляды на гражданскую войну. Нашел даже выражение «братоубийственная война», которое фигурировало и в моих стихах. Но мне в ту пору было 28 лет, а ему уже 42, он родился в 1877 г. Умер Волошин рано, его сгубили астма и воспаление легких… Я подарил Марии Степановне однотомник сказок с такой надписью: «Самоотверженной хранительнице наследия замечательного русского поэта Максимилиана Волошина, дорогой Марии Степановне в день славного 85-летия с сердечным уважением». Она была очень растрогана»[5].

Библиографические ссылки и примечания

1. Архив А.М. Волкова. Невозвратное. Т. 4. Л. 86–87.
2. Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 2. Л. 98.
3. Там же. Кн. 6. Л. 20–21.
4. Там же. Л. 31.
5. Там же. Кн. 22. Л. 138–139.

Приложение 7

Литературные гонорары А.М. Волкова

Как математик – представитель точной науки – А.М. Волков скрупулезно фиксировал все свои заработки и расходы (в том числе партийные взносы). За первые 18 лет (с 1939 по 1957 г.) литературной работы заработок составил 274 700 р. и средний месячный – 1 345 р. (в старом исчислении). В 1964 г. он писал в своем дневнике: «Что дают последующие 8 лет? Срок меньше в два с лишним раза, а заработок 528 200 руб. – почти вдвое больше. Среднемесячная – 5 500 руб. – вчетверо больше (точнее, в 4,09 раза). Скачок поразительный. И он произошел, когда я оставил институт. Каким же, выходит, тяжким грузом висела на мне учебная работа, сколько книг она у меня отняла. Чтобы это ясно понять, достаточно взглянуть на хронику моей литературной деятельности. Раньше у меня выходила одна книга в 3–4 года, а теперь она появляется ежегодно и даже по 2–3 книги в год. Вот что получается, когда отдаешь все силы одному делу! Заработок за 26 лет 803 900 руб., средний месячный – 2 570 руб.[1]

Некоторые статистические данные
(таблица составлена А.М. Волковым в 1963 г.)

Название произведения	Год первой публикации	Количество изданий	Объем в изд. листах	Тираж в тысячах экземпляров	Сумма (в старом исчислении)	% от общего заработка
«Волшебник Изумрудного города»	1939	7	6,67	239	11 269	1,41
«Барсак», сокр. перевод романа Ж. Верна	1939	3	10,38	525	30 522	3,76
«Волшебник Изумрудного города», кукольная пьеса	1940				30 850	3,78
«Чудесный шар», истор. роман	1940	3	13,41	30	12 566	1,57
«Бойцы-невидимки» (математика в военном деле)	1943	2	5,03	50	5 787	0,72
«Самолеты на войне»	1946	5	17,0	50	81 777	10,2
«Два брата», истор. роман	1950	6	18,72	63	32 687	4,08
«Как ловить рыбу удочкой»	1953	1	3,79	50	4 000	0,5
«Зодчие», истор. роман	1954	1	18,06	30	76 641	9,62
«Земля и небо», рассказы по географии и астрономии	1957	11	10,9	152	62 117	7,76
«Барсак», полный перевод романа Ж. Верна	1958	2	18, 56	230	31 370	3,93
«Дунайский лоцман», перевод романа Ж. Верна	1958	1	10,84	(200)	14 284	1,79
«Волшебник Изумрудного города», перераб. и расшир. издание	1959	8	17, 02	675	78 279	9,78
«След за кормой», истор. повесть	1960	1	8, 57	20	26 231	3,57
«Путешественники в третье тысячелетие»	1960	1	10,6	115	51 742	6,45
«Два брата», перераб. и дополн. издание	1961	1	20,45	100	50 790	6,35
«Урфин Джюс» в газ. «Пионерская правда» и «Комсомолец Кубани»	1962–1963		2,8		8 370	1,75
«Урфин Джюс и его деревянные солдаты»	1963	1	16,47	300	58 360	7,29
«Приключения двух друзей в стране прошлого»	1963	1	5,66	30	8 810	1,1
«Скитания», истор. роман	1963	1	15,47	65	74 900	9,36
«Волшебник Изумрудного города», диафильм	1960			120	3 136	
«Волшебник Изумрудного города», серия открыток	1963			450	1 460	
Математические статьи и очерки					7 846	

Рыболовные рассказы и очерки					16540	
Астрономические статьи					6600	
Статьи и очерки в календарях					14608	
Рассказы, пьесы, очерки для радио					6369	
Редактирование книг					18912	
Рецензии					5423	
Стихи военных лет					4453	
Выступления					1607	
«Моя военная книга» (не напечатана)					6410	

90 % литературного заработка А.М. Волкова приходится на крупные вещи – романы, повести, научно-художественные книги.

Библиографические ссылки и примечания

1 Архив А.М. Волкова. Дневник. Кн. 14. Л. 186.

Оглавление

Научное издание

Татьяна Васильевна Галкина

Незнакомый Александр Волков
в воспоминаниях, письмах и документах

Монография

Корректор: А.И. Киселёв
Технический редактор: С.Н. Чуков
Ответственный за выпуск: Л.В. Домбраускайте

Подписано в печать: 16.08.2006 г.
Сдано в печать: 17.08.2006 г.
Формат: 84x108/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л.: 28,56. Уч.-изд. л.: 17,68
Заказ: № 154/Н. Тираж: 200 экз.

Издательство
Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: publish@tspu.edu.ru

Т.В. Галкина

НЕЗНАКОМЫЙ АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ, ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ